

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

5-6 (438)

2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Марина Палей. ...упраздняя оболганное «люблю»	3
Игорь Караулов. «весна» и др. стихи	7
Алексей Порвин. «Какие чувства шуршат листвою...» и др. стихи	11
Сергей Соловьев. Барка. Повесть	15
Наталия Черных. Язва, или русский панк 1989-го года. Рассказ	60
Гурам Сванидзе. Кавказская овчарка. Рассказ	73
Жанна Сизова. Мизансцены маленькой английской деревни	77
Сергей Слепухин. «На станции Ко тени серебряных ног...» и др. стихи	81
Герман Власов. «которым есть разлука и предел...» и др. стихи	85

В СВОЕМ ФОРМАТЕ

Алексей Слаповский. Разнобой.	89
---	----

ДЕБЮТ

Дмитрий Карапузов. Моя дорогая Клаудия Шлиффер. Витька. Рассказы	120
Ольга Гришаева. «Невеста» и др. рассказы	127
Дмитрий Ульянов. Инопланетяне. Повесть про людей	138

ИЗ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Павел Улитин. Татарский бог и симфулятор. Подготовка текста И. Ахметьева. Комментарии И. Ахметьева, О. Рогова. Переводы иноязычных фрагментов Т. Александровой, И. Ахметьева.	163
---	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Сергей Боровиков. В новом жанре	228
Андрей Пермяков. Шаг на долгом пути	230
Сергей Трунев. О вечных вопросах вечного народа	233

КИНООБОЗРЕНИЕ

Иван Козлов. Власть, кино и частная жизнь	235
--	-----

...УПРАЗДНЯЯ ОБОЛГАННОЕ «ЛЮБЛЮ»

Волчий язык

Топала с фермы мясо-молочной
баба зимою холодной.
А дело было, конечно же, ночью –
ну и волк ей навстречу голодный.
Он как пасть распахнёт, как сверкнули клычищи –
баба только и ахнула – «мать!..»
Но, допреж восклицанья, кондовой ручищей
за язык она хищника – хватать!
А язык у волков – не астральное тело –
беззащитен, как член половой,
и чувствителен так же – и, главное дело,
это орган оси болевой.
И побрёл волк за бабою стопами мерить
свой такой непредвиденный стих,
и, как пишут в «Известиях», если им верить,
был, как агнец, и кроток, и тих.
Так что баба зверюгу по белой дороге
довела до людей напрямик,
где тупым топором, матернувшись нестрога,
зарубил его синий мужик.

...Так и ты, моя родина, лучшая в мире,
продинамила всласть дурака –
отпустила, я думал, на все на четыре,
а всего – на длину языка.
Я мечтал своей вольною волчьей повадкой
недозволенных зорь чудо-кровь добывать,
но вцепилась в язык мой ты мертвою хваткой –
с головой разве что оторвать.
И, безвольный, бреду я назад, до загона,
не сумев пуповину-узду расцепить –
и вхожу в твоё логово! в липкое лоно! –
чтоб могла ты с любовью убить.

Марина Палей родилась в Петербурге, с 1995 года живет в Нидерландах. Многочисленные публикации в журналах «Новый мир», «Знамя», «Волга», «Урал», «Нева» и др. Автор восьми книг прозы в России и восьми – за рубежом. Проза переведена на английский, финский, немецкий, шведский, японский, итальянский, французский, нидерландский, норвежский, словацкий, словенский, эстонский, латышский языки. Финалист премий «Букер», «Большая книга», им. И.П. Белкина (дважды). Лауреат «Русской премии»–2011 (роман-притча «Хор»). Издательство ЭКСМО, в течение 2012–13 гг., планирует выпустить восемь книг Марины Палей в серии «Принцесса стиля» (три из них уже вышли).

Bonnie & Clyde

In memoriam: Bonnie Parker and Clyde Barrow

если стану листать Бродского, подавляя зевоту,
если, морщась утром, скажу: «Опять на работу!»,
если буду женой в формате «электровеник»,
если хоть раз проскулю: «Я не вижу денег!»,
если стану писать для бабла и бабья,
если квакать начну, что «семья есть семья»,
если мой желудок сожрёт мои же мозги,
если не сдохну при том от стыда и тоски,
если, очи горе, затеюсь я лоб крестить,
если буду призывать себя *упростить*
(кстати: помнишь «Полёт над гнездом кукушки?»),
если приму, что всё это значит – «жить»,

я приказываю: задуши подушкой

есть кувшин для вина, есть кувшин для воды,
есть для масла кувшин, есть кувшин для гороха –
и в любом, словно горн, полный крови-руды,
полыхает букет до последнего вздоха

словно греческий хор, полыхает букет,
хоть зарезаны розы, как бараны на бойне,
если гулко в кувшинах, если влаги в них нет,
смерть-заноза всухую, быть может, спокойней

да, спокойней, – как ехать в двухместном купе,
где постель визави, слава богу, пустует,
и ландшафты от А до конечного Б
лгут по-чёрному, в наглую льстятся, колдуют

протяни мне кувшин – для листвы, для пруда,
для альпийских тех сливок, для ртути колодца
я – кувшин для тебя, я была им всегда,
но, бездомный, ты жёг свой огонь, где придётся

Обману я небесную бухгалтерию –
притворюсь, будто верю я:
мы сидим с тобой в сквере, где поют сёстры Берри:

чири-бим-бим-бим-бим-бом...

Вот язык и довёл меня, видишь, до Киева,
К вурдалакам судейским из вывода Виева...
И живу на вокзале, как волхвы предсказали:

чири-бим-бим-бим-бим-бом...

Может, нынче дадут мне с тобою свидание....
Люди мнят, что тюрьма мне твоя – в наказание.
Человечья напраслина! Я всегда с тобой счастлива:

чири-бим-бим-бим-бим-бом...

Ромашка: зубчики солнца молочные –
выпадут молочные, а коренных-то и нет...
Не тревожь рычажки загадочные, заочные,
не подгоняй, как двоечник, под ответ...

Дуракам – звёзды с неба... последнюю рубашку...
Помнишь, у Фрэнка Синатры – «something stupid»?
Я дарю тебе, Клайд, неформатную такую ромашку –
с единственным лепестком: «любит».

копошенье в замену ума –
скуден у вшей словарь:
с большинством – слава, глава
с меньшинством – пуля, главарь

словно суп, сукровичный дождь,
неуклюж фабричный пиджак
стадо – знамя и вождь
стая – нож и вожак

вшей курултай, хурал –
педикулёзный шик!
с толпами – поп, танк, федерал!
с трупами – тол, кол, боевик...

живы, как есть, кумовством,
да уж! волшебный клад!
вши – там, где кровь, с большинством,
я – лишь с тобою, Клайд

чтобы выжить, Клайд, надо прорваться туда, туда,
где актёрской (читай: арестантской) братии нету –
надо просто оказаться *по другую сторону камеры*:
где живут, вовсе не на картоне, леса, небеса, вода –
где стоят режиссёр, оператор, помреж, инженер по свету

и прочих кинопроизводственный бестиарий –
режиссёр монтажа, костюмер, гримёры;
где громоздятся софиты и провода,
штативы, тележки, хлопушки, вся эта киношная лабуда –
и разорвать к чёртовой матери их пенитенциарный сценарий

пока жадно глотают падаль гиены,
пока чифирят жульманы и бакланы,
в тот промельк жизни, почти мгновенный,
пока те почти сыты, а эти уж напрочь пьяны,
пока охраннички в гальянах рыгают,
пока начальнички похрапывают во хмелю,
пока шестёрки «на интерес» играют,
пока виселицы, как вдовы, по нам рыдают,
а наши жизни пущены по грёбаному рублю,

мы всё же успеем, успеем друг другу присниться,
чтоб – словно слеза и слеза – в беззвучии слиться,
упраздняя оболганное «люблю»

Игорь КАРАУЛОВ

весна

Смердит? да ну и пусть, какая разница!
Закреть окно – теперь у всех стеклопакеты.
Думали, что хотя бы язык останется,
но уже всплывает подводная лодка лета.

Скоро такое повылезет из промоин,
бессловесным оцепенит напевом –
стану как медвежонок пред зверобоем,
как дрессировщик перед львиным зевом.

север

Долгий северный анекдот,
лосьон антимоскит.
Ласковая дыра, базовая стряпня.

У плиты яга, за ее плечом голосит тайга:
«Николай, выполняй план».

Николай выполняет план,
поплёвывает на ладонь.

Ладно молится Иоанн,
ласточкой, ласточкой – так бы и улетел.

Мать моя ласка, радио мне шансон,
я ООО, юридическое лицо.

магия

Двенадцать флаконов стоят на полке,
в восковой свечке торчат иголки,
каждая иголка к чьему-то сердцу,
бедному сердцу некуда деться.

Игорь Караулов родился в 1966 году в Москве. Окончил географический факультет МГУ, работает переводчиком. Автор нескольких поэтических сборников. Публиковался в журналах «Арион», «Волга», «Знамя», «Новый мир», «Новый берег» и др. Автор поэтических сборников «Перепад напряжения» (2003), «Продавцы пряностей» (2006), «Упорство маньяка» (2010).

Если бы у сердца была голова,
она б унесла его на острова,
за тёмные горы, за светлые речки,
откуда не видно иглы и свечи.

Но сердце глупое, безголовое,
мычит, за свечкой идет коровою,
падая прямо, не поперёк,
в тринадцатый пузырьрёк.

офицер

Стихла боль, отлегла обида,
приосанился офицер
и огромного инвалида,
как слона, ведёт через центр.

Китель чистый, без заусенца.
Шпили, башенки ар нуво.
Небо – серое полотенце.
Что ли, высморкаться в него?

слон

Кто забирается на столб зелёный?
Не женщина и не солдат,
а разноцветный слон слоёный,
ходячий в складках мармелада.

Вот он коснётся неба-химмеля,
холодного, как в лобик поцелуй,
и скинет нам луну гибели
на общий праздник Сабантуй.

«Слон с человеческой головой» –
журчат по милицеской рации –
«он сын главы администрации
поселка Боровой».

стремянка

Гражданин в Ашане нашёл стремянку,
водрузил её на тележку
и везёт, как польскую полонянку,
а она скрипит, недовольно и резко.

Посторонись, покупатель виски
и многих десятков чужих яиц.
Эта злая вещь станет самой близкой
по достижении родных границ.

три восьмистишия

*

Одно, говорят, мразь,
другое – ворованный воздух.
Чтоб оказаться в звёздах,
научись красть.

Грации любят вора,
блеск его золотых фикс,
но поди у них допросись
на лестнице разговора.

*

Сел под огнетушитель,
треснулся головой.
Не буду я мирный житель,
вызывайте конвой.

Лучше огнетушитель
приставьте на плечи мне,
а голову отпотрошите
и пусть висит на стене.

*

Я живу в стране утренней свежести,
по утрам очищаю коровник.
Подумываю о беженстве,
но ко мне приставлен полковник –

зачем-то из авиации,
хотя и не дал мне крыл
господь и учитель нации
товарищ Ким Чен Ыл.

лестница

Каждая лестница – это немножечко в небо.
Осилишь ступеньку – затягивает другая,
третья... тридцать четвертая. Чей-то крючок

вдруг вырывает из губ лососиную плоть,
и обиженный рот искажается разными
гласными, будто сигналил другим кораблям:
Иоаков, Иоаннан, Иеаровоам.

фигурки

Не трогайте мои глиняные фигурки,
они пока ещё не обожжены:
разлапистые полудурки
и инвалиды невойны.

Ведь и вы, исполненные отваги,
сверкающие мечом и бластером,
тоже смотрите как салаги
перед убийственным мастером.

артемида

Озверевшей Артемиды
деревянный клык,
осенью потерянный ещё –
как снег раздвинулся,
нашли мы в чёрной жиже.
Давай – она теперь живёт поближе –
я этот клык старушке отнесу,
чтоб было чем глотать берёзовую кору
в бескормичную пору.

Добрался еле-еле,
весь ободрался и промок,
а там уже – не дева в волчьем теле,
и не старушка, а цветок.
Оладья лунная на стебле.

Алексей ПОРВИН

Какие чувства шуршат листвою,
ветвятся к частностям дней июльских,
где замысел чудится наш –
в лесных тропинках узких?

Такие чувства – прибрежный край
пусть близоруким потешат ростом;
оглянутся вряд ли назад,
где зреет звучный остов.

Всё завтра скажет: наш враг – разбит,
наш хмель победы – ещё угарней,
не зря столько дней доспевал
костяк гудящих армий.

(Сидел в засаде – шмелиный гуд,
плотнела солнечная завеса;
напал на растенья врасплох,
не видящие леса).

До человека не добросить
стареющий звук глубин;
мечутся приливные щепки,
а ты иди – один.

В начало осени одетых
людей – отличает шум:
ищут собеседника, чтобы
согреть вечерний ум.

Кто в разговоре засмеялся,
разгневал листву морей:
падают стволы звуковые
на души в сентябре.

Алексей Порвин родился в 1982 году, живет в Санкт-Петербурге. Публиковался в журналах «Воздух», «Волга», «Нева», «Новая Юность», «Новый берег», в сетевых литературных журналах «TextOnly», «РЕЦ»; в переводах на английский – в журналах «St. Petersburg Review», «Fogged Clarity», «SUSS» и др. Автор книг стихов «Темнота бела» (М.: Агро-Риск, 2009, «Стихотворения» (М.: Новое литературное обозрение, 2011), «Live By Fire» (Lyttelton: Cold Hub Press, 2011). Постоянный автор сайта «Новая Камера Хранения».

В шаги береговые метят,
в разнеженное *ха-ха* –
временем разъеденный шорох,
шипучая труха.

Трава поляжет иль небо прольётся –
а люди уходят, дрожа;
побывает радостной утварью –
не всякая душа.

У ожидания мало пожитков –
луга и молчащий закат,
а сумело ловко хозяйствовать
в тебе, просторный взгляд.

Куски каких облаков запылённых
решает прогнать с потолка?
Непогоды вряд ли обидятся,
легка его рука.

Одним неспешным движением слёзным –
смогло чистоту навести
в навсегда проясненном зрении,
сказав своё *прости*.

Внутри дождя, под безлюдьем –
плавно пустеющий сквозняк;
защитных дней у новых срубов –
одолжить никак?

Что сделал свет, помавая
временем киснувших дорог?
Домов бревенчатые жесты –
молча уберёт.

Пропиточным захолустьем
душу движения обмажь,
а после – завлекай к перрону,
праздничная блажь.

Медлительно возвращаться
в дождик, снаружи городской,
к нестрашной сырости и слёзной
теплоте людской.

Ни о чём шуршащие пушинки,
кривящие даль – тополя...
Говорка не найти иного?
Вычурна твоя земля.

Пересказа нежные попытки
извечно ведут к одному:
для внедренья твоей истомы –
всё в питательном дыму.

Облако, услышанное мельком,
изложено в устном деньке;
позаботься о всех, округа,
силы нет в былой реке.

Пухом тополиным до отвала
накормлен с подачи словес –
на погоду давить не сможет,
разомлеет водный вес.

На вечерние гуляния –
не лучик тихий, а хлопущечный гам
выдан как средство полётное,
возносящее к холмам.

Знаешь мало видов транспорта,
ведь веришь только – в прозвучавшие дни
(взмоют поля – фейерверками,
их полёт слегка вспугни).

Ничего не скажешь: правильно,
туман затишь, сомневаешься в нас:
слабо к звезде устремляемся,
всякий – в празднике погряз.

Стонет лиственное топливо
внутри у шелеста, летящего вверх:
прочих ракет не придумано –
для тебя, лесной невер.

Людам, до́ утра осенним,
похолоданье, не вели –

через парк идти, сутулясь:
пусть посмотрят на свет.

Облако выдаст округе –
и чувство, и всегдашний звук:
это твой костяк пейзажный
перехода к зиме?

Осью озябшего тела
не лучик станет, а земной
шелест нисходящей грусти,
проречённый дождём.

Славно навек распрямиться,
взглянуть в лицо твоей воде,
загодя узнавшей счастье
вертикального *быть*.

БАРКА

Повесть

Я слышу ее шаги, она спускается в трюм. Или то, что он называет трюмом на этой барке. Не мне судить – барка ли это, я не знаю ее снаружи, я здесь, внизу, в полутьме. Пусть будет барка, плоскодонка то есть, с тупыми бортами, без двигателя. Что ж, возможно.

Она спускается, Юлия, жена шкипера. Значит, теперь она Юлия, жена шкипера. На шпильках, зачем? Чтобы казаться еще выше? Смотреть на тебя свысока? Это не трудно: лежу на низком помосте, – доски, матрац, свеча в изголовье.

Входит, пригнувшись в дверном проеме. Нескладным таким переростком была, чуть сутулым и близоруким, куда это делось? Теперь она Юлия, распрямилась, движения спокойны, не то чтоб точны, сосредоточены. Светлые волосы, прямые, до плеч, покрасилась. А были цвета излета ночи, с медью. Колкие. Лгнула когда. Или я. На одной подушке, а вместо ножек кровати – стопки книг. Надо сеточку надевать тебе на ночь, капроновую, шептал в шею, длинную, неумелую, как все в ней. Да, улыбалась во тьме, прижавшись всем телом, луковую. Там еще речушка с ивами была за окном, похожая на Салгир. Там, на пародонтозной окраине города, похожего на Москву, была эта милая, чуть виноватая улыбка из Симферополя. Как же тебе удалось так устроить, смеялась она глазами, по-детски тычась мне в губы, что ты там нашептал за окно? И семенила босыми ступнями от счастья. Там, на голой кухне без занавесок. Старое кресло, из которого сыпалась поролоновая труха, и наброшенный на карниз в правом углу отрез алого шелка, как парусок, а море – в снегу, во тьме.

Склянки пробили, то есть полдень уже, вошла, еду принесла, поставила рядом, свечу заменила. Что? – чуть вскинув голову, спрашивает глазами. Смежил, открыл. Такой разговор. Легкий топоток наверху, значит, мальчик остался на палубе. Да, наверное, можно и так сказать: палуба, мальчик, сын. Лёня. А она – Юлия, топоток.

Теперь она одевается по-другому. Черные, облегающие, чуть расклешенные книзу брюки, широкий пояс с инкрустированной арабеской, неяркой, сдержанной, и такое же облегающее серое полупальто, распахнутое, под которым что-то легкое, мерцающе черное. Широкий витиеватый браслет на запястье. Темно-янтарный. Дерево? Не разглядеть в этом сумраке, тень от свечи, подергиваясь, вытягивается на стене. А за стеной что? Не скажет. А если бы и сказала. Цветы весной, кукушка летом, холодный чистый снег зимой. Достоинство и дистанция. Внимательная самостоятельность. Высокомерье вкуса, самозащита, но не уличишь. Не нарочито, почти. Так она теперь одевается или, скорее, держится, потому что какая же тут одежда – особенного ничего, да и вряд ли из дорогих магазинов. Штучное, да, из сэконда.

Садится в ногах на край помоста, сейчас разговаривать будем, уже говорим, – о том, о сем, молча. О том, что происходит с нами, что было, будет. Молча. Это трогать нельзя. Только глазами, чуть отвернувшись. Тропки протоптаны, бережные, по кругу. Говорит в дальний угол, поверх

Сергей Соловьёв родился в 1959 году в Киеве, окончил филологический факультет Черновицкого университета, учился живописи в киевской Академии Художеств. Автор книг «Пир», «Книга», «Дитя», романа «Аморт», «Крымский диван», «Фрагменты близости», «Индийская защита», «В стороне» и др. Публикации в журналах «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Дружба народов», «Урал» и др. В «Волге» был опубликован роман «Индийские мотивы» (2010, №5–6).

меня. Профиль ее в полутьме, в отблесках, – римлянин, легионер. И шлем волос. И нос воина, римский. И линия рта – широкая, непреклонная. Когда не дрожат губы – детские, пересохшие. Давно не дрожат, кто ж это помнит. Теперь она Юлия, вне подозрений. Как за стеклом сидит.

А когда-то привел за руку с улицы – дылдошка, бомжик, вся гордость и милость, оранжевая куртка до пупа, драные башмаки, а глаза певчие, предрабесные, и смотрит сбоку так, недоверчиво, – то ли клонуть, то ли прильнуть. Тряпочку постелила под батареей в кухне, села, прижав колени к груди, и глазам не верит: вот и судьба. Тряпочка эта лоскутная и зубная щетка – весь ее скarb, и мобильник в кармане, сломанный. И такое счастье – тихо так через край льется, что не может губы собрать, только смотрит во все глаза и дрожит – там, на тряпочке, под батареей, а за окном листья летят, потом дождь, снег, годы...

А ведь день не остыл, как она незаметно уйти пыталась, пока я просыпался, пока, как сказала, карета не превратилась в тыкву. Поймал ее за руку у двери, прячет лицо, щетка зубная торчит из кармана. Пойду, говорит, я пойду, и все тише, в сторону, в отклеившиеся обои, совсем без сил: отпусти...

Что же было той ночью? Хмель, бездорожье тела ее – близкого, чуждого, неизъяснимого. Ямы, обочины, тьма. Рот открыт, не кричит, только дышит, смотрит в лицо и дышит, так отчаянно глубоко, будто там, подо мной, во тьме – не она, а брошенный дом и разбиты окна.

Нет, не притяжение. Странное, как бы сказать... происшествие тел. Будто были они в стороне от нас, – там, зажмуренные, рукопашные, ненасытные, в одиночку. Там лежали они, пока мы за столом сидели в другом углу и без умолку говорили, пили, шлялись по улицам, возвращались с шампанским, цветами, какой-то едой. Может, души родные? С чего бы?

Вот что, наверное, – речь, полоса превращений. Эта повадка ее, интонация, обертоны, сложный рисунок и вместе с тем легкий и точный. Да, с этого началось, с превращений.

Она расстегивает пуговицы на пальто, движения замедленны и безвольны, будто и не ее рука, не ее пальцы, и взгляд отрешенный, вроде разглядывает картину, висющую на стене. Охотник с копьем, какой-то бушмен, метнул и присел, так кажется, но может и что-то другое, не разглядеть, самый темный угол.

Еда на подносе. Суп петушиный. Еще не остыл. Да, тот тощий петух, из-под полы в Кокраджа-ре, помнишь? Как нас туда занесло? Дальние перестрелки, хмурые племена, домик в лесничестве, мадам Гхош с допотопным ружьем, призрак короля Шилорая и этот петух-пуруша, которого ели мы дни и дни, а он все возрождался – в новых и новых блюдах, и ты, облизывая ложку, умирала со смеху от этой моей стряпни, помнишь?

О чем же мы говорили тогда, бродя по притихшим дорогам среди списков убитых и запрокидывая головы к золотым лангурам, сидевшим на перебинтованных деревьях, как замерзшие суриковские детки, о чем? А в ветеринарной хижине на голом земляном полу во тьме лежал изрубленный деревенскими подростками питон и, подергиваясь, сипел скошенным полуоткрытым ртом, будто дул в гармошечку. И хромоногий павлин, прижавшись к стене, смотрел на него из дальнего края хижины. Мы постелили в тени за домом. Бабочка-вестница села на мизинец твоей ноги, я разглядывал ее в бинокль, осторожно положив голову тебе на живот. Ты была тогда уже на третьем месяце, да?

Смотрит куда-то поверх картины, пальцы замерли у нижней пуговицы, о чем? Если б она вязала, – шерсть, спицы... Она могла бы. Но что? Какой-нибудь бесконечный узор. Приходила б, садилась в ноги, вязала, а я бы смотрел. Было бы легче. Или читала что-нибудь. Геродота. Как английскому пациенту. Могла б и на память. Она могла бы. Ты еще будешь по мне тосковать, говорит. Не разжимая губ. И смотрит вверх – в тот темный угол, где копые летит.

Может, и так. Ведь не в знании дело (знала), не в интуиции, такте, вкусе (да), но и во врожденном даре, который с годами пророс ее всю. Как росток баньяна превращается в рощу, и уже не найти ни концов, ни начал.

Ни с кем не испытывал я такого подробного, напряженного и вместе с тем по-детски безоглядного наслаждения от речи, как с ней. Не только интеллектуального, но и, странно сказать,

телесного, сродни физической близости. Близости и дистанции, притяжения и неслияния.

А может, она ничего и не говорила тогда, больше молчала? Да, наверное. Откуда же это чувство – из «потом»?

Дичком, нелюдимым была. Не так? Еду приготовлю, ставлю на стол, а она сидит, как на жердочке, обняв колени, светится вся, дрожит, и есть не может. На меня смотрит. Ну две-три ложки, и то – когда уговаривал, как ребенка. А моисейку помнишь – в то первое наше утро? В кухне – шаром покати, нашел какую-то манку от прежних хозяев, вот, говорю, во время оно в имперских ресторанах подавали тройной или четверной гарнир, назывался он сложным, а сложность его была в этом третьем или четвертом, похожем на горку мокрого песка, маленькая такая дюна в ненастный день, вот ее мы и создадим. Сыплю манку на раскаленную сковороду и помешиваю, она темнеет, снег в окне, ты на жердочке, смотришь, а я заливаю ее кипятком, шипит, пузырится, впитывает, пар столбом, много манки, воды не хватает, сколько ни лью – впитывает, густеет, восходит, ширится, как пустыня под ливнем – во все края, а по ней народ израильский сорок лет идет, год за годом, а ты все сидишь, ладони к губам прижала, еле сдерживаясь: моисейка! А потом эти два синяя на стол поставил – тебе и мне, восходили, вернее, я.

Кто эти двое? Неузнаваемы. И свидетелей нет. Виталий, она меня называет теперь. Могла бы и с отчеством, с нее станется. Виталий – надо ж такое придумать, вздрагиваю, не привыкну никак. Но и ее ведь стал звать по имени, этим чуждым, немислимым прежде, втянула все-таки. А была Любой, любушкой...

Здесь, говорила, в сердце – светло и страшно. Такой открытости я никогда не знала, будто все голое, все раздето – я, ты, все на свете. Так это счастье жжется. Не называй меня никому. Даже если мы есть...

Плел косичку ей, маленькую, гордую. Или наспех – два хвостика на аптечных резинках. И ночнушка в блеклую цветочную крапинку. Незабудки? Полевая кашка? Такая милая щемящая несуразность. Чуточка, говорила, есть она у тебя для меня? Тихо, одними губами: чуточка... Так, что горло перехватывало. Того самого чуточка, которого не было, как казалось тогда, чувства.

Странно, мы оказались сверстниками, хотя она была почти на двадцать лет меня младше. А я моложе. Нет, не так. У нее было два возраста: тот, что старше меня, и совсем маленький. И она легко переходила из одного в другой, как живут по соседству. А когда мы сошлись, незаметно смешались в детскую, оба, из чувства самосохранения, светлого чувства, ложного, самонадеянного.

Как сказал свами (наш небесный жулик, как она порой называла его после нашей совместной поездки в Акаши за списками судеб): это как у Фомы про круг Бога и вписанный в него многоугольник человека, – чем больше граней у этого многоугольника, тем ближе к божественной полноте. Так и между мужчиной и женщиной. Мальчик-девочка, мать-сын, отец-дочь, любовник-любовница, муж-жена, друг-подруга и так далее. На одной ноге, детской, далеко не проскачешь. Встал, подобрал юбку и поскакал.

Да, сверстники, странно. Все помнит, будто жила со мной изо дня в день, когда ее и в помине не было. А потом родилась – где-то в Будде. В Будде Понуровской, в брянских лесах, подумать только. Одиннадцать дедушек и один брат. И корова – Субботка, соблюдаемая. В избе живет, напевает под нос, как мычанье, простое, Субботка, у оконца морозного, дышит в него. А девочка под одеялом растет, читая с фонариком, быстрые глазки, нетерпеливые, ест книжки, уголки страничек тебе, отрывает и ест. Маленький такой большеротый борхес с двумя косичками под одеялом. И отец – медведь, огромен и домовит. И мать – цыпа с пружинкой стальной внутри. Искоса поглядывают на нее со смесью гордости и испуга: что ж за яйцо они высидели? Словари поправляет, выигрывает олимпиады, бросает университет, уходит в корректоры, в нервное зеркало, в одиночное плаванье.

Вот есть верх и низ, фундамент и крыша, а стен нет. Дон Кихот начитался Сервантеса и ушел из дому – в книгу. А потом этот домик без стен рушится от первого дуновенья.

В желтый дом они понесли его, егеря, – шкипер и те двое. А ты стояла на барке и голубей кормила. Ты, Юлия.

Помнишь, как-то легли под утро, то есть всегда под утро, работали по ночам. Не за деньги – они еще были у нас тогда, а в радость и по любви. В трудную радость, как Платон говорил. Не такая уж творческая, но все же. Наша ночная алхимия, странствующая, вполкасия. Потому что – кто главный? Пробелы, зазоры, мостки воздушные и следы. Под утро. А за окном какая-то тундра времени, безлюдье, летняя летаргия. И мы валимся на кровать, даже сил нет раздеться. На полукровать, полураздевшись. Она тоже похожа на тундру, кочковатая, в ямах, горбах, чреватая скрипучими недрами. Без ножек и под наклоном к концу света, как тундра, сколько ни подкладывай под нее книг. И ты во сне все время скользишь ко мне. Под утро. Но перед тем включили аудиокнигу – «Солнечный удар» Бунина. Помнишь? Ты-то все помнишь, а я без тебя так мало, крохи. В сон проваливались, даже не в сон, в забытие. И вдруг открывали глаза и тихо смотрели в лицо друг другу. А тот поручик с безымянной женщиной стоял на палубе, и руки их на поручне соприкасались. И снова проваливались – то ты, то я, и этот удар солнечный расходился кругами – вверх, где звучал, и вниз, куда исчезали. А там, в опустевшем без нее номере гостиницы, лежал поручик, вдыхая запах этой маленькой женщины, следы которой все еще были повсюду – чашка, шпилька... и прижимал ресницами слезы, вдруг осознав, что вот здесь только что началась его настоящая жизнь и оборвалась по нелепой случайности, по неизвестно чему. И такая отчаянная ненужность дальнейшей жизни без нее, этой вчера еще незнакомой женщины, чье имя... И снова всплывали из забытья, и из этих провалов и пробуждений складывался какой-то другой рассказ. То есть их получалось три – Бунина, твой и мой. И что-то они между собой выясняли, переплетаясь, ветвясь. Уже стемнело за окнами, а он все шел по тому уездному городку на волжском берегу, куда какое-то время спустя придет мама – строить плотину, и отец будет писать ей письма, немножко бунинские, вот эти, перехваченные резинкой, на верхней полке над кроватью, где мы лежим. Шел, вспоминая запах ее загара и платья, ее простой и веселый голос: зачем вам мое имя? я совсем не то, что вы могли подумать... И мы все проваливаемся и всплываем, и этот рассказ не кончается, будто ходит по кругу, или там реверс включен, или что-то со временем происходит, только глаза твои у моих ресниц: *я совсем не то, я совсем не то...*

Она прислушивается, чуть приподняв голову. Кажется, мальчик зовет ее. И следом – краткий хриловатый звук. Шкипер? Или снасти скрипят? Топоток. Побежал, шлеп-шлеп, стихло.

Рива-де-Гарда называлось то место – городок и альпийское озеро с Желтым домом на берегу. Голубь на ухо ему сказал, бургомистру Ривы: завтра прибудет мертвый егерь Грах, прими его во имя города. Егерь кивнул и провел кончиком языка по губам.

Но бывает и так: вот живешь и думаешь, что это твоя реальность. А может, ты и вся твоя реальность находится внутри какой-нибудь случайной фразы. И нет никакой возможности ее прочесть, потому что ты внутри нее, и только ловишь смутные отголоски, – там, в других словах, фразах, страницах, где заключены такие же блуждающие узники, как ты.

Да, она говорит, я лишь временами живу в маленьком слове, в ударном слоге, в котором на мгновение теряю свою ни на что не пригодную голову. Так он писал, говорит, не разжимая губ.

Свеча разгорелась. Рука моя, вытянутая вдоль тела, почти касается ее ладони. Почти, но расстояние это не сократить. Она сидит, глядя в незримую точку, чуть левее картины, лицо слегка запрокинуто и недвижно. В отблесках ее профиль, если долго смотреть, становится все больше похож на твой. На ту тебя, которой была когда-то. Чуть в расфокусе. И немного – на Данте. Или его сестру. Не разжимая губ.

А потом, ночью, его вынули из могилы, и долгие годы никто не знал, где он.

Она поднимается, берет поднос с нетронутой едой, уходит.

...

Топ-топ. Лестница крутая, ступени высокие, он топчется, прежде чем прыгнуть, нет, слазит, сползает на животе, нащупывая под ногой ступеньку. Три года всего, уже три. Дверь приоткрыл, заглядывает. Делает вид, будто нет меня здесь. Просто лестница вниз, дверь, комната, «трюм» называется. Там, в полутьме, кто-то лежит, помахивает рукой. Мог бы быть и не папа, мало ли кто.

Идет вдоль стены, пальцем по ней ведет, вроде волны рисует. Может, сделает круг и уйдет. И поди разбери, что в его голове происходит. Большая она у него, а тело худенькое. Что же в нем от меня? Брови? А глаза – ее, весенние, светло-серые. Лён. Мой сын. Лёня... Говорю и прислушиваюсь к этому новому чувству, еще зыбкому, легкому, льняному. Даже по имени называть что-то мешает. Прислушиваюсь. Хотя сам дал ему, в честь деда.

Лёня. Нес его в ванную, голого, восьмидесятилетнего, по длинному темному коридору киевской коммуналки. За шею обнял меня, ноги поджал, юное тело, ни морщинки, и глаза озорные. В девятнадцатом веке родился, и прожил как-то так незаметно, что теперь не найти и могилы. Для кого незаметно? Для всех. Актриса, нервной несбывшейся красоты, вышла за него, как выходят на минутном полустанке, чтобы вернуться в вагон, и не заметила ни его, ни себя с ним во всю их жизнь. Что осталось? Латынь, переезды, допрос у Петлюры, Калуга, чай с Циолковским, война, путь сапера, Берлин, чемоданчик с трофейными карандашами, резинками, ножиком перочинным, отрез крепдешина и незримая ширма, за которой он жил. Снится теперь, все чаще приходит. Коридор, похожий на ту коммуналку, он сидит, будто в очереди, хотя никого нет. Видно, долго сидит, годы. Что-то вроде приемной, на том свете. Трогаю за плечо, не оборачивается. Функцию жду, говорит, мне тут должны дать функцию.

Так и жил, и исчез – как какая-то вещь в доме, незаметная, примелькавшаяся. Или воздух, сквозь который глядят в окно. Лёня.

Ничто не соотносится ни с чем. Сын – Лёня – мальчик. Никакой связи меж ними. Она – Юлия – жена скипера. Никакой. Я – здесь... Не выговорить.

Дважды он не рождался. Жизнь летела, танцуя на нитке чуда. А где ее «завтра»? Дунет, и фьють. Да, сказала, падая из окна, внутри себя падая. Да, ты прав, и еще, улыбнуться пытаюсь, я ведь тогда не смогу тебе быть золотым помощником, черным твоим поваренком, да? Вскоблили. И опять он стучится. Вскоре, когда ненадолго расстались, она позвонила из этого богом забытого, отхожего городка *Ванцетти*, где оставила дочь с мамой. Голос спокойный, родной, но – как сквозь стену. Вскоблили.

Сколько ж их было, этих знаков, – на каждом шагу. Помнишь тех духовидцев, к которым случайно нас занесло? Что б вы ни делали, говорят, как бы ни уворачивались – будет вам сын. С необычной судьбой. Он уже здесь. Коробило от их доморощенной мистики, да и ты ведь испытывала неловкость. А потом нас подсчитывали, изумленные: у тебя одни двойки, а у меня девятки. И луна темная, одни мы тут.

Не муж и жена, не та история. Мой Взрослый, она говорила, и лет тебе – два.

Помнишь, когда ты оставила сумку в машине, а там был и паспорт, и деньги, и весь твой маленький скарб, а потом звонок от шофера: Вы – Взрослый? Это в книжке твоей было три номера: папа, работа и Взрослый. Он взрослому позвонил.

Так старалась не выдать себя, так тяжело его вынашивала – первого, «с необычной судьбой», и бледнела, теряя сознание, и глотала украдкой какие-то жуткие капсулы, а потом выходила: я крепкий, я мощный! Гордая моя девочка, смех и грех. А ладонь приложишь к ее груди – как у птицы колотится, разве с таким живут? И «родничок» в темени, не заросший, как у грудных детей. И такая обидчивость, помилуй боже. Насмерть, от дуновенья. Это с детства еще, когда чуть что – в шкаф пряталась и сидела там в темноте, в обиде. Еще и воображение – на всю катушечку. Глаз не моргнул, а мир уже перешит, перекрашен, смотрит на эту подмену: так вот оно каково! Шемя, боль, обида. И верит в эту картинку как в единственную реальность, и, как в огонь, ступает в нее. А воображение за занавеской стоит, вослед кивает: хорошо сработано! Сколько раз выносил отсюда ее, вся – как сплошной ожог. А потом обернется, очнется: Взрослый, что это было?

А однажды, где-то вначале еще, вырезала заголовок газетный и у сердца пришила к свитеру: «конец унижениям и страданиям», так и ходила передо мной, чуть что – пальцем указывая, молча, а взгляд – вверх и в сторону.

То есть стена, окно, стена, окно, а в окне – сиянье, воздух такой прозрачный, как на ладони всё. И опять стена. Там, где было окно. Только что в ней окно, а что стена?

Я, говорит, с тобой совсем другая, даже представить себе не сможешь, насколько не я. Отчего же, могу. Теперь могу.

Он идет на носочках вдоль стены по периметру, чуть приседая, будто танцую, а руки перед собой вытянул и что-то лепит из пустоты, дирижирует сам себе и бубнит нос. Лёня! Не слышит, делает вид. Лежу как отрытая мумия, как пациент, как центр этого круга, как папа, как егерь, который везде и нигде. И не разберу, что он бубнит. Будто на разных языках, и всё вперемежку. Может, и впрямь на разных? Чему же тут удивляться? В прошлый раз стал у стены, лицом к ней, и говорит: «Мамочка, если б ты знала...» И, помолчав: «Я плачу без слез». Сел на пол, опустил голову, и вдруг: «Es ist noch nicht das Ende», – это еще не конец. Встал и пошел на носочках по кругу. Нерожденный. Дважды.

А потом долгий индийский поезд, сидим в тамбуре на подножке, свесив ноги, земля под ними плывет, и смерклось, нет ее под ногами. Нет ее, говорю, видишь, ничего у нас нет. Все, чем жили, ушло, уходит. Знаешь, где самое излюбленное место отчаянья? У корней счастья. Это Кьеркегор сказал. И еще говорит, что ад отчаянья – переход от возможного к реальному. Может, Индия для того и дана нам сейчас, чтобы найти выход. Так мы с ней говорили в том ниточном поезде на перегоне между двумя жизнями – исчезающей и еще не пришедшей. Но какой, милый Взрослый, ты ее представляешь, эту нашу другую жизнь? Не знаю, наверно, такой же, как и была – в небе, но только на долгие годы теперь, и уже на земле. Да, сказала, задумавшись, задача из страшных волшебных сказок.

А потом был этот маленький храм подземный. Просто развал валунов в лесу и лестница вниз. А там никого, землянка, алтарь, и вдруг этот садху, как из воздуха перед нами возникший. Стоит, полуголый, смотрит в глаза и беззвучно смеется, а все вокруг уже озарено огнем. И он что-то делает с этим огнем, перебирает его, полощет, нашептывает в него, передает нам, мы уже давно сидим с ним у алтаря на земляном полу. Корабль, он говорит, провожая нас, корабль, огонь, камень. Да, говорю, когда вышли, еще ножницы и бумага.

А потом в новогоднее утро, на краю света по имени Какинада, ты сидела на подоконнике опутанной проводами гостиницы, похожей на трансформаторную будку или маленькую брошенную электростанцию. Из окна тянуло гарью и дымом от ночной пиротехники, еще взлетали последние петарды. Где-то за несколько кварталов от твоей спины, в рассветном мареве плыл океан. Сидела в той щемяще милой ночнушке в блеклую крапинку, обхватив колени, и смотрела на меня, вся светясь в ожидании, когда я проснусь. Кораблик, шептала, кораблик, и пальцем показывала на живот.

Этого быть не могло, как потом мы подсчитывали, физически этого не могло быть никак. Шли по улице, за руки взявшись, и улыбались, украдкой поглядывая друг на друга, как идиоты. Никак? – повторяли, идя по пустынному берегу вдоль океана. Да, непорочное, значит, никак. Как-и-нада.

Где ж я был тогда, тем утром, когда проснулся? Когда смотрел на нее, такую растерянную, родную, с этим пальцем у живота и вопросом в глазах? Когда выдохнул две эти краткие буквы: *да*.

Светилась: вот он – наш выход, путь, который он ищет.

Легкий поворот руля, притяжение какой-то дивной родины. Барка, помост, Юлия, мальчик ходит по кругу, еще не конец, говорит, это еще не конец.

Очнись, поговори с собой, с нею. Где ты – в мешке чудес? Ребенок? Ну да, конечно. Непорочное? Да, как водится. Индия, майя, лила, новогодняя ночь... А теперь – к океану, и уйдем с рыбаками на тысячу лет.

А потом, как он говорит, эти чудеса из мешка сыпятся на пол. И мир – лишь усмешка на устах повешенного. Еще теплится. О счастье, о кромке рая. О том, что нет в живых тех, кто любил. О том, что происходящее с нами и происходящее в нас живут в разных комнатах. И то, что мы называем своей жизнью, имеет отдаленное к ней отношение. О том, что прошлое открыто нам еще меньше, чем будущее. Что порой достаточно полусага, полуслова – и мы, не заметив этого, уже не на той дороге. О големах своих представлений, которые выгуливают нас на незримом поводке.

Големы, он повторяет, взбираясь ко мне на лежанку. Го-ле-мы, ему нравится это слово. Лег на живот рядом и елозит по покрывалу своей любимой игрушкой – саблезубым тигром. В одной руке тигр, в другой зеркальце, сближает их. В прошлый раз все ходил с зеркальцем, собирал от-раженье, знакомил вещи между собой. Пламя свечи с ее тенью на стене, бушмена в раме с ручкой двери. Големы, говорит, и тихонько смеется.

Да, крупный язык, не помещается. Ничего, она думает, это пройдет со временем, справится. Да, жизненная задача – справиться с языком. Скипер, он говорит, я скипер. Лег щекой на мою ладонь, смотрит на меня и говорит: мамочка, если б ты знала... у меня каждая рука домой просится.

А потом тот зловонный роддом: берег, усеянный мертвыми черепахами. Они плыли сюда через три океана, а теперь лежат с пустыми глазницами, из которых течет сукровица, птицы кружат над ними и черные бродячие свиньи рвут мясо из полуживых. Точно тебе, отворачивалась, пока я их фотографировал – слепых, кровавых, с приоткрытыми ртами. Мальчик наш рос в тебе.

А потом, в том маленьком заповеднике, куда и нога не ступала... Как же нас занесло туда? Сизая степь и ребристый залив океана. Марево, пекло. Два винторогих оленя стоят на коленях, скрестившись рогами, точнее, плывут в этом мареве. Пеликаны вдали, у воды, как прибой красноватый. Может, фламинго? Не разглядеть против солнца. И вдруг – нет тебя рядом, только ладонь в ладони моей по-прежнему. А тебя уже нет, выбыла. Слегла в себя, как в окоп. Что-то тебе при-мерещилось, тихий щелчок, и всё, жизнь сломана. Нет, не подвигом было тебя вызволять из этих химер. Чуть смысленности, нежности и терпенья. Но случалось – последнего не хватало. Оставил под деревцем с кучей тенью. Выложил банку консервов, нож, бутылку воды. Ушел. Выжженная трава, овраги. Вспугнул кабана с цветочным мотлохом на клыке. Вышел к берегу, черепаха лежит на песке: выклеванные глаза, улыбка безгубая, жизнь еще теплится. Сел рядом, с тобой говорил, все оглядывался. Где-то там, под деревцем, как слепая статуя, опрокинутая в траву. Ни встать, ни собрать рук. Или рыдаешь в землю, глухо, чтобы не слышал, держать удар. Нет, не тогда, годом раньше, мальчика еще не было в твоём животе.

А потом эти дикие племена в горах, обкуренные, полуголые, в тряпочной мишуре и обручами на шеях. Яркие мужеподобные женщины и низкорослые мутные мужички с земляными лицами. Нож у горла. Как ты держалась отважно, маленький мой герой. Верила потому что. В меня, в нас, в то, что ничего не случится. Разве что инстинктивно живот прикрывала.

Нет, не буди его, пусть поспит. Меня, говорит, к вам тянет... тянет... Что ж ему снится – бублик?

Помнишь, Бубликом мы называли его, нерожденного. Почему? Кто ж теперь вспомнит. А потом, и уже повсюду, тебя наряжали, общептывали, обихаживали с этими милыми их церемониями, ритуалами, путь стелили, будущее прикармливали, гули-гули, нагуливали, ворковали. Там, в Бенгалии, с ее культом матери, и потом в Ассаме. Ну а как от этого увернуться было? От той, например, старухи, которую под руки вывели откуда-то из стены в том доме, где мы гостили. Великой старухи, похожей на дым, который водил по тебе вдруг сгустившимся пальцем, и тихое, чуть хриловатое пенье из дыма за ним доносилось, как угли, потрескивая, шипят. А ты на кровати сидела в шелках и цветах, омытая молоком с какими-то дивными травами, и женщины отошли от тебя и стояли вдоль стен, чуть пританцовывая и воркуя, как голуби на карнизах. Сидела, неузнаваема, с ладонями на животе, растерянно и торжественно. Замерла, будто боясь шелохнуться, чтоб не сморгнуть эту небель.

Или потом, когда Кальян повез нас к агхори, проводнику смерти, чтобы он провел особую пуджу с благословеньем твоего живота. И мы опустились с ним в храм-колодец, и началось. Ты сидела напротив него, белей луны, или свет так падал (откуда, на дне?), а он все взметал огонь из воды и кривил нечеловечьим голосом это, так называемое уже, пространство, и швырял его в нас. А я, чтоб не видеть его лица, жуткого, иступленного, глаз не сводил с фигурки пса у ног Шивы, черного пса с инкрустированными глазами, поводыря на тот свет, пса Махакалы. Барбос, говорю ему мысленно, дай ей счастья, а мне... Речь, наверное. А сыну – то, что меж ними. И как-то неловко вдруг стало за это «дай». Нет, говорю, ничего не нужно. Выбрались из колодца, вечер уже, пошли к нему в дом ужинать, какая-то женщина подавала еду и все поглядывала из-за ширмы,

и вдруг говорит: мальчик у вас, я его вижу... А этот агхори как зыркнет через плечо – скрылась, больше не выходила.

А помнишь тот маленький лес у самой границы с мифическим Нагалендом? Где, по слухам, едят людей. Как мы жили в тех непролазных джунглях и кружили по ним все дни напролет с запрокинутыми головами, прислушиваясь, ища хулоков – исчезающих серебринобровых гиббонов. И нашли. Они летели по небу, чуть касаясь верхушек деревьев, перехватывая их руками-ногами. Собственно, руки-ноги их и летели, а тело – маленькое, как рюкзачок, едва поспевало за ними. И-йеху, и-йеху – пели они на лету, а мы бежали под их взволнованным неземным гомоном, запрокинув головы. И вдруг стихло. Просека, насыпь, узкоколейка. Сидят на верхушках деревьев, глядят на ту сторону, а там – как в зеркале – они же сидят на верхушках, смотрят. Одна семья, расколота этой просекой навсегда. Не перейти им ее. Потому что они, хулоки, эти ласточки человекообразные, не могут ходить по земле.

Вот и мы так сидели с тобой потом, глядя с верхушек деревьев через просеку друг на друга. Годы. Не в обстоятельствах дело, а здесь – показывала на сердце. А потом, прижав к груди мальчика, стала все реже к ней выходить.

А в тот день мы лежали в траве под высоченным деревом и смотрели в бинокль на его верхушку, где мать кормила грудью младенца, черного, седобрового, а сама – в светло-охристой шубке, и лицо в гриме, как в театре Кабуки. Что-то жуткое было с этим младенцем, помнишь, когда на экране приблизили и отпрянули. Лицо старика, искаженное злобой и болью. Будто по швам все трещало в нем, и глаза с мольбой, обращенные к матери, и пальцы скрюченные, впившиеся в нее. А она ладонью поддерживала его голову, глядя ему в лицо, а другую – прижала к своим губам.

В Индии, говорил тебе, надо его рожать. Ты упрямылась, у тебя был нелегкий опыт с первыми родами, с дочкой. С Марусей. Теперь ей двенадцать. Прикроет дверь и стучит палочками, сочиняет. Двумя, например, карандашами по коленкам или по книге. Быстро стучит, аритмично, выстукивая коллизии. Аутистка, нимфетка, между куклами и Шекспиром. Тяжело рожала ее, лежала на сохранении, одна, муж тебя не навещал, а потом и совсем ушел – не прошло и полгода. Не отец он мне, говорит, нет его у меня, и стучит палками. А за окном – микрорайон в степи и зловонных лиманах. Ветер носит над ними ворон, как тряпье. Есть автобус – в сторону моря, а в другую – к целебным грязям. Говорят, поднимает на ноги. И еще от бесплодия, говорят. Юный Гоголь лежал в ней. Что исцелял? Гоголь, с его паническим страхом всего хтонического. Лежал, схваченный вязкой горячей жижей, голый, черный, только лицо белое, как посмертная маска. Бюст теперь в парке стоит, смотрит на тех, кто ходит. Это здесь отклоненье от нормы – ходить. Курорт инвалидов, они прибывают сюда отовсюду. В основном молодые, в колясках. Принимают грязь, заводят романы, сидят в кафе, колятся по улочкам. Тысячи их. Хорошо одетых мужчин и недвижных фарфоровых женщин. Цветы на коленях, улыбка, к плечу склоненная голова. И руки, вращающие колеса. А вдали – озеро с целебной рапой, в которой до горизонта стоят по грудь – те, кто могут стоять.

Туда хотела она, в эту Волшебную Грязь, домой. Разъехались ненадолго. Ребенок был на седьмом месяце. И вдруг звонок из больницы: плацента надорвана – шансов, похоже, нет. Голос спокойный. Видно, держится из последних. Бродил до утра по городу, господи, шептал, помоги...

Чудо случилось: врачи развели руками – такого не может быть. Сам починил свою лодочку, законопатил ее изнутри. Вот, на снимках. Да, звонит из больницы, смеется: услышал, что тонет, и давай толкаться, ворочаться, за несколько дней все уладил. Такой, говорит, у нас маленький капитан. Команда, правда, бедовая у него.

Месяц спустя я приехал к тебе. Степь, зной, ходим с тобой вдоль лиманов, вдоль безжизненной глади и гнили. Свалки дымятся, гарь, воронье. Руки твои лежат на животе, таком большом, будто там тройня. Нервничаешь, сроки давно прошли. И первые, и вторые, если считать от тех непорочных, и третьи – если врачам верить. Нелегко с тобой. И с собой не легче. Особенно, здесь. И еще особенней – с твоей родней. Семь человек в квартире. В тесноте, они говорят, не в обиде. Снял жилье нам неподалеку – конурка на сваях в старом саду, похожая на голубятню, с окном-иллюминатором. Родня насупилась. Но продолжала скупать, поджавши губы, этот казенный кош-

мар для новорожденных. А ты все сидела на краешке кровати, такая собранная и одновременно растерянная, поглядывая на часы, на пакет вещей для роддома, ничего ль не забыла, уже осень пришла, с веток падали яблоки, я лежал и смотрел на тебя поверх книги и возвращался к ней, кошка терлась о ноги твои и домой уходила, ты все сидела, ждала.

А еще мы любили, помнишь? Я удивился: можно ли? Ты потянула меня к себе. Будто плыли в немного кривом зеркале. Ну а ему как было? Будто ломятся в дом?

Обедать ходили к твоей родне. Отчужденье росло. У них, у меня. За улыбками. А ты была между. Покачивалась. И домик наш, если долго смотреть в иллюминатор на ветви, елозившие по стеклу, тоже покачивался. Вдруг прислушалась, обернулась ко мне и тихо сказала: пора.

Вместе рожали, вдвоем. Врач была за стеной – там голосила роженица, муж сидел в коридоре, согнувшись, зажав виски. Ходили с тобой взад-вперед по пустынному залу: кушетка для родов, поддон с инструментами, шкафчик стеклянный, зачем-то джакузи, столик с весами, окно, синий упругий шар на полу, – наверное, чтобы сидеть на нем, тужась. Ходили, еще шутил, ты улыбалась, постанывая, на меня опираясь, вскрикнула, замерла, руки взметнула и в стороны развела, я за спиной стоял и едва их удерживал, выгнулась... Да, потом вспоминал: как на крестовине.

И вдруг тихо так стало, до звона. Солнце в окне, мы одни, он лежит у тебя на груди, щекою на кулачке. Маленький кулачок, в слезы еще, положил под щеку и смотрит – не на тебя, не на меня, а *между* нами – куда-то вдаль. И глаза у него – с этим вербным белесым светом, как на ветру подрагивающим за ресницами. И я держу тебя за руку, переводя взгляд с твоих пересохших, подрагивающих в улыбке губ – туда, где наша с тобой жизнь на кулачке лежит и смотрит куда-то вдаль.

Родня твоя подхватила нас на крыльце роддома – музыка, ленточки, речи – и увезла к себе. Шли недели, я видел только спящие спины, за ними – мальчика. Он кричал, покрываясь пятнами, безутешно, неисцелимо. Взял билеты, не дал опомниться, в Индии приземлились.

Все еще спит. Щекой на ладони. Рука затекла. Шаги. Вымокла. Видно, ливень там наверху. Или еще что. Берет на руки мальчика. Ну как ты, спрашиваю глазами. Ничего, кивает, терпимо. Вышла, прикрыла дверь.

...

Из песка эти стены – сыпятся, на зубях скрипят. И свод – то ниже, то выше, то вбок скользит. Как давно я здесь? Я, с которым так трудно теперь – быть, говорить. О чем? Кроме пути вспять по своим следам к тому месту, где нас не стало. Но его нет – ни времени этого, ни места, сколько ни вглядываться в наше с тобой прошлое, нет этого поворота, на который можно было бы указать пальцем: вот, здесь. Да, как с тем егерем – все шло хорошо, ничто не предвещало, но он хоть сорвался в ущелье, все же какая-то последовательность событий или ее видимость, а у нас? Вот мы – на одном берегу, а вот ты и я, уже порознь – на другом. Будто ничего и не произошло. Будто они незаметно для нас проступили из этого *мы* – ты и я, едва узнаваемые. Ты, Юлия, и этот человек, лежащий здесь, который все возвращается вспять по следам и не может понять – где, когда, почему. И чем дольше он кружит, тем больше запутываются, затаптываются следы. Это та тропа, по которой он шел когда-то или новая, проложенная им вчера? Память с душой играет – в обоих смыслах. А может, он (я) и не хотел этой правды, и потому кружил, уклоняясь? Может, место вовсе не там, где ломались копыта потом, а задолго до, в самом начале? Но идти в эту сторону он не решался. Только начини разбирать, и от чуда ничего не останется. Как сейчас? Нет, с этим он не смирится, не примет. Все еще обратимо, пока он кружит, пока все еще есть этот источник света, пусть и не здесь, а на том берегу, когда он еще был собой, был с нею...

Где же он, тот первый камешек, покотившийся с обрыва? Разве его найдешь теперь под руинами, да и в нем ли дело? Держался, как мог, стараясь тебя не тревожить. И ты не то чтоб не замечала, но прислушивалась к другому, оно росло у тебя под сердцем – наше будущее. Прикладывал ухо к твоему животу, Лёня, шептал, любушка моя, Лёня, и ты поглаживала мою голову, улыбаясь. Слушал жизнь в твоём животе, а слышал то, что росло под моим сердцем – тьму, тишь, смерть. В тебе жизнь прибывала, во мне она уходила. Помнишь того веселого бога, который спал с тобой на

деревьях, сочинял дни и дарил имена, отмахиваясь от зудящих ангелов в том чудесном саду? Помнишь, он мог все на свете, и ты была счастлива с ним. Любушка, Лёня, теперь шептал тебе этот вдруг постаревший мальчик, в котором бог умер, не веря еще, что всерьез. И ты, закрывая глаза, улыбалась, не чувствуя, что происходит, будто ты еще в том саду, и я рядом с тобой, а в животе твоём – маленький взрослый, и все еще впереди.

Нет, конечно же, видела и пыталась помочь, но при этом думала: ничего, продержимся, он же сильный такой и смелый, выстоит, преодолеет. И потом, ведь он понимает, что это опыт чуть ли не каждого мыслящего человека. Норма, а не исключение. Беда только в том, что с ним это случилось с таким удивительным опозданием. Целую жизнь умудрился пройти по небу, и вдруг свалился на землю, столкнувшись со всем, что обычно на ней происходит. А что происходит? Умирают близкие, уходят иллюзии, меняется взгляд на прожитое, приближается смерть. Что ж он, не знает, не жил или книг не читал? Кризис, депрессия, смена самооценки, все проходит, и это тоже. Да, бывает, дар отставляет художника. На время. Бывает и хуже. И вопрос еще – кто кого оставляет. Когда теряешь веру в себя, в жизнь, в путь. И вглядываешься в эту черную бездну, пока она не начнет смотреть на тебя твоими глазами. Вот именно. Но ведь есть и другое, и это как раз сейчас протягивает ему руку помощи: дом, семья, ребенок. Слава богу, есть куда взгляд отвести, а там, глядишь, развиднелось бы. Но он уже так далеко зашел, что не может выбраться, повернуть голову. Случилось то, чего меньше всего можно было ожидать. Все те светлые силы, которые помогали ему жить и творить, он направил в эту открывшуюся в нем тьму, беду, бездну. Чтобы что? Дойти до конца, до самой сути? С той же одержимостью, с какой жил.

Нет, так ты тогда не думала. Просто видела, что не лучшая у меня полоса. Но, наверное, это естественно. После того подъема, который так невозможно длился, и счастье ведь валит с ног, и сила, не только слабость. Вдох, выдох. Поглаживала живот, прислушивалась. Перерождалась. И еще думала, в даль вглядываясь: может, и слава богу, что это пришло на выдохе – будет где переждать непогоду, да?

Да, я старался, как мог, пока ты вынашивала. Тебе ведь не легче было. С той только разницей, что ты жизнь, дом наш вынашивала. А я – свою домовину. Скрывал, держался, тебе помогал. Степь, пекло, хоть ножом его режь, вымершие лиманы, времянка в саду, две кривые кровати, детское яблочко на выжженной ветке в окне. Месяц прошел, а он все не рождался. Лежали с закрытыми, притворяясь, что спим. Звонкой жердочкой была в Индии, смуглая, только глаза светились, а теперь лежит под простынкой, как Фудзияма. Луна в окне. Спишь? Нет, вздохнула, с тобой разговариваю, с тобой в себе. Встал, перелег к ней, нашел под простынкой ее ладонь, сплелись пальцами, тихо перебираем, как те паломники под Фудзиямой, замирая и восходя. Ветка с яблочком, прильнув, по стеклу елозит.

Там мой сын. Там. И отец рождается заново – там, в сыне. Пут – говорят индусы. Значит, и умирает. Дваждырожденный. Год как умер отец. Там – смешенье времен. И языков. Толкается под ладонью. Там – гора Меру. На слонах, черепахе и рыбе. Покачивается. И несут ее, как в паланкине, на кривой кровати. Чашкой в меня запустила вчера, она все летит с нераспесканной нежностью. Неж, нож... Может, она Иггдрасиль? Любушка Иггдрасиль. Дерево мироздания. Перевернутое. И читалы бродят по веткам, шелестят листвою времени. Здесь настоящее, тут прошлое, там будущее. Там. Тут, говорит, шекотно.

А потом я родился. В три индусика весом. Маленький папа. Помолчал немного, огляделся и завопил. Безутешно. Покрываясь пятнами, перерисовываясь, как изумленные карты мира в эпоху открытий. Дикая аллергия. На всё. На молоко, на людей, на небо и землю. Я его понимал. На меня он действовал так же, этот санпропускник преисподней. Я только внешне держался, а внутри стоял голый на кривом цементном полу в общей душевой, прижимая к груди узел с бельем, в очередь, вниз. Безутешен, – записывала санитарка. – Следующий.

Завернул его, двухмесячного, в тебя и улетел в Индию. Как панночка? – косилась на меня, подначивая. Да, моя радость, и Гоголь под мышкой. А малыш-то расцвел, как только земли коснулись, – кожа чувствует, где ее счастье.

Снял дворец махараджей над Гангой. На последние, с музыкой. Мрамор, пенье воды, подвесные сады. Маленькая служанка Пармила из лесных адиваси, вся в огоньках-колокольцах (Милка мы звали ее, а за глаза – Вася), молочник, спускавшийся с гор по утрам с кринкой для тебя, два садовника под балконом без конца пересаживали растения, будто играли друг с другом в эти цветочные шахматы, бричка по вызову с доставкой продуктов, массажист с мешком благовоний и масел (вначале меня раскладывает, мнет, утешит, мантры гудит, а ты малыша баючишь, «развеселые цыгане...» – тихонечко напеваешь, а потом мы меняемся, и он на тебе играет, как на щипково-струнной, а обезьяны припали к окнам, сгрудились, смотрят), Оммм, Оммм, гудит он, завершая, и в конце – что-то похожее на «бля» выдыхает. Вот, чуть свет, в дверях застенчивый Феофан с бородой поверх кринки, потом Вася танцующая с малышом, а мы на балконе овсянку едим со всеми восточными радостями, осточертевшими, а она, Пармила, уже гремит кастрюлями, колошматит белье об пол в ванной, вывешивает над нами, щебечет, вспрыгивая на табуретку, плывем под этими парусами, мокрые, не вернуться, солнце встает над горой, костер разгорается у реки, первого понесли жечь, а на пороге уже – как его звали? – Омммбля, коврик раскатывает, сегодня с тебя начнем.

А там, за рекой, на пустыре – смотрим в бинокль – стучат молотки, ярмарка, цирк приехал, пойдем туда с малышом. Вот те на, кто б мог подумать, ни секунды не может он в этом дворце, мальчик наш, до истерик, и сад его этот райский не радует, туда стремится – к индусам, на торг, на рынок, где жизнь кипит, в тот детский адик, раёк, лишь там он стихает, разинув рот. В рюкзачке на груди несем его, но только лицом вперед, иначе никак – горе: что ему в грудь глядеть, как в стену плача? Есть у тебя третий глаз? Да, вот – на груди, вперед смотрит. А первых двух нет, прикрыты. Так и передаем его по пути друг другу. Большой, тяжелый. Ванночку ездил ему покупать. На какой возраст, спрашивают. Пять месяцев, говорю, два набросив. Кружку протягивают. Да нет, что-то вроде такого – показываю им на пластиковое корытце. Это? – для школьников, улыбаются, покачивая головой, и маленьких женщин. По улице с ним не пройти: каждый его норовит ущипнуть за щечку, коснуться, благословить – зеркальная благодать. На второй сотне нервничать начинаешь, все еще кивая в ответ. Я, не ты. Ты, похоже, почти счастлива. Единственное, что беспокоит тебя – молоко, хватит ли для малыша, сцеживаешь, следишь, гадаешь – дотянешь ли до полугода хотя бы. Ни мяса, ни рыбы тут, орехи ношу тебе с рынка и всякую сушеную милость, ешь непрерывно, опустошая все, что видишь, молишься на грудцы свои – мироточат боженьки. Вот о них ты, о Лёньке тревожишься и порывами вдруг обо мне, все же чувствуя, что не так и светло уж за этой моей улыбкой, заботой и суетой.

Значит, завтра на ярмарку, а сейчас – на лодке в сад к собачьему садху на чаёк. Где бы он ни был, со всех концов света собаки идут к нему на поклон, а он стоит – борода до земли, трезубец в руке, волосы по ветру, суров и страшен. Это они только знают, собаки, какой он ребенок, они и мы. Садится на землю, развязывает мешок, кормит их сладкими сухарями. Нежно берут, губами, потупив очи, по очереди. Дикие псы. И уходят в джунгли. А Лёнька на дерюге лежит под стеной, смотрит. Когда-то на этой стене я чаепитие зверей рисовал и вид на реку, которую она загораживала. Чайханщик помнит, но при тебе он об этом не говорит. А тогда придвинул свой примус к огню нарисованному, и индусы подсели к нарисованному столу, а Шушелькума – вот как сейчас – то лист с дерева, то травку сорвет, в чайник бросит, так и чаевничали за одним столом – звери, люди, духи, пока стену не смыло в сезон дождей. Коровка прошла, Лёньку лизнула, бычок ее ждет на тропе, отвернувшись. Садху встает, взял трезубец, подмигнул нам, скрылся в зарослях.

А мы к портному идем, мальчик-непальчик ждет нас у подвесного моста. Будем ткань выбирать, наряд тебе шить – штаны и курту с пояском, вот бумажка, я начертил, он разглядывает, завтра к вечеру, говорит, примеримся. Из тумана медового шить будет, такую с ним нашли тебе ткань. А мне солнечную рубашку сошьем, это ты уже настояла. Потом обедать – в «Ganga view», по дороге Гопала встретить – три сестры в мешке за плечом, дудка под мышкой, бос, а кафтан – как куполок Блаженного, живопись! Я, говорит, снадобье тебе обещал от змеиного яда, вот, запускает руку в мешок, ищет, да где ж он, вытряхивает на землю этих трех молоденьких кобр,

ты отпрянула с Лёнькой, а – вот, поднимает камешек, похожий на канифоль, это из их отрыжек, говорит, потрешь в месте укуса, и всё.

Что-то давненько мы дал не ели, да? Или алу гобхи панир сабджи возьмем? С плейн ласси. Тебе два стакана, мне один. И сласти тебе, гулабжамун какой-нибудь. Нет, смеешься, только не это, от них я сознание теряю. По пути мы зайдем в музыкальную лавку к Раму, в дальней комнате у него ювелирка, камешки, я хочу купить тебе Ганешу на цепочке, маленького, серебряного, на счастье (он запропаستится куда-то, а найдешь его почерневшим – там, в степи).

А потом я отправлю вас на бричке домой во дворец, а сам спрыгну на повороте и пойду по верхней тропе в джунгли за мясом. Да, по тропе неприкасаемых над обрывом – к той избушке в пуху и перьях, как в снегу. А внутри сидит мальчик лет двадцати, а над ним висит вниз головой козел лет десяти. Верней, полкозла, смотрит заплывшим глазом. А за спиной у мальчика – доморощенный алтарь: джаганнат, кришна, огоньки, цветочки. Намаскар, свами, – улыбается мне, складывая ладони, – две, как всегда? И выходит из избушки. Сейчас он вернется с двумя курочками, уже освежеванными. Худенькие, стройные, смуглые, мы их зовем «модильяньки». Как же он успевает за две минуты поймать, ухлопать и снять с них все вместе с кожей? Вот возвращается из курятника, садится на пол на маленькой сцене под козлом, перед ним два таза, ноги босы, вставляет рукоять тесака между пальцами ноги лезвием вверх, берет курицу и начинает кромсать о лезвие. То есть не начинает, а сразу заканчивает – скорость рук превышает способность зрения. В одном тазу требуха, в другом – мелко нарезанное мясо. Нет, уже завернутое в черный полиэтилен – чтоб не смущать праведных в поселке. В эту избушку ходит низшая каста – неприкасаемые и я, мать кормящая. Что делать – низменные потребности: белок нам нужен. А на Новый год была у нас заливная рыба под томатным соусом – в Харидвар ездил за этим кощунством, потом всю ночь его возводил, храм рыбы, кроваво!

Вернулся, а вы еще спите, то есть Лёнька, а ты лежишь рядом, скачиваешь нам на вечер что-то из «National Geographic». Да, вот заповедник рядом, наш, Раджаджи, пару часов, и мы были б там, но идут месяцы, а мы здесь, в райском саду, в карантине, смотрим фильмы про джунгли, странствия, про нашу Индию, которая за углом. Ты чувствуешь, что я чувствую, но молчим. Потому что – куда же мы с малышом, в какие джунгли? Но ведь скоро обманем себя и пойдем. Лучше б мы это не делали. Или не лучше? Легкий поворот, притяжение дивной родины... Кто ж теперь скажет.

Лёнька проснулся и уже безутешен – такая обида у него на лице, губки ломает, обводя взглядом эти мраморные покои, слезы текут. Сейчас покормишь, и пойдем к реке. Или там, у реки, покормишь? Да, я пока в Ришикеш мотнусь. Что нам нужно? Памперсы для Гаргантуа, нашли все же этот юношеский размер в особой лавке, торгующей водным снаряжением. Потом коляску, которую присмотрели. Это эфемерное веселое чудо, совершенно не предназначенное для Земли. Оно препиралась не то что с каждым препятствием на дороге, а и со складками воздуха, и складывалось всякий раз самым неожиданным образом, выбрасывая из себя малыша. Если б вместо колес крутились ангелы и успевали его подхватывать, а так крутиться приходилось нам, обмирая. Похоже, полотно ее было сделано из того же состава, что и крылья бабочек, а так называемые твердые части, стыки и прочее – из кузнечиков. В общем, она стрекотала, пела, порхала и вид имела сказочный, цвет преобладал красный, царственный. Да, порхала – в порывах ветра ее поднимало над землей, и приходилось рулить в воздухе. Лёнька был счастлив. Сидел в ней в своей распахонке, расшитой свастиками, забросив одну ногу вбок, на перекладину. А мимо текли коровы, машины, люди, помнишь, обезьяна выхватила у него из руки банан, не испугало, смотрел вослед и смеялся беззубым ртом. Коляску мы отдали какому-то лудильщику, по совместительству коновалу и часовщику. Сегодня надо заехать к нему забрать эту насекомую катапульту, переделанную во что-то более-менее, надеюсь. Потом что? Да, кумла – килограмма три этой пахучей мандаринной радости. Блендер для овощей и молочных смесей. Потом к доктору в поликлинику – договорится о прививке для Лёньки, это вторая уже, первую тяжеленько перенес, ночью пальчиком над собой водил, жаловался, рисовал горе. Потом шарики надо купить, штук двадцать, надуть гелием, это на площади, у гатов. Завтра у нас маленький праздник, договорился с Джаян-

том, а он – с погонщиком и тремя музыкантами. Утром раздастся дивная музыка – типа Кустурицы по-индийски, ты выглянешь в сад, а там – два ослика под нашим балконом и надувные шары над ними, а оркестр в кустах. Такой тебе будет сюрприз, и мы спустимся к реке на этих осликах, а музыканты будут шествовать впереди. Да, орехов тебе надо взять еще, ты уже все подмела. Так и ехал в бричке, а шары трепыхались над крышей, сошел у лодочной, а шарики отправились к Джаянту ночевать. Ты сидела у самой воды, пила чаёк-масала, Лёнька спал у тебя на коленях, на том берегу в Парматх Никетане уже горели огни, начиналась вечерняя Ганга Аатри, доносилось пенье, порывистый ветерок дирижировал слухом. Я, говоришь, в этом шитом тобой тумане буду выглядеть полной... Любушкой, я подхватываю, и целую тебя в кончик носа.

А к ночи я не дышу. То есть совсем не дышу, а ты немножко, и даже шевелишься рядом со мной, так и лежим, глядя в экран. А там этот неопиcуемый человек, если он человек (как же его зовут?), ты скачала все фильмы с ним, змеелов, но какой же он змеелов, таких не бывает: движение его быстрее змеиных бросков, а взгляд такой, что эти твари, кажется, не выдерживают, отворачиваются. Бежит, хватается за хвост, ликует. Прыгает в воду с обрыва, вынырнул, держит за горло, плывет, как с фужером в руке. Но это разминка. Теперь он здесь, в Индии, ищет встречи с королевской коброй. Нашел. Пятиметровый самец, в летах, но полон сил, одним плевком он мог бы отправить на тот свет целое общежитие, но он не хочет связываться, уползает, не оборачиваясь, ему нет дела до вцепившегося в его хвост человека, он волочит его, упирающегося, за собой. Но тот перехватывает руками, допекает, дразнит, и, наконец, этот исполин взвизгивает – броском назад – молниеносно – в рост – и замерли: глаза в глаза, так близко, что, кажется, меж ними и воздуху не проскользнуть. Я не дышу. А эти двое? Стоят, не шелохнутся, и считывают каждое движение наперед. Не совершая их. Как бы проигрывая партию в уме. Все комбинации. И это длится невозможно долго. Вот голова змеи чуть дрогнула, осела вниз – на йоту. Он медленно – глаза в глаза – заводит руку и опускает на ее затылок. А потом мчит в своей машине по хайвею и, ликуя, бьет кулаком по рулю: я сделал это, сделал, жизнь удалась!

Вышли покурить на балкон, а этот взгляд и язык раздвоенный – стоит во тьме перед нами. Лишь мгновение терпел эту руку, и отшатнулся, но так, что того отбросило метра на три: живи!

Нет, тогда еще мы держались. Лёнька перекачывался во сне то к тебе, то ко мне, что-то трогательное бормотал, а мы плели над ним наши мостики свиданий из рук, шепота, тишины. Столько света в нас было еще, что казалось, можем жить и во тьме. Точнее, не в нас, а между, который стал нами. И Лёнька, и то, что прошли вдвоем, и может, задолго до, когда не знали еще друг о друге. Или знали? Я, говоришь, сколько помню себя, знала. Закрывал глаза и летел в колодец. Как ведро на цепи. А проснешься – снова эта чудесная мишура дня, от которой к ночи валились с ног. И разве за ней разглядишь, что в тебе происходит, во мне. Крутим это чудесное колесо во все наши восемь лап. Так светло, что в глазах темно. Но ты не заглядываешь вперед, ты вся в сегодняшнем. И мне говоришь: что ж ты глосешь себя из будущего, не гневи бога, он тебе этот день протягивает на ладони, этот, наш, а ты все норовишь за спину ему заглянуть, угадать, что в другой руке.

А потом придут ос выкуривать, страшных ос, стимфалийских. Что-то волшебное зацвело в саду. Амрита? И они за бессмертьем слетелись? Стояло зловещее желтое облако, в нем вили веревки они – из сада и из дворца. Мы пробирались в марлях, окна задраены, служанки нет, отлеживается с заплывшим после укуса лицом. Завтра в десять ангелы вострубят и откроют вентиля на заплочных баллонах. Хорошо бы не быть здесь в эти дни осиною апокалипсиса. В заповедник? Да, побродим вдоль леса, по краю, нет, не волнуйся, не углубляясь. Рисую записку молочнику, ты умираешь со смеху, глядя на этот комикс без слов. Тут ведь никто по-английски не говорит, кроме управляющего, но где он – разве что в телескоп различим в звездную ночь, а сюда спускается по субботам. Да, говоришь, представляю, как этот молочник будет в горах разглядывать с женой и детьми эту твою махабхарату, особенно рис. 5, где он мне кринку протягивает – вылитый Грек, а я, как Рублев, в ночнушке, лютики – чудо как хороши. Взяли Лёньку, набросили марлю, пошли.

И уже не вернулись бы. Если б боженька нас не спас. В последний раз. Мы оба поняли это. Лес за нами закрылся. Оставалась неделя до отлета домой. Куда, в какой дом – у нас его не было.

Ничего не было впереди. Но и здесь, в Индии, остаться ты отказалась, хотя могли бы. Столько сил ушло, чтобы добыть эту особую визу, которую можно было годы еще продлевать. Но ты спешила домой – к Марусе. Давай, говоришь, без резких движений, не нагнетай, все у нас хорошо, и потихоньку приложится. Без резких. Домой, к Марусе. Наверное, не только в ней было дело. Но после леса я уж не заговаривал с тобой об этом.

Вернулись в Москву и разъехались – ты в Крым, я в Мюнхен. Повидаем родных и будем искать пути, куда дальше жить. Я буду, а ты мне pomoжешь – немножко терпением, чуточку верой... ну в общем, тем, о чем вслух не очень-то говорят. Помню ли я твой голос? Да, в ту пору он еще не изменился, и слова светились твои по-прежнему. Звонки, письма. С утра до ночи и до утра. Мы ведь не расставались?

Сыпется, и на зубах скрипит. Как в той пещерке на острове, где мы спали когда-то, прижавшись друг к другу. Ты и сейчас здесь, за спиной лежишь. Да?

...

Мой Взрослый, как трудно жить без тебя, какая удивленная пустота во всем. Оглядываюсь, сшивая, и обжигаюсь – все то же счастье и боль. Никто на свете. Все красные листья – наши, вся Индия ждет нас домой, все облака и звери, зимы не будет, ты раскрасил стену, которая заслоняла Ганг. Будем пить чай с лангурами и пуришами, да? Есть у тебя еще силы? Ты, наверное, сейчас куришь на кухне, топчешься. Вот тебе мой живот, давай вместе быть дома. Лёнька старается, он очень старается – нраву мирного, раздумчивого, всем своим видом говорит: я готов, я милый, я маленький, я взрослый. Свидание, дай нам свидание, у реки, с колокольцами. Мы тебе пригодимся. Твои два целых человека.

Я виновата перед тобой. Я должна быть светла тебе, и не всегда получается. А у тебя поют птицы, я не уверена, что ты их как следует слышишь. Хочется разговаривать с тобой тоном Розанова: не тратьте, мол, время на слова и все такое, обернетесь, мол, а жизнь прошла... Но это было бы неправдой – разговаривать с тобой таким тоном.

Я заразилась твоей бессонницей. Сигарет нет, выкурила какую-то мини-сигару на балконе, совсем не летнем сейчас, правда, с четырьмя котятками и Мурлей. Детки спят в маленькой – плотно, не приткнутся.

Знаешь, открыла файл этот, с твоей перепиской с ним, хотела по диагонали глянуть – и глядела по этой диагонали очень долго, не могла оторваться. Многие вещи сейчас – не после его смерти, а скорее после перемен в нас, – воспринимаются совершенно иначе. А ведь в большинстве случаев он был совершенно прав: он, а не мы, горячившиеся. И еще: он любил тебя. Чувствую себя постаревшей и опоздавшей тебе что-то помочь понять. Горько.

Мой золотой Взрослый. Ты очень молодой. Лет тебе чуть больше, а все-таки два. Я уже так соскучилась по тебе, словно не дни прошли, а старше, чем время. Мне кроме тебя – не с кем разговаривать. Ты скоро придешь?

Сильная внутренняя усталость. Надо бы как-то собраться, посмотреть по сторонам – даже не очень дальним. Беда в том, по-моему, что мы опять смотрим внутрь себя. А надо бы...

Любить тебя и не плакать.

Лёнька и правда поет множество звуков. Обожают книжки. И хлеб, любой – черный, белый, не важно. Равнодушен, когда у него забирают игрушки, но за книжки начинает кричать. Сегодня занимались с Марусей, принесла альбом с репродукциями для нее, – отнял и очень тихо и внимательно рассматривал Дионисия и Рублева.

Взроля, я сильно тебя слышу. Но мне очень сложно сейчас привести нос. Именно нос, именно привести, если ты понимаешь, о чем я. Не балуйся. Кажется, мы переживаем эпоху прекрасной гераклитовской тьмы впереди. Может быть, это дар, с которым мы обходимся как с проклятьем?

Болит спина – ходить за малышом по двору. Ветер холодный, а вчера совсем уже было поиндийски. Маки цвели.

Дни – колесо, как огненная дуга на меле на Кайлас-гхате, а взглядишься – никакой линии,

одна иллюзия. Тут ты позвонил. И я совсем растерялась, видишь. Как мне пойти? Не прощаться.

Помнишь, в Радзгире, в комнате, стены которой были исцирканы комариной кровью, я шептала: «Я хорошо, я плохо жил, и мне подумалось сегодня, что, может, я и заслужил благословение Господне». Кто это? – спросил ты. И я знала, что отвечать нельзя, ответы в таких случаях тебя всегда расстраивают. Я понимаю, почему. Потому что если это интонация ребенка, тогда – хорошо, а если немолодого человека из города Электросталь, это другое. Вопрос доверия.

Говорила ли я тебе, что выступала в Марусиной школе? Рассказывала об Индии, было много вопросов, у всех горели глаза, но особенно мне понравился мальчик, который, явно засобиравшись в джунгли, подошел и деловито спросил, сколько ему нужно денег для поездки, если он отправится один.

А знаешь, в Карнатаке есть поселение, в котором разговаривают на санскрите, он тамошний бытовой язык. Может, туда? Ну спи, мой милый золотой астронавт. Скоро ль ты долетишь до нашей планеты?

Радость моя, я ословел от твоих слов. Какой чудесный полевой букет их ты мне прислала! Зарыться с головой, дышать.

А как ты набрела на эту деревушку, где вяжут чулки из санскрита? Там, наверно, за каждым ходит лингвист-этнограф с гроссбухом.

А мои дни – пустырь с оврагом, где сижу, перебираю, а что – сам не вижу, жизнь, наверно. А где она у меня была – ты знаешь – на будущем дереве.

Ладно, то так, то пятак, то денежка.

Погуляй, погуляй, посвищи в пуговку. Капуста – 110 рупий. Суп и я буду. На дорогах – гераклитова тьма, как ты говоришь. И качаются эти дороги, как тени ветвей под ногами. Тихо и горько. Этот город вырезан из наждачной бумаги. И люди. Ну потерпим еще.

Я совсем не сплю с тех пор, как ты увезла мои пальцы, голос, живот, шар земной белый...

Мальчик, который к тебе подходил, был я.

– Ты. Я знала.

– Пиши, пиши, мне очень нравится твой карандашик, он похож на тебя. Такой шустрый и старательный, с наклоном.

– Особенно, когда падает?

– Это как наши прогулки, только теперь в твоей роли я.

– Каждый в свою дуду? Может, у тебя видеокарта не стоит?

– Нет, моя нога, запаздывая, заплетается между твоих.

– Давай я пришлю тебе архиватор, чтобы хоть рар открывался.

– Еще акробат, по-моему, но я не уверен.

– Если я запакую архиватор, ты справишься? Я запишу тебе здесь нужные программы на диск, так, наверно?

– А ты щелкни по крестик у левой кнопкой – ничего не будет?

– Ты мой любимый.

– Ты любимый. Я вошел в программные файлы. Нет акробата. Есть... забыл, сейчас еще раз...

ABC текст конвертор, – вот!

– Я не знаю, кто это. Сам любимый.

– Больше у меня никого. На всем белом.

– Мой золотой. Я все тебе запишу.

– Знаешь буквы А, Б, Ц? Сидит кошка на крыльце, шьет конвертор мужу, чтоб не мерз он в стужу.

– Говори: карандашик. А то я сижу, улыбаюсь до ушей, а с ответом не нахожусь.

– Карандашик, иди спать. А что Лёнька? Завтра ему уже девять месяцев.

– Утром книжки рвал, я его наказала. Он плакал и палец вверх подымал.

– Я ему башмачки купил, такие «ришикешские» кикиморки, оранжевые.
– Ты почему меня не прогоняешь? Не говоришь: иди, любя, а то завтра вы с Лёлой совсем одни.
– И я один тоже, даже еще однее. Наши тела уносятся, словно реки, как говорит твой Гераклит.
– Не торопи себя. Возьми чуточку моего чутья, что ветер еще переменится. Пусть боженька, в которого ты не веришь, да и я не очень -то, даст тебе сил.

– Странно, мы говорим о происходящем с нами в настоящем времени как о происходившем в прошлом. И одновременно – о происходившем в прошлом как о происходящем в настоящем.

– А у меня ощущение полной нереальности нас нынешних, наших слов, поступков, мыслей, чувств, всего. Как было бы чудесно проснуться. Словно тот сон, где я не могу вспомнить твое лицо, сбылся. Причем это не связано с тем, ссоримся мы или нет. Любых. Нынешних. Словарь не наш – у обоих, интонации.

– Топ-топ.

– Вот-вот, об этом я, об этом.

– Чудесная песенка, это кто поздравляет нас? Матвеева?

– Да. Только почему-то слезы в горле стоят весь день, стеной. Не думаю, что завтра будет по-другому.

– Нельзя слезы, надо радость, отраду.

– Это, к счастью, соседствует. Спасибо чуду, которое уже никогда им быть не перестанет, в отличие от всех остальных метаморфоз.

– Я тут целый контейнер собрал для Лёлы, много нужного и волшебного. И еще в Красном кресте прихватил тебе мокасины, а для него кедики и штанцы.

– Он сейчас помешан на животных, с утра тянет за руку в поле, в стадо коров, потом весь день гоняется за дворовыми собаками и кошками, визжа от восторга, а по вечерам ходит кормить знакомого козла. Причем для собак и кошек он тоже запасается травой, и норовит всех ею угостить, включая и меня. Куда ты исчез, я уже не могу ждать, падаю от усталости.

– Я здесь. И тоже падаю. От внутренней усталости. Как то падение ствола, бесконечное, у Хармса. Глаза открую, и падаю, падаю... пока не закрою. Но и там падаю, только не вижу.

– Нет, не черное и белое, но и так тоже нельзя – все трамваи внутри тебя идут в противоположных направлениях. Вроде бы и отвращение к театру теней, и без него ты обойтись не можешь. Там правила игры, не то чтобы жесткие, но достаточно ясные, как мне кажется. Тебя воротит и от игры, и от правил, но и в другую игру ты играть не хочешь, именно в эту и именно по своим. Мне кажется, никуда твое чувство усталости и отвращения не денется, пока ты не скажешь самому себе, чего тебе действительно нужно. Все их мотивы постижимы, а вот твои... Теперь это еще больше затягивается. Сложно все у тебя. А я все больше думаю, что самые сложные модели нашего мира можно разложить на очень простые и объяснимые. Вопрос в том, насколько нужны они, когда не очень понятно, что с ними делать.

– Писал тебе длинное, подвисло, исчезло. И слава богу, хватает тебе печалей. Спасибо, моя хорошая. И за кораблик. Там еще один куплет, про то, как теперь он на полдороге ко дну, потому что вдруг увидел, что вся его жизнь была лишь песенкой про кораблик.

– Но ведь это не мало. А чем бы ты хотел, чтоб была твоя жизнь? Трудami и днями? Светлая жизнь, полная чудес, – не гневи, как ты любишь говорить, небо. Всю жизнь делал то, что хотел, и был светел. Да, пошатнулось, бывает, не может не быть. И вера тебе не служанка, которую только свистни. И слава богу, что такой период – но нужно не отчаиваться, а всмотреться в него, – а ты до рези в глазах всматриваешься в отчаяние. Не будет завтра, пока тебя не будет. А песенка про кораблик – это чертовски много. Я тебе еще одну послала.

– Три раза слушал. Кукольное разбирательство это чудесно. И пастушка и трубочист – тоже. Но на шхуну я тебя брал всегда, и кафтан не щадил. А леденцы мне ты давала. А теперь я китаец-дедушка.

- Ладно, китаец-дедушка. Я попробую поспать немного.
- Иди, пастушка, спи сладко.
- Сладко не получится.
- До свиданья, леденец.
- Спи, кораблик, сам ты всё на свете, а ищешь снаружи.
- Я оказался там, снаружи. А ковчег я пропустил, прислушался, но не понял.
- Двухлетний человек, далеко тебе до взросления.
- Я Голоцен. Китаец. А ты карамелька саксонская, в платочке.
- Лёла стонет и просыпается каждые пять минут. Он бедный. Он взрослый. А мы оплошали.

– Наверное, сейчас не время об этом говорить, но эта неясность не дает мне покоя. Я, знаешь, немножко приду в себя и напишу тебе светлое письмо – со всем хорошим, что у нас было, со спасибо. Сейчас мне настолько больно и плохо, и я впервые за все эти годы чувствую себя совсем одна. Жаль только, что ты так настроил меня в нашей жизни на открытость, что просто не ожидала именно так. Хожу и говорю себе: *просто жили*. Ничего, и это пройдет. Ты здесь?

– Да.

– Вот ты говоришь – «и это сейчас самое главное». Что же главное для тебя сейчас?

– Понять, что произошло со мной, с нами, с тем представлением о мире, с которым жил. И если это конец пути, принять это и найти, что с этим делать дальше. А пока держаться. Такая вот нехитрая задача.

– Все очень трудно, я знаю, но нельзя умереть, просто. Отца тебе сейчас не хватает, вот что. У меня все время в голове крутятся: «уронили счастье, или думали – небьющееся оно?». Все эти месяцы крутятся. Написала тебе письмо, подробное, мучительное. И стерла.

...

Предательство, подлый удар под дых в самую трудную минуту – вот что. Когда мы принимали это решение – о чуде, – должно было быть по-другому, только не так. Чудо, рай... все это – в нас самих, все это – мы сами. Если это иначе, жизнь оборачивается адом. Твоя обернулась. Я опытнее – как мать. Я все это пережила, Марусе было ровно столько же, и гений не годился на роль садовника Мюллера. Бог тебе судья и помощь. Ты – а не кто-то другой, милый взрослый, оказался воткнут в себя, как топор в доску. Оттого и портрет дорианов. Предательство – то, чего я меньше всего от тебя ожидала. И, видимо, все-таки я слепа, а не ты изменился. Ни один индус, которых ты так любишь... Впору мне написать: это книга была, роман наш, а я писала ее жизнью. Езжай, мой золотой, в Гималаи, броди по джунглям, племенам и не вспоминай ничего. Ты – сможешь. И дай Бог тебе никогда не увидеть этого так, как я вижу сейчас. Похоже, я за рай принимала что-то другое, и изгнание у меня свое. Ты всегда запрещал мне думать о том, как я буду без тебя. Это время пришло. Иди, тебе и не снилось, как мне больно. Шок. Болевой шок. Корвалолоа найти не могу, спать не могу. Что ты – ты – сейчас – меня и Лёлу – бросишь... С големом я живу. Передумай, пожалуйста, очень прошу, взрослый, передумай куда-нибудь. Я пригложусь тебе – со своим носом, губами, Лёлой нашим – пригложусь, честное слово. Не надо врозь. Всем животом чувствую – ты сейчас наломаешь, и это навсегда, и плохо будет всем. Поспи-поспи, потом кофе попей, потом подумай еще раз, обещай мне, ладно? Вместе, давай вместе, я без тебя никак. Зачем ты меня бросаешь? даже не с офицером? Пишу, и опять чувствую свое абсолютное бессилие. Это ж непоравимо, если мы сейчас не сделаем хоть что-нибудь – потеряем друг друга совсем, навсегда. Вся жизнь как пустыня, в которой я буду пытаться и не смогу вспомнить твоего лица. Я все знаю – про то, чего мы друг от друга ждали и чего не смогли дать. По разным причинам. Здесь полагается писать пункты, кто что сделал и что нет. Но я не хочу пункты, я хочу тебя, хочу быть с тобой. Это же глупо и неблагодарно – окончательно потерять то, что у нас было, что есть и что будет, не может не быть. Ну поедешь ты без нас – неважно, на какой край земли. Ну найдешь ты себе попутчика или попутчицу. Что дальше? Нас наградили так щедро, обоих, друг другом, тем, что было у нас и

в Индии, и в Москве, Лёлой нас, безжалостных дураков, наградили. Что же мы делаем, оба? И как я смогу ему это объяснить? – если и себе я не могу ничего. Ты мне так нужен. Перешагни, прошу тебя, – давай посидим друг с другом тихо, как раньше, давай попробуем что-то придумать для нас – всех троих. Знаешь, почему я не могу пережить трудностей? Не потому, что я не умею, – потому что мне нужно чувствовать, что я переживаю их для нас, а не для себя. Я хочу тебя отпустить – для тебя, не для себя, вранье все это, от гордости и боли. Но если б я знала наверняка, что там и потом будет светлее и правильней. У меня ведь есть только здесь и сейчас. Или иди и не оборачивайся. Знать бы, стоит ли оно того. Если нету у тебя этого чуда, совсем, – не отвечай. Пусть тогда и письма этого не было. Ты пока не скучаешь. Малыш пока не страдает. Будет, и то и другое. До свидания, взрослый, мне себя долго-долго теперь собирать нужно – и жжется так, что ни сна, ни снов.

Тихо-тихо, осторожно и бережно посидеть, держа друг друга за руки. Может, те, наверху, и смиростивились бы над нами.

...

Наверное, еще можно было спасти. Если бы я, если б она... Если бы. Как же он назывался, тот фильм? Мы с ней смотрели его в нашу первую зиму, на московской окраине, в той комнатенке, которую так отчаянно нежно звала она «дом-милый-дом», с этим детским ее ударением на «о» – так светло и горяче, будто он потерялся, не слышит. А во дворе гаражи были – страшненькие, обледенелые, особенно тот, в глубине, бурый, наспуленный и кривой. И всякий раз, когда мы возвращались во тьме, я говорил тебе: вот, где ты будешь жить, а я тебе суп носить, теплый, в баклажке. И ты так доверчиво жалась ко мне, как ребенок: нет, и тянула меня за рукав, нет, я живу в доме, в милом доме, с картинами! Но в голосе были мольба и сомнение. И до самой двери озиралась на этот гараж. Так мы играли, но грань была тонкой, не игровой. Дом с картинами... Нарисовал, повесил. Летят три пичужки через три избушки, ну кому я это объясню. Каким людям? Даже с нею не говорил, только сердце падало. А однажды, когда попали в аварию на кольце (мы ведь оба знали еще до того, как вышли ловить такси, не предчувствовали, а именно знали, что это произойдет, и не признались друг другу), и потом на метро добирались, помнишь, подседело к нам это чудесное создание, условно женское, в ботах и с ридиколем, из тех убогих, которых насмерть задразнивают во дворах, и украдкой поглядывало на нас с нездешним выраженьем лица, и застенчиво протянуло конфетку – тебе, потом мне, потупясь.

Тот фильм, который так сильно нас впечатлил (казалось, смотрели его с тобой одними глазами, нет, теперь думаю, не одними, жаль, не поговорили тогда), он был из серии реконструкций реальных событий. Трое – муж, жена и ребенок едут в машине где-то на севере Канады или на Аляске, давно уже сбились с пути, но не замечают этого, снежная пустыня во все концы, и дороги под ними нет. Машина заглохла, вышли, вдали холм, идут к нему, чтобы оттуда сориентироваться. Мальчика (ему года три, как Лёньке сейчас) кладут в спальный мешок, закутывают, обвязывают веревкой и тянут за собой, мешок легко скользит по спящему насту, они останавливаются, раскутывают, проверяют – жив ли, мальчик открывает глаза, смотрит молча и безучастно. Минус сорок, а еще не вечер. Зыбкая, как затянута лунка, солнце. С холма открывается вся безысходность их положения, ни приметы жизни. Он оставляет жену с ребенком в какой-то скальной расщелине, где она, согнувшись и прижав к себе мальчика, едва помещается. Огонь развести не из чего. И запаса еды нет. Он уходит за помощью – в ту сторону, откуда они приехали. День, два, три, он все идет, обмороженный, в полубреду, раздваиваясь, падая и за шиворот поднимая себя. К этой расщелине он подъезжает на грузовике уже на пятый день. Они еще живы. Клиника. Уже выписывают. В кадре – их лица, смеются, прижавшись друг к другу, он, она, мальчик. Камера отъезжает: она сидит в инвалидном кресле, без ног. Она или муж? Не помнишь? Да, ты бы сказала, есть и другая история – с английским пациентом, он тоже оставил ее, сломанную, в пустыне и пошел за помощью, а когда вернулся, она уже умерла. А если бы наоборот, если он бездвижен, пошла бы она за помощью или осталась с ним до конца? Или пыталась бы вместе выбраться, тащила его на себе? Женская психология и мужская.

«Вместе, вместе!» – она всполошилась вдруг, что нет меня рядом, что я ее бросил, что не понимает, что я там делаю, в этой Германии, что все усилия мои – лишь слова, что лучше б открыто сказал, что все кончено, чем резать вот так, по кусочку, палец за пальцем. Я пытался ее успокоить, разубедить, но чем дальше, тем хуже у нас получалось, кривее, больней. «Прилети хоть на несколько дней, мне так нужно тебя поддержать за руку, мы выберемся, мы поможем друг другу, но только вместе!» Брал билет, и тут же она звонила: «Прости, ты прав, я просто устала очень – без нас, без тебя, такое тут примерещилось... Сдай билет, не волнуйся, все у нас хорошо. А на сколько дней ты хотел приехать?» – «На две недели». – «Только на две?» Слово за слово, и в глазах темно. Как без кожи, оба. Каждый звук, жест – ранил. Даже, когда приласкать, утишить хочешь. Это не мы – ожоги, ссадины препирались. Да, я могу приехать. Этот, бескрылый обрубок, я. Хочешь? И будем с тобой коротать эту тухлую степь, пожизненно, безнадежно. Я устроюсь библиотекарем, есть там библиотека? Или буду стоять под окном с коляской. А ты? Снимем гараж какой-нибудь буренский, да? Будем жить, не тужить. Не тетя, не выберемся. Все превратиться в рутину, некогда будет выпростать голову из нее, скоро мальчику в школу, потом в институт. Книга написана, деревце посадили, вот и мальчик. Но разве об этом я? Чепуха. Что я, степь не видел? Да и выбрались бы со временем. Не это меня подкашивало. А то, что вера твоя дрогнула. У меня и так ведь не много ее оставалось. В себя. И... Ну, договаривай. Да, и в нас. После наших с тобой разговоров. Может, еще и эта чуткость наша к словам нас добивала. Теперь они изнурили друг друга, а мы стояли за ними, кривясь, отдаляясь, и ничего уже не могли. Так все сошлось. С чем-то одним я бы справился. Но тут была дюжина на одного. Чудо, как ты говоришь, не случилось. Прости. Это моя вина. Все еще можно было спасти. Если б немного терпенья и веры – тебе. Если б чуть больше сил на том повороте – мне. И тебя – той, которую помнил. Но ведь это же можешь сказать и ты. А потом – что только не говорили. И опускали трубки – не мы, не понимая, кто эти двое, зачем. Может, еще и самонадеянность. Мол, пройдет, оклемаемся: вроде хворьки такой, простуды – слов, души. Нет, ты так не думала. С какой-то смутной тревоги все началось, снов, трещин, смещения интонаций. Незаметно накапливалось, подрастало в ней, и вдруг накренилось, рухнуло. Точка. Там, где только что были мы, живые. А как корабль идет ко дну? Высокий, до звезд корабль. В два счета, и точка, вспененная воронка.

Странно, то во втором лице, то в третьем. Ты, она. Любушка, Юлия. До и после. Как два берега. И не причалить ни к тому, ни к другому. С кем говорю я? С этими стенами, сводом, осыпаясь, в зубах скрипящим, ты, она...

Так робко вошла в мою жизнь, шаг боялась ступить, слово сказать. Войдем в магазин: бери, что хочешь, а она пятится, худенькая, светится вся и головой мотает. Тихий, звал ее, мой Тихий... А сам по реям носился, выплясывал в смотровой бочке, капитанствовал. Будущее? На abordаж! Мне ж так важно было перед тобой хвост пушить, имена твои на парусах писать. Чтоб ты обмирала от радости. И я – тобой. Может, ты сильно привыкла – быть у меня под мышкой, в ладонях, объятьях, рядом, глаза в глаза? Тысячу дней, ночей, и вдруг – нет меня, Лёнька кричит, степь воеет. Дрогнуло, пошатнулось, рухнуло. Раз, два, три. Я, говорит, не из тех, кто будет годами ждать у окна. Или мы вместе, или – не мучь, точка. И желает мне светлых событий. Искренне, всей душой. Стать на ноги, вернуться к творчеству, достичь небес. Мало того – найти женщину, свою, настоящую. А ее больше не беспокоить. А к сыну, говорит, дверь открыта, но не сейчас, потом, и ее чтоб не втягивал в наши с ним отношения. Не верит. Ни в слова мои, ни в дела, ни во что. И, как нарочно, толком тогда не ладилось у меня ничего. Чтобы ей предъявить: вот и вот. Всё какие-то полдороги, и опускались руки. А почему? Сил не хватало, удачи? И это тоже. Но главное, ее в этом не было. Думала, что свою жизнь выстраиваю, а не нашу. Как все банально и несуразно. Сказал, сказала... Как дети в песочнице. Неужели такая ничтожность могла нас разрушить? Но и тогда ведь все еще можно было спасти. Если б знать наперед, что так обернется. К черту гордость, характер, так я и поступал. И не раз, не сто, с нею. Почему же не в этот раз? Перечислять? Нет, просто стать на ее место – там, в степи, на январском ветру, и прижать ребенка к груди. И забрать все слова обратно. И поднять за волосы себя над этой тьмой, и дать ей чудо, которого так ждала.

Чуда ждала. А я сидел, закрыв глаза, глядя в стену. Свет из меня уходил. Свет, который был моим слухом, зрением, единственным смыслом... Нет, она скажет потом, не единственным и не главным, все бы к тебе вернулось – и творчество, и чудотворство, если б сердце свое послушал, взгляд от себя отвел.

Может, она и права. Жизнь, наверно, важнее. Если с любовью, если не для себя. Но тогда меня обожгли эти ее слова. Тогда. Вспыхивали от дуновения. Так все было воспалено.

Знаешь, что вспомнил? Не смейся. Твои присесты. В джунглях. Идем с тобой по тропе, и тут я тихо так, чуть притормаживая, говорю: «Видела? Слева, за тем кустом. Спокойно, не останавливайся...» – «Кто? – инстинктивно хватаешь меня за руку, а взгляд – весь там, за кустом. – Кто?» – «Кажется, леопард. Или...» – «Лепар?» – произносишь одними губами, и незаметно так огибаешь меня, становясь по правую руку. И тут я не сдерживаюсь, смеюсь, обнимаю тебя, а ты, пройдя еще несколько шагов, говоришь: «Взро, я присяду, мне надо пописать, не отходи от меня далеко». Из этих твоих присестов можно было бы карту Индии нарисовать. Такую трогательную, со значками: ты в своей маскировочной военной рубашке, вязаной шапке с завязками, и в очках, присела. Журчишь, а я прогуливаюсь, часовой. Но было и не до смеха. Как с той крышечкой от объектива, да? Потеряли ее в лесу, а потом вернулись искать. Кажется, говоришь, у реки, там, где яйца крутые ели и следы разглядывали слоновьи. Пришли, и точно – лежит в песке крышечка, а уже темнеть начало. Ты присела, слышу – какой-то шорох в зарослях, взобрался на дерево поваленное, чтобы оттуда глянуть. Что-то мелкое, думаю, даже птица могла б так шуметь в палой сухой листве. И тут, гляжу: слон. Стоит, на меня смотрит сквозь ветки. А я на бревне, а ты подо мной, присела. Люба, шепчу, слон. А ты: перестань. Громко так: перестань, я и так сижу. А он поднимает хобот и тянет его ко мне. Стою, не двигаюсь. И он стоит, как с трубой подзорной. Опустил, уходит. Тихо, ветка подрагивает. Крышечка...

Нельзя меня к стенке жать. И руль выхватывать на ходу. Я с детства сам себе капитан. И твоим капитаном был. Нельзя. Ни к чему хорошему. Тем более, ты и не знала, что с этим рулем делать. Только кричать: вместе, вместе! Отталкивая, зовя, задыхаясь, смолкая. Сломалась. Слегла. И я лежал. Лицом в ладони. Как тот, которого бьют ногами.

Любушка, родная моя, как же это случилось. У меня ж никого на свете, кроме тебя. Никого, даже себя теперь. Кто я? С собой обозначился. И слова больны, и шаги, и руки, – нечем к тебе приблизиться, звать, вернуть, дотянуться. И скольжу вдоль стены, и дышу в нее, и вожу в ней ладонями: люба, люба... ты здесь? Я знаю, чувствую, ты еще здесь. И Лёнька во сне перекачивается через эту стену: папа! И я беру его на руки, и прижимаю к груди пустоту, нет его. И мы всё скользим вдоль этой больной стены, вдруг будет проем, окошко. И – вот оно: смотрим в глаза, губы твои дрожат, ну тише, тише, любушка, это мы, видишь, ты, я, Лёнька, все у нас хорошо, будет... Сквозь стекло, по губам читая. И уводят тебя, меня, свиданье закончено. И опять скользим вдоль стены. Или только я?

Время стояло, как зеркало занавешенное. Листья желтели, снег распускался и зеленел. Жизнь не ушла, перебирала вещи, письма, спиной, не оборачиваясь. Будто меня и нет.

Говорил я тебе про Урсулу? Выше меня этажом живет, ей – под девяносто, но держится со светлым достоинством, в одиночестве и нищете. Девятимесячной ее вывезли из России, с первой эмигрантской волной. Первый муж был австрийским бароном, второй промотал все ее состояние. Я иногда захожу к ней помочь по хозяйству. Рак у нее нашли, смеется. Вот позвала – телефон отключился. Вроде наладил, позвони, говорю, кому-нибудь, проверим. Берет записную книжку, сотни имен, мелким почерком, туда, сюда перелистывает, смеется: все умерли, никого, *alle tot*. А где ж, говорит, люди на букву «е»? Может, там кто? Нет ее. И смеемся с ней, оба. Знаешь ты этот смех? Легкий такой, без букв.

...

Взрослый, Взрослый... как же это случилось с нами? И почему, зачем? Вот так, средь бела дня – были, и нет нас. Только день этот длинный такой – годы. Ничто не выжило. И никто. Кроме сына.

Вот и дышу сквозь него, как сквозь соломинку. Всё в осколках – память, слова, шаги, сны. Не прикоснуться. И ему, мальчику нашему, жить, расти в них, в этих осколках. Вчера к ночи вошла в комнату, а он сидит в углу, спиной ко мне, с маленьким автобусом, который ты ему подарил, и шепчет туда: выходи, папа, выходи... И пальцем по крыше стучит. Вот оно и сбывается, я забываю твое лицо. Смотрю и удержать не могу в памяти. Не я, нет меня, и не знаю уже, кто смотрит. Это как после взрыва, только когда он был, где? Не было ведь. А следы повсюду. Сломано всё, искорежено, нечему уцелеть. Я и вещи твои носить не могу, те, что дарил, даже не жжется уже, хуже. Кофе пить не могу, твой у него запах. Буквы произносить, в слова складывать, наши. А других не было. Ничего у меня не было без тебя, я ведь жила в тебе. Жила, как в животе ребенок. А потом ты меня родил, и было нам счастье, долгое, как с людьми не бывает. А потом – не помню, не понимаю, где он был, этот шаг в сторону, кто оступился? Ни ты, ни я, будто счастье само оступилось – мной, тобой, и уже не вернуть, не поправить. Но ведь это не так? Не так. Разве не знала, не чувствовала, я ведь тоже тебя шадил, недоговаривала... Дети так любят разрушить домик, кашей их не корми. Особенно, если не сами строили, а кто-то им помогал. Я была твоей Пятницей, наступили другие дни. Помнишь того олененка, ошибившегося матерью? Плыл на остров за ней, а мы всё ждали его наутро, но он уже не вернулся. Ты волен, и я вольна. Воеет за окнами, ветер такой – коляску сносит, дома сидим. Лёла все про животных просит – фильмы, книжки. Из игрушек любимая – тигр, спит с ним. Тигр и машина пожарная. Я стерла архив, все фотографии наши, письма, всё. Прости. Либо есть, либо нет. Мы не егеря между этими берегами. Надо как-то собраться с силами, встать, жить, не ждать же, пока сдашь меня в дом престарелых. Степь, богом забытая, инвалидная, с вонюю махровых лиманов, так ты это описывал, и единственной улочкой в пару сотен непроходимых шагов. Да, здесь я живу, с дочерью, и с твоим сыном. Извини, не Аморт штрассе. Ничего, все уляжется, зарастет. Необъяснимо. Таким и останется. Помнишь те цветные сапожки, которые ты привез из Мюнхена, по магазинам ходил, всё на себя примеривал – платья, шубки, белье, а потом я тонула в этом чудесном ворохе, а ты так серьезен был, наряжая, приглядываясь, и смешно, и стыдно, и невыносимо, а те сапожки снимать не хотела, так и жила, спала в них, помнишь? Вот снег выпал, вынула их, сижу и не знаю, как их надеть. Встала, иду, спотыкаюсь, ни слов, ни слез. Жмут, жгут, как с чужой ноги. Марусе дала, на вырост. Детские, говоришь, одежды, чувства, да, как на детской площадке жили. Он и был ею, – мир, весь. Что ж тут мудреного, как он тебе говорил, можно дышать со словами вместе, а можно и без. Мальчик-судьба, девочка-счастье... Я тебе жизнь отдала, всю. Детскую, маленькую? Извини, больше не было. Отпусти, не мучь, никто в этом не виноват. Поезжай в Индию, напиши книгу, посади дерево, встреть женщину, сына роди, если этого не случилось. Я желаю тебе хоть на этот раз не остаться в стороне от себя, найти дорогу, одна нога на весу, вот именно... Не отвечай на это письмо. Я не могу с тобой говорить. Может, когда-нибудь, если отпустит. Станет ровней, теплей. И, как ты говорил, – отчужденнее то есть.

...

В эту тихую клинику на окраине города за белым забором ее возит отец. Два часа на автобусе по степи. Или машиной, но там ему тесно, едва помещается. Белые плетеные остроносые туфли. Как у цыганских баронов. Сорок седьмой размер. Грузный, косая сажень. Что-то медвежье в образе. Повадка, выражение лица, чуть скошенный рот. Вспыльчив, взрывает. Оседает в углу, смотрит фильмы послевоенные, один за другим, их сотни в его коллекции, берложит. А ранним утром на рынок идет. Двухметровый костюм, галстук. Вместо шкуры. Потом готовит ведра еды, по рецептам, выписывал их, переплетал в книги. Сложной еды, тяжелой. Разнообразной, как упражнения с гириями. И принуждает есть. По часам. Внучку, жену и дочь. Не едоки они. Взрывает, доедает за ними, моет посуду, идет в свой угол.

Возит ее раз в неделю, не отходя ни на шаг. Когда это началось? В той жизни. После, верней. Она ведь не признавалась, умалчивала. И разве поймешь по голосу в телефонной трубке, или когда приезжал к ней, гуляли вдвоем с мальчиком, – разве поймешь. Держалась. А потом опускала трубку или домой возвращалась и падала. Да, проскальзывало в разговоре, но в это как-то не

очень верилось. Казалось, зарницы дальние, гаснущие отголоски того, что произошло. Временные, я думал.

Она ведь выстроила стену, когда силы кончились, когда жизнь кончилась, когда встала из мертвых. Встала, прижимая к груди ребенка, и выстроила эту стену меж нами. Имя осталось, которым не звал ее. Голос остался, но сдержанный, без ее интонаций. Тело – да, еще узнаваемо. Ясность ума, речи – те же, может быть, даже тоньше. Тоньше и тверже стали, как и черты лица. И жесты. Да, а за ними? Стена.

Вместе, молила телефонную трубку, если мы будем вместе, мы выберемся, не бросай нас, я же только тобой жила, у меня ж ничегошеньки нет, кроме жизни с тобой. Взро, хоть на край света... Что же случилось, почему тебя нет? Помнишь: уронили счастье, думали, небьющееся оно... Ветер воеет за окнами, скоро зима, Лёнька болеет, мы не выходим из дому третью неделю. Все это страшный сон, не наш, не про нас, по какой-то ошибке. Где она? И когда? Я не вижу, не понимаю. Все ведь так просто...

Ну тише, пытался ее успокоить, я вас не бросаю, с чего ты взяла? Я с тобой. Немного терпенья. Труда и терпенья. И веры. И не раскачивать лодку, особенно здесь, на этих порогах, ее и так заливает со всех сторон. Об этом ей говорил. Не так, но об этом. А думал? Другое. С тобой...

Держись, я с тобой! – отцу говорил. Недавно еще, за тысячу верст, в телефонную трубку. Отцу, ближе которого в жизни не было. Держись! А он падал, лицо разбивая, один, угасая, в клинике, где его мучили, пытаюсь найти причину. Тело уже разлагалось, водило его, шатало, а ум был, как прежде, ясен. Болит? – мама как-то спросила. Нет, говорит. И, помолчав: душа.

Наша размолвка. Сказал, чуть занесло, без умысла. Образ, пустяк, дунь и забудь. Для меня. Для него – нож в сердце. В то сердце, где уже было два. Детдомовец, брошенный родителями, чтобы не путался в их новых семьях. И еще один нож, когда разошлись с матерью. Это был третий. И я вынуть его не мог. Он не давал. Сердце сжалось в кулак, и держало за лезвие. Выяснение отношений – конец отношений, так он жил. Надломилось – руби. И впервые не смог. Как-то сшили, прикрыли... Вернее – никак. Я с тобой, говорю в телефонную трубку, с тобой, в сердце. И он, помолчав: *слова*. И совсем уже глухо, как с того света: *где ты, а где я*. И вскоре ушел из жизни.

Где же я был? В Москве? В Крыму? В Индии? В счастье, с тобой.

Потом его перевезли в какой-то маленький санаторий в приальпийской местности. Чистенько, тихо, озеро, лес в окне. Он очень хотел домой, к себе. Но кто бы его там поддерживал? Может, он втайне и думал об этом: вот сын придет и заберет меня, будем жить – в одной комнате я, в другой он. Думал, наверно. Сквозь зубы. Держать удар. Слабость не выказать. Ни перед кем. Где ты, а где я. Где жизнь, а где литература. Две буквы, изменившие нашу судьбу. Двадцать, согнувшие отца. Вот отсюда он и пошел по последнему коридору. Без палки, отбрасывал ее как унижение. Держась за стены, от окна к окну. Глядя туда, в свою жизнь, прожитую, чужую. Лег и умер во сне. Под утро. За три часа до машины, которая должна была отвезти его в дом престарелых. Он так не хотел этого, так не...

Я помню тот разговор, мы были с тобой в Москве, что-то готовили праздничное, веселое, пар столбом. Он позвонил из клиники: это конец. Не сразу сказал, а где-то потом, между слов. И еще, помолчав: знаешь, я никогда не думал о самоубийстве, но здесь... Я перебил его, что-то начал ему говорить, мол, все обойдется, я скоро приеду, держись, я с тобой...

Так говорил. А думал? Ему не помочь. Это ведь не болезнь, просто жизнь исчерпалась, так тяжело отходит, не рвется. И мама так бьется в это стекло, как мотылек. А ты на меня смотрела, ладони прижав к вискам, покачивая головой. С тобой...

А потом, когда его не стало, да и мы – не сказать, что живы, ты пишешь: «Оставь меня. Я не могу больше. Не хочу, чтобы в конце концов ты сдал меня в дом престарелых». До меня тогда не дошло даже – о чем ты.

Какая ж тут вина, он говорит. Я – здесь, и больше я ничего не знаю, и больше ничего не могу сделать. Мой челн – без руля, он плывет под ветром, дующим в самых нижних пределах смерти.

Не то чтоб умалчивала. Говорила, но как-то вскользь. Разве поймешь. Слабость не выказать,

держат лицо. Висеть над пропастью на побелевших пальцах, висеть внутри себя, обмирая, а внешне держаться так, что никому и в голову не придет заподозрить, что в ней творится. Скорее, сам себе кажешься рядом с ней едва на ногах стоящим. Как же он называется, этот невроз, эти панические атаки? Выскочило из памяти. Надо ж, такая усмешка судьбы: Взрослый, она меня называла. И этот ее синдром, эти обвалы психики именно с ним и связаны – с отсутствием рядом взрослого человека. Причем, родного, которому веришь. И этот обвал может начаться в любой момент – в доме, в автобусе, переходя дорогу. И ничто не поможет – ни воля, ни разум. Это как эпилепсия или клаустрофобия, хотя и другое, как же оно называется? Вдруг валишься внутрь себя: страх, испарина, стыд, и за воздух хватаешься, и теряешь сознание. А потом озираешься, возвращаясь, вся скомканная, изорванная, будто ее волокло под колесами, утирает под носом кровь. Стыд такой и бессилие. Значит, ни с мальчиком погулять, ни за покупками выйти. Только если отец или мать рядом. Взрослый, взрослый, мне говорила, а правда, что ты родил меня, а потом нашел? Вот оно как обернулось. Это только потом до меня дошло, а тогда – разве в это поверишь, видя ее, слыша. Как ты? – спрашивал. Расту, отвечала, и смотрела чуть свысока на меня. Блистательно. Королева.

Помнишь, в самом начале еще, когда к свитеру приколола тот заголовок – «конец унижениям и страданиям», мне говорила: знай же, я тебя свергну. Свергну и воцарюсь! И подбегала, чтобы немедленно обнять, целовать... Уворачивался, смеялся.

А потом старый китаец повез их на пустынный остров, этих двух черных нырков, дал им немного рисовой водки перед смертью за то, что служили верой и правдой ему и речному счастью, и отчалил, а они медленно оседали, покачиваясь, как пустотелые чехлы с прорезями для глаз.

Когда ж оно началось? Вернулись из Индии с Лёнькой и на время разъехались по домам. В разные страны. В разные зимы. Слово за слово, и поползло, жгучая тязба обид, гордынь. Да, не на ровном. Я, говорит, больше тебе не верю. Не в тебя, – тебе. Точка. Вспыхнула и, как лампа, перегорела. Точка светящаяся, плавающая во тьме. Даже если глаза закроешь. Все, что осталось – пальцы защемленные. От тебя, от меня.

Свечу затеплила, начала себя собирать – там, за стеной, из пустоты, немоты, бессилья, держась за мальчика, как за костылик. Тебе запретили видеть меня. Ни встреч, ни звонков, ни писем. Даже если глаза закроешь.

Лестница, какая-то наружная лестница, на которой я нахожусь, ни жив, ни мертв. Но где она? Только стена и дверь, и тень от свечи вьется. Лестница вверх, к сиянию врат...

Видели, Маша, видели, как говорит твоя дочь, и стучит палками. Да, эти подсолнечники и звездочеты. Крымская касталия в полторы улочки с обсерваторией и магазином. Козочки на поляне: Любка и Пенелопа. Когда это было? До Индии, до всего? А потом мы спустились в сухую балку. Палатка, ручей, мы с тобой и дочка твоя девятилетняя. Худенькая, длинноногая, с удивленными, будто в легком испуге, голубыми глазами. Светлые волосы, стриженные под мальчика, чуть приоткрытые губы, за которыми проволочка, исправлявшая прикус. Мертвый лес, темные комья птиц летят сквозь него, как с того света. И этот странный звук, обметывающий округу, пока еще в отдаленье. Не человек, не птица, не зверь. Между. Смолк – там, за ручьем, и тут же в другой стороне откашливается, как прокуренная старуха. Солдатики любви, ты напеваешь, солдатики любви... Маруся кладет голову тебе на колени, смотрит в костер, говорит: ты – фиалка. Когда у фиалок ломается веточка, они засыпают на время, как не живут. Это тебе она говорит. И вздрагивает: вновь этот звук вдали – резцом по металлу. И стих, будто резец из рук вышибло. Пойдем, отводишь ее в палатку, вернулась, легла у костра, глаза закрыла. Лес в предутренней дымке, чуть синеватый, как в паутине. Смотрю на тебя спящую. Губы. Этим бы ртом – пить и кричать, пить и кричать... И любить. Насмерть, как ты говоришь. И эта милая щелочка меж передними верхними. С детства. Даже зубы расходятся – вслед за губами, улыбкой. А нос – южанин, отважный и строгий. Как брат. А губы – сестры, младшие, безоглядные. А глаза спят. Светло-серые. Снятся, подрагивают. Как те просветы между деревьями. А тело длинное, едва светает вдали, у ног. И вновь этот звук над головой: хрипит и трещит, и кружит. Ворон. Будто книга обугленная. Кружит, листает себя, а

прочесть не может. Семью восемь – синий кофейник, она говорит. Подошла, села рядом, в огонь смотрит. Почему? Так легче запомнить. А свет, в котором ты видишь, можно менять, главное – захотеть. В белом все оголяется, прозрачным становится, как мама говорит – истонченным. Как во сне? Нет, там тобой смотрят, а здесь – ты. Разве не пробовал? А меня, говорю, в каком свете видишь? Молчит, губу прикусила. Знаешь, как все началось? Я испугалась. Очень. Когда змею увидела. Ну, то есть она меня первая. А мама цветы собирает, поет. А я сижу и вдруг вижу – между коленок она тянется, приподнимаясь и вывернув шею, рот открыла и смотрит. И я смотрю, не дышу, слышу, как мама поет. И тут, будто это пение – у змеи изо рта, маминым голосом, и рот у нее так гнется, как будто ей трудно петь, а я знаю эти слова, но не могу, и она смотрит глазом, как будто давится, и такая краска течет – темно-синяя, отовсюду, сверху, как реки, но я не могу поднять голову... И всё. Всё синее. Вот тогда и открылось, так просто стало, и я беру ее рукой, а мама как закричит: брось, брось! И упала. Маруся, говоришь, не открывая глаз, хватит, иди спать. Она уходит в палатку, а утром я спускаюсь к ручью, смотрю – она там сидит, спиной ко мне, зеркальце перед ней на земле, шепчет в него: почему из чистого света создал ангелов, а из чистого огня – эфритов, почему осыпается чешуей, как ребенок, с мокрым огнем во рту, а теперь муравей тащит меньшего, мертвого, и не знает, куда положить, вот так, мама, вот так, потому что я между вами, я между вами, как та, между коленок, и свет, свет синий... И быстро-быстро стучит по зеркальцу палками. А потом ночевали в пещерном городе на вершине горы. Маленький такой каменный мешок с прорехой над пропастью, и, если высунуть голову, – птицы внизу парят. Спали, обнявшись, она прижималась, ворочаясь, то к тебе, то ко мне. И уже много потом, у моря, куда-то спешили, и очередь в раздевалку, вошли с ней вдвоем – по-смешному, как это бывает, когда пропускают друг друга в дверях, и как-то смутились, и я уже выйти хотел, а она отвернулась и уже все с себя сбросила, стоит, вытирается, – юная женщина, только секунду назад ребенком входившая в эту кабинку. И на обратном пути, в автобусе, наклонилась к тебе, чтобы я не слышал: пусть будет Взрослый, уже не надо других. А когда уже нас не стало, помнишь, ей снится, что душат ее – тысячи рук, лиц, и все они – я.

Склянки бьют, а тебя все нет. Не приходила сегодня. Что ж ты там делаешь наверху? И мальчика что-то не слышно. Свеча догорает. Сегодня, вчера... Как странно они звучат, эти слова, здесь.

Слова любила. В букеты их собирала. И я тебе их дарил. Смущалась, радовалась. Прячала, я забывал, а ты вынимала вдруг: вот они! Да, слова. А книги – какие любила? Я не про те, что прочла, их тысячи. Ведь как ты читала? Только открыла – уже прочла. Что ж ты запомнила? Всё, оказывалось. И тут же бралась перечитывать по второму и третьему разу. За несколько дней. То, что мне б на полгода хватило. Я ведь медленно передвигался от слова к слову, разглядывал буквы, окукливаясь, как шелкопряд. То есть, скорее, не передвигался, а превращался. И, перейдя на другую страницу, едва уже помнил, что там было на предыдущей. Разве что, состоянья свои, переходы. А она что пересказывала? Тончайшие партитуры – не только написанного, но и того, что за ним стояло – замысла, недопроявленного, возможного. Хотел, чтобы она вернулась к записям, к прозе. В юности начала и резко оборвала на взлете. Почему? Уходила от разговора.

Быстро и жадно. Жгуче, не оторвать. Так читала. А кофе? Еще ко рту не донес чашку, а она в своей уже гущу доела, смотрит в кофейных усиках на меня, облизывается. Как геккон, говорю, облизываешься. И еще что-нибудь в том же духе, подначивая ее, видя, что слова достигают цели, и губы ее начинают подрагивать и по-утиному выгибаться, и вдруг слезы горохом сыпятся, а она, как ребенок, так беззащитно в глаза смотрит, *мне* плачет, и такая жалость и нежность к ней, что все во мне обмякает, все, кроме... и такая она желанная, и обнимаешь ее, а она уже остановиться не может, текут, сыпятся, отвела голову вверх и в сторону, гордая из последних сил, и дышит так глубоко, будто там не грудная клетка, а брошенный дом или яр бесприютный, и ветер в нем ходит, дышит во тьме. И это дыхание ее пустынное и надрывное меня не то чтоб пугало, но понуждало как-то внутренне заслоняться, будто там не она, не ее, а может, и не человеческое совсем, другое. Дышит, вздрагивает еще, но вот просохло, как после дождя, будто его и не было. Так и любила – жадно, жгуче, всё или ничего. Хватаясь за воздух, за жизнь, как тонущий. А потом, придя в

себя, шепотом: Взроля, что это было с нами, кто это приходил? И так же курила – в несколько резких глубоких затяжек, не отводя руки, и нервно гасила, выкуренную почти до фильтра. Вспомнил, как проголодались в горах под Тибетом, а есть нечего, булок купили, зашли в монастырский дворик, сидим, едим, смотрим: три бритоголовых мальчика в свекольных подпоясанных халатах выбежали на перемену, отсчитали шаги, кидают денежку в лунку: кто попадет. Я обернулся к ней, а она, не замечая взгляда, так быстро и жадно ест эту булку, едва не давится, глядя на этих мальчишек. И мне вдруг так муторно стало, и что-то я ей сказал нехорошее, вроде бы с юмором, но ведь не скроешь. Поперхнулась, отбросила булку, встала, уйти хотела – куда? – горы вокруг, снега... Она ведь тогда на третьем месяце уже была. А я на каком? Жгуче, жадно... И вдруг – медленно, тихо, с холодным вниманьем, как уже ничего от жизни. Так и сердце в ней билось – будто стучат во все кулаки, каблуки – в стену, в лед, снизу. И – ни звука, где ж оно, сердце ее? Едва подрагивает, как на ветру травинка.

Или вот об азарте ее и интуиции. До нашей жизни, когда нужны были деньги, ходила к игровым автоматам. И брала ровно ту сумму, которую для себя намечала. Беспроигрышно. И ни копейкой больше, уходила. Потом, перед нашей встречей, бросила. Или вот с алкоголем. Мы ведь оба на нетвердых ногах сближались. И у меня, и у нее был «период», так совпало. Не то чтобы горьких, но шатких с собой отношений. А проснулись на третий день, и как отрезало – на годы.

Странно всё, ничего о ней я не знаю. Вот семьсот дней и ночей проводи с человеком – ближе ресниц, и ничего не знаешь. Даже простые вопросы ставят теперь в тупик. Ну например: добрая ли она? Чуткая – да, добрая ли? Но возможна ли здесь определенность, не вступает ли интеллект в непрерывное противоречие с этикой, и, чем больше он развит, тем труднее им договориться? Поля превращений. И никаких точек. Одни дочки.

Сидят они на веранде – Розанов, Флоренский и биолог Каптерев, пьют чай. Розанов спрашивает: господа, вот есть гусеница-куколка-бабочка, в которой же из них заключено «я»? Ведь не может же быть, что у них одно «я» на троих. Флоренский задумался и сказал: конечно, бабочка есть энтелехия гусеницы и куколки. Каптерев, отхлебнув чаю: открыто наблюдениями, что в гусенице, обвившейся коконом, и которая кажется умершею, начинается после этого действительно перестраивание тканей тела. Так что она не мнимо умирает... Только на месте умершей гусеницы начинает становиться что-то другое, но именно этой определенной гусеницы, как бы гусеницы-лица, как бы с фамилией и именем, ибо из всякой гусеницы, сюда положенной, и выйдет вон та бабочка. А если вы гусеницу эту проткнете, например, булавкою, тогда и бабочки из нее не выйдет, ничего не выйдет, и гроб останется гробом, а тело не воскреснет.

Да, так какие же книги? Не те, которые ее будоражили – об авантюрах науки, перипетиях открытий, такие толстые, важные книжки, с жизнеописаниями. Нет, те, что любила. Набоков. Гоголь, конечно. А еще? Школа для дураков... Да, он тоже был егерем, когда писал Школу. Снизошла высшая милость. Сидел в засаде, стрелял. А потом оказался между. А еще, из другого ряда? Вот – Андерсен! Знала его почти наизусть. И тогда, в начале, каждый день перед сном, прижавшись всем телом (оба на правом боку), тихо, куда-то в затылок мне его пересказывала. А потом я все удивлялся: как это – слово в слово, а когда сверял – те немногие расхожденья оказывались не в его пользу. Разве это возможно? Про мотылька, его летаргию между оконных рам... Да, был егерь, а стал мотылек какой-то. Не смейтесь. Я не смеюсь, сказал бургомистр. Может, ты гамаюн? – спрашивал через плечо. Гамаюн Родионовна, няня моя? Да, отвечала, а ты – нянин бок. Куриный? – смеялся, пряча лицо в подушку. Куриный твой бог. Нет, поправляла ты, – бок, нянин бок, у Собакевича, с гречневой кашей. И засыпала меня, заговаривала, гладила спину, пересчитывала позвонки, называя каждый каким-то особым именем, и плела про них что-то чудесное, несусветное, вкрапляя науку, детскую магию, черт знает что. Жаль, что я теперь ничего помню. Да и тогда – разве можно было все это повторить? Подергивался, вздрагивал, засыпая, а ты все гладила, все плела... Ну до свиданья, шептала, и такая дивная музыка была в этой горсточке слов. Ну до свиданья, я отвечал, спиной к тебе, погружаясь все глубже, как ныряльщики вдоль каната с отметками глубины – до свиданья... А потом и ты засыпала – сразу, в одно касанье. А я не умел так, с детства. Ты просто дыши, как во сне, говорила, смотри: вдох, выдох... Смотрю – ты уже спишь.

Помнишь, как я поначалу спал? Ничком, руки скрестив на груди, а ноги – одна за другую, сцепив их. Будто в психушке, связанный. И эти разряды тока – то вскидывают, то отпускают. И так часами, пока не отключат. Странно, говоришь, а днем ты – веселый ветер. Да, с этой песней я и вставал, танцуя, фигуры изображал, певчую азбуку на одной ноге, а ты, подтянув одеяло к глазам, смеялась. Но скоро совсем, уже через месяц что ли, эти мои веревки стали слабеть, и вдруг исчезли. Помнишь, как мы однажды проснулись: лежим на спине, взявшись за руки накрест, и до ушей улыбки, – так и спали всю ночь. И Мотя со шкафа смотрела на нас, свесив ноги.

Мотя. Эту деревянную фигурку я привез тебе из Германии. Неопишущая. Слезы в горле, и целый роман, столько всего рассказать можно, на нее глядя, а еще больше – невыразимого, не-сказанного, что так мы любили, именно это, да? Мотя. Тонкая грань – между женщиной и... лощадкой? жирафом? Но об этом не думаешь, как у Норштейна, – сразу веришь. Сидит. Колени свела. Целомудренно? Чопорно? Руки на них лежат, покорные, терпеливые. И текучее тело плавно расходится вверх – от лодыжек к бедрам и сужается к тихим покатым плечам, тонкой шее и маленькой голове. Смотрит. Будто бы вдаль. Нет, чуть потупясь, и ждет. Сидит, на самом краешке скамейки, которой под ней нет, и ждет. Поезд, который не придет никогда. Может, что-то незримое держит в руках на коленях? Ридикюль, например. Могла бы. Или чулок недовязанный, позабытый. Или книгу. Да, книгу, скорее. Что-то из полузабытых французских романов. Но нет ее, книги, только ладони лежат на коленях. Темное дерево, гладкое, в рыжеватых разводах – палой, поздней листвы. Так одета она, с чуть обиженным старомодным достоинством. Такая нескладная и торжественно чудная. Ей бы к людям, но люди не примут ее. За «привкус несчастья и дыма»? За жалость, которую источает? За это щемящее ожидание, которое всех нас переживет?

Мотя. Так я звал тебя, помнишь? И с рынка тащил полные руки колбас, кулебяк, овощей и сластей, и арбузов, и дынь, а ты мне звонишь и звонишь, моешь пол и звонишь, и стираешь-звонишь, и готовишь-звонишь, и стоишь у двери-и-звонишь в этой шапке-барбоске моей, в моем свитере, чтобы запах был мой, и все ждешь, семена под собою ногами от нетерпенья, потому что не можешь – физически – ни минуты быть врозь. Открываю, и ты обнимаешь меня: Робин, бедный Робин, где ты был, куда ты пропал? Так ты меня звала. Или Лео, Простолео, одним словом. Робинзон Леонардо. Когда это было? С кем? Где они?

Я, говорит, с удовольствием жил и с удовольствием умер. Скинул с себя одежду перед тем, как взойти на борт, и скользнул в саван, как девушка в подвенечное платье. Лежал и ждал. Какая же тут вина?

Покачивает. Свеча погасла. Как и вчера, в это же время. Погасла, и он возник. Не сразу. Так обычно и происходит. Гаснет, проходит какое-то время, потом открываю глаза, и он уже здесь, у дальней стены, слева. Ни разу не видел, чтоб открывалась дверь. И так же тихо и незаметно он исчезает, будто ждет этот момент, который и сном не назвать – так, проваливаясь куда-то, и через минуту смотрю: его уже нет.

Да, вчера все шло, как обычно: стоит у стены, спиной ко мне, перебирает бумаги в ящиках стола, ищет что-то. И не находит. Всякий раз не находит. Когда он умер, мать говорит: надо пойти, взять какие-то вещи, книги, записи, он что-то все время записывал последние годы... Не смог, и ее не пустил. Приехала служба, вынесли все, перебелили стены, замок сменили. Простить не может себе, и на меня с болью смотрит, мать.

Ищет, спиной ко мне. Ни слова – ни я, ни он. Обернется, задумается, куда-то вверх глядит, будто меня здесь нет. Да, в той же степени, как и его, наверно. Подмена какая-то, и не обнаружить ее, не назвать никак. Во всем, что здесь происходит. Даже стол, над которым стоит он, ссутулясь, – не тот, за кого себя выдает. Отец, тихо позвал его – тогда, еще в первый раз, когда возник. Вздрыгнул, замер, и еще до того, как повернулся ко мне лицом, я понял – не он. То есть он... Я не могу это объяснить. И вот в темноте этой вглядываемся друг в друга, мучительно долго, молча. И он, наверное, тоже чувствует эту подмену – во мне. Иначе бы, так не смотрел. Я же вижу. Но это ведь мы – и оба об этом знаем. Что же мешает? Не наша размолвка, не то, что он умер, что же? Не

он, и не ко мне приходит. Зачем же тогда этот облик отца? Если бы только облик. А что, если он то же самое думает и обо мне? С той разницей, что, наверное, знает ответ.

Когда ж оно кончится – все, что здесь происходит? Если оно происходит, если есть у него конец. Может, я невнимателен? Отвлекаюсь все время. И поэтому кажется, что ничего не движется, не происходит. Только покачивает. Да, как ты говорила: прошлое и будущее – ад ума, не отвлекаясь. Или не ты?

Кашлял надсадно, стоял у стола, согнувшись, не мог дыханье восстановить. Зверский бронхит, каждую зиму. Да, это он, его голос. И куртка его – длинная, застегнутая до подбородка, и шарф темно болотный, в серебристую клетку. Перчатки, кепка. Сумка через плечо. Мерз всегда, кутался. Значит, осень, начало зимы. Или не значит? Здесь она мягче, все-таки юг. Похудел очень. Небрит. Да, когда нездоров, не бреет. А было бородку носил. Недолго. Ему не шла. Бородка скипера.

Спиной стоит, смотрит, будто в окно. Нет его там, окна, здесь оно, на другой стене, – за картиной. Круглое, вроде иллюминатора, здесь, за этим копьём с бушменом. А там, за окном, что? Волны, снег над водой? Сад, марево...

Где я? Кто эта женщина – там, вдалеке? Степь, зной, дорога... И ты плывешь в этом валком воздухе, рвет тебя, выворачивает – речью, памятью, всем, что звалось жизнью. Нечем уже, только спазмы в горле, и эта ладонь у губ. Годы. Будто душа отлетела, но все еще здесь, видит, как тебя выворачивает – мной, нами. Видит, висит, как чучелко, как летучая мышь. Белые коридоры, за руку воздуха держишься, а в другой – ребенок. Маленький взрослый, зачатый в пещерке отшельника на краю обрыва. И ты обнимаешь его, чуть светлея, – как тьма огонек. Как тьма огонек... Я не помню твоё лицо. Как и ты – того, с кем была. И иду вдоль тебя, как вдоль стены, и говорю, говорю с тобой. Годы. С этим осиновым колом счастья, воткнутым в спину.

...

Может, меня и нет. Нет на свете. Кто мне сказал обратное, что говорит об этом? Никто, ничто. Барка? Юлия? Мальчик? Всё на белую нитку. Барка ли это? Даже если б я видел ее, но и этого нет. И что связывает эту «так приходящую» с той, с которой я жил? Или мальчика, этого, с тем, который родился? Еле держится все это поверх того, что прикрыто. Наспех, будто нарочно, чтоб видел. А что прикрыто? Поверх чего? И кто смотрит? В этом-то все и дело. Уравнение из двух неизвестных.

А меня что связывает с тем, кем себя помню? Ничего, кроме этих воспоминаний. О которых даже сказать не могу, что они мои. Где я, а где они? Вот именно. И потом, что мы знаем обо всех этих переходах? И что значит *после* жизни? После той, которую как-то отождествляем с собой... Как-то. Но как? Через других, другое – то, что вне нас. А что здесь, где я нахожусь, отождествляет меня с собой, подтверждает, что я это я? Или эти приходы отца... Еще неизвестно – кто к кому. И откуда.

Достаточно ли мне оснований, чтобы судить о происходящем? Кто этот «я», где это «здесь», кто приходит ко мне? Вот был мир, наполненный светом, и вдруг замигал, стал отслаиваться от сетчатки. И уже ничего нет, только ты все идешь по степи, прижимая к груди ребенка, а я – на другом конце света подымаюсь на ледяной перевал... А потом – эта комната, эта женщина, этот ребенок, этот я. И какая связь между ними, есть ли она вообще?

А какая связь между мной – здесь, и тем, кем я был? Это как с человеком, с которым был близок, и долгое время не виделся, а потом встретились – и неловкость такая, вроде бы не о чем говорить. Что-то случилось, я так долго не виделся – с собой, тем, которым был. А он – со мной.

Ты, Юлия, так на нее похожа, может, даже это и ты, то есть она, та. Но я не уверен. Что-то пропущено, я не могу связать. Говорила мне: я не та, я совсем не та, кого ты видишь перед собой. А потом сны ей снились, что не может вспомнить мое лицо, как песок сыпется, лицо сыпется как песок. Смотрит в него и не может вспомнить. Вот и я теперь.

Не верю, она говорит, я больше тебе не верю, – не в тебя, а тебе. Кто ты?

Ну, говорит, найдешь ты себе попутчицу на край земли. Что дальше, Джоши?

«Джоши». Вот так. Свободен. Пожизненно. Увидите.

Внешне она изменилась, очень. Даже родинка с левой щеки ушла куда-то. И голос – вроде бы узнаваемый, но другой. Похудела, вытянулась, распрямилась. Смуглой стала, а глаза светают. И движения отточенные, неторопливые, от внутреннего равновесия, – то, что ей никогда не давалось.

Рассказывает, подключилась к карте памяти и рассказывает. А что? Все возможно. Если есть Бог – всё. Если нет – тоже. Подключилась, и помнит, по умолчанию. Даже сны смотрит. Про веревку, которую кинула мне... Ничего она не кидала, вскрикнула и зажала ладонью рот, чтоб ребенка не испугать.

Разрыдалась бы что ли, обернулась, открылась, сказала: даже вот этим последним осколочком сердца я пишу и пишу тебе, и дышать без тебя не могу. Нет, пыль вытирает. Как пыль вытирают, водит рукой по книжным полкам, приподнимая все эти вазочки, сувениры, фигурки... Фигурки памяти. Нашей. Будто бы помнит. Нет, ничего не дрогнет.

Сегодня, она говорит, уже получше, даже солнце мелькнуло, почти безветрие, легкий бриз. И Лёньке легче, кажется, вроде не кашляет, повеселел, играет там в капитана. Да, говорю, он – в капитана, ты – в Юлию, я – в егеря. Улыбнулась. Так егерь он был или охотник? Все же есть разница. Сняла с меня покрывало, растирает ноги. В одних переводах – егерь, в других – охотник. Jäger – и то, и то другое. Да, говорит, нас бы всех посмотреть в подлиннике. И то, и другое. Совсем не чувствую, будто их нет. Сидит, пустоту растирает. Как сон. Все, что здесь происходит.

А еще есть такое зыбкое забытие, пограничное, сны интуиции. В мелкую сеточку, сквозь которую видно. То, что зрению не дается. Все возможно. И егерь тоже. Или вот, в Бодхи-гайе, когда Далай-лама в глаза смотрел – неотрывно, молча. Сквозь мелкую сеточку. Через годы.

Может, она что-то подмешивает мне в еду, питье? Зачем, какой смысл? Сидит у ног, мнет пустоту, ничего не чувствую, втирает какую-то дрянь. Знаешь, говорит, сегодня опять невероятное снилось, апокалиптическое. Будто все на Земле погибло, и я осталась одна. И каким-то образом – видимо, от всего, что произошло, – я обрела бессмертие и научилась летать. И вот я лечу и вижу под собой одни лишь дымящиеся руины – городов, библиотек, и все в такой, знаешь, тускловатой сепии, и тишь стоит страшная, и бездна лет у меня впереди. И во мне уже все языки – живые и мертвые, и я все шепчу на разных языках, все дую в этот пепел. И вот однажды, облетая какие-то джунгли в утренней дымке (ты бы сказал: в молочно-медовом свете), я вижу чудом уцелевшего зверька, детеныша, и найду одного, начинаю искать еще и еще, и выхаживать их. И потихоньку строить Ковчег. Я наконец нашла этот путь – точку возврата в прошлое, как в компьютерных играх. Но только одна попытка. Только одна, понимаешь? Да, говорю, я тебе это уже предлагал, ты ответила: так, как было, не будет, а на меньшее мы не пойдем. Точка.

Вспомнил слова отца: плохого я тебе говорить не хочу, а хорошего мне сказать нечего. Так он ответил своей девятидесятилетней матери, позвонившей ему перед смертью, чтобы проститься, чтобы простил. Семидесятилетний, с другого конца света, шестьдесят пять лет спустя, как она его бросила. И повесил трубку.

Да, вроде бы никакой связи.

Потому что, она говорит, по сути своей ты не Адам, хоть я и не люблю критериев «мужское-женское». Ничего не называть, держать все «на вырост», и по большому счету – не отвечать, ни за что. Ты сам по себе. Когда есть возможность, ты – с другими, в том числе и со мной. Я не часть тебя. Задним числом напишешь: это я тебя любил. Никогда – в настоящем. Это повторяющаяся с тобой история. Любил, был другом, сыном, отцом – когда уже слишком поздно. Вглядываясь в тебя, не в наши отношения, – думаю, что тебе очень не повезло с тем, что ты меня встретил. Ты держишься за свою свободу, свои очертанья, хочешь быть ветром. Мне всегда это нравилось... пока я была рядом. Но есть женщины, которым это присуще не меньше, чем тебе, – оставаться собой, не растворяясь, дорожить этим балансом свободы и близости. Конечно, от таких не рождают детей. Я любила и люблю тебя за все, что в тебе есть. Даже с тем, что в тебе не знала. Но одной любви тут мало. У меня больше нет веры – в это самое пресловутое «мы». По твоим словам – отсиженное, как нога.

Холодно. И стены мятые, в трещинах, измороси. Как мешок. Где мы плывем?

Я не бросил тебя. У костра оставил, сказал: я вернусь, найду дорогу и вернусь за тобой. Бросил, предал, уже не вернется. И жгла все, что связывало тебя со мной. Отрывала по контуру и бросала в огонь. И приговаривала на всех языках – живых и мертвых, и дула в пепел. Летающая, бессмертная, одна на свете, с детенышем, и бездна лет впереди.

Ладно, не будем. Давай о другом.

Кто это встретился так чудесно, кто это жил друг с другом? Думаешь, мы с тобой?

Нет, не получится о другом.

Жила-была девочка с волшебным фонариком речи, таким ярким, что за ним эту девочку и не увидеть. Спрячь, говорит, под шапку эти тесемки, ты уже не ребенок. А мне: сядь у дороги и отрешись.

Стоял за деревом, смотрел, как ты на глазах менялась, и жгла, жгла этих двоих, мертвея и отдаваясь. Взрослея, наверное.

Нет, не так. Жила-была девочка, немножко нескладная, сильно счастливая, очень ранимая, любящая его «насмерть». Спала на его ладони, ела с руки, пела его, а он ее путешествовал. И всё всполошивалась: есть ли она, эта «чуточка» у него к ней, и где она? Я, говорит, умру, как то чудище из Каменного цветка. Умру, понял? А внутри этой девочки – мать, на часы смотрит: тик-так. От живота. Такая программа. Нет? Она понимает, она согласна. Ждет следующий поворот. Тик-так. И вот в новогоднюю ночь, на краю света, в маленьком городке Какинада, она ему говорит: «Ты не поверишь...»

Что же так холодно? Съежилось все до этого вымороженного мешка с тьмой внутри. Будто его за спиной на палке несут – покачивается.

Думаешь, мы с тобой? Нет, это они встретились – ребенки в нас, их детства, их книги, дворы, сны. Это они выбирают – семью, путь, друзей, любовь, все на свете. Они, а не мы.

И отца ведь этот брошенный мальчик вел через всю жизнь. Это его я ушиб, а отец подхватил его, падая, и уже не поднялся.

А твой где ребенок был? В шкафу, с фонариком? Чуть что – и в шкаф, запертый изнутри. Может, он и сейчас там. Прислушивался, говорил туда: я с тобой, выходи, будем жить, сына растить, перевяжем друг другу раны, простим, будем... за грибами ходить, книжки читать, что там еще? – к морю... свет в окошке зажжем. Нет, отвечала тихим холодным голосом, поздно, я не верю тебе. А на зиму, если в кармане чуть забренчит, говорил, – в Индию, на тот заповедный остров, втроем, с мальчиком, я все продумал: станем лагерем – там, у пещерки над рекой, и домик на дереве соорудим с веревочной лестницей, знаешь, такой настил с крышей, как у крестьян на полях от слоновьих набегов... Будем жить – костер, домик на дереве, джунгли... И мальчик будет расти – настоящий, наш... На луне, говорит, ты по-прежнему на луне. Какая лестница, какой лес, о чем ты? У меня двое детей, и еще ты – третий, мне вас не выходить. Я и сама чуть жива. Дай, говорю, помочь – тебе, сыну, мне уже ничего не нужно, все прошло... кроме нас. Отвернулась, вздрагивает. Плачет? Нет, просто холодно. Сухие глаза. Зябкие и сухие. Я, говорит, второй раз этого не переживу.

Может, это и не бушмен там. Похоже на маску. Кто же под ней? Не разглядишь. Тени, свечи. Лампа есть, но она не горит. Что-то с проводкой.

Она говорит: скоро мы приплывем. Что значит – скоро? Куда? Почему я ей должен верить? Я видел: там, за дверью, – инвалидное кресло и еще одна дверь, за которой пологий подъем, без этой лестницы. Почти дополз. Дверь заперта. Пробовал по ступеням, силы кончились. Там она и нашла, вернула.

Кто б мог подумать, что так обернется. Не переживу, говорит. А я – пережил?

Никакая это не барка. Хибарка, да. Флигель в том санатории на грязевом озере, где письмо на луну писали. В той степи. Но тогда почему никого нет? Где врачи, коридоры, улица?

Скоро, она говорит. Жена скипера. Не волнуйся. Нас ждут, нас примут. Барка. Тазик в ногах, клеенка. Перевернись на бок, можешь? Помогла, моет губкой. Кто, говорю, ждет – бургомистр Ривы? Да, усмехнулась, хоть юмор у тебя появился. К ногам перешла. Трое суток лежал без сознания. Расселина. Коленчатая, говорит, метрах в пятнадцати под карнизом. Снег смягчил. Откуда ей знать?

Ну вот, чист, как младенец, ложись на спину, вот так, укрывает. Почему я должен ей верить? А себе? Что я помню? Обрывки. Так все запуталось. И света нет. Никакой связи с миром. Нет электричества, говорит, дизель вышел из строя. Ни телефона, ни интернета. Веришь? – стоит с тазиком, улыбается. Верю, говорю, как не верить. Барка, ты, я, мальчик, скоро уже приплывем.

Как она называется, эта фигура на носу, на бушприте? Есть он у нас? Вот, а на носу – Гоголь, скользит над водой, да? В коляске, расправив крылья. Да, говорит, молодец, ты сегодня в хорошей форме. Идет к двери с тазиком. Сейчас вернусь.

Трое суток в этом кармане. А они искали ниже по склону. Еще и снег повалил. Видно, тебя ударило о карниз и отбросило в эту расселину. Так они говорят. Там еще деревце на уступе, сло-манное, и какой-то лоскут на нем, когда развиднелось. Сверху спустили лестницу, веревочную, глянули в эту заснеженную расселину: никого. И ушли.

Да, все так и было, наверно. Лестница, дерево, домик...

Сидит, не уходит. Сухие глаза. Зябкие и сухие.

...

Холодно. И ступени в наледи. Скошенные. Соскальзываю. Пять-шесть, и скольжу вниз на животе. Не за что ухватиться. Темень. Если бы встать, тогда да. Ноги не слушаются. Будто нет их. Но ведь есть, вот, за мной волочатся. А упали, как два мягких бревнышка за спиной, когда с настила сползал.

Не было ее сегодня. Весь день не было. А вчера? То-то и оно. Ты спала, а я леденец грыз, воро-чался. И говорил: вот был бы у нас фонарик посильнее, мы б на тот берег светили, а там россыпи леденцов мигающих. А она? Спят только люди с чистым сердцем, говорит, и умишком перепол-ненным. Которые не знают ничего, кроме сегодня.

Да, так могла бы сказать, это похоже. Еще три ступени, и поворот, там и передохнем.

До завтра, говорит, ослик на слоне. Это одна ступенька. Где-то под вами должна быть чере-паха. Это вторая. И на всем этом держится наша несчастная земля. Все, передохнем. Пусть она пишет.

Да, пишет. Мейл-агент, например. И ночь. Какой-то зимой. С видом на тот пустырь. Наледь. И ветер гудит, как в бутылку дует. Здесь. Темень, ни промелка наверху. Как же она спускалась сюда? Видно, поручни есть, но мне до них не дотянуться. Лестница. Может быть, и витая. Вер-ней, кривая. Как зеркало. И ведет куда-то вверх и в сторону. Где, наверное, другое зеркало. По которому ходит этот Ахав, капитан Пекода. С маленькой спящей душой в дуплистом дереве тела. Ходит, стучит по черному зеркалу своей костяной ногой, высматривает Моби Дика. И трое ма-тросов пьют за смерть кита-альбиноса, пьют ром из перевернутых наконечников своих гарпунов. А на мачте горит золотой эквадорский дублон – тому, кто первым его увидит. Лестница, снасти скрипят...

Значит, сидит у компьютера, пишет. В ночнушке сидит, все уже спят в доме, лампа, быстрые пальцы. Не спрашивай, продолжай. Будто ничего не случилось. Вы так же близки. Просто на дни разъехались между индиями. Будто не все, что осталось от вас, это губы, лишь губы по сторонам свечи. А за ними уже ничего, все кончено. Так она думает. И не понимает, зачем длить эту муку. Зачем из мертвых делать живых? Тех, кем мы были. Зачем имитировать их? Имитировать. Мне так не кажется. Помогите им немного – словам, интонации, – гляди, и затеплятся, обживутся нами. Слово за слово. Может быть. А иначе – ничто не может. Уже ничто.

Как-то надо отсюда выбраться. По одному, она думает. Теперь уже по одному. А как же маль-чик сюда спускался? Наверное, по той наклонной дорожке за дверью, которая заперта. Да, иначе не спустишься. Гладкое все, скользит, не за что ухватиться. Мятые, вывихнутые. Если это ступени.

Нет, не из мертвых, они живые, но не надо их трогать. Пока не надо. Слово за слово – чуть в стороне. Эту милую чуткую чепуху. Как мы умели. От которой вдруг замирало сердце. От чуть ли ни детского счастья. И засыпали с улыбкой. Вот-вот. Это. Когда уже в полусне. И все расстаться не можем.

Степь за окном воем, голова клонится, ты простужена, весь день у экрана, глаза красные. Всё, пишет, я сплю, я свирепый. Клик мышкой. Или enter? И тут же:

– Нет, ты только представь – на цыпках и шагами аиста. А рожица хитрая-хитрая, сияет.

Это она о мальчике. Вышла коврик с ним выбивать на снегу. А он ходил там, как аист, вокруг нее. Теперь я, запаздывая:

– Так называют маленькие буксиры: свирепый, непреклонный, яростный... Чем меньше, тем непреклонней. Да, чудесно про аиста. А коврик ему говорит: Лёня, не мог бы ты меня немного побить?

Передохни. Сломаны, значит. А может, и нет. Просто в землю ушли, как в былинах. Дунул мальчик, и ушел я в землю по пояс. Мальчик знает, где я, он меня сюда и привел. И ее тоже. Мальчик-махакала. Значит, и выход знает.

На чем мы остановились? Нет, не в ребенке дело. И не в любви – чья сильнее, нечего нам в ее силе меряться на локтях. Но разве могу я с тобой говорить об этом? Табу. Ни войти, ни уйти. Либо есть, говоришь, в сердце, либо нет. Либо-либо. А вот ангел, пишет Фома, может появляться то здесь, то там, и между этими точками не будет никакого временного промежутка. Как фотон. И не стареют они, как фотоны. И что у каждого есть свой ангел хранитель – у муравья, у темницы, у этих слов... Без промежутка. И там, и там.

Пальцы немеют. Дышишь на них и не чувствуешь – ни дыхания, ни пальцев. Закроешь глаза – светлячки плывут. Помнишь тот маленький заповедник на юге Индии? Анамалаи, да. Мы заблудились немного и уже в сумерках вышли к какому-то заросшему бассейну с остатками дождевой воды. И замерли: самка бизона приближалась к нему, а за ней на ломких ногах едва поспевал детеныш – нескольких дней от роду. Она опустила голову в этот бассейн, но вода была далеко, а этот детеныш потерял равновесие и ухнул туда. Тонул и выпрыгивал, и скользил по бордюру шеей, а мать, опустив голову, тычась в него, пыталась ему помочь, но рук нет, и получалось – сталкивала его назад. А мы стояли шагах в двадцати, за кустами, и я было рванул к ним, но ты меня удержала. Помнишь? Там еще, в этом лесу, был такой резкий змеиный запах. От всего – от деревьев, камней, ладоней, от простыней, да? А змей не было. Лишь черные обезьяны на верхушках деревьев заламывали руки, надрывно крича куда-то вдаль, и эти громадные бизоны в белых носочках на тонких лодыжках бродили в зарослях. Он все же выбрался, этот детеныш. Он. Не мы.

Что, ты легла уже? Или все еще у экрана? Много работы? Ну говори: горе мне, горе... Да?

– Извини, мы проспали почти весь день. Мальчика, который нашим интернетом заведует, я вижу в основном на столбах... в «кошках». Какие-то нескончаемые отклонения, обрывы, перекопы... Да, много работы, надо наверстывать. У меня тут брюхатая Мурля лежит на столе, и все время лапой в клавиатуру тычет, хочет тебе что-то сказать. И стонет во сне. И Лёнька стонет. Горе мне, горе... Спрашиваю у него: ты кто? Вздыхнул: любовь. А вчера Маруся сидит, машинально перекладывая из руки в руку его пластмассовую дорогу, которую ты прислал, а он подходит к ней и говорит: «Маша! это тебе не игрушки – это моя дорога». Ну а твоя где дорога, нашел? Как проживаешь?

– Сижу вот, чиню свои ветхие башмаки, отдираю подкладку плоскогубцами и вспоминаю, как в Кокраджаре на веранде чинил твои...

– Мои легендарные... которые обмотала пакетом полиэтиленовым, когда застужу потеряла в джунгле, во время забега... и все ноги в крови, в пивках. Я вчера смотрела Рикки-тикки, Ассам, похоже, и думала: а что ж они пивок не покажут? Тихо у тебя? Нет новостешек из мира?

– Пастух медведя съел и охмелел. Убрал крыло жесткости, теперь как парусиновые, папирус на ногах.

– Я нашла садху с зеркалом. Прислать?

– Не, там девочку я искал, о которой писал тебе. Садху не надо. Снежно у вас?

– Почти как в Индии. Сирень зацвела.

– Что ж скрываешь такие радости? Я тут в берлоге, по макушку занесен.

– Да, по телеку показывают твою макушку. Откопали?

– А какой с девочкой ты мне выслала? «Под елкой» – 094?

– Там какая-то неправильность в ее лице. Из тех, что тебя привлекали – фарфоровой инфан-
ты. Да, 094. У меня еще вишенка есть, твоя, с ликером.

– Немедленно! И держи во рту, пока деревце не зацветет.

Передохни. Столько усилий, и опять вниз, у этой двери. Не отчаивайся. Начни сначала, с первой ступени. Никто тебе не поможет, она говорит. Извне – никто. Внутренняя, значит, лестница. Пальцы не слушаются. Приморожены. А у него, значит, наружная, у егеря? Широкая, вертикальная, непонятной конструкции, между этим светом и тем, но не доходит немного до, как он говорит, «сиянья врат». Подожди, будет тебе и наружная. Только выберишься. Руки, потом тело подтягивается, а ноги – как бы в саях, след от полозьев. Да, как лошадка с саями, в горку. Дыхание. Равновесие внутреннего и внешнего. Руки, за ним тело. Освободись, она говорит, перейди в другое. Да, но во что? Вслепую. Все слепое – пальцы, плечи, живот, губы... Ты пишешь? Что-нибудь несущественное, по краям, чтоб не задеть. Видишь, я ведь тоже стараюсь. Что-нибудь легкое. В одно касанье. Как мы умели. С улыбкой, да? Хорошо бы. А помнишь, в Андра-Прадеш, ту пиджереу змеиную? Я нашел ее снимок в сети: оказывается, эта слепонья плыла из Африки, а потом ползла под землей, как маркшейдер, пока динозавры мерли... чтоб потом лежать у нас под крыльцом, слушать, как мы с двумя лесниками лясы точим. Представь! Забыл, как она называется.

– Да, я видела. Знаешь, сегодня Марусе кошмар про тебя снился. Что ты убил ее двумя ножами.

– Скажи ей, что это за безответную любовь.

– Именно. Лаконизм.

– Это я себя остановил, я многое хотел...

– Да, век короток.

Погас значок, ушла. Легла? Вернулась. Не спится ей. Чихает. Как маленький олень, пятнистый. Так вскрывает и замирает. И ноги под ночнушкой бежать готовы.

– А помнишь, Кальян нас в заповедник повез? Там еще беседка уединенная была...

– И вы бесконечно там разговаривали, чем сал и тик отличаются друг от друга. Расстроен был, что зверей не видать, и от этого надувался, как мохан. И перекармливал меня сладостями – видно, Деби ему сказал, что я фанатка разгуляек.

– А мы всё улизнуть пытались, удлинить поводок. И я звонил этому... РСС-нику.

– Да, звонил все время этому важному Дебиному старцу.

– Индре?

– Индраджи.

– А потом – пустой такой вычесанный лес, и машина впереди нас все время ехала, и мы злились, что они всех зверей распугают. А кто с нами был в машине – егерь, нет?

– Там какое-то поле помех было... Вот на обратной дороге, я помню, кто-то дорогу перебежал. Уже в сумерках. Нильгау?

– Нет, это в машине кто-то перебегал. А зверей не было, кроме кричащих вдали павлинов.

– Мертвенький лес и притихший.словно в нем всё есть, но на выходные его вымыли с хлоркой... Синеющий и пустой.

– Да, эти странички как-то склеились в памяти.

– Ну спи уже.

– Ты спи, а я парусник. Пойду струю изображу – светлей лазури. Хотя вряд ли.

– Грубиян ты, а не Лермонтов. Я ушла.

Ну как-то так. Потихоньку. Слово за слово. Ни о чем. Ладно. А мы пока продвинемся немного, отвоюем пару ступеней. Бутто – называется. Анкоку бутто, танец тьмы. «Ха», по-японски. Ха – и нет тебя, перешел в другое. Вещи, говорит, восходят по степеням совершенств, переходя из одного состояния в другое. И никаких скачков. Лейбниц говорит – Локку. Берешь себя за хребет и подтягиваешь. Вырезал из тьмы и вставил – на следующую ступень. Control x, control v. Как тогда, в мой день рождения, работой ее завалило, как снегом. Пишу ей: давай, помогу. А она так смутилась, спасибо, говорит, но мне даже стыдно тебе показывать – такая мур, поденщина... Еще и в

твой день. Ну пришли, говорю, посмотрим. А потом пишу ей: «Объединяем и разбиваем ячейки» – как перевести в именительный? Я не понимаю смысла операции со словом «разбиваем». Значит, ячейка уже есть? Потом что-то в ней объединяется и разбивается на более мелкие сегменты? Тогда без «на»?

– У меня уже плохо голова соображает. Я так рада тебе – не из-за правок, вообще. Сколько тебе годов-лет сегодня исполнилось, уже больше двух?

– Ан, два.

– А мне – сто пятьдесят четыре.

– Ту. Это плохой самолет, его снимают с полетов. Хотя я летал – много и гордо. Он был невероятный в те времена. Длинный и в огнях. Как Бродвей. А вокруг стояли маленькие самолетики, жалкие, брошенные, как детская обувь.

– Я тоже много раз летала с тобой. Сам посчитай, сколько. В первый – я очень волновалась, а ты играл в шарiki все время и мешал чувствовать ответственность минуты. И еще ты хлопал себя по коленям, когда наигрался в шарiki, и говорил стюарду с круглой попой: дядя, тигр хочет мяса. А во второй – мы читали теорию суперструн. Я, пожалуй, пойду спать, у меня переживаний много.

– Дэвид Бом: «Можно ли разделить углы таблицы по диагонали?» – Кришнамурти: «Да, это очень просто». Вот теперь иди.

– А ты завтра не исчезнешь? Может, я все-таки погибла нелепой смертью, и теперь ты мне снишься?

Вот. Уже чуть светлей, да? Я, говорит, тебе так рада. Казалось бы, дребедень такая, таблицы эти, а слово за слово, и уже что-то затеплилось. Трудно ей. На весу трудно. Тебе, говорит, хорошо: одна нога весу... Да, сейчас особенно.

Этот лаз на ту пещерку похож, где мы ночевали с ней и Марусей, на Тепе-Кермен. Нервничала, все домой просилась, Маруся. До истерик. Семейное. Голые провода, короткие замыкания. У всех – и у отца, и у нее, и у мальчика. Только мать тихоня, плавится под обмоткой. Подожмет губы, отвернется к окну и плавится. Семью восемь – синий кофейник, она говорит, Маруся, – так легче запомнить. Повел к хирургу ее, уздечку подрезать. Уздечку под языком. Та же проблема, что и у мальчика. Или другая? Это их благодущие – мол, у нас все в порядке, только тронь. Семейка. Когда из загса вернулись, мать на кухне что-то мела в углу, даже не обернулась, буркнула: поздравляю. Кого – веник? Да, как лошадке, эту уздечку... Лежит, занесенная, только глаз открыт. Только снег, снег, слепящая белизна, ничего нет под этим скользящим саваном...

Вы мертвы? – Как видите, – говорит егерь. – Но в то же время вы и живы? – В какой-то мере...

В какой-то мере надо расслабиться, перевести дыхание. Коляска стоит. Я бы смог на нее взобраться. Наверное. И выехать по той наклонной дорожке за дверь, если б она не была заперта. А ключ у кого? У мальчика? А мальчик у тебя в животе. А ты в Какинаде. А я стою у окна: там что-то чудесное происходит. На улице, между двумя рикшами, не помнишь? И Новый год, и петарды, и вихри ветра, одежда наша летит на веревке, и черевички твои летят к океану, бежим, взявшись за руки, жасмин в твоих волосах, и мальчик с пальчик в твоём в животе. Ни дня, ни нас.

Дополз до лежанки, лег. И глаза закрылись. Сколько я здесь уже? Не знаешь? Молчишь. Может, и ты, сломанная, лежишь одна в такой же пещерке. В такой же, другой. Там, в пустыне. И свеча догорела, как здесь, у меня. Лежишь, как та – возлюбленная английского пациента. Как ее звали? Он вернется, но ее уже не застанет. А потом, обугленный, ни живой, ни мертвый будет думать о ней, тосковать – до конца дней лежать в этой могиле памяти. Да, ты этот фильм любила. Но больше – книгу. Помнишь, читала, а я пуранки переводил? Вишну-пурану. Ну, не переводил – пересказывал. Про «наделенных разумом», про этих небожителей, которые не размножались. Потому как – ни страстей у них, ни творческого порыва. И тогда Брахма высек Рудру из огня и сказал ему: раздвоись на женщину и мужчину. Тот исполнил, как сказано, и еще на одиннадцать разделил мужчину, а женщину – не сосчитать. Помнишь? И тут же такой переход: существуют четыре гибели – промежуточная, проходящая, абсолютная и непрестанная. Четыре. Мы пока две прошли.

Снег за окном и два скворца. И еще белка черная, слюдяная. Я их кормлю с руки. Тихо здесь, лишь машины стоят припаркованные, а людей нет.

Ангел, сказал он о ней, о маме, отец. Ангел она, сказал, глядя в окно, а она сидела в палате, за его спиной, и все говорила, говорила с ним, а он и не слышал, смотрел в окно, как бы в окно. Вытерли кровь, когда он упал на лестнице, ступени вымыли, уже подсохло. Цветы на могиле вянут, не растут, сколько не пересаживай. Я не верю, что душа отлетает. Куда? Зачем? Дом ветшает, гниет, разлагается, и она с ним. В маленьких таких незримых червей превращается. Или в мушек слепых, бескрылых. Досасывают этот послед жизни и исчезают бесследно.

А ты что подковылаешь там, наверху? Юлия, жена скипера... Играешь с мальчиком? Сидишь у экрана? Драишь палубу?

Трудно мне, говоришь, я б хотела тебе помочь, но не могу. Это не должно было произойти с тобой. Но лишь в одном случае – если ты был с собой честен. Если тебе не нужно было совсем другое. Все это взаимосвязано. Разве не так? Просто ты зашел слишком далеко – в обратном движении. Ты всегда так и делал – не зная меры. Труднее всего поверить, что это случилось с тобой. Именно с тобой. Но и снаружи ничего не поправить. Только внутри тебя. Жить... найти, куда. Но вместо этого ты вгоняешь себя еще глубже, как гвоздь в доску. Подумай о чем-то светлом, переведи взгляд. Должен быть какой-то... дзен. Пропасть в два прыжка... или что там еще? Надо пойти в семь тысяч лет... Помнишь? Разум – он все время перерисовывает. Послушай сердце. У меня тоже не все так просто... и умопостижимо.

Сегодня, говорю, переправа снилась – между этим и тем миром. Динамичная пересеченная местность, с провалами, – и то, и другое движется. Огромные вязанки бревен – как качели – вниз. По ним нужно идти. Я треть прошел. Проснулся, помнил, потом ушло. Провал остался, качели бревен, вниз и вдаль. Легкая сепия, почти ч.б.

Это, говорит, труднее всего уберечь, тем более описать, но ты попробуй...

Нет, говорю, эти вещи беречь не надо, – они как глаз выколотый, как ожог, пятно родимое... Это ж не с той полки, где сны лежат. Но вот исчез, помню только, что был.

Третий пути. Или больше? Вот поворот, ниша. Ляг, передохни. А мы где лежим, на какой полке? Помнишь, в поезде, ты всегда подкладывала себя ко мне, не могла удержаться, и индусы покачивали головами, улыбаясь, чуть отведя взгляд. Просто прижаться, нос уткнуть в эту ямочку мою над ключицей, и ехать – дни, дни, в этом поезде без окон, без дверей, только гудок поющий – где-то там, далеко впереди.

Трудный день у тебя, мальчик болеет, и эти приступы твои – один за другим, а за окном – желтая пыль стеной, молнии, псы воют. Может, скорую? Нет, надо работать, скопилось много. Не отвечаешь. А я за пайком стою, здесь, у церкви, на Kantstrasse, за пайком для нищих.

Не отчаивайся. Как-то выберемся. Руки сначала, потом тело. Поворот. Еще неизвестно, что там на выходе. Что вверху, то внизу. Может, и нет ничего. И никого. Палуба в наледи, бескрайняя, накрененная, с дырой посреди, с этим лазом вниз. Кажется, что плывет. Или это снег так летит косо. И огни – далеко внизу, справа. Никого, и я иду, перебирая руками борт, чтобы не соскользнуть вниз. Верхний борт, как стена, высокий. И уже вижу его: стоит на носу, нет, идет мне навстречу – так же, как я, перехватывая руками, чуть ни висит на нем. Шкипер? А кто еще? Я не знаю этого человека. И выражение лица странное... Зеркало! Растресканное, снег метет. С днем рожденья!

Почему ты молчишь?

– Я не молчу, я здесь, пишу тебе. У меня есть кое-что, что мне очень трудно выговорить. Если свести совсем к коротким и простым словам: я очень соскучилась. Или, вернее, твое отсутствие снова стало причинять мне сильную боль. Физически. Я пытаюсь с этим сладить, но не могу. Когда ты летишь?

– Ты смутила меня. А до этого ты не чувствовала моего отсутствия? У нас как-то все разбросано, как тело Озириса, который ходит, душу свою собирает. Семнадцатого.

– Что значит – не чувствовала, когда весь этот год только об этом и говорила. Я ведь от тебя ждала. Но ты обходишься. Ты не понимаешь, о чем я. Боль, может быть, даже не от отсутствия. А от того, что и как это для тебя.

– Для меня это не меньшая часть жизни и боли, чем для тебя. Но, может, ты сейчас имела в виду физическую близость, по которой соскучилась? Кажется, ты снова вспыхнула. Почему?

– Прости, я не должна была. Нет, я не имела в виду «физическую близость». Боюсь, у меня не хватит ни сил, ни слов объяснить.

– Ну приведи нос, я тебя обниму, постоим немножко, если говорить не можешь.

– Жжется сильно.

– Да. Что ж тут придумаешь.

– Единственный человек, который мог бы мне помочь, – это ты. Но ты-то как раз помочь мне и не можешь. Но и не отпускаешь. А вдруг случится чудо и как-то все устроится? Уже никаких истерик. Но и никаких иллюзий. Я действительно не хочу того, что может стать для тебя адом. Но для меня ад – жить так, как сейчас. Ты говоришь – ты не вправе требовать этого от меня. Но и ты – не вправе. Что изменилось? Разве тон у обоих резче. Чего же ты хочешь от меня? Чтобы все оно так и висело в воздухе, непереносимом? Ну так непереносимо же, неужели это трудно понять. Не нам судить, от чего отшатывается Бог. Близь у нас разная, оттого и дали расходятся. Живи. Никто не виноват. Для меня уже давно перестали иметь значение все эти слова. Хотела написать тебе, что соскучилась, невозможно соскучилась по тебе, по твоему носу, ушам, губам... Ты разозлил меня вопросом о «физической близости». Хотела написать, что жить без тебя очень больно. Ничего хорошего из этого не получилось. И не могло: мы перестали верить друг другу. Не вообще, а на уровне кожи. Я спохватываюсь, надеюсь, что это можно залатать... если поддержать друг друга за руку, как ты иронизируешь, на кухне. Смешно и наивно, ты прав. Но потом ведь и вовсе не залатаешь... Ты говоришь: у меня ничего не осталось. А мы, как же мы? Во мне сломилось именно здесь – с рождением сына перестали быть возможными эти полутона, недоговоренность, этот пучок развития. Да и нет не говорите, черный белым не зовите, вы поедете на бал? Нет, на бал я уже не поеду. Недостает ли мне тебя? Это как «жалеете ли вы, что вас убило?». Мне все так же больно продолжать в том же духе. Но и так, как ты себе это представляешь, я уже не смогу. Замкнутый круг. Есть прошлое. Есть сын. Давай попробуем радоваться хотя бы этому. Хочется ли мне говорить с тобой, как раньше? Да, и одергиваю себя всякий раз. И все-таки, несмотря на всю эту кашу, которую мы заварили и горестно расхлебываем, тихо хочу еще раз сказать тебе: с днем рождения, взрослый. С днем рожденья...

...

Чуть неуклюжее тело подростка, и отдельно – лицо. Вот если представить, что от Земли остался какой-то обломок, столик с зеркалом, например, а на нем – снимок, лицо человека. Чобы знали – здесь жили люди. Снимок ее лица. И взгляд уже не отведешь. От этих глаз, в которых снега, дожди, листья метет, но все это там, где-то вдали, не здесь. От этой улыбки ее – чуть горчащей, как у сильного человека, живущего в одиночку. Лицо ее снилось. А под ним было тело. Тело как одно из самых странных событий. Это и поцелуем не назовешь. Будто мы, как растения, медленно, чуть касаясь, прорастали друг в друга и открывались, переплетаясь, так медленно, что, казалось, шли дни, годы...

Ведро, тряпка, выкручивает, пол моет. Как в избе. На корточках, босиком. Обернулась. Синяки под глазами. Не спит? Сейчас, говорит, вымою и будем ужинать, подождешь? Да.

Притворился слепым, и жизнь начала как-то складываться. Всякое самопознание, которое не может молчать, делает человека все меньше. Роль важна, а не ты. Это как вывалиться на сцену из-за кулисы. Кто такой? Нет в списке действующих лиц. Не считывается. Стал слепым, вошел в роль, начало налаживаться. Стал Гантенбайном, Измаилом, Гракхом. Стал шкипером, Юлией. Стал на ноги. Чуть присев. Как этот бушмен с копьем. Стал отцом. Мальчик булку принес: на, папа. Стал мальчиком. И видеть сны. Очнешься: а где ты? Не отвечают – ни «где», ни «кто». И все, что еще связывает с людьми, как он говорит, – биологическое родство. А может ли ролью стать «я» человека, его самость? Покачивает. Между кем и кем? Стены поскрипывают. Будто плывем во льдах. «Жизнь» – сквозь зубы звучит. По-русски. На чей он. А ты произносил ее так, будто она сплошь из гласных. Память твоя – не пес, и ты не хозяин ей.

С волны на волну. Лунки в палубе пробуравил, чтоб нога не скользила. Этот шкипер с костяной ногой из челюсти кашалота. Ахав. Да, Юлия? Ни жива, ни мертва. Что там, снаружи – снег? Чуть светлее воды? Как ты – чуть светлее той. Летишь, таешь. Как в песне. Не соберу. А он стоит на носу, вглядывается, что-то шепчет в эту снежную мглу. Черный китель на нем, брюки, заправленные в сапоги, морская фуражка, вглядывается, глаза закрыты. И ты протягиваешь руку из этой тьмы, ведешь пальцами по его губам, как бы застывшим в улыбке. За спиной у него стоишь, прижавшись к нему, заведя руку за его плечо. Ведешь пальцами по этой прорези в маске. Чувствуя его дыхание, когда он шепчет. И медленно, будто годы идут, пятишься, отдаляясь от его спины, спускаясь по лестнице, так долго, что остаются одни лишь шаги, я слышу их, все время слышу, но они не становятся ближе.

А там уже другая стоит за его спиной и ведет пальцами по этой прорези. За которой, может, и нет никого, – пустыня. Пустыня, где одна не может вспомнить мое лицо, а другая себя не помнит. Легкий поворот руля, притяжение какой-то дивной родины. Вот именно, дивной... И пятится от его спины, и поднимается по лестнице, по наружной лестнице, уводящей все выше, остаются одни лишь шаги, я их слышу, но они не становятся дальше. А он все стоит, вглядываясь, ждет, ждет...

Ужинаем, она что-то рассказывает, губы, вино, ответ свечи на бокале.

Как его звали, этого друга Измаила в «Моби Дике»? Квикер? Да, гарпунщик Квигер. Перед смертью он просит изготовить ему плавучий гроб, чтобы потом уплыть в нем к звездным архипелагам. Но неожиданно выздоравливает, а этот просмоленный гробик-челн привязывают к корме. А потом, когда корабль, затопленный китом, идет ко дну, на поверхность всплывает лишь этот гроб. В нем и спасается Измаил, единственный, кто остается в живых.

Губы, ответ свечи... Ну вот, говорит, убирая посуду, что тебе еще рассказать? Снится мне, будто мы где-то вдвоем: ты, я и маленький Лёла у меня на руках – где-то в гористой местности, похоже, в Индии. Какой-то туннель или пещера. И вдруг видим: впереди слон, огромный, бивни до земли, а перед ним – девочка, лет двенадцати или чуть больше, а в руках у нее скрипка. И как-то он ее хоботом бьет по рукам, по лицу, выхватывает эту скрипку и опять ей сует в руки... И ты встаешь между ними, чтобы ее защитить, и что-то ему говоришь, а он все больше приходит в ярость и уже крушит все вокруг – выворачивает деревья, камни, и начинается обвал, своды падают. Смотрю, прижимая Лёлу к груди: ни слона, ни девочки, а ты оступаешься и срываешься со скалы. А там, внизу, в котловине, маленькое озерцо, и ты летишь, летишь и исчезаешь в нем. Кричу – и зажимаю рот, и жду, жду... И вдруг ты вынырываешь – я бросаю тебе какую-то веревку, ты поднимаешься, говоришь: ну ничего, ну хорошо, что все кончилось. Давай вернемся к обсуждению, где жить дальше и как. И вдруг – а мы все выше поднимаемся в горы – сидит на камне косматый садху и улыбается. А на мне надета шапочка вязаная, непальская. И он говорит мне: сестричка, ты неправильно носишь ее. У тебя завязки болтаются, а надо их прятать внутрь и никому не показывать. Ты же не ребенок... А потом, поворачиваясь к тебе: а ты бы нашел себе камень и сел, как я. Только ты слишком долго ищешь. Он же всегда у дороги, его и искать не надо. А ты ему говоришь чуть насмешливо: я хоть и бороду не отрастил, как ты, но сижу на своем камне уж не меньше твоего, и что? А садху тебе в ответ: а ты сиди до тех пор, пока не начнешь улыбаться, как я...

Ну что, хорошую историю я тебе рассказала? Встала, взяла поднос, идет к двери, обернулась: спи с улыбкой.

...

Лёнька вчера приходил, корабли показывал в книжке. Поплывем, говорит, с тобой, папа. Вот на этом, и водит пальцем по фрегату в тумане. Разве мы, говорю, уже не плывем? На другом, папа, на другом. И так смотрит на меня, будто я не понимаю или не хочу понять.

Любовь взамен жизни. Разные у них пути. В пределе, наверное, – либо-либо. Вершина, избыток сил, чувств, веры. И рядом она – любушка. И вдруг обводишь взглядом: котлован, дно. И поди, разбери, что значит «на самом деле». То, что было, или то, что видишь теперь. Или то и другое в плену твоих представлений? Если обман первое, то в нем – твое прошлое. Если второе –

отсюда уже не выбраться. И тут она родила. Любовь еще потрепыхалась на ветру и погасла. Мы, китайцы, строители стены, завершили свой труд. Там она, с стеной, а я – по эту сторону. С кляпом во рту. Подумай, говорит, как строить свои отношения с сыном, но меня это не волнует. Я, говорит, не хочу никаких с тобой соприкосновений, ни в чем, и не пытайся, – мимо.

Спокойнее. Потерпи. Она очень больна. От больницы к бойнице. От боли к бою.

Нет, не там потерял я ноги. И падал не в тех горах, о которых она рассказывает. Но она закрыла глаза и о чуде думала, о маленьком парашюте на двоих, его и вынашивала.

Странно, что-то там все-таки было – в наших списках судьбы, жаль, я почти ничего не помню. Мы тогда отнеслись к ним с улыбкой, к этим хроникам Акаши. Отряхнули память, и всё. А потом тот разговор со свами в храме Марса. Ты, сказал он мне уже в спину, кончишь жизнь, как все ваши западные кумиры, – в коллапсе.

Две странички. Твои и мои. Переведенные с санскрита. Где они? Там, где и вся наша жизнь тогдашняя, вывезенная на грузовике в дачный пригород. Там и гниет в сарае. Что-то там было. Про отца, который скоро уйдет. Про дочь, которой как бы и нет у тебя. Про некое происшествие у меня впереди. И странное что-то про нас. Вот про нас ли? Это ведь мы так прочли. В твоей судьбе – некий мужчина, в моей – некая женщина. Сын у него будет. И у нее сын. Все подробно – твоя жизнь, моя, от рожденья до смерти. А тут – как слепое пятно.

Там, в сарае они, две судьбы, непрочитанные. Рядом с тем одеяльцем лоскутным, на котором сидела под батареей, обняв колени. Рядом с кастрюлями, книгами, платьями, обувью, тем рукавичком, который отрезала от моего старого свитера и надевала на голову вместо шапки зимой, чтобы весело было и мной тебе пахло. Там все это, в коробках, наш дом, милый дом, как ты говорила. Мертвый лежит, а душа отлетела. Две, точнее, души. Помнят его, но уже не вернутся.

А отец возвращается, но, похоже, не помнит. Видит ли он меня? Нет, наверно. Возвращается, но куда, к кому? Стоит у стены и смотрит в нее. Как в окно. Может быть, там и есть окно?

Выходит, только она и любила – Юлия? Пока в мою любовь верила, ловя ее зеркальцем. Вонегут говорил где-то: лучше люби меня поменьше, но относись получше.

Мама, когда была беременна мной, пишет отцу: ты не волнуйся, все у нас хорошо, мальчик наш нраву мирного, мы тебя не беспокоим хлопотами, справимся, главное – чтобы тебе было светло, тогда и нам счастье будет, так что не пугай себя понапрасну, примеривая неподъемные доспехи отца и мужа.

Была ли у них любовь? Прежде этот вопрос обескуражил бы. Таких ведь и встреч не бывает, потому и сожгли себя заживо, вспыхнув от спички. И потом поднялись из пепла навстречу друг другу – те или то, что смогло подняться. Так я думал, пока рос между ними.

А потом, когда он слег, я ведь маму удерживал потому еще, что видел, как ее всасывает в воронку его смерти. Себя удерживал в стороне, чтобы ее в стороне удержать, видя, как она рвется – к нему и внутри себя.

А дед? Как он относился к своей жене? Были ли у него женщины, кроме нее? Нет ответа. Тихо прошел сквозь жизнь, две-три фразы. Да, собак он любил, собак и карандаши. Знал латынь. Дорогу переходил, не глядя на светофор. Так и погиб – в восемьдесят, под грузовиком. Из вещей ничего не осталось. Костюм, медаль за Берлин, карандаш, точилка. Войну сапером прошел, вернулся, ни слова о ней. Волосы облетели, а лицо – ребенка, с улыбкой. Так и в морге лежал – с улыбкой, на той стороне лица, которая уцелела.

Помню еще ружье на стене, двустволка, а патроны – в столе лежали. Отец тогда поступил в общество охотников. Мне лет пять было, кажется. Куда ж оно делось потом? Так и не выстрелило. Потом, уже незадолго до его ухода, мы с ним гуляли в парке и как-то он вдруг вздохнул о скоротечности жизни, что было несколько неожиданно от отца. Нет, не то чтобы тяжело вздохнул, со скрипом, а – как там у Соломона про семьдесят лет? – мол, и они проходят, и мы летим. Как-то так вздохнул. А я: ну да, чего за нее цепляться? Нет, резче оно прозвучало, в смысле: *тебе*. Он чуть отпрянул, но сохранил улыбку.

Лет человеческих – семьдесят лет, и лучшие из них – труд и болезнь. Лучшими они у него и были: труд – казенный, чуждый, и болезнь – с юности и до смерти. И сын. Увидев которого в

детской коляске, сказал жене: прости, тебя я любить буду, а вот *это* – вряд ли. И впрягся в лямку моей судьбы, во все лопатки тянул ее вместе с мальчиком – тем, который внутри. Вот *это*, полвека спустя, его предало, свело в могилу. Может, здесь ноги? Здесь они отнялись? И эта барка – его челн, его домовина?

Как-то сказал ему: я – вторая попытка твоя прожить. Вот к чему она привела. Та же палата, только черная, без окна. Там к нему приходил ангел, бывший. Здесь ко мне – Юлия, тоже жена, ничья.

Человек ведь живет в стороне от себя. Ближе, дальше – кто как обустроится. Там живет и там умирает, в стороне.

...

Ушел во сне. Так сказали. Дай-то бог. Не покончил с собой. Хотя вряд ли тут правды добьешься, не в их интересах. Да и внутри меня что-то мешает ее добиваться. Отчасти, наверное, то же, что мешало войти в его дом после смерти. Как и в тот дачный сарайчик, где разлагается наша жизнь.

Что осталось? Слова, которые раскладываешь, как карты таро. Те же карты, на тех же местах, как и лежали. Только теперь они перевернуты: те, что вниз головой, – вверх, те, что вверх, – вниз. И читается все по-другому теперь: вся жизнь. Как же они перевернулись? Или это я, не заметив, оказался с другой стороны, будто стол обошел и смотрю оттуда?

А егерь откуда смотрел? Все шло хорошо, делал свою работу, люди его ценили, продвигался по службе, достиг всего, что было возможно. И сорвался в ущелье, отправился к мертвым. Но тут, на переправе, произошел какой-то сбой, и он завис между берегами – ни мертв, ни жив. Он вспоминает свою жизнь и не находит в ней ничего, что могло бы привести к такому исходу. В чем же дело? Чья тут вина? В своей жизни он ее не видит. И не думает, что здесь вина перевозчика. Он полагает, что это – случай, неожиданное отклонение некой магнитной стрелки над переправой. Притяжение, он говорит, какой-то дивной родины, легкий поворот руля, миг невнимательности Капитана. То, что такой сбой время от времени может случаться, похоже, не вызывает у него особого удивления. Мучит другое: почему именно с ним это произошло? А если беспричинно, просто рулетка случая остановилась на нем, тогда вопрос не менее трудный: что его ждет, изменится ли его положение когда-либо, и с чьей помощью, если, как он уверен, никто не в силах ему помочь. Он с радостью принял смерть, он скользнул в нее, говорит, как невеста в подвенечное платье. Скользнул, как простодушный христианин. Тут-то все и случилось. Не по его вине. Так он думает. Иначе – где она? Где она, а где он. Он находится между, ровно посередине: ни жив, ни мертв. При этом, хотя шансы равны, у него нет упований на возвращение в жизнь. Он хотел бы прекращения этой муки, завершения жеста, хотел бы, если только возможно, но именно это и безответно, – смерти. Которая, может быть, не придет к нему никогда. И отсюда вся мера отчаянья – от неразрешимости этой муки, ее бесконечности и бессмысленности. Поставленных под вопрос. Вот что он упускает из виду. Он не богооставлен. Или, допустим, не Богом, а Провидением или неким, как он говорит, Капитаном. Его путь находится в поле зрения, больше того – постоянно прокладывается, имеет развитие. Челн плывет, и то и дело что-то происходит в пути. И если смысл происходящего не считается егерем, это не значит, что его нет. Или егерь что-то недоговаривает? Отводя взгляд от очевидного. Почему? Голубь сообщает бургомистру Ривы о прибытии барки с мертвым егерем, просит, чтобы он его встретил. (Голубь, заметим, – в той традиции, к которой принадлежат оба, – Дух святой, символ Благой вести, или просто – вестник жизни. Допустим, в этой истории его роль другая. И все же.) Значит, барка не без руля, она управляема. Тем, кто стоит за вестником, кто прокладывает путь, заранее намечая предстоящие события. Как, например, эту встречу с бургомистром. В такой-то день и час, в Риве, на берегу озера, в желтом доме, на втором этаже. И шкипер причаливает в указанном месте в назначенный час. А Юлия кормит голубей, которые слетаются на корму барки и возвращаются на площадь перед домом, куда только что внесли егеря. И все это лишено преднамеренного смысла? Не может егерь не видеть этого явного противоречия. Дальше. Почему бургомистр без колебаний идет на встречу? Во имя города, как

сказал голубь. Почему она происходит наедине? Зачем высокий чиновник выслушивает историю егеря? И зачем егерь рассказывает ее именно ему? И потом, при их социальном неравенстве, разговор ведется на равных, даже с перевесом егеря. Перевесом случившегося с ним? Но все это вторые вопросы. Первые – сколько бы ни стараться представить происходящее бессмысленным, уже сам факт этих встреч, сказанного и услышанного не может не образовывать смысл и не влиять на дальнейшие события. В чем же этот смысл? При том, что, судя по всему, встреча эта не только не случайна, но и не единична. Когда бургомистр рассказывает о голубе, егерь ему отвечает, что, мол, да, обычно голуби возвещают о его прибытии. То есть речь идет о привычном, едва ли не будничном деле. И эта встреча в Риве – не первая и, вероятно, не последняя в их черед. Ни частота, ни география этих встреч нам не ясна. Возможно, за сотни лет (даже если допустить, что это субъективное, а не календарное время) география их уже настолько широка, что покрывает большую часть земли. Вероятно так же, что встречи эти не похожи одна на другую. Хотя бы уже потому, что меняется место, время и собеседник. Кто выбирает их, кто намечает эту траекторию, нанизывает на нее эти встречи, кто собирает смысл? Барка движется, причаливает, происходят последовательные, относительно ожидаемые или, возможно, совсем неожиданные события, движется дальше – до следующей остановки. Странно, но все это не в поле зрения егеря. Внимание его отвлечено другим: произошла неизъяснимая ошибка или описка – в слове, в слоге, которым была его жизнь. Некая Рука над ним в решающий миг почему-то дрогнула, отвлеклась. Вот что он думает, куда вглядывается. В меньшей степени – почему это случилось именно с ним. И совсем в малой – как с этим быть. Похоже, он смирился со своим положением. Во всяком случае, ни ропота, ни каких-то попыток что-то понять, изменить. Похоже, он не верит в саму возможность каких-либо изменений. С чьей бы то ни было стороны. Со временем его положение достигло даже, как это ни странно звучит, определенной стабильности. Барка, Юлия, шкипер, движение, остановка, носилки, встреча, возвращение, барка... Никто не придет, говорит, чтобы мне помочь. Сама мысль об этом – болезнь. Я это знаю и потому не кричу, не зову на помощь. Хотя в иные минуты – к примеру, как раз теперь: характер-то у меня необузданный – крепко об этом думаю. Но вовремя одергиваю себя: достаточно оглядеться и вспомнить, где я. Так он говорит бургомистру. Но есть пара моментов, которые вызывают сомнение. Необузданность характера. Где, в чем? Она совершенно не проявлена в их разговоре. Напротив: на всем протяжении – логически ясная, интонационно ровная, спокойная речь. Крепко думает, как например, в эту минуту? Не видно. Здесь не мышление, а готовые, давно отстоявшиеся, его результаты. Не зову на помощь, потому что сама попытка ее – безумие? И далее апеллирует к здравому смыслу: мол, никто ведь не знает, где я, а нашли бы, так не знали б, как помочь. Странно звучит. Как любая логическая мотивация при отказе от попытки спасения в его случае. Или речь идет не о крайнем отчаянье? Была ли ему известна история Иова? Наверное. Молится ли он, уповае ли? Нет, похоже. Претерпевает? Да. Но что-то еще. О чем-то он не договаривает, такое чувство. Может, это приоткрывалось в других встречах? Нет ответа. А что происходит с теми, с кем он встречался, – где они, сколько их? Десятки? Тысячи? Возможно. Связаны ли они между собой? И что означает их связь, к чему ведет? Или уже привела? Помнит ли их егерь? Судя по адекватности его сознания и памяти, – да. Все эти люди – в нем. Никто не прочтет, говорит, что я напишу.

Если бы все вернуть. Если б войти к нему – тогда, в ту палату, взять за руку... Я бы не был теперь здесь, в этой камере. Да и он бы, может быть, не ушел. Да, отец?

Смотрит. Давно уже. Стоит у стола, обернувшись ко мне, не видит.

...

Подвесные сады, мертвенный рай, тишь, охрана. Можно выйти на балкон с балюстрадой: Ганга в пенных порогах и по берегам поселок, ашрамы, рынок, пустырь, шамшан, дым от костра, жгут кого-то. Дым стелется к чертову колесу, вчера его еще не было. Цирк приехал, молотки стучат, ярмарка. Обезьяны к окну припали, вглядываются. Месмерический сад под окнами: ручьи, заводы с миниатюрными водопадами, ботанический вавилон, садоводы с ножницами, расческа-

ми, ходят, стригут, чешут эти парсуны древесные, моют, переодевают, песни шепчут. Мандир за оградой, рупор на дереве, пение мантр, хлопки ладоней.

Спустились к реке, сидим, смотришь на нее, слушаешь, и с улыбкой возвращается взглядом к ребенку. Лёначка, шепчешь, Лёла, и он чуть загребает рукой воздух, поскрипывая во сне, как брошенные качельки. То здесь, то там, вдалеке, где только ветер с песком, ветер-отец и песок блудный.

Помнишь ту девочку – в цунами ее унесло в океан, без вести, плыла, прижавшись к оконной раме, вниз смотрела, в стекло. Так и плывем. А вокруг сказочно. Ты стекло, я девочка. Ты девочка, я стекло. Once upon a time...

Беззащитность такая, голость. И ничто не держится на ногах, ни день, ни ночь. Светлой радостью через край, как в плохом кино.

Осликов привести хотел. Небольшой табунок из горной деревни, привязать к ним воздушные шары с гелием, много шаров, чтобы ты проснулась, глянула в окно: с днем рождения, Взрослый! Передумал. Улизнул чуть свет, звоню: приезжай к Джаянту, жду. Нашел дерево – лежит, будто только и ждет. Принес, привязываю шары к веткам, тут и вы подъехали с Лёнькой, нарядные, возбужденные. На нем разлетайка с вышитой свастикой и клетчатые штаны на шлейках, рот приоткрыт – дельфиненок, поцокивает улыбкой. А на тебе – этот индийский кутюр, что мы пошили, и шаль на плечах ассамская, как вечерний свет в листве, – от жены лесника. Три музыканта сидят у стены, на корточках, прижав к груди инструменты – валторна, труба, барабан. Бхагават, брат Джаянта, их привел. Нашептал туда, запрокинув голову, вот они и упали с неба. Андерсен их сочинял, древнеиндийский, раскрашивал вместе со всеми детьми на свете. Эти сказочные кивера, ярко-желтые доломаны, подвязки, перья и резиновые сапоги, салатовые. Идем. Впереди музыканты, за ними ты с мальчиком на руках, потом я с этим веселым деревом на плече, и за нами – чуть ли не весь поселок, приплывшая. Индия как одна песочница. Унц-унц, барабанная дробь, унц-унц, труба, валторна. Вот мои годы, вот мой день, – в такт выкрикиваю, пригибаясь, ветки путаются в проводах, лопаются шары. Мост подвесной, обезьяны в испуге по канатам взлетают, верещат. Унц-унц, сели в лодку, вверх по течению плывем. Лес, валуны, островок песчаный. Вышел, воткнул дерево; вон оно, на ветру трепещет, отдаляется, уменьшаясь. Унц-унц. Сына родил, дерево посадил, написал книгу. Унц-унц, барабанная дробь.

И снова эта волна, ни с того ни с сего, середь бела дня. Стоит за углом, деревья разглядывает. Нефть на нем, а тюрбан фиолетовый. Агхори. Стоит, как насос смерти, всасывая ее, как растения хлорофилл, перекачивает, растет. Видит тебя. Куда бы ты ни свернул, хоть за три угла. Глаза прикрыты, тусклые щели, в пару десятков вольт. Полоснет взглядом, вспыхнет, и нет его. Только след, затор ноющий, как порез, или свет под дверью. Свет и мальчик, прильнувший к твоей щеке, с этой вскинутой ручкой куда-то за наши спины: там, там!..

Нет, не ели мы яблок. И так долго имя ему выбирали. И живем здесь так долго, будто это уже не мы. Тоненький свист, будто воздух уходит, весь. Мир так светел, как никогда. Те же деревья, та же земля, и – нет ее под ногами. Светел. Будто культи с этим чувством фантомным – счастья. И вот ведь: чем нежней и внимательней мы друг к другу, чем больше хотим мы унять это чувство, тем сильнее оно и тем громче этот тоненький свист. И чем громче он, тем нежнее и безысходней.

Был егерем – какая же тут вина?

Какая тут вина, – спрашивает Иов, Адам, Вечный Жид, Люцифер, Каин, – сидел в засаде, стреляя, сдирал шкуру. На мою работу снизошла высшая милость. А теперь болтаться на этой широкой, как море, лестнице – то выше, то ниже, то влево, то вправо, и биться этой мотыльковой баркой о свет – то тот, то этот...

Понимаю, говорит бургомистр Ривы, понимаю...

Электрик под потолком висит, меняет лампочки. Сэр, из сада кричат, забрасывая на балкон свернутый в трубку «Hindustan Times». Пармила на кухне гремит кастрюлями. Я в ванной, под душем стою, она дверь распахивает, никакого стеснения, садится на корточки рядом и начинает об пол белье колошматить, драит его костяным мылом и колошматит, и еще напевает что-то нежно-гортанное. На четырех работах она, Пармила, отгибает шесть пальцев: вот, на четырех. Будка

у нее в ущелье, в районе неприкасаемых. Мужа она грудью кормит. Три года уже как кормит. И что, спрашиваешь, проблем с молоком нет? Нет, смеется. Приводит его однажды, девочкой оказался, трехлетней. Каль, это значит завтра. Каль, говорит она, ярмарка, показывает с балкона на чертовое колесо. Просит позолотить ручку, завтра она не придет. Джари, говорит в дверях. Джари, ей отвечаю. Бог его знает, что это значит, может быть: ну всё, убралась, мол.

Тишь. Ни волны, ни луча, ни стрелы времени. Даже свет сюда не доходит. Тоненький свист, будто в ухе звенит. Не будущее, сказал, прошлое свое знать бы. Казалось, там еще живо всё – бродит, где хочет, рисует пути-дороги... И вдруг легло. И уже не снимется с мест. Вот его очертанья. И тогда, будто только этого и ждало, и будущее ложится. Как черта оседлости. Не далеко уйдешь за околицу. Обозримо.

А потом – цок, и мальчик с кровати падает, головой вниз, на мраморный пол. Цок, как яйцо вареное. И тишь. Долгая-долгая. Звук выключен. Медленные движенья – твои, мои. Кажутся медленными. И уже из другого времени, крик его, слезы и забытье. Скорая, там, на верхней дороге, им сюда не спуститься после дождя. Двое в фургоне, к медицине ни сном ни духом, в углу – кислородный баллон времен Второй мировой. Поселковая клиника, какие-то разделочные столы, голые, металлические, как в рыбном цеху, люди лежат на них, скрюченные, полураздетые, видно, не первый год. Врач с фонарем ходит, длинным, в шесть батареек, приподнимает веко, светит в глаз. Мальчику светит. Долгие коридоры, дверь с табличкой: его благородие доктор такой то, занесен в книгу Гиннеса за проведение... черепно-мозговой... Не дочитываем, входим. Крохотный кабинет, стол, за ним человек в черном костюме, перед ним глобус, покручивает его пальцем. Тошнит? – спрашивает, выглянув из-за глобуса и задержав взгляд на ребенке. Цок, говорю, такой звук, как яйцо... Вздрагиваешь от моих слов. Цок? – переспрашивает, перегибаясь через стол, осматривая его голову. Там! – вдруг скидывает он руку, мальчик наш, в сторону глобуса: – Там! Крутится, вертится, оба смеются. Едем на бричке, ветром его обдувает, шалью укутала, только глаза видны, и рука под шалью толкается: там, там!

Нет ничего. Ни там, ни здесь. Чертовое колесо вращается, цепочки позвякивают. Тихие перелуки. Шаровая молния за углом стоит, объявленья читает, деревья разглядывает, дни идут.

А потом налетели лесные осы, величиной с шершней, сад шнуровали, что-то в нем зацвело, от чего они обезумели. Окна пришлось задраить, в марлю кутались, чтобы из дома выскользнуть. Пармила в больнице, еле жива осталась. Управляющий вызвал смертников – завтра придут выкуривать. Хорошо бы, он говорит, вас пару дней здесь не было. Есть у вас, где пожить?

В Раджаджи, да? Я так истомился по нашему лесу, тропам. Почти полгода безвыездно, в этой клетке. Тем более, скоро уже домой. Ну конечно, что ты разволновался так, я и сама хотела тебе предложить, только... Да, любушка, я обещаю, мы не пойдем туда с мальчиком, просто побродим вдоль кромки, поглазеем в бинокль, посидим у начала тропы, да? Это ты мне шепчешь в плечо, а я за тобой повторяю чуть посмелей. Только не в сумерках и не на рассвете, шепчешь, пообещай мне. Да, и Йогина повидаем, и семье Мохаммед-хана теплых вещей привезем. Ну, давай собираться.

Знаешь, вдруг вспомнил, как я люльку искал там, в крымской степи, для нашего малыша. Который еще в животе твоём был на последних днях. Чтобы подвесить эту люльку на балконе, и мальчик покачивался бы в ней, как в кораблике, и смотрел на ветки алычи в распахнутом окне. Но нет люлек, не плетут их уже в Крыму. И вот идем мы по этим степным высылкам – я, ты и Маруся, конец августа, зной, разруха цветущая. Борщевик жиреет над заваленным штакетником. Под ним мужичок лежит, занесенный пылью. А за ним, в зарослях крапивы, ящик виднеется, битый, из-под овощей. И я подымаю ящик над головой, и кричу тебе оттуда, из зарослей: «Вот люлька! Обтешем, зачистим, трюм обустроим, что надо будет!» И встряхиваю над собой этот ящик, а оттуда какая-то дрянь с трухой сыпется на голову, я уворачиваюсь, смеюсь, а ты стоишь в детской такой панамке в горошек, обхватив руками живот и приговариваешь: «Божечки, боже...» А Маруся так с открытым ртом и ушла домой, помнишь?

Ришикеш миновали, река за спиной, поля потянулись, островки леса. Лёнька спит у меня на руках, и ты подремли, не скоро еще. Вчера гуляли в саду за рекой, зашли на чаёк к Шушелькуме,

сидим под деревом, пьем, а Лёнька на траве лежит рядом с нами и всё кулачок вскидывает с поднятым указательным, садху поглядывают с улыбкой. Бык приблизился – тот исполин мраморный, один из двух братьев, обнюхал нас, и долго так смотрел Лёньке в лицо, а потом лизнул его. Как закат лодочку, говоришь. И стемнело.

Как закат лодочку... И снова эта волна. Ничего не случилось. Ничего из того, что можно назвать по имени. Будто кто-то с ножницами подошел к мосту и с обеих сторон отрезал берег. Мост остался, на котором лежишь, в нигде.

А? – подняла голову, уже приехали?

«Маюр», тот же номер, на втором этаже, на двенадцать коек. Раджасан входит с подносом: яичница, чай, тосты. Прячет улыбку, рад. Давай к Мохаммед-хану завтра с утра ходим, а сегодня у реки погуляем, пока солнце не село? Потом поужинаем в саду, да? Обводишь взглядом комнату. Помнишь, нам подселили какого-то новозеландца что ли, он спал вон той койке в дальнем углу, не раздеваясь, в ворохе карт, путеводителей... А мы под тремя одеялами, с головой укрывшись, на вот этих, сдвинутых. Может, и Лёньку тогда зачали? Да, прогуляемся, говоришь, только не далеко, до просеки. Свитерок надела, бежевый. Нож, бинокль, фляга. Кажется, всё.

Мальчик немного сонный, покачивается на груди в этой сумке на лямках, из которой давно уже вырос. Лицом вперед. И кепка на нем с длинным козырьком от солнца. Шлагбаум, еще немного пройдем, до луга, где пасутся олени. Вот один, маленький, лежит у обочины, обглоданный, не смотри. Рукой до реки подать, уже видна в просвете. Здесь присядем. Он засыпает. Шаль подстелила, спит. Просека в обе стороны. Ни зверей, ни птиц. Тишь какая-то обложная. И деревья стоят – ни шороха. Сидим и смотрим на этот пуховый одуванчик в траве между нами. И поднимаем глаза друг к другу с улыбкой. Да, с этого у нас все и началось, с одуванчика. Вышли наутро к Москве-реке, сели на траву, а между нами такой же, только он тогда еще желтым был. И я тебе его подарил, не срывая, помнишь? Dandelion, одуванчик. Опустила глаза, сжала мою ладонь. След на песке. След тигра, свежий. Встали, идем, замирая, вслушиваясь. Темнеть начало. Тише, прижимаешь Лёньку к груди, ну тише, нет, надо присесть, покормить. Нервничаешь, вздрагиваешь на каждый шорох. Отвлечь пытаюсь. Это я виноват. Нельзя было так далеко. Кабанчик перебежал дорогу. Там, вдали. Нет, показалось. Луна взошла. Зябко, кутаешь малыша. Еще километра два. Вон уже и огни, мост... И вдруг – рык, низкий, глухой, будто сквозь шерсть во рту. Справа, из-за куста. Что ж ты стоишь спиной и смотришь в другую сторону? Да, теперь и я его слышу: краткий, ответный, слева. И мы – между ними. Лёнька расхныкался, ерзает. Ну вот и всё, думаю, прикрыв ему рот ладонью. Стоим, прижавшись друг к другу, и будто не с нами это, уже не с нами.

...

Быстрее памяти. Вскинулись в рост, сцепились. Рвут друг друга. А мы стоим, Лёньку прикрыли, ни шевельнуться – ступор такой, смотрим. Они все ближе, будто не видят нас, гнуты, хрипят, рядом уже, почти над нами. Лапа, глаза, оскал. Падая, еще успел как-то перехватить Лёньку, чтобы не ушибить. Он, наверно, кричал, плакал, но этого я не помню. Ты лежала ничком, у обочины. Еще в голове мелькнуло: да, как надо лежишь, правильно – будто мертва. Выждал. Кажется, стихло. Люба, шепчу, слышишь, они ушли. Хочу приподняться, рука не держит, – вывих, наверно. Встал, взял Лёньку, молчит, моргает, подхожу к тебе: любушка, ты жива? Присел, тронул тебя за плечо: жива? И в мыслях не было, что не ответишь. Одежда не порвана, ни крови, ни ссадин, насколько мог разглядеть во тьме. На животе лежишь, а голова как-то странно вывернута, будто смотришь себе за спину, глаза закрыты. Дышишь вроде бы, еле-еле, даже не разберу – да или нет. Трогаю пульс – медленный, слабый. Луна выглянула, и как-то свет скользнул по лицу – дрогнуло, губы чуть приоткрылись, что-то сказать хочешь. Что? – склонился к тебе. И Лёнька рукой тебя трогает – лицо, волосы... Без сознания. Позвоночник, похоже. Сел, смотрю на тебя. Тоненький свитерок, бедро оголилось. Поправил. Надо бы подстелить. Куртку? Нет, лучше не трогать. Кроссовок слетел с ноги, рядом лежит. Дотянулся, но не получалось надеть левой рукой. Зачем? Оставил. Как в замедленной съемке, без звука. Хнычет, без звука. Лёла, шепчу, потерпи... Снял с себя

куртку, укутал его. Чуть влажная, плечо и рукав в крови. Нет, сухой стороной, вот так. Мобильник в кармане. Да, он знает, где это, вызывает «скорую». Хозяин отеля. Уже в пути. Вон он, на джипе, с двумя егерями. Говорит, лучше навстречу ехать, не разминемся. Разглядывают следы, спорят между собой, полосусят луг фонарями, что-то выкрикивают. Ты лежишь в свете включенных фар. Переносим тебя в машину. Кроссовок остался, возвращаюсь за ним. Едем, подсакивая на ухабах. Одной рукой Лёньку придерживаю в рюкзаке на груди, другой – твою голову у меня на коленях. Волосы спутались. Сеточку, вспомнил вдруг, сеточку, говорила, найди мне – луковую, чтобы спать с тобой, и тебе не щекотно было...

Открываю глаза – лежишь, на меня смотришь. Лёнька меж нами, щекой на кулачке, посапывает. Луна в окне. Что? – шевельнула губами. Спи, говорю, все хорошо. Закрыв, и ты закрыла. У Набокова где-то – про то, что время недвижно, что жизнь – это пропущенный удар между двумя биениями. Между двумя. Так отчетливо, даже на сон не похоже. На грани. Откуда ж оно берется? Стыдно, темно. Жалобно на душе. Кончилось волшебство. И жизнь. Эта. Что дальше, Джоши? Даже думать не научился, как люди – мыслями. Только словами, переставляя их, как кровати. Пока всё не уляжется. А оно никогда не уляжется, не для того создано. Открыл – смотришь. Да, как тогда, помнишь: «Солнечное затмение» слушали, дом, милый дом... Странно все же, как все устроено в нас. Вчера вернулись, переоделись, ужинали в саду, потом Лёньку хотели искупать, а не в чем, нашел во дворе какое-то ржавое корытце, гнутый такой ушатик, застелили его простыней, поставили на два стула, нагрели воду, купаем, а оно течет, разливаясь по полу, а мы все льем и льем, чтобы успеть выкупать, потому что – где эти дыры, трещины, как их заткнешь? Кто быстрее – вода или мы, и смеемся, все трое, мокрые, умираем со смеху. Мы. Умираем. Вернувшись из лесу.

Закрыв глаза. И опять проваливаюсь в этот морок.

Нет тебя. Нет в живых. Когда? Почему? Туман. Иду в тумане. Просека, влево тропа, я помню дорогу, вслепую. Выход к реке. Теперь вдоль, к излучине. Там, на той стороне, на обрыве, наша пещерка, ее дерево корнями держит. Обложной, даже ног не видно, идут. Ты у реки, неподалеку от переправы, ждешь, я знаю. Подхожу, стал рядом, чуть позади, не видишь, такой туман. Люба, шепчу, люба...

– Ты? – вздрогнула.

– Я, – и тихо руки коснулся.

– Взрослый, – вздохнула, не поворачивая головы, – мой взрослый, я так ждала тебя... там.

– Я здесь, – и беру в ладони твоё лицо, – здесь, любушка, слышишь?

Смотрю, а лица нет, пустота под шапкой твоей с завязками.

– Видишь, нет меня, я умерла.

– Пойдем, – говорю, – это недалеко.

– Я не могу. Лёньку надо забрать из садика. Я его жду.

И тут он выглядывает, как договаривались:

– Мама, я здесь, с папой! Идем на переправу!

Сажу его на плечи, беру тебя за руку, и мы осторожно входим в воду. Мшистые камни метет по ногам, вода уже нам по пояс, буруны, пена, но вот течение слабеет, мы на том берегу. Обернулся: туман висит над рекой, а здесь его нет, солнце. Идем под обрывом, к пещерке, Лёнька бежит впереди. Ты вдруг споткнулась, ссадина на колене, кровь. Сели, смотришь. Кровь, бусинки. Глазами смотришь. И губы дрожат, будто воздух втягиваешь на вдохе. Трогаешь пальцем бусинки эти, лизнула палец:

– Взрослый, этого быть не может. Что ты смеешься? Больно ведь.

Обнял тебя, зарылся лицом куда-то в плечо, шею, и улыбаюсь там, а ты – в мое уткнулась и плачешь, вздрагивая:

– Где ты был, где ты был?

И Лёнька нас теребит, за одежду тянет:

– Пошли, ну пошли в пещерку, будем жить!

Перевернулся на другой бок. И снова – ни сна, ни яви, только глаза закрытые что-то прочесть пытаются, нечитаемое – там, за деревьями этих все еще сцепленных пяти букв, за жизнью.

Размыв, проем, отец... Что же это белеет, где только что он стоял? День за днем, день за днем... Кружит, вьется, сел. «С прибытием», – говорит. Ключ приоткрыт, подергивает головой. Голубь. Вспыхнул, и нет его, горстка пепла. Сделал шаг, покачулся, но устоял. Горстка пепла – там, внизу, на земле. Лестница, взялся за перекладину, начал спускаться. Легкий туман. Зола еще теплая. Раздул, подбросил ветошь. Обернулся: дерево у обрыва, домик в кроне. Над ним – смотровая. Можно было и повыше сделать этот настил, вон в том распадке. Поставил чайник, смотрю в огонь, уворачиваясь от дыма. Накапывает, птицы стихли. Вы, наверное, спите – там, наверху. Сажу на камень, и улыбка с лица не сходит.

Светает уже за окном. Голубь, лестница, камень... Где это было? Будет? В землю растет. Как баньян. Вверх, вниз, в стороны, одновременно. Человек. Одно дерево как роща, без ствола, без оси. Я уже забываю слова, их лица. Земля во рту. Ни письма, ни чтения. Бублик. Вот родим, горит, и будем с ним путешествовать, в джунгли ходить. Здесь, на той же тропе говорила. И тут же: мангуст, смотри, мангуст! И на цыпочках вся вытягивалась, замирая. Я ж, говорю, до этого не доживу. А она: ну что ты, Маруся в три года уже человеком была, у тебя просто опыта этого нет. И в джунгли, и книжки писать, как полеты во сне, как никто на свете, и корабли строить, и приручать чудеса. Как прежде. Очень хотелось, чтоб я ей верил. Так я ведь и верил, с улыбкой. А помнишь, там еще, в милом доме, лежим в ванной, валетом, в сугробах пены, как тот снег за окном, и кран подтекает, капает тебе на плечо, капля блеснет и под мышку юркнет, весна, пена шуршит, перешептывается, тает, четыре острова, две головы, а в руках у тебя Томас Элиот, и во рту Томас Элиот, и в ушах моих – он же. Статьи – о творчестве, о поэзии. Ни слова живого, ни мысли. Какая-то жвачка, пыльная, кабинетная. Может, это не он? Смотрим на переплет. Или не мы? Пальцами ног трогаем под водой друг друга – здесь, там. И погружаемся, глаза в глаза, и ветер гудит в вентиляционных трубах... А потом, помнишь, в кухне, полуодетые, играем в фантики на подоконнике, а за спиной все кипит на плите, через край льется, и столько радости у тебя, когда мой накрываешь своим, будто... Бог его знает, что в твоей голове сияет. Тюк ладонью о край подоконника, и летит конвертик, а за окном ночь, буквы метет, белым по черному. А тех, кто ни холоден, ни горяч, а тёпл, изблюет Он в конце времен, да? Как любишь ты повторять это место у Иоанна. Вот-вот, все теплее и становлюсь, все теплей. И улыбка с лица не сходит.

Открыла глаза, руку протягиваешь поверх Лёньки, он постанывает во сне, кладешь ладонь мне на грудь: спи, надо выспаться, завтра у нас трудный день.

Вернулись. Золотистые осиные островки похрустывали под ногами. Мертвые, уже подсохшие. Ветер мел их по дорожкам сада, перерисовывая на ходу. Стоим у окна, ожидая машину в аэропорт. Вещей у нас нет почти, всё оставили у Джаянта до следующего года. Будто уверены, что приедем еще. Помнишь, когда уже сели в машину, с дерева спрыгнула обезьяна – мать с детенышем на спине, дергала ручку дверцы и в стекло скалилась, я бросил ей Лёнькину игрушку – мягкого человечка в шляпе, она подхватила его и умчалась на дерево. Три человечка у нас было, я долго их выбирал в той волшебной лавке на окраине Ришикеша, у пустыря. Они были похожи на нас троих, да? Мы подвесили их на тесемках к лопастям вентилятора, медленно вращавшегося под потолком. Они кружили всю зиму над нами, заплетаясь и расплетаясь, ведя какую-то дивно неизъяснимую жизнь. Что вверху – то внизу. Чуть опустил стекло и бросил – себя. Лёнька припал к окну. Не плачь, говорю, он будет ждать нас.

Москва дохнула звериным холодом, после индийской жары закутались, как беженцы, намотав на себя все, что было. Друзья, у которых думали остановиться на эти несколько дней, позвонили с дороги, чтоб мы подождали – стоят в пробке. Расположились на лестничной клетке между вторым и третьим. Я вышел за сигаретами, возвращаюсь, а ты сидишь на рюкзаке, в платке выцветшем, и Лёнька на руках, в одеяльце, кормишь его, последние капли из груди выжимаешь, а вокруг тебя – узлы, кульки, весь скарб наш, а в углу – глазами показываешь – тарелка, ней колбаса, сыр, хлеб и трогательный огурчик, и рядом еще молока бутылка. Люди добрые, говоришь, проходили, расчувствовались. Я им: да что вы, не надо, у нас все есть. А они: ох, доченька, что ж

мы, не знаем, как оно бывает? И вот вынесли... Представь, бомжики мы теперь. Смотрю на тебя, и такая жалость и нежность перехватила горло. Ну да, говоря, а кто ж?

Провожал вас в Крым, вы уже шли на посадку, машу тебе через стекло, ты обернулась с Лёнькой на руках, а он прижимает к груди тот надувной самолетик с веселой рожицей, помнишь, который ему подарила индийская стюардесса, и всё роняет его, а ты поднимаешь и возвращаешь ему, и машешь рукой мне, а он снова роняет, и ты поднимаешь, и машешь, машешь...

Мы ведь не расставались?

...

Входи, говорит, я тебе постелила в детской. Но лучше б ты ночевал в гостинице. Нет, давай, не будем об этом, все сказано. Еще полгода назад я бы могла, поверила, теперь – извини. Чай, кофе? Уже из кухни: навсегда, говоришь? А как же садовник Мюллер? Не обманывайся. Это просто усталость твоя, отчаянье. Вот печенье бери. Как ты сказал – изгоняла счастье, как бесов? Да, кому-то из нас нужно стоять на земле. У меня двое детей, знаешь? Поезжай куда-нибудь, переключись, приди в себя. Очень тебе желаю – и жизни новой, и сил светлых. Только не мучь – ни меня, ни Лёньку. Может, со временем и уляжется. Но сейчас, прости, ни видеть тебя не могу, ни говорить. И помощи нам не надо. Я работаю, нам хватает. Уезжай.

А теперь мы ей напишем письмо. Вот конверт. Куда: на Луну. Кому: Луне, лично. От кого? Лёни, подсказывает он. Да, и папы. Он так захвачен происходящим, смотрит на буквы, которые я пишу, чуть ли не влез на стол. Официантка приносит сок с трубочкой – ему и мне. Мы взрослые люди, он говорит, посасывая. Да, говоря, и поэтому пишем письмо. Дорогая Луна, как поживаешь, как себя чувствуешь? Надеемся, все у тебя хорошо. Знаешь, у нас тут маленький праздник, и мы бы хотели отметить его с тобой. В любое время, когда тебе будет удобно. А почему? – спрашивает. Ну потому что вначале нужно договориться о встрече, у нее много дел, видишь, – то круглая, то худенькая, сутулится. Но, пожалуйста, ваша светлость, ничего особенного готовить не надо, просто встретимся, погуляем по небу, побеседуем о том, о сём. О сём, говорит, о маме. Да, о маме, о подвигах, о морях... В общем, длинное получилось письмо, он еще многое перечислил к предстоящему разговору. А в конце, вместо подписи, – по отпечатку пальца. И пошли через парк к озеру. А ты все трезвонила, задыхаясь, – привиделось, что я его украду. Стемнело, выглянула луна, мы расправили на берегу наш воздушный шар с письмом, зажгли под ним огонек, и он плавно отчалил ввысь. Лёнька его провожал, запрокинув голову и разведя ладони, так и стоял, забыв, что хотел в них хлопнуть. А мы не свалимся? – шепотом, вдруг. Свалимся, говорю, обязательно, и опять полетим. Долго молчал, обдумывая. И в машине уже, подъезжая к дому: папа, я тебя так люблю! Как? – я опешил. Вот так! – обнял, прижался из всех своих маленьких сил. Ты вышла из дома и увела его за руку.

Ночная, полая электричка, казалось, и машиниста нет в ней. Но останавливалась на каждой версте, объявляя станции, несуществующие, какие-то числа, типа – 119/б. А там только степь и ветер. Лег на скамью, свернулся, поджав колени.

Я, говорит, жила не с писателем. А с тобой – живым, настоящим, на них не похожим. Пока ты был. Теперь – нет. Мне, нам, нашему будущему – нет, говорит. Спокойным человеческим голосом. Вежливым, даже приветливым. Как если б звонок в дверь: вы не такой-то? – Нет. С улыбкой. Не надо нам, говорит, этих жертв, мы тебе не искусство. И не рукопись, чтобы править ее без конца. Не дрогнет. В силе она. В прохладной силе. Иди, говорит, сочини себе сына, женщину, дерево посади из слов, там и живи, как умеешь. Ушло волшебство? А что ж ты хотел? Недешево она берет, жизнь. Извини, много работы, пойду к компьютеру. Еда на плите. Лёнька проснется, можешь с ним погулять. Только не долго, в парке. Сегодня? Вечером? Я тебя не гоню. Но если уедешь, будет лучше. Всем. Нам.

Это еще не конец, – как любит он повторять, Джоши. Вернувшись из Гималаев. Из Гималаев... Знаем, откуда. Такой же он Джоши, как она – Юлия, жена шкипера. Еще не конец.

Кто ты? – она говорит и смотрит чуть в сторону от меня. Я, говорит, не знаю этого человека.

Свет мигает. Покачивает. Третью скамью от двери, справа. Там лежит мужчина, похожий на какого-то егера. Лежит неподвижный, очевидно бездыханный, с закрытыми глазами, хотя на то, что это, по-видимому, мертвец, указывает только обстановка.

Наталия ЧЕРНЫХ

**ЯЗВА,
или русский панк 1989-го года**

Рассказ

**Фурия времени против волчонка
(как была найдена тетрадь с «Язвой»)**

*

В том дело, что принесли мне тетрадь с набросками к этому рассказу. Как в паспорте имя автора записок – не знала, а его самого видела. Осенью, ближе к середине, в клубе «Не-бей-копытом», 1994. Однако, как веху, надо бы определить возраст рассказчика точно. Шестидесятый год рождения. Да и род занятий: гитара соло.

*

Волчонок, привезший тетрадь, похожий на арматуру для выставки ручного холодного оружия, подал сосиску с горчицей: скоро, но деликатно. Пивом запивал не торопясь, смакуя. Правда, что там за пиво: не темный тверской Афанасий. *Охота*, что ли... не пью я пива. Именно этот волчонок, смахивающий на Джона Леннона, в заклепках, с полосатым хвостом, роковую тетрадку мне и принес. В клеенчатой обложечке, исписана вся, до корки.

*

Тетрадь, правда, была, в пластиковой обложке с дурацким изображением лазерного диска, играющего как закатное солнце.

*

Страх и радость: они как на качелях, то вверх, то вниз – дух захватывает. И – скорее, скорее, скорее. До тошноты, до последнего эха, до откинутой в отчаянии от безысходного движения головы. А в тетради текст, про страх и про радость. Там рассказчик, живой, настоящий и вообще мой знакомый, имени которого я не знаю, но видела его, и погоняю знаю. Видела – забыть не могу. Фурия времени, кружившаяся вокруг него, ни при чем осталась. То ли девушка его, то ли вправду фурия.

*

Волосы у него поредел и отросли. Но сохранили веселую легкость, так что теперь взлетают от дыхания. Одет с изысканием, джинсовка, штаны – подобраны одно к другому. Мягкий и чуть выпуклый лоб поэтично нависает над складочкой дельфиньей улыбки.

Отсвечивая хлопчато, матово, возник рассказчик в окружении табачного дыма и несчастных кресел актового зала на последнем этаже. Или то происходило в полувцивильном клубе, в середине следующего за актовым залом десятилетия? Кружится фурия времени, кружится.

Наталия Черных родилась в 1969 году в Челябинске-65, ныне Озерск. Училась во Львове и в Москве. С 1987 года живет в Москве. В 2001 году – победитель Филаретовского конкурса религиозной поэзии. Куратор поэтического интернет-проекта «На середине мира». Автор восьми поэтических сборников. Публикации в журналах «НЛО», «Новый мир» «©юж Писателей», «Знамя» и др. В «Волге» публикуется с 2009 года (стихи, проза, критика).

*

Гость мой, волчонок, спустя много лет, на кухне, доедал соевую сардельку. С горчицей, хрена нет. Постная. После таких пить очень хочется. Все в порядке в этой сардельке, или сосиске; толстенная, со специями: черный перец, укроп. Но вот соли много. Слишком много, целый пуд соли. Гость ест и пьет, а в перерывах между сосиской и глотком пива говорит мне о жизни, вещает.

*

...Не умерла, и не вернуть ее. Потому – приходит стеариновый восторг, до писка и визга – приходит. Как первая жена, вторая жена, сын, третья жена, дочь. А она живет, как Бог ей на душу положит, и не умерла. Лучше было бы, если бы она, манеры которой переняла молодая фурия, умерла бы по-настоящему. Не мучилась бы сама и не мучила своим тревожным силуэтом других. Но она живет, далеко в родном городе, каждый день ходит по невзрачным улицам и совсем не похожа на тот фейерверк, которым была. В ее огромных прозрачных глазах застыло дымчатое, яблочное, утреннее выражение кликуши. Может, она даже носит платок и юбку.

*

Думаю себе, думаю, а гость сосиску съел. Волчонок, потому и съел. Косуха на нем сравнительно новая, даже модная. Ну, казаки с косыми, как душа мотоциклиста, каблуками. Ну, хвост на плече. При нем тетрадь – значит, я читать буду и рассказы писать.

Рассказ начинается

*

Он замерз от воспоминаний. Вдруг, на Пасху, в самую ночь, на Арбате. Внезапно и сильно захотелось того, окуянного, утара. Захотелось того, именно того, края, – и без танков на Садовом Кольце Москвы. Без свободы, похожей на зубной протез. Без разговоров о том, что долго было нельзя, а теперь можно. Все было можно, иначе бы не было этой арбатской кутерьмы, ни Хобита с Дроном, ни Собаки. Захотелось этой последней откровенности, достоевщины, как будто все связаны и лежат на одной простыне, облитые бензином, а длинноносый красавец, посмеиваясь, прикуривает рядом от балабановской спички, чтобы, пока она не погасла, бросить ее на тело того, кто с краю.

*

Рассказчик был пьян и потому почти светился. Хозяйка дома, где он тогда жил, или вписывался, двадцати пяти лет, в коротком платье и ажурных чулках, распустив каштановые волосы, сидела тут же. Портрет хозяйки дается для фона, чтобы ясно было, о чем вдруг забыл рассказчик. О том, что он хочет укорениться в Москве. О том, что здесь, в Балашихе, его девушка живет – актриса, человек искусства, и он без нее ничего не может, а ее жизнь посвящена театру. О том, что хозяйка-то хороша, но простодушна, и ничего-то никогда у них не выйдет. И о том, что он сам с недавнего времени смертник. И смерть эта не накрывает сразу, как удар, а распределяется на годы и годы. А ему уже немало лет, чтобы начинать все заново. И вообще, он любит Кейт Буш.

*

Музыка страдала в нем как застуженный нерв. Часто его просили петь песни команд, которые он не любит. Про то, что в музыке он не любит, мало кому известно: не Роберт Фрипп. Он не мог отказать, ибо песни знал. Резиновый навык, приобретенный в лучшем эстрадно-цирковом училище Сибири, иногда укрывал рассказчика от жестокого самоедства, из-за которого он и оказался в том, в чем оказался. На дозе, в Москве, без перспектив устроиться на работу. Возвращаться в родную Сибирь не торопился.

*

А музыка пришла – в очередной раз. Сейчас – почти как тогда. Но то ли дело тогда; и надоевшая подлая песня, которую все и всегда просили спеть, была вновь, не говоря уже о других. Песен,

однако, было всего две. Первая – о любви, которую пели молодые лягушки с холодными ногами, зажав между колен бутылку пива. И вторая, от которой заходило сердце, почти детская, дикая и ругательная, но родная и страшная.

*

Он запел почти неожиданно для самого себя. Ловко настроил гитару – вдруг сработала внутренняя пружина, будто кто в бок толкнул: вступай. И он запел. Ту самую милую, но затертую до дыр вещь, которую никогда бы для себя петь не стал. А тут праздник, толпа, шляпа. Со шляпой, понятное дело, ходила хозяйка. На секунду, на самую секунду он сердцем приподнялся, затем воспрянул и вдруг пошел-пошел – по облакам.

Все вокруг изменилось, стало привычным, как тогда. На хозяйке вместо гламурного наряда – мужская рубашка без бюстгалтера, да и гитара у него другая – болгарская кремона. Рядом, ведя бас, – красавец Саша Монстр из Ижевска и – главное – другие люди. Другие люди, другая игра. Его игра, а теперь была не его.

– Жаль, что она умерла...

*

На Пасху 1989-го рассказчик встретился с Вадимом Либельштейном. Худое утонченное тело, смолистые кудри, очки и аккуратный голос, какой дается только сыну ценного искусствоведа. Вадим принципиально курил «Беломорканал», производства фабрики Урицкого. Иногда ему надоедало, и он изменял принципу. Тогда появлялся «Лигерос» в радикальной ультрамариновой мягкой пачке или «Гарри Упман» в желтовато-охристой светлой пачке с колесом, или «Партагас» в пачке масонского вида, белой с красным. Пористые кубинские фильтры крепости табака скрыть не могли, да это и не входило в их задачи. Что касается «Лигерос», то они были белые, в тонкой сладковатой бумаге, без фильтра, а их послевкусие слегка отдавало чесноком. Однако не кубинские сигареты были табачным секретом Либельштейна. Приятели знали, что у Вадика в сумке всегда есть жестяная коробка с «Герцоговиной флор». Он берег ее для особых случаев.

*

Знакомство Вадика и рассказчика состоялось нечаянно, с предчувствиями с обеих сторон, поздним и ясным днем, в густоте московских переулков, еще не обезображенных строительством, в клубе «Дирижабль», после просмотра фильма о фестивале в Монтери. Фильм представлял Вадик, а рассказчик сидел в первом ряду. Вадик подрабатывал в клубе ведущим. Импульс к знакомству подали именно папиросы. У Вадика как раз закончился «Беломор», а рассказчик рассеянно вертел в пальцах плотную картонную штaketку с тонким кульком на конце. Вскоре они оба оказались на Арбате, среди подвижной череды знакомых и полужнакомых лиц, с единым смутным и жарким предощущением.

*

Великая Суббота таяла, небеса темнели по краям, и тем пронзительнее переживались зыбкие минуты невольной дружбы. Рассказчик, нехотя, через силу, настроился дать концерт. Помощники не заставили себя ждать; пришли сами. Будто рассказчик вызвал их по неведомому другим телефону. Саша Монстр, лидер ижевской рок-группы, напоминал чем-то Гирана: прекрасные волосы, прекрасная улыбка. Но голос был именно у рассказчика, так что Гирану пришлось вести партию бас-гитары. Бас-гитара, конечно, была условностью. У Монстра была такая же кремона, как и у рассказчика: шоколадного цвета, с нейлоновыми струнами. Народ окружил музыкантов еще до того, как возникли из-под пальцев первые зыбкие аккорды. Вступили плохо; рассказчик притормаживал, а Монстр рубил по струнам, как будто так и надо.

*

Рядом с Вадиком через некоторое время возникла худощавая женщина, явно на несколько лет старше него. Но оттого еще более красивая. Рассказчик сразу же обратил внимание на эту худобу:

жилистую и уж слишком нежную, на эти чуть, именно чуть-чуть подчеркнутые углы. Огромные глаза настороженно мерцали, как гиацинтовые медальоны с черно-ртутными зрачками внутри, а губы растерянно округлились. Она не производила впечатление робкой. Вот, устала стоять и села к Вадиду на колени, махнув длинной, почти абсолютно черной гривой волос. То переливающаяся, томная, а то по-птичьи тревожная, замкнутая и донельзя распахнутая, невозвратно упавшая внутрь себя, но своя, всем и всегда своя. Мягкое падение на колени к молодому человеку совпало с томным и глуховатым звуком глиняно-деревяннo-кожаной бижутерии, плотно окружившей шею и грудь женщины. Бижутерия от своей хозяйки такого жеста не ожидала. Глинистые рыбки, ахнув, как не полагалось рыбам, коснулись плеча.

– Ах, Леночка, – вздохнул Вадик. И отстранился от нее, вытянув свои бедра до невозможности. Леночка задрожала, как ночной лепесток от внезапно холодного ветра, дымно окутанная каким-то пьянящим газом. «Трава, что ли, – подумал рассказчик. – И то...» Будто услышав его мысли, Леночка вскинулась и радостно-беспомощно распахнула веки, ресницы на которых достигали бровей и терракотового румянца на высоких скулах. И затихла, снова и очень глубоко упав в себя. «Ей ведь лет сорок, – промелькнуло в мыслях рассказчика, – не меньше. Но прекрасно сохранилась».

*

К двум часам горло заболело и водка стала необходима. Вадик Либельштейн снова оказался рядом. Сказал: «Идем к амбразуре». Денег у рассказчика не было, и можно было бы смиренно принять масонскую помощь, но в груди мелькнул странный холодок: не то озяб, не то застарелое похмелье дало о себе знать. Однако холодок тут же прошел; не антисемит же он в самом деле. Подошел Саша Достоевский, курчавый и свежий. Выпал из радостной глубины, негромко: «Христос Воскресе!» После чего на асфальт была выставлена долгожданная бутылка «Агдама».

– Творческих успехов, – вздохнул Монстр и первым глотнул «Агдам». Достоевский перекрестил на бутылку и тоже глотнул. После чего передал бутылку рассказчику. Вадим, как заметил рассказчик тем особенно ясным глазом, который бывает у людей пьющих в преддверии действия зелья, впал в благородную ярость.

– Идемте ко мне. Я здесь недалеко живу.

– Идем. После концерта.

*

Предстояла вторая часть, а до конца второй части – никаких гостей. Ну надо же было именно в преддверии всех последующих событий, именно в это время, в этот день пройти по Арбату известному музыканту, напоминающему медбрата. Написавшему песню, что рассказчик пел в самом начале концерта. Заметив его мягкую широкополую шляпу, рассказчик вдруг протрезвел и внезапно скорчился от невыносимой и напрасной одновременно муки, сравнимой с хорошей дозой сульфазина: ни за что, ни про что. И запел, совсем по-новому, как не пел никогда. Ту, вторую, страшную песню.

*

Люди волновались как пламя. Как будто не на Арбате, а за столом на пригородной даче; и никто, кроме них самих да тополей, никто не мог услышать. Люди взвивались как языки пламени. Высокие женские голоса обжигали сильнее, чем страсть и боль. Страсть и боль отступали, на их место заступала тектоническая радость, завоевывающая в доли секунды огромные пространства вселенной. Наступало полное и окончательное соединение тел и душ, а после возникало соединение соединений, отчего все, десяток человек, певших тогда эту песню, становились одним костром. Будто надзиратель, масонский красавец, уже бросил спичку на тело крайнего, и в момент возгорелись уже все. Ярость и гнев тонули в радости, и слава была только тем, кто сгорел. Возвращение в мир привычных чувств уже невозможно. Все, что после, – отчаяние и предательство. Только вместе; ничего не жалея и не оглядываясь назад, безответно, безнадежно, но не оставляя пения, уходя в звук и пламя.

*

Вадикова отца дома не было, и потому немногочисленное пасхальное собрание разместилось сразу же во всех четырех комнатах элитной квартиры. По стенам – африканские маски, а с ними рядом – различные вымпелы. Всюду – тесные полки с книгами. Помещение настраивало на ироничный лад. Хотелось заграничных путешествий и одновременно хотелось смеяться над жадой заграничных путешествий.

*

Пульсировал необязательный разговор. Каждый говорил в надежде, что его слушают, и, возможно, каждого слушали, – хотя бы вполуха. Рассказчик поведал, что хочет жениться на Кейт Буш, которую небрежно назвал Катей. Вадик был задумчив и оживлен одновременно. Он больше слушал, чем говорил. Только однажды бросил, что «хочет прочь из этой страны». «Эта страна» его раздражала, как скипидар.

Леночка оказалась мачехой Вадика. Как у них сложились nepозволительные отношения, неведомо. Однако в какой-то момент Леночка исчезла в обширной светлой ванной. А Вадик, достав из жестяной коробки папиросу, намекнул:

– Мы с Леночкой вас скоро покинем. Но ненадолго. Не будете скучать?

Рассказчик пожал плечами, скорее одобрительно, а затем разразился огромной тирадой о том, что он непременно женится на Кейт Буш и возьмет свидетелем своего друга Гарри, английского ученого и бродягу. В ответ Вадик шеголевато стряхнул с папиросы пепел.

*

В голове Вадима давно уже бродила мысль «уехать из этой страны». И он всячески искал способов уехать. Тогда компьютерная индустрия только начиналась. Живо было еще понятие «электронно-вычислительная машина». Вадим, студент последнего курса МИФИ, прекрасно знал, что эта отрасль принесет ему деньги. Но вот как к ним прийти, к долларам. Уехать он очень хотел, просто жаждал. И здесь его не удержало бы ни наследство отца, ни нежная любовь Леночки. Впрочем, ее бы он взял с собою.

*

Леночка вышла из ванной, взволнованная, в цветущем шиповнике и бирюзе, но внесла аромат тропического побережья. Она опустилась в кресло рядом с Вадиком и погладила смугловатыми тонкими пальцами ручку полупрозрачной кофейной чашки. Глаза были опущены, а румянец, без всякого макияжа, так и бродил по скулам. На этот трепет отреагировал даже Вадик. Его рука, как бы сама собою, прошла по Леночкиной спине. Арбатский поэт со своей рыжей подружкой переглянулись. Рассказчик смолчал.

Неизвестно откуда возникла еще одна бутылка «Агдама». Все выпили понемногу. Посудинки для вина оказались изящные: мельхиоровые, колокольчиком, стаканчики, с детскую горстку. Закусывали лимоном и странной, очень соленой и острой, копченостью, которую удалось достать в нелепом ночном магазине. Леночка выпив, откинула голову, а края ее темноватого яркого рта задрожали как крылья колибри.

*

И тогда раздался звонок. Вадик, немного подумав, снял трубку.

– Алло!

Через некоторое время добавил:

– Хорошо.

Затем повесил трубку. Докурив, передал содержание разговора так:

– Звонила одна художница, Клара. Приглашает к себе. Но сказала, что там будут панки. Я пойду. Клара приглашала и всех, кто у меня. Так что я тоже приглашаю.

Вадик не сказал одного. Клара была замужем за художником-эмигрантом, который именно тогда и находился у нее. Панки его интересовали мало. А вот художник Ежи мог бы сделать ему вызов в Польшу. Клара ведь обещала с ним поговорить.

*

Леночка осталась дома. Рассказчик с точностью не мог сказать, приснилось ли ему или то было на самом деле. Как Леночка, услышав о приглашении Клары, взметнулась, будто разом сбросила весь свой вес, и бросилась ему на грудь с кошмарным воплем:

– Удержите его! Он погибнет! – а потом, будто обессилив, стекла на ковер.

Но рассказчику точно не приснилось, как сухопарый Вадик нес довольно крупное Леночкино тело в спальню, а за ним, как поток, бежало грозное молчание.

Язва

*

Клара Томашевская еще не дожила до сорока пяти, но сорок два – роковой возраст – ей исполнилось не так давно. День рождения Клары приходился как раз на Прощеное воскресенье. Тарасу, двадцатилетнему другу и наложнику Клары, было авторитетно заявлено: «Великий пост. Сексу и пьянке – нет». Тарас пожал плечами и до Пасхи скрывался у родителей. Однако Великий пост миновал, и оба, Клара и Тарик, оказались на Великую субботу, довольно рано, в православном храме. Принесли куличи для освящения. На Пасху решено было пригласить гостей. В Великую же субботу, уже в седьмом часу пополудни, позвонил прямо из аэропорта Шереметьево Ежи Томашевский, муж Клары, и сказал, что приедет к ней отдохнуть с дороги. И он действительно приехал. Густая сонливость для деятельного нрава Клары была невыносима. Ежи прилег на диванчик в одной из комнат, а Клара начала подготовку к вечернему приему. Пищу она любила готовить под музыку. Толкнула задремавшего было Тараса:

– Тарик, «Гражданская Оборона» или «Кинг Кримсон»?

Тарик нехотя почесал ногою об ногу.

– Егор.

– Добже. И какой у нас основной вопрос философии?

Тарик удрученно вздохнул, а голос его прозвучал подавленно:

– И на кой все се здало?

*

Панки объявились сами. Все они были поклонниками Тарика, лидера группы «Мой контейнер». Число их было вполне пристойное: пять или шесть. Магнитка, Бацилла, Солидол. Еще двое или трое. Упоминанием возник панк-металлист Ягуар.

В их присутствии Тарик чувствовал себя хозяином. Что бы он ни говорил, поддерживали сразу же шесть голосов. Даже капризная Клара смирилась. Надела свою изгвазданную в художественном масле дырявую футболку, сквозь которую видно было, как ходит нездорово тощее тельце.

*

Еще живо было воспоминание о том, как Клара лежала в больнице, психиатрической, а Тарик к ней приходил. Клара фланировала по коридорам отделения и нараспев читала псалтирь. Гулять ее выпускали только в сопровождении санитаров: справа и слева, псалтирь в руках. Хорошо, что не молоток.

*

Виток назад. Рассказчик затряс головою, как только дело дошло до его появления в квартире Клары Томашевской. Он вдруг представил самые яркие свои впечатления записанными. И оттого они смертельно поbledнели. Что увидит досужий читатель в предыдущем отрывке? Недозволенные связи, которые были всегда и во всякое время, но речь не об этом. Речь о том, что некая

судьба как метеор неслась на губительное для нее препятствие, вовлекая в это роковое движение целую массу сопутствующих ей судеб, и движение отображалось как незримый танец судеб на кануне катастрофы, и уже в самом начале ее. Среди пятачков на метро. Среди десятилетнего образования в школах и ностальгических уроков литературы.

*

Сейчас все эти связи не имели бы ценности. Так что останутся только панки. Сидящие на кухне Клара прямо на полу, стряхивающие пепел в банки или же сразу в угол. У одного на шее висела вчерашняя яичница. Клара поставила перед ними, шесть человек, одну чашку. Большую детскую чашку. И они пили чай, хороший, кстати, чаек, из этой чашки. И ни один не попросил отдельной чашки. Правда, вскоре девица не выдержала. И попросила чашку. Тарик уступил свою, широким жестом звезды, дарящей майку поклоннице. Клара коварно и незаметно, но легко дернула Тарика за ухо. Новую чашку выдала: с изображением крупной бараньей головы. Заметила или нет ревнивый маневр Клара девица, неизвестно. Смех прыснул мелко, попискиванием.

*

Именно с этой девицы все и началось. Рассказчик был уверен, что если бы не она, Вадик не влип бы во все последующее. Девицу звали Крыса. Ее пухловатое лицо было довольно изящной сердцевидной формы, а волосы тонкие и неестественно пышные, соломенно-рыжие, на редкость противного цвета. В ней все было сердцевидной формы, даже пухлые бедра и набитый скромным зад, на котором она довольно забавно прыгала, если ей что-то нравилось. Чуть косящие, довольно узкие, глазные щели заключали внутри себя намазанные оружейным маслом зрачки. «Тьфу, курва, – подумалось рассказчику. – Да еще эти сережки, сердечками». Но Крысу обойти было нельзя. Так что оба, рассказчик и Вадик, с ней заговорили. Голос у Крысы оказался довольно высокий и резкий, но приветливые интонации сглаживали первое отталкивающее впечатление. При разговоре Крыса то подпрыгивала на своем пухлом зад, обувом в пятнистые черные джинсы, то покачивала грудями, облепленными застиранной футболкой. Между грудей болтался ксивник, сшитый из джинсы и кожи, хотя и крайне неряшливо.

*

Однако героиней рассказа оказалась вовсе не Крыса. Вадик прежде рассказчика заметил ее, но она вызвала в нем ужас. Огромный и проникновенный, как атомный взрыв. Ужас, проникающий в каждую клетку его изготовленного как военное орудие тела. Перед этим кошмаром отступило все: Леночка, истерика отца, грядущий диплом, работа в модном видеоклубе и даже граница. Он должен был бы смотреть на это существо как удав на кролика, а смотрел как кролик на удава, и потому сразу же возненавидел его всей своей раскаленной подоплекой. Но не смотреть не мог.

– Язва, – ширнула Крыса локотком, похожим на основание сердечка, в бок подруги, – ты че дрыхнешь? Тут пипл пришел. Мэны.

Как было сказано это «пипл» и «мэны», не описать. Но и у рассказчика, и у Вадика головы слегка закружились. Сразу же захотелось спросить: водку пьете?

Язва кое-как села. Одну щеку, большую, слегка обвисшую, пересекала красноватая полоска: отпечаток от складки на засаленном рукаве мужской рубашки.

– Ну ты че, – ответила Язва. От звука этого голоса Вадик вздрогнул. Это был вывернутый наизнанку голос, разоренный, как город войной, голос. Вечно зареванный голос. Такого не может быть у женщины и у мужчины. Но вот у Язвы был. Она казалась довольно крупной, плотной, – белобрысая, с бледно-зелеными глазами, которые редко когда бывали ясными. Короткие волосы, кажется, и без помощи лака торчали во все стороны. Но главное, даже во внешности, было не это. Все ее нутро вываливалось наружу, оно не держалось в ней, оно сыпалось прочь при каждом движении. Как песок, как моча и кал из тяжелобольного человека, это было непереносимо. И правда – Язва.

Рассказчик видал уже нечто подобное, но Вадика вблизи видеть такого не приходилось, и потому он был смущен, обижен и прикован одновременно. Кажется, на этих суковатых руках не было ни квадратного сантиметра, не запечатленного шрамом. А эта размазанная тушь на корот-

ких и густых ресницах наложена, по меньшей мере, неделю назад. Белье, если вообще есть, примерно столько же не стирано. И тем не менее. В этих впалых щеках, в сквашенном пухлом рте, в слишком резких мимических морщинах на лбу была жизнь. Сшибающая с ног, великая и незабвенная судьба.

Язва поздоровалась блекло, но тепло: привет, привет. Затем даже улынулась, и Вадика едва не стошнило от этой улыбки. Так улыбаются повешенные, подумалось ему. Возникла неловкая пауза, которую попыталась заполнить Крыса своим хихиканьем. Но тут подошла Клара и позвала всех в большую комнату. Бутылки и яства стояли на полу. Стаканов и тарелок, как всегда, не хватало. Яйца и куличи тоже были, на особом блюде.

*

Ели, сидя на полу. Не ели, а пожирали. Клара, скорее из скупости, чем по недостатку средств, приготовила только самые простые блюда. Но подобного Вадику есть не приходилось. Жареную картошку, в которую вывалена была банка простейшей тушенки, брали общей ложкой, конечно, алюминиевой, общепитовской. Магнитка умудрилась положить пищу в ладошку, ведь тарелок не хватало. И ела ртом из ладошки. Однако у нее это вышло просто и изящно. Язва не ела, а наворачивала; видимо, была голодна. Крыса сделала ей замечание. Негромко, но весьма ядовито пискнув. Вадику и рассказчику было неловко за свои тарелки, но Вадик преодолеть себя не мог. Он нервно тыкал вилкой в ломтики картофеля и долго жевал их, сами в горло не шли. Картошка была скорее тушеная, чем жареная. Солидолу вскоре надоели церемонии, и он зачерпнул картошки своей темноватой лапой. Его примеру последовала Язва, снова вызвав нарекание Крысы. Сквородок с картошкой было две. Так что, вроде бы, никто не остался без хавчика.

Наливали с довольно высокой скоростью – количество шума в квартире вскоре стало давить на стены. Еда и питье шли параллельно довольно любопытным разговорам. Все вместе напоминало общее действо, так что вырваться из него было почти невозможно. Кружение, в котором каждое движение происходило в свое время и на своем месте. Внезапно возникшая солидарность, которая, должно быть, бывает у обреченных на смерть, в ожидании приговора. Ни с чем другим сравнить это действо было нельзя. В комнате витал дух гражданской войны, отечественной – без прикрас и отсылок к Че Геваре. Все было просто, как накануне казни.

*

Клара неожиданно встрепенулась, прервав рассказ Тарика о последнем концерте:

– Да, не дорассказала. Забрали меня в психушку впервые году в семьдесят восьмом. В квартире наблюдалась полуторалитровая кастрюлька со следами черняшки, ангидрид, ацетон, бинты и шприцы. Но забрали не за это. Я тогда говела, хотя вмазывалась регулярно, потому что была на дозе. Готовилась поехать к духовнику. На столе лежали молитвослов и Евангелие. Меня так и спросили: наркота или Библия?

Возникла недоуменная пауза. Что панкам, которым в семьдесят восьмом было лет по шесть, это противоречие: опиум и Библия? Однако никто не сомневался, что Клара предпочла наркоту. Пена разговора укрыла бы ее ответ, но не вышло.

– Библия. Терять мне было нечего; гепатит.

*

В глазах у Вадика поплыло. «Агдам» действовал сильно, но то, что происходило вокруг, действовало сильнее. Мир стронулся с мертвой точки, в которой он до той поры находился, и поплыл, поплыл... Оказалось, что вся предыдущая жизнь Вадика была бессмысленной, тусклой и напрасной, потому что он не знал счастья. А теперь...

Солидол поднимает руку – Вадик поворачивает в его сторону голову, приподняв стопку – Язва, прожевав, крупно глотает. Клара что-то рассказывает о психушке, и как раз после этого Солидол поднимает руку, чтобы зачерпнуть картошки. Вадик отзывается глумливым тостом «об этой стране». Солидол завершает цепь сдержанным:

– Ибо нефиг.

*

Ежи Томашевский сидел несколько поодаль и, кажется, участия в разговоре не принимал. Вадик, вдруг вовлеченный в круговорот обеденных действий, не мог так просто заговорить с ним. Впрочем, время нашлось, и разговор состоялся. Картошку съели, «Агдам» выпили, настало время перекурить. Вадик поднялся с пола, расправив немного затекшие ноги. Его взгляд снова упал на Язву. Теперь она показалась ему не такой уж плотной. Рубашка на ней была мужская, из военторга. Курила она, кажется, «Яву», дукатовскую. В жестах сквозил неприятный вызов; курила она некрасиво, не по-женски и не по-мужски, а как бомж. Лицо напоминало отражение, холодноватое и беспричинно спокойное, до самодовольства. Однако, когда она уловила взгляд Вадика, ее белообрисая голова приподнялась, проведя тяжеловатым подбородком, и – замерцала задорная усмешка.

«Не дай Бог, – подумал Вадик, – не дай Бог!»

*

Разговор между Вадиком и Ежи Томашевским состоялся, и оказался даже не бесполезным. Вадик, может быть и от «Агдама», почувствовал себя самолетом на взлете. Ему вдруг стало свободнее и яснее. Небо расступалось, а мотор гудел ровно и мощно. В голове сразу же засуетились мысли. Услышав их возню, в сердце внезапно проснулись чувства. Во-первых, Вадик пожалел, что связался с Леночкой. Она его любит, а он ее нет. По крайней мере, он так считал. И в новой жизни, там, за границей, Леночка будет ему обузой. Значит, придется выяснять отношения, а так не хочется. Затем припомнились некоторые проекты, которые можно было бы предложить одному институту в Штатах. Да, надо ехать именно в Штаты, зачем ему Польша. Но хоть вырваться отсюда, хоть вырваться. Мысли вскоре приобрели вид формул и замельтешили.

На сладкое подавался рис в бумажных стаканчиках, сдобренный ложкой мороженого и слегка политый ягодным киселем. Рассказчик ел за милую душу. Вадик смутился от такого угощения, но вскоре вкус риса показался ему даже приятным.

*

«Агдама» действительно было много. Рассказчик, расположившись на полу возле Крысы, что-то такое забавное рассказывал, или, как говорят на сленге, гнал. А может быть, и тележил. Вадик пытался заговорить то с Кларой, то снова с Ежи, то с Тариком, который отчего-то стал хвастаться предстоящим концертом где-то в глубоком Подмоскowie. Пока, наконец, Клара не приступила к решительным действиям.

– Музыканты, или кто там. Что, мы так и будем базарить?

Рассказчик сразу же подобрался. И насторожился:

– Мол, играй, кабан?

Тарик весьма уныло предложил:

– Ну, разве что, все идет по плану.

У Тарика, как и у рассказчика, была кремона. Настроились быстро, причем рассказчик поначалу затормозил, а Тарик, наоборот, весь напрягся. И началось. Все было правда и ни на что не похоже. Это было самосожжение. Вскоре горели все, и все пели. Пламя то разрасталось, забирая все пространство, то снова сворачивалось до цепи искр, бегавших от одного к другому, чтобы снова разразиться необратимым кровотечением.

*

Дальнейшее развитие событий Вадик помнит плохо, но оно было стремительным. Небо холодно похало, а солнце подбрасывало светлые искры в окно, и всего этого было не пережить. Вадик уже несколько раз сказал, что идет домой, но все равно оставался, нарываясь каждый раз на новый глоток «Агдама». Рот Крысы пах клубникой и спиртом, как и полагается нимфетке. С рассветом Клара и Тарик притащили в комнату пару цветных надувных матрасов: гостевые лежа. Ежи давно заснул на диванчике в прихожей. Рассказчик тоже спал, но в туристическом мешке, под самым окном, у батареи. Куда внезапно делась Крыса, Вадик не сообразил. А Язва лежала

рядом, осененная зеленовато-теплым светом. И Вадик провалился, как в окоп, как в лоно земли, соединяясь с родиной.

*

Очнулся он ближе к вечеру. Голова не болела, но на душе было тягостно и сыро. Его белая модная футболка пахла чужим потом, а фирменный джинсовый костюм оказался в пыли и складах. Ненависть к себе, вспыхнувшая на секунду, тут же уступила место жалости и какой-то почти посторонней снисходительности. Вадик вышел на кухню. Сонная Клара, однако, в яркой и чистой майке, готовила яичницу на огромной сковороде. Кивнула на старенький, почти антикварный кофейник, издававший лучи темного тепла.

– Горячий еще.

Кофе подействовал сразу. Вадику было неловко и стыдно, так, что он почувствовал: может вполне наговорить Кларе грубостей. А она, откинув на огромный дуршлаг макароны, вышла из кухни, унося с собою кофейник. Некоторое время Вадик сосредоточенно пил кофе маленькими глотками. А затем в кухне возникла Язва. Она вошла, и Вадику показалось, что она даже ходит, медленно выворачиваясь наизнанку. Из нее не то сыпался песок, не то вываливались внутренности. Он в который раз вздрогнул, вспомнив о том, что было несколько часов назад. Но в ней переливалась неотвратимая, отчаянная нежность и зыбкая истома, отчего ее нельзя было оттолкнуть, как Леночку. Язва опустила на корточки, положив Вадику на колени широко расставленные локти, и произнесла. Вывернутым, нутряным и залитым известью голосом:

– Я все поняла. Ты меня любишь. Нам нужно быть вместе.

Вадику захотелось ударить ее. Но он не ударил. Просто все вокруг и вдруг стало настолько чужим и диким, что слова Язвы показались ему чем-то вроде части окружающего интерьера. Он только посмотрел, сквозь очки, и продолжил пить кофе.

– Кофе хочешь? – наконец спросил он, однако тут же спохватился: кофейник ведь унесла Клара. Затем, довольно брезгливо, протянул ей свою чашку. Язва поднялась, села на стул, рядом. И только потом взяла чашку с кофе.

– Спасибо.

*

Вадик даже не позвонил Леночке. Вечером они с Язвой оказались на Арбате, около Фазенды. На этом зеленом пятачке располагалась летняя кофейня. Былолюдно вообще, однако особенно много было кришнаитов, и даже одна буддистка. Довольно высокая китаянка в красно-черном халате, с пышной прической, из которой торчали деревянные шпильки. Она раздавала ароматические палочки всем желающим.

Кофе на Фазенде подавали в пластиковых стаканчиках, жидкий. Но недорогой. Волосатые сидели и лежали, сгруппировавшись в отдельные кусты. Живая изгородь, отделявшая дорожку от газона, кое-где тряслась; видимо, внутри скрывались люди. Какой-то человечек с широкой тесьмой поперек лба громко пел песню Майка Науменко: «Я гуру из Бобруйска». Язва при входе на Фазенду оживилась. От метро они с Вадиком шли, обнявшись, и ему было приятно слишком откровенное объятие ее теплого тела. Оно обволакивало, застилало собою все вокруг, и затем вдруг растворялось, не оставляя после себя ничего, кроме песни «Гражданской Обороны». Но тут Язва встрепенулась и, как в море, бросилась в тоскливо-цветастую толпу. Вадик вдруг понял, что говорить о том, что кроме этой вот толпы есть в мире хоть еще что-то важное, бессмысленно. Он последовал за Язвой и вскоре перезнакомился со всеми. Лежащий на животе, с расстегнутой ширинкой, бритый тип с голосом диктора телевидения, оказался Дзэном. После короткого разговора, в котором упомянул сто восемь ведьм, Дзэн вскочил и умчался. Уютную джинсовую группку Язва назвала пионерами и только снисходительно кивнула им. Внезапно она как-то круто развернулась и направилась к двум ничем не примечательным с виду личностям, которые только что вышли из кофейни. У одного была крупная спортивная сумка, по виду довольно тяжелая. О чем был разговор, Вадик приблизительно понял, но додумывать не стал. Однако Язва нечаянно

громко сказала, что у нее есть еще две банки солутана. И что она вполне может купить еще одну. У первой аптеки.

*

Поздним вечером Вадик и Язва оказались в гостях у этих самых личностей. С этого момента началось, на целый месяц, новое, судорожное и стремительное, смертельное круговращение. Кровь Язвы смешалась с его кровью, его гнев – с ее унылой истерикой. Она то угнетала его своим бесстыдством, то раззадоривала ядовитым языком.

– А я вчера видела Черного Марка. С ребятами. Сутки, наверное, у него девятые.

Слово «ребятки» обозначало устойчивые мысли, хотя, возможно, и нахлебников гопнического вида, которые тоже жаждали винта. Девятые сутки – время потребления зелья. Но не в винте было дело. А в жизни со световой скоростью. И снова внутри Вадика, может быть, даже в его душе, встал образ пожара. Он бы сказал: в жизни со скоростью пожара в иссохшем от жары лесу. Однажды Язва считала несколько часов подряд бисер, найденный в шкатулке на помойке. Вадик подозревал, что вся ее нехитрая косметика тоже найдена на помойке. Но каждый раз падал в нее как в окоп, и чувствовал себя в безопасности. Единственное, что удалось ему внушить Язве, это то, что надо подмываться. Хотя иногда, а желательно каждый день. Однако он не сомневался, что Язва перестанет подмываться, как только расстанется с ним.

– Винт обладает сильными антисептическими свойствами. Чего ты боишься?

В более нежном настроении она говорила:

– Я тебя таким образом подсаживаю. Зачем тебе колотиться?

На одном из флэтов, в ожидании вмазки, Язва залезла, без ведома хозяев, в книжный шкаф и извлекла оттуда пухлый музыкальный задачник, для пятого и шестого класса. Тут выяснилось, что Язва закончила музыкальную школу по классу фортепиано и даже играла в провинциальной рок-команде, на клавишных. Рассказав, Язва засмущалась, но довольно кокетливо, насколько кокетливым может быть такое создание. Задачник смотрел бледной оранжевой обложкой, а Вадик еле сдержался, чтобы не заговорить о классической музыке. Ибо нефиг. Язва проклинала все академическое искусство, но пела славу Янке Дягилевой и «Гражданской обороне». Вадик слушал, недоумевая, как прыщавая подростковая авторитетность уживается в ней с коварной интуицией.

*

Однажды утром вдруг Язва засобиравлась в Питер. Потому что все едут в Питер, там сейшен. И они оба, под скупым прохладным дождем, взяв только необходимое, поехали на автобусе прочь от метро «Речной Вокзал». Во время краткого пребывания Вадика дома Леночка рыдала, но она теперь только раздражала его. И потому, наскоро взяв зубную щетку и нехитрую смену белья, он слинял. На автобусе ехали довольно долго. Затем шли, километр или два, пока Язва не подняла руку. Вадим посчитал для себя оскорблением, что девушка стопит, и сам, отстранив Язvu, поднял руку. Ему повезло. Однако к вечеру они добрались только до Бологого. Решили не спать, а идти дальше. Им снова повезло, и в Питер они прибыли к полудню следующего дня.

*

Калейдоскоп вращался, выбрасывая самые любопытные кадры. Вот Язва просит две копейки у телефонной будки. Улыбается так, как никогда ему не улыбалась. Никогда? А ведь они вместе едва-едва полторы недели. Кажется, что сто лет. Вот она с кем-то на кухне вмазывается винтом, и потом, с бешеными глазами, лежит на поухлом диване, поглаживая лицо неожиданно нежными пальцами. Вот, сидя на табуретке, скульптурно скорчившись, с поразительной скоростью взбалтывает в сосудике зелье, приговаривая: «Ширево и колево – это очень здорово!» Она говорила: «Коленкование», а еще: «я моветон». Голубя, клюющего мосол от курицы, назвала: «голубь-каннибал». Увидев спортивный велосипед, сказала: «велосипедный монстр». Лакрично-клеякая, даже во время короткой близости в чужой ванной, не говоря уже о стихийном бедствии в подъезде. Грубоватая, унылая и задорная одновременно. Даром, что Язва.

*

Однажды, после плоского и дешевого спора, возникшего ночью, голо, на матрасе, она швырнула в него своей фосфорно лоснящейся рубашкой, отчего тело взметнулось как язык туберкулезного пламени. Ненавижу! Еврей! Сволочь! Потом Вадик искал ее, почти сутки, по всем тусовочным кофейням Питера, неоднократно покрываясь потом, испуганный и совершенно уничтоженный. Наконец, уже около полуночи, он нашел ее в Свечном переулке, в объятиях красивого прибалтийского пионера, оба – с цветущими от истомы глазами. Она, кажется, узнала шаги Вадима. Оба, Язва и пионер, сидели на подоконнике. Он застегивал ширинку джинсов, а она так и сидела с расстегнутой, посасывая беломор. Язва встретила Вадика таким взглядом, что, казалось, сейчас плюнет ему в лицо. Но она не плюнула. А только сказала:

– Ну что, Моня, не нашел вписку?

– Твою – нашел, – ответил Вадик.

Белокурый прибалтиец достал расческу и принялся за свои локоны: еще не доросли до плеч. Закончив, вопросительно посмотрел на Язvu. Нежно поцеловал в разбухший рот. Язва, неожиданно изящным жестом облокотившись на блондина, соскочила с подоконника. И сказала, глядя снизу вверх, самонадеянно:

– Встретимся Москве.

Направилась к Вадикy, не то ковыляя, не то подпрыгивая, укусно посмеиваясь. Но вдруг обернулась и поведала прибалтийцу. Неизвестно зачем и неизвестно почему:

– Ах да, это ж мой Мэн.

– Я понял, – пожал плечами блондин, но руки Вадикy не подал. Затем сказал с чувством, которого в нем Вадик и не подозревал: – Увидите Змейку, скажите, что я...

Во время разговора в ушах у Вадика стоял шум. Будто все происходило не в Свечном переулке, а на тусовке, и между ними тремя бродят и говорят бесчисленные люди.

Язва, кажется, на просьбу никак не отреагировала. Однако возле тусовочной столовки, куда они с Вадиком пришли, в надежде встретить знакомых, вдруг встрепенулась и подошла к элегантной девице с курчавыми волосами. На девице было пестрое пончо, а брови и ресницы выкрашены в синий цвет. «Змейка», – сообразил Вадик.

*

На вписке, едва дело дошло до матраса, Язва снова обозлилась и снова швырнула в него рубашкой. На кой хрен мне все это, на кой хрен... И ушла в комнату хозяйки. Но не прошло и пяти минут, как зазвонил телефон, по половицам прошелся галоп, и скоро в проеме двери оказалась Язва. Лицо у нее было совсем другое. Она теперь всматривалась в Вадика с теплой любознательностью, как будто видела его впервые.

– Ты давал этот телефон Леночке?

Вадик насторожился.

– Нет. Только Тарику. Но он... знает.

Язва посерьезнела, но только на секунду.

– Вот-вот. Ежи звонит. Ежи Томашевский.

Как и ожидал Вадик, вызов в Польшу сделан. Теперь нужно было срочно возвращаться в Москву и брать билеты в Варшаву. Услышав эту весть, Язва как будто сразу же сильно похудела. Нос вытянулся и стал по-лисьи тонким, волосики сникли, но во всем теле и в жестах проступила невиданная изящность. Вздохнула, отведя глаза:

– Ну вот и все, вот и слава Богу.

Вадика задело.

– Ты едешь со мной.

– Нет, – ответила она, – завтра сейшен. И мне в Москве делать нечего.

В тот вечер он в первый и последний раз слушал, как Язва играет на фортепиано. Упруго, выбрасывая в воздух каждый звук, растягивая его до невозможности. Вадик сидел на полу, почти

возле ее ног, и слушал. Пианино было хозяйское, отлично настроенное. Но звуки рыдали, как будто у инструмента зуб на зуб не попадал.

Рано утром, едва открылось метро, Вадик встал. Собрал незначительные пожитки и отправился в Москву. Язва, разметавшись, спала на матрасе. Она даже не проснулась. И даже не позвонила, чтобы узнать, как он доехал.

Эпилог

*

Вадим Либельштейн уехал сначала в Варшаву, а затем и в Нью-Йорк. Здесь записи рассказчика обрываются. В последний раз он видел Вадима перед отъездом, когда и была рассказана переданная мною история. Лет пять спустя мне довелось пересечься с рассказчиком в известном клубе. Я узнала, что его знакомая умерла в монастыре. Она пролежала в келье одной сестры два месяца, и за ней ухаживали монахини.

*

Двадцать лет спустя после описанных в тетрадке событий седой человек в хорошем льняном костюме, судя по всему, иностранец, вышел из небольшой наемной иномарки возле ресторана «Прага». Вышел и отчего-то замер на несколько секунд. Местечко, где раньше была лужайка, теперь было занято огромным зданием, да и вокруг вместо изгородей и котлованов красовались грозные стены. Человек ничем не отличался от других респектабельных личностей, ходящих в этой части Арбата. Однако он всего на несколько секунд замер, оглядывая место, где раньше были кусты, кофейня и волосатые.

– Все идет по плану, все идет по плану...

*

«Сотни жизней, тысячи жизней. В мирное время, вдалеке от Афганистана и Чечни. Музыкант Леха, музыкант Женя, и другие. И та, так и не дошедшая по трассе из Петербурга в Москву, она тоже с ними. Живое погребенные. Росток, ошибившийся росток, так и не преодолевший асфальта, животное, так и не выраввшееся на свободу.

Это финал: жизни человека, истории страны. Повторения невозможно, потому что мы все живем в царстве игрушек, на силиконовых небесах, и в этом мире невозможны ни пьянство, ни наркомания, ни сколько-нибудь серьезная венерическая болезнь, но еще сохранились формы всего названного. Но я-то остался таким же, как был. И по-прежнему боюсь Леночки, пять лет как похороненной на Введенском, и по-прежнему брезгаю рубашкой Язвы, воняющей бензиново-яблочным потом. Остались имена и небольшие рассказы. Смешанные с теплом рассказы, крылья из пепла».

– А ты остался таким же, как был...

КАВКАЗСКАЯ ОВЧАРКА

Рассказ

Склонность к насилию сделала Гиго политически активным. Будучи бездельником, он слонялся по улице и всюду, где появлялась возможность, принимал участие в политических дискуссиях. Его предпочтения колебались, но постоянным был пыл. Однажды, пристроившись к очереди в магазине, Гиго в запале полемики вытеснил стоящих в ней людей и таким образом оказался вблизи стойки. Продавец спросил его, будет ли он делать покупку. У Гиго денег не оказалось. Работник прилавка театрально выразил недоумение – зачем было стоять в такой долгой и шумной очереди с пустыми карманами. Под смешки публики Гиго ретировался.

Его любимым занятием было – ходить на митинги. Он возникал там, где дело шло к потасовкам. Во время известного массового разгона демонстрации Гиго почувствовал себя в своей стихии – размахивал своими кулачищами, всласть матерился. Но столкнувшись со спецназовцем, который был выше и крупнее его, да еще экипированным, он сделал вид, что прогуливался и случайно попал в передрягу. Но хитрость не прошла – через некоторое время из полиции пришла повестка. Надо было заплатить административный штраф за участие в уличных беспорядках. В качестве доказательства ему представили фото. Он сначала не узнал себя в устрашающего вида агрессивном мужлане, но, убедившись, что это все-таки он, не без некоторого форсу заплатил штраф.

Гиго регулярно слушал политические новости по ТВ. Однажды на него сильное влияние оказало патетическое выступление ультрапатриотически настроенного деятеля – дескать, исконно грузинскую породу собаки – кавказскую овчарку хочет присвоить себе северный сосед. Не уточнялось, как это могло произойти. Нашлась группа энтузиастов-монахов, которые в одном из сёл построили вольер для овчарок, чтобы спасти породу. Через некоторое время просочилась информация, что щенков овчарки стали раздавать населению. Поддавшись патриотическому порыву, Гиго приобрел себе щенка. Ему дали сучку. В самце отказали, мол, «рылом не вышел, блат нужен». Самцов передали более продвинутым политическим активистам.

Мы, городские, мало понимали в этой породе. Действительно, многие из нас знали ее только по фото и рассказам, но заведомо гордились ею. Одно из названий чего стоило – волкодав. Это было благоговение, равное почитанию, с каким вспоминают героического предка в интеллигентных семьях, где мужчины не отличаются крутыми характерами. Мой отец, профессор математики, любил рассказывать о своем деде, который был сорвиголовой, «служил у Махно». После мировой войны он приболудился к атаману, позже перебрался на родину. Он жил в деревне, где у него была, конечно же, кавказская овчарка по кличке Чмо. Кличка шла от «темного прошлого» старика. В те времена это слово в Грузии мало кто знал. Но стоило ли так уничижительно называть волкодава? Чмо спас моего прадеда, когда того на охоте схватил медведь. Косолапый ломал старика, когда на него набросился пес. Особенно подкупали разговоры о достоинстве, с каким держалась овчарка. Ей, например, противно было есть с жадностью, клянить еду. Чмо, каким голодным он ни был, сдержанно прикладывался к пище, изображая даже наигранное к ней пренебрежение...

Гурам Сванидзе родился в 1954 году в Тбилиси. Учился в Тбилисском государственном университете на отделении журналистики, затем в аспирантуре Института социологических исследований АН СССР в Москве. Кандидат философских наук. Работает в Комитете по гражданской интеграции Парламента Грузии. Публикации в журналах «Нева», «Дружба народов», «Сибирские огни», «Новая Юность». В «Волге» (№5-6, 2009) напечатаны 10 рассказов из цикла «Городок».

Я лично первый раз столкнулся с этой породой в детстве, когда с семьей и гостями съездил на дальний пикник в горы. Дорогу запрудило стадо овец. Я испугался, когда увидел заглядывавшего через стекло в салон пса, его оскал, пену бешенства, горящие глаза... Сидящий рядом со мной мальчик, мой товарищ, описался от страха.

Сантименты Гиго в отношении к волкодаву не отличались затейливостью. Особой любовью к собакам он не обладал. Иногда забавлялся тем, что наблюдал их драки, не упускал случая натравить одну псину на другую. Охранять его собственность не было нужды. Богатым он не был.

Появление Гиго с собакой на улице напоминало парад, демонстрацию силы. Этого субъекта и так остерегались. Теперь у него появился еще один аргумент – крупный серой масти лохматый пес. Хозяин дал ему кличку Энди.

Больше всего в волкодаве его хозяину нравилась злобность. Когда Энди баловалась на улице с другими собаками, присутствовавшие умилялись ее медвежьей неповоротливости, забавной физиономии. Гиго же пришел в восторг, когда увидел, как Энди попыталась схватить товарища по играм за горло. Он со вкусом рассказывал, как обошлась его овчарка с местным псом-забиякой. В какой-то момент показалось, что она проглатывает несчастного, которого за задние лапы вытащили из ее пасти. Гиго любил демонстрировать обрезанные уши Энди. Как ему рассказали мо-нахи, во время драк с хищниками овчарки отвлекаются, они боятся за свои уши – их уязвимое место. Поэтому уши обрезают.

Отрывистый низкий лай волкодава наводил страх. Из-за его рыка прекращали брехать другие собаки по всей округе.

Стихией «кавказца» является галоп. Но нашей улице, в тбилисской «Нахаловке» ему было не разогнаться. Поэтому Энди бегала неуклюже, вразвалку. При этом огромные лапы она ставила, как человек, страдающий от плоскостопия. Гиго снисходительно взирал на такой дефект овчарки.

В Гиго даже появились элементы чванства. Ему нравилось, как заискивающе посматривают люди на его «кавказца», рост которого достигал 60 сантиметров в холке. От Энди пахло дорогим мылом. Я сострил по этому поводу – Гиго не спасает, а изводит породу, и, посмотрев на горизонт, который у нас очерчен горами, картинно добавил: «Интересно, как там родичи Энди обходятся без французских шампуней?»

Как-то в присутствии Гиго я рассказал, как американцы для войны во Вьетнаме подбирали служебных собак. Ими было проведено исследование. Выяснилось, что наиболее близкой к идеалу из огромного числа пород является немецкая овчарка. Получилось, будто я позволил себе бестактность – сделал сравнение не в пользу кавказского волкодава вообще, и Энди в частности. Обычно, почувствовав себя уязвленным, Гиго начинал хамить, а тут он просто покраснел и сказал мне «мягко», что я, как всегда, выпендриваюсь, хочу казаться умником.

Однажды по какой-то надобности я зашел во двор Гиго. Наверное, поступил неосмотрительно, когда, нажав на кнопку звонка, не дождался появления хозяев. Звонок у них не работал уже год, а я об этом не знал. На меня набросилась Энди. Я прижался к стене, как будто изображал из себя барельеф. Овчарка делала устрашающие выпады, вот-вот обрушится на меня, но потом отступала, чтобы повторить свое па. Я чувствовал ее жаркое дыхание. На меня нахлынуло ощущение, похожее на то, что я испытал в детстве, когда в салон нашего авто заглянул волкодав. Рык оглушал, оскал пугал звериной яростью. Я собрался с силами, чтобы не впасть в панику, думал, что в крайнем случае постараюсь схватить псину за язык, что делает агрессивное животное беззащитным. Об этом варианте защиты мне рассказывал отец. Так поступил его дед, «бывший махновец», когда на него напал волк. Я подивился сноровке своего предка, поймать волкодава за его алый язык представлялось совершенно невозможным.

Ленивый окрик сына Гиго прекратил мои испытания на твердость. Энди отвернулась и пошла восвояси в конуру. Зайдя в дом соседа, я застал там все семейство. Гиго даже не спросил, как я себя чувствовал после довольно долгого «общения» с Энди.

Я стал замечать, как в городе появилось много кавказских овчарок. Они отличались разной степенью ухоженности и дрессировки, но во всех случаях от хозяев веяло гордостью за своего огромного и грозного питомца. Однако также приметным стало и то, как в обратной пропорции Гиго терял интерес к Энди.

Как-то к нам на улицу заглянул один парень со своим «кавказцем», самцом. Энди и гость миролюбиво отреагировали друг на друга. Они приветливо помахивали хвостами, обнюхивали друг друга. Самец был помладше собаки Гиго, но ростом и массой уже превосходил ее. «Умом» тоже. Он, например, подавал лапу, садился по приказу своего хозяина. Энди все это было неизвестно. После того, как ей приказали принести брошенный мячик, она долго не возвращалась – пыталась перекусить неподатливый маленький резиновый шарик. Выпустив из него воздух, собака решила, что именно это от нее требовали. Гиго был недоволен, и не тем, что в клочья был изодран чужой мяч, а тем, что его питомец повел себя «неадекватно». Совсем он раздосадовался после того, когда его жена сделала ему справедливое замечание, что животное надо учить, а затем уже требовать от него хорошие манеры. Упрек был произнесен в присутствии большого скопления народа и хозяина того самца. Гиго распорядился, чтобы сын завел Энди во двор. Овчарка не могла понять, почему с ней поступают строго, и некоторое время упиралась.

Когда гость ушел, уводя на поводке своего «кавказца», один из соседей решил исправить положение. Он показал пальцем в сторону удаляющейся пары и едко заметил, что некоторые люди совсем «очумели» из-за своих любимцев.

– Этот детина обычно при себе детскую лопаточку держит, когда пса выгуливает. Он держит ее в целлофановом пакетишке. Нагадит его псина, а он за ней убирает, какашки закапывает, – разглагольствовал он, хихикая.

Но Гиго только еще пуще насупился. Ему неловко и не вовремя напомнили о том, почему он сам так не поступает. Своими большими кучами Энди пометила всю близлежащую территорию. От этого у Гиго было много неприятностей. Один из соседей, известный своим склочным нравом, даже пожаловался на него в районную администрацию.

По весне Гиго совсем охладел к своей псине. У Энди началась течка. Кобельки-дворняжки стаями увивались за огромной сучкой. Соседи Гиго, кто с отвращением, кто с ехидцей наблюдали невероятные трудности, коих стоили сокоупления для огромной сучки, окруженной малорослыми безродными кавалерами. Отбою от них не было, и каждый норовил оседлать овчарку, а она не проявляла разборчивость. Уж очень одиозно все это выглядело, чтобы не привлечь к себе внимание. Нашелся остряк, который попытался «в лицах» изображать пластические этюды в исполнении Энди. Гиго в это время играл в домино с мужчинами. Ему хватило ума не принимать кривляния всерьез, но общий смех он не разделял.

Скоро для волкодава наступили тяжелые деньки. Политическая оппозиция загромоздила главный проспект города бутафорскими клетками. Она призвала своих сторонников в знак протеста против произвола властей поселиться в них и объявить себя добровольными арестантами. Погода стояла хорошая. «Узники» прохлаждались в клетках, играли в карты, нарды, шахматы. Пищу им приносили студенты-активисты. Гиго быстро влился в ряды добровольных «узников» и сутками пропадал в городе. Овчарку перестали кормить толком. Жена Гиго, и так не жаловавшая кинологические увлечения мужа, не особенно заботилась о собаке. Сыновья сначала забавлялись прогулками с Энди, но довольно скоро остыли к ним. О купаниях пса никто даже не заикался. Однажды Гиго в компании, с которой разделял пространство в бутафорской клетке, проиграл в нарды. Крупно и по-настоящему. Домой он пришел злым. Энди, увидев хозяина, от радости прыгнула на него, положила свои лапы ему на плечи и лизнула его в небритую физиономию. Она чуть не сбила хозяина с ног. Из-за чего ей досталось. Гиго подхватил первое же попавшееся полено... Ее вой напоминал крик ужаса харизматических героинь опер Вагнера.

Овчарка забеременела. На некоторое время она смолкла, забилась в конуру, которая находилась в дальнем углу двора. То, что она сотворила, стало предметом обсуждения на улице. На нее стали смотреть с суеверным ужасом. Она необычно и подозрительно долго находилась в конуре и не издавала ни звука. Некоторое время из того места было слышно, как скулили новорожденные щенки, но потом и они стихли. Заинтригованный Гиго сунулся в дальний угол двора – прояснить ситуацию. Оттуда он выскочил, как ошпаренный. Заскочил в туалет, его тошнило. Домочадцы высыпали во двор, озадаченные его поведением.

– Не заходите туда, – нервно бросил своей жене Гиго. Он взял лопату и мешок.

Слышно было, как он материл овчарку, выгонял ее из конуры. Вскоре с перекошенной от отвращения физиономией с мешком в правой руке, ни на кого не глядя, пробежал Гиго. В мешке были обглоданные останки потомства овчарки. Вот появилась она сама – облезлая, ленивая, худая, безразличная.

Энди перестали привязывать, и она постоянно торчала на улице. Ее ослабшая шея с трудом держала массивную голову. Поэтому всегда казалось, что Энди смотрит исподлобья. В ее взгляде появилась сумасшедшинка, она легкомысленно виляла своим тяжелым хвостом. Овчарка еще сильнее облезла, обнаружив розоватую плоть и худобу. Сосцы отвисли и выглядели удручающе. Она приставала к прохожим на улице с улыбкой какого-нибудь дураковатого попрошайки-пьяницы. Прохожие шаркались от нее, а она упрямо, но не агрессивно, приставала к ним, иногда сиплолая. В таких случаях хозяин или его домочадцы кричали напуганным прохожим, что овчарка не кусается.

– Куда ей кусаться! Жуть смотреть на такого монстра! – ответила однажды одна проходившая по нашей улице женщина в ответ.

Раздавался свист Гиго или одного из сыновей, овчарка, с усилием разворачиваясь, бежала врзвалочку к хозяевам.

Энди повадилась есть мусор и даже дерьмо.

Однажды к ее заднему проходу прилип целлофановый мешок. Создалось впечатление, что это было плацентоподобное испражнение, от которого овчарка пыталась избавиться. Она, задрав свой тяжелый хвост, терлась задом о дерево. Один мужик смотрел на все это с отвращением, а когда убедился, что собака не может избавиться от целлофанового мешка, даже несколько посмеялся – не таким уж душераздирающим показалось ему зрелище.

В то воскресное утро меня разбудила брань Гиго. Он материл неведомого пакостника, который накормил его овчарку индюшачьими костями. Как примерный хозяин он стал проявлять свою осведомленность по поводу ухода за собакой. Из его тирады я узнал, что эти кости острые и могут продырявить кишки. Я выглянул в окно и увидел пса, лежащего у ворот. Из рта и ануса шла кровь. Он хрипел. Собрался народ. Пока обсуждали и спорили, Энди замолкла. Присутствовавшие присмотрелись к ней и констатировали смерть: «Сдохла!» Подогнули машину, овчарку загрузили в багажник, накрыли ее тряпьем. Гиго и двое добровольцев вызвались поехать закопать ее на пустыре.

Чуть позже один из добровольцев рассказывал, что, когда опускали завернутую в тряпье овчарку в яму, ему показалось, что она подала признаки жизни.

– Я промолчал. Так и похоронили. Скажи, что она сдохла уже здесь, – сказал он мне и посмотрел на меня несколько просительно.

Что я мог ему сказать?

Жанна СИЗОВА

МИЗАНСЦЕНЫ МАЛЕНЬКОЙ АНГЛИЙСКОЙ ДЕРЕВНИ

Закат на Ла-Манше

Дорога к Ла-Маншу висит в середине неба,
не закрепленная видами справа-слева.
Ты можешь смотреть только вперед.
Вид за твоей спиной
закрывается пеленой.
Сегодня двадцать четвертое января. Из этой даты
латунью налиты латы. Наколенник календаря.
Впереди чернеют поля. Гребнем выровненные поля.
Зайцы. Белые зайцы кромсают мили.
Цветут акации. Запах ванили.
Подползает сумрак, грозящий сном.
Деревья, окутанные вьюном.
Нужно успеть не проворонить шанс:
до темноты обрести Ла-Манш.
Тропинка, увитая ежевикой,
колючей и дикой.
Вот воистину искус зренья:
скамейка, лишенная притяженья,
не касаясь почвы, качается на ветру.
Затем дом из красного кирпича с указателем:
Детский театр. Театр...
арт... искусство ...
сюр... над реальностью, поверх нее... мета...
разряжение воздуха. Насыщение света.
Позвоночник выгибается луком,
натягивается стрелой.
Прыжок! Вот пес громадный – солнце,
великий эпос, и вода, вода,
как пятая симфония воды...
Разлитое вино по горизонту
стекает вниз к планктонам, в глубину...

Жанна Сизова, поэт, родилась в Москве в 1969 г. Закончила филологический факультет Иркутского Университета и Санкт-Петербургский Институт богословия и философии. Печатается в российской и европейской периодике. Автор книг «Ижицы» (СПб, 1998), «Логос молчания» (СПб, 2009), «Монохон» (СПб, 2012). Живет в Санкт-Петербурге и в Havant (Великобритания).

Первое марта.
Бумага разорвана поперек
словами заглавной буквы.
Имя рек...

Пустота швыряет меня из угла в угол,
внезапит гол в зазевавшиеся ворота.
Рота незавершенных дел.
Карта неосвоенного пространства.

Сегодня первое марта.

Итак, Марта была первая,
Кто встретился мне на улице.
Марта,
живущая в доме напротив.
Марта уехала из Мадрида
и осталась на Сэйнт-Джонс Роад,
в маленькой английской деревне.
Какой древний неясный шепот
привлек ее?

Как бы то ни было, но
мы помахали друг другу рукой,
она села в машину,
вознесла крест над лобовым стеклом,
чтобы открыть это утро
в первый весенний день марта.

Первая Марта.

Игра

В школу святого Томаса Мора
утром приходит Билли.
Дети его окружили.
Давай играть, – сказал Бен. –
Ты будешь Иисус Христос.
А мы будем тебя распинать
и над тобой смеяться.

Девятилетнему Билли эта игра знакома.
Он читал о ней в книжках, в школе и дома.
– Вставай здесь, у дороги,
растяни руки, – скомандовал Бен. –
И ноги.

Дети кидали палки,
били Билли и обзывали,
а один на него даже пописал.

Ничто не изменилось в мире.
Как прежде, качались тисы,
дрожали под ветром розы.

Все увлеклись. Каждый ждал своего укола –
дети,
прохожие,
учителя,
и даже директор школы.

Прекратились уроки.
Остановилось движение.
Люди всё прибывали –
неразгаданное тепло
их притягивало, влекло.

В конце дня гости города и горожане
перешептывались, передавали
по цепочке друг другу слухи:
«слышали? кто-то упал...
кого-то мучили...
говорят, что несчастный случай».

Приют для осиротевших зонтиков

*«После проливных дождей Великобритания
теряет около миллиона зонтов...»*

Зонтики – как собаки служивые,
сторожевые, вывихнувшие ногу,
не в силах подняться с земли,
добраться до своего порога.
Так и лежат на обочинах,
сунутые в канаву.
Раненые, больные пёсины,
вздрагивающие облавой
местных мусорщиков,
кропотливых хакеров утиля.

Но особые зонтики –
беспризорники,
забытые в электричках.
Ничком, понурые –
ни имени нет, ни клички,
их уносит поезд – железный зонт,
протыкающий горизонт.

И, как сестра милосердия,
вышедшая на поле боя,
я подбираю чужие зонтики,
распнутые ветром зонтики,
умирающие, едва живые.

Приношу их домой как в госпиталь,
выхаживаю, кормлю. Наблюдаю,
как начинают дышать, радоваться дождю,
по-собачьи лакая воду,
в приюте осиротевших зонтиков –
подкидышей, собранных в непогоду.

Окружающий мир изредка кажется мне комичным.
Я имею в виду то, что способно передвигаться
и проявлять себя как живое
(исключая физические явления,
насекомых, растения –
последние вызывают у меня изумление
своей сопричастностью к другой тайне.
Если писать о растениях – непременно с пометой «личный»)).
Но еще чаще окружающий мир видится драматичным.
Всякая плоскость сохраняет в себе излом.
Стон живет во мне. Стон.
Стон ссутулился на периферии сознания.
Вместо того, чтоб отвлечь –
познание, опыт, книги –
все утверждает стон во вселенной,
в этой Богом забытой свалке.
Потому что за всех больно
И каждого жалко.

Сергей СЛЕПУХИН

На станции Ко тени серебряных ног,
Искрами выслеженные силуэты.
Торопливые пальцы – нерест миног –
Жадно заглатывают билеты.

Божок эбонитовый за стеклом –
Кассир татарин прижимает трубку.
Чей-то крик распался. Ржавый лом
Осыпается в тугоухую рубку.

Бедра, груди, затылки – пепел во тьму,
Время тлеть в пустоте, позабывши, кто ты.
Если знаешь, молчи – отчего, почему
Голоса из бездн вырывают пустоты.

Из окна скользит черным полозом лес,
Заплетается в мозг,
Мертвенеешь, плача.
Только зрячим видно, как полое вес
Обретает, свет за изнанку пряча.

Себя самого изгнав, рассеяв,
Собираю по крохам, ем пепел, как хлеб,
Плотно соткан воздух в городах амореев,
Вступая в него, стою, замерев.

С трудом заполнил себя – собою,
Учтенный и не- в одном слились,
Нисходящий мотив покорен гобою,
А фановой трубе – подчиняется высь.

Перспектива тождеств? Большое сомнение.
В полутемных кадрах гудит психоз,
Утомление снов, в глазах роение –
То ли райских пчел, то ли адских ос...

Сергей Слепухин родился в 1961 году, живет в Екатеринбурге. Поэт, эссеист, художник, редактор литературного альманаха «Белый ворон». Публиковался в журналах «Арион», «Звезда», «Знамя», «Интерпоэзия», «Крещатик», «Новый Берег» и др. Автор книг «Слава Богу, сегодня пятница!» (2000), «Осенний покров» (2003), «Вода и пряжа» (2005), «Прощай, Парезия» (2007), «Новые карты Аида» (2008, совместно с М. Огарковой), «Задержка дыхания» (2009), «Дотла забывать» (2011), «Totentanz у Томаса Манна» (2012).

DULLE GRIET

За далекими кулисами мира
черной горою под снежной шапкой,
на границе зримого и незримого,
высится одинокая башня.

В ее подножье сады и войны,
колесницы Гога и Магога,
штандарты и знамена Третьего Интернационала,
свернутое небо в медленном содроганье.

В одной из тысячи ниш-камер –
на цепи сидит мармозетка,
когда-то игрунка, а ныне
маркитантка в солдатских обносках.
Терпение и страдание,
страдание и терпение...

Маска-лицо, серое,
как море под крыльями чаек,
белые ободки зрачков,
отражения тех, кто смотрелся
в эти стекла раньше тебя.

Бесы и ангелы тащат пшеничные зерна,
черные стрекозы пересекают болтливое море,
Господь закрывает лицо руками,
смерть заворачивает слепотой силы.

Тяжелый, отнюдь не блаженный сон,
путешествие души в ночные объятья.
Отпустишь веревку кóлокола –
удары реже,
пока не наступит тишина,
от смерти неотличима.

Царствие оргий, резни и безумий.
Некуда торопиться,
сочтено, с точки зрения Вечности.
Кому же откроется новое
Небо,
земля под ногами?

От кеглей – до костылей,
от пеленок – до погребальных пелен...
Прачки на берегу Стикса,
пена, выступающая в уголках губ,
памяти Пемос и Тайд.

Обручи-серсо,
шарики и волчки...
Если мы перестанем крутиться,
то увидим,
увидим пустоты,
проходы меж бегущими днями.
Как видит их обезьянка,
маркитантка Безумная Грета.

ГОГОЛЬ. СНАРУЖИ И ВНУТРИ

I

Всё может стать угрозой, даже свет
Зеленых глаз в заплывшей страхом спальне.
Негромкий бой когтей о половицу
У мертвого безмолвья на груди.
Он тотчас метрономом расползется,
Кадиллом задымит под образами,
Сползет пятном синеющим на шею,
С железных крючьев темною змеей.
Ты схоронился, спрятался, укрылся
В углу, в щели, где время на исходе,
Испуганно, трусливо, близоруко
Руками ищешь палку и топор.
Нашел и – бьешь отчаянно и дерзко,
Слюна стекает с губ кровавой нитью,
Ты бьешь, и топишь! Круг ползет и гаснет,
Как вопль ребенка с палкою в руке.

II

Он задумчивая птица – тонкий нос и белый локон,
Пара карих, очень острых, утомленных в глубине.
Выезжает на прогулку, под ногами праздный Невский,
Гулко цокают сапожки, их имеет десять пар.
Не по моде и без вкуса, машет палкою неловко,
То ли аист, то ли цапля, то ли птица-секретарь.
Неприветливо, небрежно, свысока и плутовато,
Гладко стрижены височки, чисто выбриты усы.
Нос ли, клюв, пристроив в бездну, море бурное людское,
Ловит рыбку и бросает в пеликаний свой мешок.
А потом круги мотает и разводит на конторке,
Вяжет почерком некрупным искривленную комедь.
Свет ползет к Неве угрозой, звезды голые глотает,
Загорается недобрым и зеленым изнутри,
И отрывает в сумрак убиенного котенка
И ползет, ползет, не гаснет криком с палкою в руке.

III

Гоголь с пьявками у носа, голове – примочка,
Пуст живот, легко находят пальцы позвонки,
На иконке защищает божьего сыночка
Мамка – впалые глазища, рученьки тонки.
Ой, пустите и не лейте едкий спирт на спину!
Пьявки гадкие снимите! Холодно, темно.
Размотайте руки-ноги, сам уйду-покину,
Затеряюсь в Палестинах с Богом заодно.
В голой ванне неподвижна голова ребенка,
Шея длинная, большая – цапля на ветру,
Крылья срезаны, тугая на груди пеленка,
И удавка мертвым криком: я сейчас умру.
Непогашенные звезды, как глаза кошачьи,
Все выглядывают душу чью-то вдалеке,
И ползут червем в могилу, обнаженным плачем,
Одичавшим диким криком с палкою в руке.

Герман ВЛАСОВ

которым есть разлука и предел
к ним рано подойдет бесшумней смерша
не земляных но вымышленных дел
оценщица и землемерша

часы с подсветкою с кукушкою часы
какая разница мы раньше тоже были
при свете утренней и длинной полосы
взрослели мучились любили

шиповник цвел чертополох потел
глядело желтое бесжалостное око
а я скажу что думать не успел
(не будь ко мне жестоко)

раздвинуть улицы деревья и дома
для северной звезды такой невидной
там будет сад и ливня бахрома
(пусть будут ливни)

сойдутся пусть как на бумаге вязь
черты людей зверей не опасаясь смуты
здесь я живу и будешь ты смеясь
хоть день хоть час хоть полминуты

полуподвала тесное тепло
там душно и глаза с землею вровень
как много музыки ноябрьской намело
и город стал огромен

давай сидеть и слушать о судьбе
паучью ткань не трогая руками
всё в музыке верней в ее мольбе
слезою точит камень

Герман Власов родился в 1966 году. Закончил филологический факультет МГУ, живет в Москве, работает переводчиком. Публиковался в журналах «Знамя», «Новый мир», «Волга», «Крещатик», «Континент», «Новый Берег», «Интерпоэзия», «Дети Ра» и др. Автор поэтических сборников «1 ½» (1998), «Второе утро» (2003), «Просто лирика» (2006), «Музыка по проводам» (2009), «Определение снега» (2011). Лауреат Международного литературного Волошинского конкурса (2009).

вот так и в нас прямой ручей течет
текут зимой улыбочивые реки
и времени упрямый звездочет
молчит о человеке

но если слушать вместе и всегда
ту что прилюдно пела и смеялась
она с тобой и больше никогда
уже не начиналась

и весь ноябрь промозглый и сырой
как дерево выпрастывая руки
уходит в это небо с головой
рассыпаться на звуки

о ком вчера был снег
холодный и кругом
необозримый свет
в пространстве заводном

он перевел часы на этот снежный час
две смежных полосы две перистых у нас
две стрелки часовых минуты и часы
они для нас двоих на воздухе весы

вся в белом мошкара
стучится о стекло
о ком был снег вчера
и отчего тепло

Не имеющий памяти влажный речной песок,
с металлическим стуком седая прошла моторка;
полдень холоден, острый камыш высок,
на другом берегу – в бушлате рыбак и только.

Длинный сон природы: на хлеб не берет плотва,
не гремят посудой, дымом не пахнут дачи.
Комары сошли, но вымокли рукава
в неурочный час среди облепих рыбачить.

Но подумаешь, сколько живой тишины вокруг
и берет за горло какой-то неясный мелос,

как сама судьба невидимая, мой друг
(обернись и вспомни, имея печаль и смелость).

Открывая пачку Явы, почувствуй ток –
он пронизет шею, грудь пройдет и колена,
чтобы ты умолк, уставясь на поплавок
в утреннем тумане, откуда пришла Елена.

звезд блестящие гвозди

конаково и возле
на воздухе цвета крыла
говорливой сороки
были раньше и после

сирень еще не отцвела
острый угол стола
не мешал и в припадке высоком
соловей ночью щелкал и цокал

это май на весах он решал
русский угол медвежий покинуть
круглый ковш нет скорее ушат
это ангелов темные спины

обназначены родинки дней
на наречье забытом
это родина милый и в ней
мало света и много огней
каждый волос сосчитан

балаклавы буденовки прочие
головные уборы войны
остаются от вас многоточия
в виде холмиков равной длины

ну а ваши хозяева пешие
верховые не видя финал
все ложатся разменными пешками
в палисандровый узкий пенал

на замок запираются шахматы
нелюдимо луна за окном

эти клетки от жатвы до пахоты
незеленым обшиты сукном

и покрытые длинными зимами
безголовых растений полки
и застыли они как озимые
кирасиры и политруки

взвод латышских стрелков и наводчики
ополченцы спецы шофера
знаменосцы уланы и летчики
и подростки совсем юнкера

Алексей СЛАПОВСКИЙ

РАЗНОВОЙ:

1. Обломки мыслей и дискуссий в ЖЖ (2011–2007)

2. Стослов

В Живом Журнале все перевернуто: последние записи становятся первыми, а первые последними. Пусть так будет и в этом тексте. Перед читателями – небольшая выборка из того, что я писал в журнале с 2007-го года по 2011-й – в обратном порядке. В виде хроники: отражение времени, настроений, мыслей.

P.S. 2012-го года нет – я почти перестал вести журнал. Только в жанре «стослов» (см. второй раздел).

Разной-1. Обломки

Мар. 28, 2011

ИЗ СМИ

На выборах в Саратовскую городскую думу на избирательном участке №178 (Кировский район, округ №10) «ЕР» показала почти 100-процентный результат. Данный участок примечателен тем, что находится на территории СИЗО. 631 подсудимый (из 647) отдал свои голоса за «ЕР». В процентном соотношении показатель партии составил 97,53%. Подавляющее большинство подсудимых отдали свои голоса за кандидата-одномандатника от «ЕР» **А.Б.** – 630 человек (97,52%).

Более плюралистичным оказался итоговый выборный расклад в областной психиатрической больнице – участковая избирательная комиссия № 105 (Заводской район, округ №6). Здесь «ЕР» набрала 76,47% – на 12% больше, чем в среднем по городу (62,08%). Единоросс **А.И.** показался обитателям больницы самым симпатичным кандидатом-одномандатником. Из 39 бюллетеней за него была поставлена отметка в 28 (71,79%).

Мар. 8, 2011

8 МАРТА

8 марта в советское время стал подобием языческого праздника Ивана Купалы (как и многие другие советские праздники – переняв эту традицию у христианских). Правда, по календарю не совпадает, но суть близка. Во времена оны парни срубали деревце, девушки украшали его, сажали под дерево куклу Ярилу с огромным красным гоем (так у славян это называлось). Главное действо: девушка хлопает выбранного парня по плечу и убегает. Парень ловит. Потом они прыгают через костер, пируют (сало, каша, пиво). А потом пары, обнажившись, купаются в реке и творят любовь.

Так вот, во времена моей советской младости, когда праздновали коллективом, конторой, общежитием и т.п., именно 8-го марта у женщин просыпалось языческое ощущение *права* без стеснения выбрать мужчину и творить с ним любовь – в кабинете, закрытом на ножку стула, в подсобке, да и просто за шкафом и занавеской, если в общежитии.

Естественно, нам, парням, этот праздник очень нравился: многим везло быть выбранными. Да и девушкам тоже: тогдашняя мораль первый шаг с ее стороны осуждала, а тут – легально можно, традиция, обычай!

Многие же зрелые женщины этот праздник не любят. Говорят – какой это наш день, если готовить надо? На самом деле у них нет уже того интереса, они либо давно выбрали и терпят рядом избранника, либо давно никого не хотят. То есть творением любви уже не интересуются.

Фев. 2, 2011

ПЕРЕСУД

из романа «ОНИ» (2004 г.):

«Создалась уникальная и, говоря прямо, жуткая ситуация: в стране фактически не осталось

ни одного дееспособного человека, который мог бы сказать, что чист перед законом, что ничего не украл, не сжульничал, не преступил хоть однажды закон. Ужас в том, что, если все воры, то кого сажать? А сажать-то надо – хотя бы для того, чтобы соблюсти видимость функционирования закона. Или сажать всех – или не сажать никого, так получается. Государство на это пойти не может. Оно *сажает по мере возможности*. То есть произвольно (от слова произвол)».

из романа «ПЕРЕСУД» (2008 г.):

«И адвокаты обнадеживали, и поддержка либерального общественного мнения была слышна, но однажды Федоров, проснувшись среди ночи, вдруг понял ясно и четко: не отпустят. Наматывают по полной катушке. И весь покрывался холодным и липким потом: организм всегда точно чувствует правду мысли».

Извините за самоцитаты. На самом деле легко быть пророком в отечестве, где действия власти омерзительно предсказуемы. И важнейший вопрос меры аморальности решается прямо сейчас, на наших глазах.

Янв. 24, 2011

Из СМИ:

«Поводом для разговора о сращивании криминала и власти стало убийство 12 человек в станции Кушевская. Вслед за этим выяснилось, что многие российские города фактически находятся под контролем криминальных структур, тесно связанных с органами государственной власти».

Проснулись! Это «выяснилось» просто умиляет. Все равно, что на похоронах опомниться: «Ой, а он же умер!»

И еще – «многие российские города». Ага. А Москва? А сама Россия, в конце концов?

И еще – «сращивание». Да бог с вами, уроды, нет никакого сращивания, власть и есть криминал давно уже!

Янв. 15, 2011

ОЧЕПЯТКИ

Посылая деловитое письмо про то, что, дескать, посылаю скан и подпись, на всякий случай глянул еще раз текст перед отправкой и увидел вместо «**подпись**» – «**подришь**». Порадовался: какие хорошие бывают опечатки.

Помню еще байку советского времени: в газете вместо выражения «искусно вскрывают недостатки» было «искусно скрывают недостатки». Но это мифологическое что-то, а у кого какие прекрасные были именно личные опечатки?

Comments:

lisbetina

Жденщина

pechkihd

Помните, наверное, был у нас в Саратове руководителем администрации области господин Бельх? Вот в его фамилии как-то две первых буквы местами поменял. Заметили только в типографии, когда первые экземпляры газеты начали со станка сходить. Пришлось перепечатывать тираж.

alll

У меня хронически вместо «техподдержка» выходит «техподрежка».

А один из знакомых, взявшись по тогдашней американской моде завершать электрические письма пожеланием «all the best», как-то написал «all the ebst».

aprilpowers

В газете хлебного завода программа автопереноса упорно печатала:

хл-

ебо завод

chenikh

«Депутатские фрикции» и «елдиная россия». Очень холодно было в редакции в тот день. Выловила, правда, сама, еще до корректора, а то тоже стала бы мифологической вполне.

yaratkan

Будучи редактором одного сайта подписала картинку «Маклыш и Карлосон».

Этакие специальные парные детские чудовища. Провисело на сайте год, пока не заметили, а вспоминают мне это до сих пор...

lmaria

Вчера писала письмо клиентам (после бессонной ночи над отчетом): «жду ваших замечаний и пожалений».

А еще как-то тоже ночью в отчете приписала какому-то чаю seductive effect (соблазняющий – вместо sedative, успокоительный).

В общем, работа в ночи очень помогает общению со своим бессознательным :)

gorskova_t

Из моих опечаток вспомнились «ноговодние мероприятия», а из чужих – «научно-просветительская деятельность».

Окт. 29, 2010

ГДЕ ПОЛОЖИЛ

Соседка, у которой внук-подросток, видя, как я вынимаю свою младшенькую из коляски, сказала деревенским голосом: «Ох, с маленькими-то хорошо: где положил, там и взял!»

Замечательно. Никогда не слышал.

Июл. 30, 2010

ЗНАКОМОСТЬ

Вышел на балкон. Вокруг дома – тысячи окон. Кто там, что там, Бог весть. А на самом деле ощущение безлюдия. Только дома и окна.

Мое деревенское детство, спасибо ему, напоминает: сидит старый старик у забора на лавочке, курит, кашляет. Видит курицу, говорит: «Субботиных рябка пошла. Ишь куда занесло. Домой, курва!!!». Видит дальний трактор: «Вовка Щупин на силос поехал». Видит старуху Козыреву: «Опять козу ищет. С той козы у ёй ни шерсти, ни молока, на хуя она ёй, спрашиваца?» Видит Сипучёва, трудягу, приехавшего на собственном грузовике домой, говорит: «Сипучёв приехал».

Ни оценок, ничего. Только – обозначение. Но насколько его мир богаче. Потому что он всех – знает. Всех не из 100 000 жителей, что окружают меня безымянно, а – всех. Поименно.

Знакомость – мир теплый. Я 10 лет в этом доме живу, и мне еще повезло, я перезнакомился со всеми на этаже. Но выйдешь на балкон – чужой город. Никого.

Июнь. 6, 2010

ПОНИМАЮТ ЛИ НАС ЧИТАТЕЛИ ИЗ ПРОШЛОГО?

Вот отрывок из современной прозы:

«...по своей природе компьютерный вирус не что иное, как бездушная последовательность команд микроассемблера, незаметно прилепляющаяся к другим программам, чтобы в один прекрасный день взять и превратить компьютер в бессмысленную груду металла и пластмассы. И вот этим программам-убийцам дают имена вроде «Леонардо», «Каскад», «Желтая роза» и так далее. Возможно, поэтичность этих имен есть не что иное, как возврат к упоминавшейся заклинательной магии, возможно, это попытка как-то очеловечить, одушевить и умиловить мертвый и всемогущий полупроводниковый мир, проносащиеся по которому электронные импульсы определяют человеческую судьбу. Ведь даже богатство, к которому всю жизнь стремится человек, в наши дни означает не подвалы, где лежат груды золота, а совершенно бессмысленную для непосвященных цепочку нулей и единиц, хранящуюся в памяти банковского компьютера, и все, чего добивается самый удачливый предприниматель за полные трудов и забот годы перед тем, как инфаркт или пуля вынуждают его перейти к иным формам бизнеса, так это изменения последовательности зарядов на каком-нибудь тридцатидвухэмиттерном транзисторе из чипа, который так мал, что и разглядеть-то его можно только в микроскоп».

Пушкин с ума бы сошел. Или сходит. Потому что мне кажется, что Пушкин нас каким-то невероятным образом читает. И Толстой читает. И Достоевский с Чеховым. И другие.

Я писал бы, возможно, совсем иначе, если бы не верил в читателей из прошлого. Не исключено, что лучше, в смысле – моднее.

Июнь, 5, 2010

ЛИЧНО-ЛИТЕРАТУРНОЕ

Захотелось поддержать в руках свою вышедшую книгу – слабость понятная. А в издательство еще не привезли. Зашел в магазин «Буква», принадлежащий издательству АСТ, которое меня и издало. Вижу полку предыдущих книг, новой нет. Спрашиваю на кассе, они смотрят в компьютере: есть, ищите лучше. Отвечаю, что уже обыскался. Начинают искать всем персоналом. Через полчаса я их пожалел, ушел. На другой день опять наведалься. Народу никого, поэтому еще раз попросил поискать. Опять полчаса. Нашли – запихнуты за первый ряд, за какого-то автора на букву «С». Не Славникову и не Сорокина. Но почему-то и не за меня. В этом же магазине, когда жена искала «Дон Кихота», ее спросили: «А кто автор?»

Это я к чему? Вот к чему. Чтобы понять, каков спрос на любой товар, надо его, как минимум, продавать. Самую замечательную колбасу не купят, если она под прилавком. Нынешние магазины – хуже уличных букинистических лотков. В той же «Букве» покупателя почему-то встречает громкая музыка из отдела дисков – или модерн толкинг, или шарманка баскова. Я не шучу. На стендах у входа – всякая похабень с вкраплениями приличных авторов. Для ассортимента.

Главный враг современной литературы сейчас – книжные магазины.

Издательства, кажется, все больше с ними солидаризуются.

Когда сбудется их мечта, и на прилавках останутся только Дэн Браун и Коэльо, Минаев и Гришковец, Акунин и Донцова неограниченными тиражами, самим ведь скучной жизнь покажется. Но бодро к этому идут.

Если мне скажут, что сам виноват, что книга плоха – спорить не буду. Я только скажу: «Чтобы понять, каков спрос...» – далее см. выше.

Июнь, 3, 2010

ПОЭТ В РОССИИ

Шел мимо телевизора, увидел: малаховская передача памяти Вознесенского. Название: «Поэт в России больше, чем поэт». Они совсем, что ли, неумные? А умрет Евтушенко, дай бог ему еще 100 лет, назовут передачу строчкой из Вознесенского? И ведь, кроме Ерофеева, Дементьева, Вишневского, там и приличные люди были – Бунимович, Спиваков... Почему не поправили?

В России теперь и сдохнуть нельзя без того, чтобы твою смерть не опошили.

Июнь, 2, 2010

«Экология, свинец, тяжелые металлы и погодные условия, всё это сказывается на здоровье автоинспекторов, которые очень глубоко больны».

«Это очень серьезная проблема», – сказал Нургалиев.

«Во всех развитых странах на посту инспектор может стоять четыре часа, у нас он стоит шесть часов», – добавил глава МВД.

А водители, продавцы мороженого, торговцы на рынках, которые все возле дорог, тридцать тысяч курьеров, просто пешеходы – и т.д., и т.п. Они в другой экологии живут и другими тяжелыми металлами дышат?

Нет, глубоко больны у нас не автоинспекторы.

Еще слова Нургалиева: «В составе центрального аппарата помимо департаментов, определяющих государственную политику и нормативно-правовое регулирование в сфере внутренних дел, будут созданы главные управления и управления, на которые дополнительно возложены организационно-методические и практические функции по противодействию преступности и обеспечению общественного порядка».

О чем это?

Кто ответит, почему Нургалиева еще не уволили, хотя должны были это сделать уже 1000 раз?

Или:

«Кто эти вопросы выдумывает? Никогда у нас такого не было, чтобы на открытых митингах мы, по сути, где-то занимались чем-то противоправным».

Как он в глаза людям смотрел, когда трендел про это «никогда по сути где-то чем-то»?

Май. 31, 2010

ЛИТЕРАТУРА И ЖИЗНЬ

Какие-то жуткие совпадения. Только что вышел «Поход на Кремль». Строки из начала:

«Толоконько подошел, убедился, что так и есть, хилый парнишка отдал концы. Почесав в затылке, он пошел к столу и начал составлять протокол. Пусть будет несчастный случай. Такой-то задержанный, находясь в состоянии алкогольного психоза, бился головой о стену и причинил себе вред со смертельным исходом».

А вот строка из новостей: *Несколько дней назад в Шевченковском райотделе МВД милиционеры забили до смерти 19-летнего парня. После чего было заявлено, что он сам упал, отчего и умер.*

Но это не все. Еще одна цитата: «Перед шествием возникло подразделение конной милиции... И там было много женщин-наездниц... Амазонки растянулись во всю ширину, девушки весело покрикивали:

– Извините, дальше нельзя!

И колонна встала. Там оказалось слишком много мужчин, а среди мужчин – слишком много джентльменов. А джентльмены революций не делают, как мог бы выразиться Уинстон Черчилль, и, возможно, когда-то он так и выразился, но лень искать».

Теперь опять из новостей: *«Экс-депутата, покалеченного конным патрулем, обвинили в нападениях на милиционеров».*

Хоть плачь, хоть смейся. Не до смеха, между прочим.

UPD. Но и это еще не все! Еще цитата:

«– ДДТ. Шевчук, – задумчиво и многозначительно сказал умный Алишер Скунсевиц.

Доктор Веб тут же ухватил суть идеи.

– Хотите сказать...

– Да. Доставить сюда людей, которых уважают те или иные группы населения. Кумиров нации. Шевчука уважают, его позвать».

И опять новости: *«Известный российский рок-музыкант, лидер ДДТ назвал свой диалог с премьер-министром Владимиром Путиным «нормальным, серьезным, мужским разговором».*

Май. 26, 2010

ПРАВДЁНКА

В модном киношном веянии гиперреализма видится сплошь и рядом какая-то нелепица: стремление (похвальное) к естественности формы и при этом надуманность содержания. Актеры как бы и не играют, камеры как бы и нет, слова произносятся как бы натурально, а не веришь. Правдашние (по манере существования) герои в неправдашних обстоятельствах. Часто кажется: герои сами по себе, а события – сами по себе. Поэтому, чтобы как-то объяснить сюжетные белендрасы и немотивированные поступки, героев делают психами, алкоголиками, аутистами, маргиналами, чудаками и пр. И всё на это списывают.

Старые театральные педагоги говорили: «правдёнка». Мода на придурков в кино вообще повальная. Впрочем, я уже об этом писал.

Май. 22, 2010

ОТКРЫТИЕ

Литература, кино, политика... А я вот открытие сделал, как стирать пододеяльник с дыркой, чтобы в него все остальное не забивалось. Раньше неизменно получался огромный ком, при отжиме он так мотал стиральную машину, что она ползала по всей кухне. Конечно, дырку можно простегать нитками, но я это ненавижу, а заставлять других – сочтут домашним тираном. И вот эврика, завязал я дырку узлом. Двойным. Результат: в пододеяльник ничего не налезло, а узел по ходу стирки развязался сам. Проверено уже трижды. Не налезает и развязывается. В какое бы сообщество домохозяйек написать?

Апр. 17, 2010

ЛЕКАРСТВА ОТ ДЕПРЕССИИ ВЫЗЫВАЮТ ДЕПРЕССИЮ

Зашла соседка: «Меня бессонница замучила, депрессия давит, посоветовали одно лекарство, посмотри в интернете, какие побочные действия?» Я посмотрел и прочитал вслух:

– Иногда – тревога и раздражительность, нервозность, усиление тревоги, усиление суицидальных тенденций, повышенная утомляемость, нарушения сна или сонливость, кошмарные сновидения, головная боль, нарушение остроты зрения, мидриаз, нарушение вкусовых ощущений, расстройства мышления, тремор, акатизия, атаксия, деперсонализация, мания, мышечные подергивания, щечно-язычный синдром, миоклония, злокачественный нейролептический синдром, депрессия.

– Ни фиги себе!

– Успокойся, тут написано – «иногда».

– Значит, у меня – всегда! Ладно, пойду коньяк пить.

Вопрос: надо ли читать аннотации к лекарствам? Особенно если доктор уже прописал?

Апр. 1, 2010

ОПГ «ЕДИНАЯ РОССИЯ», или НЕТ ТАКОЙ ПАРТИИ

В журнале «Эсвайр» члены «Единой России» из числа знаменитостей отвечали на вопрос, почему они состоят в этой партии. Создалось четкое ощущение, что ВСЕ ОНИ СВОЕГО ЧЛЕНСТВА СТЕСНЯЮТСЯ, причины сугубо практические, рождающиеся не в голове, а, извините, в очке. Или хитро ссылаются на недоразумения, на то, что «друзья позвали». А многие просто малодушно отказались отвечать.

Что подтверждает мое давнишнее убеждение: единороссом быть позорно и партия эта позорная, позорнее даже КПСС, потому что я знал когда-то людей, которые шли в компартию с левачьей целью «исправить» ее. У нынешних членов и тени такой мысли нет: «за нас все решили».

Хотя – нет! На самом деле все проще: партии «Единая Россия», как массового гражданского политического сообщества единомышленников, поддерживающих определенную линию, просто не существует! Нет такой партии! Есть дельцы-политики и дельцы-бизнесмены, которым данная ОПГ (общественно-политическая группировка) позволяет решить свои личные или корпоративные интересы. И – примкнувшие к ним статисты.

Но, может, я ошибаюсь, а? Поэтому небольшой мониторинг. Есть среди моих друзей и читателей этого журнала хоть кто-то, кто состоит в «ЕР» ПО УБЕЖДЕНИЮ? Хоть один?

UPD: Не нашлось ни одного!!!

Мар. 20, 2010

ИНТЕРНЕТ-ИНФАНТИЛИЗМ

Мне кажется, что те, кто стебуцо падонкафским языком, впадают в децтво – так родители сюсючат, подделяваясь под малышей. Какой-то в этом инфантилизм кагбе.

Есть куча прозы и стихов, написанных таким образом.

Заодно помогает скрыть неграмотность.

А может, как заметил кто-то: напишешь «ебутся» – мат, нехорошо звучит и смотрится, напишешь «ибуцо» – и вроде как ничего.

Но инфантилизм от этого никуда не девается.

Скорее всего, я не прав.

Мар. 12, 2010

ЛУЖКОВ УТИРАЕТ СЛЕЗЫ ГЕНЕРАЛАМ

Цитата: Владимир Пронин, потерявший пост главы ГУВД из-за Дениса Евсюкова, будет работать в правительстве Москвы на общественных началах. Владимир Ресин, первый вице-мэр Москвы, подписал указ о назначении Владимира Пронина своим советником в вопросах градостроительной политики города. Новая должность экс-главы ГУВД не будет оплачиваться из столичной казны.

Из своего кармана Лужков и Ресин готовы платить 62-летнему генералу, лишь бы досадить Медведеву, отправившему в апреле 2009-года Пронина в отставку за развал работы, коррупцию и беспредел в московской милиции, Евсюков был только поводом. Вызов открытый и наглый,

противоречащий здравому смыслу: что может насоветовать генерал с юридическим образованием насчет «градостроительной политики города»? Что за бред?

Мар. 11, 2010

НЕ ИМЕЮЩИЙ ПРАВ НЕ СЧИТАЕТСЯ ТАКОВЫМ, ЕСЛИ СОГЛАСЕН ТАКОВЫМ БЫТЬ

Такие договоры продюсеры предлагают подписать авторам (цитата из типового документа, коих я подписал десятки):

«Сценарист соглашается, что Продюсер имеет полную свободу в изменении как концепции в целом, так и отдельных элементов художественного, жанрово-стилистического и смыслового решения сценария на любом этапе написания.

Сценарист не будет считать контроль Продюсера за ходом производства Фильма, а также требования Продюсера по внесению в Сценарий и Фильм изменений, которые тот сочтет необходимыми, нарушением своего права на свободу творчества, права на неприкосновенность произведения и иных личных неимущественных прав или нематериальных благ».

Лихо, не правда ли? А милиция, дура, ушами хлопает. Чтобы не наезжали, давно пора пробить закон: «Гражданин не будет считать воздействие на него представителями органов правопорядка, как физическое, так и любое иное, которое они сочтут необходимым, нарушением своего права на свободу».

Мар. 7, 2010

ВАЛИ НА МЕРТВЫХ

Я в восхищении. Вот что передают почти все СМИ:

«К подрыву поезда “Невский экспресс” причастна бандгруппа, в которую входил Саид Бурятский. В начале марта преступников уничтожили в Ингушетии. “Невский экспресс” взорвался в ноябре прошлого года, доложил глава ФСБ РФ Александр Бортников президенту России Дмитрию Медведеву.

“Были проведены генетические экспертизы бандитов на причастность к подрыву поезда “Невский экспресс”, совершенному в ноябре прошлого года. Все эти материалы дают основание считать, что именно они принимали участие в преступлении”, – сказал Бортников».

«генетические экспертизы бандитов на причастность к подрыву...» Гениально.

Мар. 6, 2010

ШМОН В БОЛЬНИЦАХ

Мне просто интересно. Может, кто-то работает в этой системе и знает, что к чему. И что это, правило или частность. В одной из больниц Москвы передачи – ШМОНАЮТ. То есть перебирают и мнут в пальцах каждую вещь. Ибо лекарств нельзя. Нельзя и многого другого. Чего именно, часто решают принимающие тетеньки. Основания? Приказ сверху. Где он? Тычут в бумажку на стенке без подписи и печати.

Я понимаю, нельзя смазывать картину и принимать что-то помимо назначения врача. Это правильно. Но. Тогда в больнице должны быть ВСЕ НЕОБХОДИМЫЕ ЛЕКАРСТВА. А это не так. Витаминов категорически нет. Нет простых вещей от насморка типа «Аквармари». Нет, само собой, многих редких лекарств. А главное, что за привычка держать пациентов и посетителей за полных идиотов? Почему не лечащий врач решает, а тетенька-носильщица?

Кстати, там еще большими буквами: ЗА КУРЕНИЕ В КОРПУСЕ НЕМЕДЛЕННАЯ ВЫПИСКА!!!

Ребята, я сам знаю, что курить в больнице нехорошо. И вообще нехорошо, я бросил и всем советую. Но. Насколько законны все эти действия, вот что меня интересует. По моему тупому разумению, это должно решаться в страховом поле. Кури – но платить за лечение будешь сам. Или нет? Лишать медицинской помощи за курение – можно?

Это, извините за обобщение, главный политический вопрос России, сказывающийся постоянно, во всем и везде: мы по закону когда-нибудь будем жить? Или произвол – наша норма навсегда? Любый охранник, любая уборщица, любой мелкий администратор, не говоря о крупных, может нас одернуть, сказать: «Нельзя!» И мы очень часто идем прочь, опустив плечи. Вместо того, чтобы спросить: «А почему? Приказ, подпись, печать – где?» Есть – ну тогда уйдем с гордо развернутыми плечами. А нет – извините.

Мар. 5, 2010

ЖАНРЫ

Очень интересно и поучительно посмотреть в «Афише», как прокатчики обозначают жанры фильмов:

Комедия
Триллер
Ужасы
Драма
Мелодрама
Боевик
Детектив
Анимация
Фэнтези
Фантастика
Исторический
Приключения.

А вот замечательный жанр:

Семейный.

Но самый лучший, когда, видимо, прокатчики, прочесав затылок до кости, так и не поняли, куда впихнуть фильм:

Кино.

В этом жанре интереснее всего работать, хотя и наименее прибыльно.

Хотя, конечно, кино супротив литературы – все равно что плотник против столяра.

Фев. 26, 2010

СТАТИСТИКА ПРАВОСУДИЯ

По состоянию на конец января в Европейском Суде по правам человека (ЕСПЧ) находилось более 120 000 дел, 28% из них – от российских граждан.

Это намного позорнее нашей олимпийской позорной статистики, о которой сейчас все говорят.

Фев. 17, 2010

СЕКС И ХАМСТВО

1. Секс с Советской Армией. 2. Генезис хамства.

Два поста в одном.

1. Давным-давно, еще в советское время, я приехал в Театр Советской Армии работать с режиссером. По телефону договорились встретиться у служебного входа. «Как я вас узнаю?» – спрашиваю. «Легко, все говорят, что я на Гоголя похож». Оказалось, действительно, носом и прической похож на Гоголя, если б еще Гоголь был таки из Бердичева. Но неважно. Режиссер говорит: «У меня кое-какие замечания». Замечаний было примерно 60 – на 60 страниц текста. Я прошу пишущую машинку, сажусь с нею в своем номере, на этот раз в гостинице при музее Сов. Армии, и за двое суток переписываю всю пьесу целиком. Потому что еще через сутки уезжать, а брать домой эту работу не хотелось. Сделав дело, весело напиваюсь и иду сдавать машинку и рукопись.

Незабываемое здание театра – зал, который может вместить полторы тысячи зрителей, громадная сцена. А также, мне сказали, есть так называемый танковый подъезд (и действительно въезжали настоящие танки, оказываясь на сцене), а на крыше – вертолетная площадка. Длинные закругленные коридоры, бесчисленные двери, мелькнувший матюгающийся режиссер Хейфец (он тогда там был главным), табличка, которой нет ни в одном театре мира: «Начальник театра» (им был какой-то генерал, впрочем, и сейчас тоже какой-то генерал). Все это угнетало сталинским нечеловеческим величием, но я был пьян и бесстрашен.

И вот сижу, жду режиссера, балагурю с завлитом и его помощником, рядовым срочной службы, и еще с парой солдатиков, рабочими сцены из хороших московских семей. Входит некий человек и обращается к завлиту, вклинившись в мой монолог. Я замечаю, что перебивать невежливо. Он выкатывает глаза и орет: «А вы бы вообще бы молчали бы! Находитесь в таком виде в Центральном! Академическом! Театре! Советской! Армии!» Я улыбнулся и сказал, что имел

интимные отношения с Центральным Академическим, с Советской Армией и с ним лично. И, не дождавшись режиссера, ушел с гордо поднятой головой.

Шутки шутками, а история дошла даже до Министерства Культуры РФ, где меня журила моя кураторша С.Р. Терентьева. Пьесу не поставили – и слава богу, она была дрянь. Через десять лет поставили другую, «Вишневый садик» на малой сцене. Разбегаев играл главного героя – и плохо играл.

2. Вся история, да не вся мораль. Я не раз ее рассказывал разным людям с гордостью и удовольствием. Но однажды вдруг подумал: а чем, собственно, гордиться? Пришел пьяный в театр, нахамил, в чем геройство-то? А вот в чем: такова была жизнь, что хамить любому начальству, любому представителю структуры и самой структуре (Сов. Армии в данном случае) считалось безусловной доблестью. Особенно когда безнаказанно. Бессильные, мы барахтались под партией и правительством и – хамили. Как могли, где могли, кому могли. Отыгрывались. А поскольку «ихнее» давление было продолжением давления крепостного, сословного и прочего, поскольку уважения со стороны государства и правящих органов мы не знали никогда, хамство «снизу вверх» укоренилось, будучи отчасти ответом хамству «сверху вниз», но потом уже и нашей национальной забавой, частью нашей ментальности, растекаясь хамством по горизонтали, по плоскости нашего быта. Мы мстили при первом удобном случае – и мстим до сих пор. Партии и правительству. Друг другу. В магазине, на рынке, в офисе, в учреждении. Каждый, как курок, взведен на мгновенную реакцию, на немедленный выстрел словесным плевком. Ну, не каждый и не всегда, но приходится признать, дорогие товарищи, что мы нация хамов, такой вот глубокий вывод на мелком месте. На самом деле этих мест, этих примеров могу привести тысячу (особенно на тему: «а как не хамить, если столько платят???»), да жалко терять время. Работать надо, работа, кстати, особенно свободная, по твоему выбору и на пользу обществу и себе – лучшее лекарство от хамства. Уважающий себя человек хамить не будет.

Фев. 15, 2010

ЧЕГО ХОЧЕТ ТЕЛЕВИДЕНИЕ?

Цитаты из пожеланий (письменных) редакторши одного из ведущих телеканалов: «Героиня у вас – бывшая актриса – это творческая интеллигенция. Лучше, если героиня будет “из народа” и иметь “рабочую” профессию».

«В ней хочется *(орфографию сохраняю – А.С.)* увидеть среднестатистическую одинокую женщину».

И т.п.

А я подумал: как бы отреагировала сия редакторша (считающая себя, небось, творческой интеллигенткой), если бы кто-то ей сказал, что хочет видеть в ней среднестатистическую одинокую женщину?

Фев. 14, 2010 (Прощёное воскресенье)

МОЙ ГРЕХ

Тяжеловесная, ресторанно-заунывная песня «Опять метель» из «Иронии судьбы. Продолжение», исполненная тяжеловесной ныне Пугачевой, вполне соответствует тяжеловесности и сделанности всего фильма. Так же, как легкая и лиричная «Мне нравится, что вы больны не мной», исполненная той же (но совсем другой) Пугачевой, соответствует новогодней легкости и лиричности первого фильма.

Шутка при моем участии не удалась, простите меня. И за остальное тоже – это уж отдельно, кому за что хочется)))

Фев. 9, 2010

МОЙ ЗЕМЛЯК ОКРЫСИЛСЯ

Секретарь президиума генерального совета «Единой России» Вячеслав Володин отреагировал на критику со стороны Алексея Кудрина в адрес партии. Критика главы Министерства финансов партии понятна, но соглашаться с ней в «Единой России», похоже, не собираются. «Если бы мы шли на поводу Минфина и либералов, которые предлагают в ближайшее время оставить население один на один с проблемами, то это была бы уже не «Единая Россия».

Да уж. Если население останется «один на один с проблемами», то оно может остаться заодно один на один с деньгами. Вот чего боится Володин и иже с ним. «На это я поить не могу!»

Фев. 2, 2010

БЕССЛАВНЫЕ УБЛЮДКИ

Где-то вычитал, что фильм «Бесславные ублюдки» назван лучшим фильмом 2009-го года. В 1955 году (55 лет назад) было снято кино, как в той же Франции Бриджит Бардо во время войны помогала захватить в плен немецкого генерала. Дико, нелепо, смешно. Глупо. Посмотреть и забыть («Бабетта идет на войну»). Почему, если это сочетается со сниманием скальпов, длинными театральными диалогами, которые нравятся только тем, кто не читал бродвейских второсортных комедий (мне приходилось), то сразу же – новое слово? Тарантино – фальшивомонетчик, который смешал на своем столе настоящее и поддельное. Этим и очаровал публику, которая восхищается похожестью фальшивок. Заодно он и наперсточник, а я наперсточников, как и прочих жуликов, не люблю за то, что они презирают публику, которая их кормит.

Презираемая Тарантино публика обожает Тарантино – и тем горячее, чем нахальней он смеется над ней.

Янв. 26, 2010

БАД (Биологически Активный Дуракизм)

У меня стойкое предубеждение к сетевому маркетингу, основанному на биодобавках (БАДах). Сами БАДы не затрагиваю, тема сложная. 10 лет я не имел с ними дела, но тут одна знакомая стала там работать и: «Не хочешь ли попробовать? Компьютерная диагностика, рекомендации, курсы лечения...» Хотелось ей помочь (привела клиента – очко!) и заодно посмотреть, не изменилось ли что? Да и кое-какие болячки есть – вдруг помогут?

На это «вдруг» все и уповаем.

Диагностика заняла 15 минут. Приставление палочки с проводком к пальцам рук и ног. Приговор: сердечно-сосудистая не очень, желудок не очень, позвоночник не очень, иммунитет 200, а норма от 800 до 2000.

- Чего двести?
- Единиц.
- Единиц – чего?
- Условных единиц.

Естественно, 1. ДИАГНОЗ НИГДЕ НЕ ЗАПИСЫВАЕТСЯ, 2. ДЕНЬГИ БЕРУТСЯ ЖИВЬЕМ, ЧЕК НЕ ВЫДАЕТСЯ.

Зато сразу же расписывается трехмесячный курс добавок. Месяц одни, месяц другие и т.п. Каждый курс в среднем стоит 500 зеленых. Обещано общее улучшение и повышение иммунитета до 1000. Единиц. Условных.

Ладно. Интересуюсь информацией о чудо-порошках. Охотно продают за 25 руб. справочник – 3. ЗА НАЛИЧНЫЕ, ЧЕК НЕ ВЫДАЕТСЯ. 4. Справочник описывает добавки и их действие. 5. КТО ВЫПУСКАЕТ БАДЫ, НЕ УКАЗАНО. 6. ГДЕ И КЕМ ИЗДАН СПРАВОЧНИК, НЕ УКАЗАНО. Ни издательства, ни типографии.

Вывод: ничего не изменилось. Я знал по личным обстоятельствам Vision, там работали на 95% одинокие или неустроенные женщины, которые даже не столько стремились заработать (хотя и это тоже), но – получить социальный статус, почувствовать, что они кому-то нужны. Руководители это прекрасно понимают, поэтому такие компании являются на самом деле центрами социально-психологической реабилитации – для их сотрудников. А больные и страждущие получают, как минимум, плацебо. А может, и пользу.

Все бы чудесно, но у меня вечный вопрос к сетевикам: если вы такие пользительные, признанные, официальные, зарегистрированные, почему все так самопально? Почему так много тайн, включая тайну вкладов денег в ваши карманы?

А общий диагноз я любому, заглянув в глаза и в паспорт, сам поставлю. Даром.

Янв. 22, 2010

СКУЧНЫЙ МОНОЛОГ В ЗАЩИТУ ОЧЕВИДНОГО

Правильная зима. Мороз, снег. Нам нравится. И когда весна с ручьями, а осень с бабьим ле-

том. В природе все гармонично и ритмично: весна-лето-осень-зима. Утро-день-вечер-ночь.

Человек по натуре тоже гармоничен, ритмичен и, ужасное слово, правилен. Откуда эта мода на энтропию, откуда это «фу» по отношению к классическому роману, пьесе, кино? Я имею в виду не произведения классиков, а структуру. Вот пьеса. Завязка, развитие конфликта, кульминация, финал. Утро-вечер-день-ночь. Это непреложно, как закон земного притяжения. При том, что наполнение может быть разным, неожиданным – и полеты возможны, невзирая на. (Пьесы абсурда, если кто сомневается, тоже сделаны по классическим лекалам.) Но недоделанные и недоученные творцы говорят: «Фу, отстой, какая еще, нах, завязка, какая, блин, кульминация? Надо по таланту, нах, и по жизни, блин!» А конгениально бездарные продюсеры потакают: на фоне этих бройлеров со свернутыми головами они выглядят просто павлинами.

При этом чудовищное высокомерие и, как правило, непременная тусовка. Это вообще один из самых характерных признаков бездара – он в тусовке, где петухи и кукушки хвалят друг друга.

Янв. 21, 2011-04-11

НЕ ЛЮБЛЮ ПОДДЕЛОК

В ЖЖ шумят про сериал Валерии Германики «Школа». Кто хвалит: типа, круто, как в жизни. Кто ругает: а где, типа, позитив? Где, типа, «искусство», не спрашивает никто. Сериал, только не смейтесь, это ведь тоже худ. произведение. Хуже, лучше, попса, не попса – другой вопрос. «Твин Пикс» тоже сериал.

По любому это – не «как в жизни». Это (как и фильм Германики «Все умрут, а я останусь») – ИМИТАЦИЯ жизни (слово, которое я, увы, слишком часто применяю, говоря о нынешнем кино). Не оттого мутит, что школьники в кадре пьют пиво и ругаются, а оттого, что они ИМИТИРУЮТ, КАК ШКОЛЬНИКИ ПЬЮТ ПИВО И РУГАЮТСЯ.

Некоторые соглашаются: да, да, в ю-тубовских роликах круче. Там – чисто документально. Не как в жизни, а сама жизнь.

Да тоже нет! Там тоже всего лишь кусочек, эпизодик, вырванный из контекста жизни! Прыгающим в руке мобильником уайериста.

Нас доставало (кто застал) советское неподдельное вранье. Чем лучше поддельная правда?

Уточняю: имеется в виду категория эстетическая. Чтобы совсем ясно: «Чапаев» – великое кино, не имеющее к «правде жизни» никакого отношения. Создавшее, как и положено искусству, миф. «Ворошиловский стрелок» – великое говно, хотя там все как бы по правде, чуть ли нее из газеты взято... Даже гениальный Ульянов не спас. Так вот, Германика – подростковый вариант Говорухина. Или еще «Груз 200» есть в нашем культурном багаже. Это вообще какой-то странный детский маразм, вот что изумляет...

Янв. 12, 2010

ОБ ОПАСНОСТИ РОБКОГО ДОБРА

Из письма Ф.И.Тютчева А.Д. Блудовой. «В истории человеческих обществ существует роковой закон, который почти никогда не изменял себе. Великие кризисы, великие кары наступают обычно не тогда, когда беззаконие доведено до предела, когда оно царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Нет, взрыв разражается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом искреннем, быть может, но неуверенном и несмелом поползновении к необходимому исправлению».

Вот почему я чувствую настоящее время как очень тревожное и чреватое: робкие попытки налицо. Недоумение народа тоже налицо.

Что же – тупик? Не надо попыток возврата к добру? Да нет. Ключ опять же в словах Тютчева: «при первом... неуверенном и несмелом». Понимаете? Власть, творя зло, действует решительно и смело, а вот в добре робка, как институтка. Очень уж непривычно. Именно это и доводит до взрыва: люди не любят половинчатости. Раздразнишь каплей – просыпается жажда.

Поэтому или действия власти в сторону добра должны быть яснее, решительнее, смелее – или дождемся.

Недаром чуткая Дума собирается обсудить закон о наказаниях «за помехи дорожному движению», в том числе создаваемые массовыми шествиями. То есть любая демонстрация с выходом на проезжую часть может быть арестована в полном составе. Они своими трусливыми задницами

ощущают – что-то зреет нехорошее. Учитывая продолжающийся кризис и рост безработицы, все может быть.

Спросят: вы что ж, верите только в перемены сверху? В нынешней ситуации – да. Потому что низы планомерно и целенаправленно (а может, и непринужденно, без задней мысли, что не меняет результата) деморализованы Путиным и Ко, социальная активность людей ничтожна, гражданское общество, не созрев, было даже не раздавлено, нет, ВВП просто довел его до стадии нравственного разложения, гниения. (Допускаю, что не он начал.) Это не означает, однако, полную безопасность. Я в сельской местности вырос и знаю, что перестоявший перегной (навоз, компост, силос) может загореться. И запалить все вокруг.

Янв. 12, 2010

Рождественский рассказ. С нецензурным финалом

Меня тут одна газета попросила сочинить рождественский рассказ. Такие просьбы меня всегда ввергают в состояние оторопи. Но, как ни странно, рассказ сочинился, однако такой, что газета его печатать не будет. И никто вообще. Поэтому – здесь.

Мальчик вне

Раздался двенадцатый удар курантов. Виталий Судорожнев, считающий, как большинство людей, что Новый год наступает именно с последним ударом (на самом деле – с первым), оглядел счастливыми глазами жену Катю, десятилетнего сына Костю и шестилетнюю дочь Машу, а заодно елку, кошку Жмурку на подоконнике, книги на полках, и вообще все движимое и недвижимое, что составляло его мир и казалось в свете елочной гирлянды таким новым и прекрасным, и сказал:

– Ну, с Новым годом, с Новым счастьем!

Это было банально, но именно банальность ему нравилась: так было, так есть, так будет. Не нами начато, не на нас кончится.

Они с женой чокнулись и выпили шампанского, дети тоже чокнулись и выпили сока.

После этого Виталий надел куртку и вышел на балкон покурить. Обычно он курил в кухне, в уголке под форточкой, но сегодня захотелось покурить на морозце, по-новогоднему.

Вдыхая щекочущий горло никотин и холодный свежий воздух, Виталий закашлялся. И интеллигентно сплюнул – посмотрев вниз, чтобы, упаси боже, в кого-то не попасть. Никого, конечно, и не было. Хотя дворы и улицы не были безлюдны: слышались радостные крики, взмывали вверх фейерверки.

И тут Виталий увидел скукожившуюся на детской площадке, на краю песочницы, маленькую фигурку. Пригляделся – мальчик.

Судорожнев любил детей и не любил, когда им было плохо. А мальчику наверняка плохо, если он один в такую минуту. Он – вне. Виталий всегда жалел людей, которые вне. Сам он был человек общественный, компанейский, крепко семейный, он не мог себе представить, что жил бы один или занимался какой-то одинокой работой. Недаром, когда смотрел недавно по телевизору сюжет о человеке, ушедшем в лес и прожившем там безвылазно восемь лет, поражался и дивился: как же это можно? Он сам бы и трех дней не вытерпел, настолько Виталию необходимо человеческое близкое тепло. А те, кто вне, они особенные. Виталию иногда даже казалось, что правильно писать «в не», то есть НЕ – какое-то пространство, куда попадают люди и томятся там, пока не выйдут обратно.

Но почему мальчик один? Ушел от напившихся родителей? Или, к примеру, мама в разводе, пригласила мужчину, а он мальчику не пришелся по душе? Или он вообще бродяжка, сирота, малолетний бомж? Вариантов много, ясно одно – от добра человек не будет сидеть на морозе (пусть и небольшом, всего минус два-три) в одиночку.

Виталию захотелось спуститься и поговорить с мальчиком. Может быть, пригласить к себе, накормить, обогреть.

Он вернулся в квартиру, сказал Кате:

– Я сейчас.

И направился в прихожую, где обулся и надел кепку.

– Ты куда, куда, куда? – закричали дети.

– Папа сказал же: сейчас! – ответила им Катя. Сама он не стала задавать вопросов: знала, что,

если муж что-то делает, то так надо. Тем более, что минуты через две, встав и выглянув в окно, она увидела Виталия, говорящего с мальчиком, и сразу все поняла.

А Виталий, подойдя, начал очень деликатно:

– Здравствуй. Мы, наверное, соседи, я вот тут живу. С Новым годом тебя!

Мальчик пробормотал что-то неразборчивое.

– Меня зовут Виталий Сергеевич. Можно даже просто Виталий. Сейчас такая мода – по именам, – хихикнул Судорожнев, испытывая странное чувство – он словно робел перед этим мальчиком. – А как тебя зовут? – спросил он, преодолевая робость.

– Игорь.

– Очень приятно. А что же ты не празднуешь, Игорь?

Мальчик опять что-то пробормотал.

Виталий вытащил из кармана пакетик конфет, который прихватил с собой.

– А я твой Дед Мороз! – объявил он. – Это будет тебе подарок, если ты прочитаешь какое-нибудь стихотворение. Можно короткое, – добавил Виталий.

Мальчик встал и, сгорбившись, сунув руки в карманы, пошел прочь.

Ах я дурак! – подумал о себе Виталий. – Что за привычка: «если прочитаешь – будет подарок»? Почему не подарить без всяких «если»?

– Игорь! – окликнул он. – Возьми конфеты, не надо мне стихотворения!

Мальчик прибавил шагу.

– А хочешь, пойдем ко мне? К нам, – торопливо исправился Виталий, вспомнив, как пугают по телевизору детей приглашениями в гости, поступающими от незнакомых мужчин. – У меня сын Костик твоего почти возраста. Отличный пацан, вы подружитесь! А Катя, жена моя, прекрасный «оливье» готовит. Хочешь «оливье»? А телевизор у нас сорок дюймов по диагонали, представляешь? Как в кинотеатре!

Мальчик молча шел.

– Ладно, – говорил Виталий, еле успевая за ним. – Давай просто побудем вместе. В такой праздник плохо одному. Только ты не беги так, а то устанешь.

Мальчик резко остановился, свернул к подъезду, у которого была лавка, сел. Виталий присел рядом.

– Жизнь – штука сложная, – сказал он. – Бывает, родители ссорятся или даже расходятся. Но они тебя любят. Бывает, лишку выпьют. Но все равно любят. А если обижают, тоже от любви. А если даже нет родителей, рано или поздно встретится человек, которому ты можешь понравиться, и тебе будет с ним хорошо, и каждый праздник удвоится, потому что он будет не только для тебя...

– Послушайте, – перебил мальчик. – Как бы вы отнеслись к тому, если бы я ни с того, ни с сего подошел к вам, начал совать конфеты, приглашать домой и рассказывать, что вас любят или могут любить? Почему я не имею права побыть один? Почему я должен сидеть за столом с чужими людьми, которые мне ничуть не интересны, играть в дурацкие игры с их детьми только на том основании, что они мои ровесники? Почему я должен надевать идиотские костюмы и колпаки со звездами, жечь свечки, радоваться на елку, читать графоманские стишки, кричать, как безумный, когда часовая стрелка встанет вертикально – будто она не делает это по два раза в сутки? Что изменится? Я вырасту? Но я и так расту каждый день. Почему я должен объедаться среди ночи? Потому, что это делают миллионы людей, проживающих со мной в одном поясе? Почему обязательно нужно испортить мой маленький праздник одиночества, когда я хочу просто посидеть и подумать, желательно натошак, при этом, уверяю вас, мысли у меня вполне светлые и новогодние! Новый год, как и любой праздник – не Ноев ковчег, куда надо обязательно попасть, иначе не спасешься, позвольте мне самому себе назначать праздники! И я вовсе не антисоциальная личность, как говорит моя мама, я просто не хочу приноравливаться к средней температуре по больнице, даже если она нормальная. Так что оставьте меня в покое, иначе я буду вынужден прибегнуть к крайним мерам, вызвать милицию и заявить, что вы педофил! Конечно, я понимаю, что теперь ваш праздник тоже безнадежно испорчен, но вы сами виноваты – зачем вы испортили мой?

Сказав это, мальчик отвернулся.

Судорожнев некоторое время глядел на него, остолбенев, а потом медленно поднялся и побрел к своему дому.

Дома его встретили радостные крики детей:

– Папа пришел! Папа!

– Папа, – проворчал Виталий. – Фигапа!*

Да, Игорь прав, праздник испорчен, но Судорожнев никак не мог понять, кто виноват – этот чудовищно умный мальчик или он сам?

А мальчик долго еще сидел на лавке, а потом поднял голову, посмотрел на окна дома напротив, все до одного светящиеся, и заплакал.

Дек. 16, 2009

МОРОЗ И СОЛНЦЕ

Надоело ругаться. Надоело наткаться на новостные ленты про нос Берлускони и польских грузин. Ответственно заявляю: мороз и солнце, день чудесный, но при этом никто не дремлет, а все радуются. И пусть только кто попробует не согласиться.

Когда мне было 12, а на градуснике 30, отменили уроки. Вот счастье-то. Я встал на лыжи и пошел к дальнему холму. Мне казалось, что с вершины можно докатиться до самого дома. Выяснилось: лыжи там не скользят, а проваливаются, наст покрылся новым рыхлым снегом. Я уже понял, что катиться там вообще нельзя. Но упорно шел до самого верха, где стояла геодезическая ржавая железка. Раз уж шел, надо дойти (как Скотт шел до полюса после Амундсена)... А потом брел обратно через сады, волоча палки, сжав пальцы в кулаки внутри залубневших варежек, грея. Встретилась бродячая собака, начала злобно брехать и хрипеть, и скалиться, не пуская. Я страшно замерз, возвращаться и обходить не имел сил, поэтому заплакал и пошел на нее со словами: «Жри меня, кусай, гадина! Лучше ты меня съешь, чем так мучиться!» Она выслушала, замолчала и пропустила.

Да что ж такое... Не успел написать, как лента принесла: Гайдар, Турчинский... Молодые же оба...

Дек. 13, 2009

ПЕРЕВЕСТИ С РУССКОГО НА РУССКИЙ

Был у меня в 16 лет друг, который однажды меня потряс: показал общую тетрадь (96 листов), почти всю красиво и мелко исписанную. План эпопеи «Великий разлом». «ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. КНИГА ПЕРВАЯ. ТОМ ПЕРВЫЙ. ГЛАВА ПЕРВАЯ. ДОМИК НА ОКРАИНЕ. ГЛАВА ВТОРАЯ. ЛОПУХИ И ТАЙНЫ». И т.д. С какого-то момента главы уже шли без названий. По 50 в каждом томе, по 10 томов в каждой книге, по 10 томов в каждой части, а частей тоже было десять. Легко сосчитать: парень собирался написать книженицу в 50 000 глав.

Не написал: отвлекли вино и девушки.

Я вспоминаю своего друга, когда думаю о «Красном колесе» Солженицына. В этом опусе видно что-то неожиданно подростковое, идущее от ранней великой мечты. Заведомо неосуществимое, но прекрасное.

Раз а три я пытался преодолеть себя и начать чтение «Колеса», но не смог и, наверное, уже не буду себя мучить. Текст отпугивает. Бывает, в поезде или в машине, когда едешь вдоль лесополосы при низком рассветном или закатном солнце: оно то и дело бьет по глазам, ослепляя. Так бьют меня по глазам «специальные», нарочитые солженицынские слова, и к этому мое зрение не может приспособиться. Тут, видимо, нужны изумрудные очки любящего читателя, такого, как друг мой Немзер, чтобы этого не замечать. Меня же эта икота стили так растрясает, что нет сил проникать дальше.

Да еще эти посконно-кондовые интонации на уровне «инда рассупонилось солнышко». До смешного доходит:

«Да с отцом осталось бы у них сродно, когда б не мачеха Марфа – бойкая, властная, жадная, стягивала дом под свою руку, свобода простор для детей своих. Старшие братья и сестры Исаакия уже отделились, по мачехе чужел и отец, и дом родной. Приглядыя, позадумывался Саня ещё и пареньком: как же тяга эта ведёт человека всего, и долго, если, за сорок овдовевши, отец привёл вторую жену двадцатилетнюю, а этаккой бабе молодой проворной, сам теперь о-шестьдесят, уставу твёрдого положить не мог, и не многое сам решал».

* На самом деле он выразился еще грубее. Прим. автора.

Странное ощущение: будто Людмила Зыкина поет «народную» песню, музыка Фрадкина, слова Ошанина. Впрочем, многим нравится.

Видимо, я чего-то не понимаю. Но большое желание при чтении перевести все это с русского солженицынского на русский нормальный.

UPD. Вдогонку. Солженицына от моих канцелярских шпилек не убудет, он сыграл огромную роль в нашей новейшей истории, оказал колоссальное влияние на людей, которую эту историю творили. Он гениален еще в том, что феноменальным усилием воли, расчетом и трудом приподнял свой скромный, лишенный природного естества талант до предельной высоты в лучших своих книгах. И он же попытался сделать то, чего было делать нельзя: выстроил громоздкую искусственную конструкцию под стать вавилонской, написал десятитомное повествование придуманным языком. Он и всегда писал на русском, как иностранец, блистательно, но чужеродно им владеющий, а в какой-то момент решил, что знает язык лучше, чем коренное население и даже чем сам язык знает себя.

Это – великая неудача.

Дек. 11, 2009

СЛОВО НЕ ВОРОБЕЙ

«В Пермской трагедии со всей очевидностью отразились все пороки нашей бюрократии – ее некомпетентность, коррумпированность, сращивание с бизнесом там, где это не нужно и где этого нельзя допустить», – сказал в четверг Путин на заседании президиума правительства.

В большинстве СМИ подчеркнутые слова благоразумно пропущены. Будь я бюрократ, я бы рукоплескал Путину.

А кто слышал вживую, отметил легкую паузу после слов «сращивание с бизнесом». Задумался – исправился.

Дек. 10, 2009

ПОЧЕМУ БЕССМЫСЛЕННО СПОРИТЬ С ПОПАМИ?

Потому что все упрется в неразрешимый вопрос неравенства религий и, соответственно, людей. Представьте: война. Поп – политрук. Если он, упаси боже, признает, что враг ТОЖЕ может быть прав, он тут же сойдет с ума или перебежит на другую сторону. Поэтому ты ему хоть 1000000 аргументов приведи, он найдет столько же возражений – защищает себя. А религии – всегда война, в лучшем случае холодная. Может христианский священник признать, что мусульманский муфтий ТОЖЕ ПРАВ? Нелепость полная. А правоверный мусульманин может ли признать, что христиане ТАКИЕ ЖЕ ЛЮДИ? Никогда. Заведомо хуже: заблудились, неверные.

Мысль не новая, я просто хочу сказать: по моим наблюдениям, многие верующие чувствуют себя в состоянии войны (а как еще, они же в окопе), отсюда, как правило, неприятные психосоматические особенности, скрываемые или демонстрируемые, в зависимости от ума.

При этом я, конечно, понимаю, что ратовать за мир религий так же нелепо, как призывать к объединению России и Германии. Но если последнее в отдаленной (очень отдаленной) перспективе возможно, то первое невероятно ни в каком случае. Религии обрекают нас на вечную явную или тайную войну.

Еще одно наблюдение: все церковники почему-то начинают очень нервничать, когда им задают тупой вопрос – так можно ли считать ТАКИМИ ЖЕ людей других конфессий? То есть – тоже людьми? Ответить просто, как они считают, НЕТ – как-то не того... Ответить ДА – невозможно. И начинается канитель.

Дек. 2, 2009

ИТАЛИЯ, ЛОРЕТО

Вон там, в замке на горе, т.е. в гостинице, я жил 4 дня. И группа товарищей. Мероприятие «Москва–Пенне» (Пенне – городок побольше Лорето, рядом). Литературное. Роман «День де-нег» участвовал на итальянском языке. Самый везучий мой роман – и фильм есть, и аудиокнига, и переводы на франц. и нем. И вот в Италию меня свозил, спасибо. Люди в Италии хорошие, места красивые, а вот еда не по мне – морские гады со щупальцами, мидии (ненавижу), паста и спагетти полусырые (объяснили: так надо, чтобы почти хрустели), хлеб непеченный (без

объяснений), сырое мясо (карпаччо), а главное – 3 (три) мощных блюда, из которых каждое мой полноценный обед. И вино, которое мне понравилось, а желудку нет. Короче, русопятый крестьянин я сельскохозяйственный. И от рокфора вашего меня тошнит.

Ноя. 24, 2009

ivanov_petrov считает, что: «произошел культурный сдвиг... Это совпадает с той многооплакиваемой тенденцией разрушения авторитетности. На деле она есть, еще как есть – просто авторитет имеют деятели новой культуры. Которые делают то, что делать одновременно – и делают лучше других. И отдельный вопрос – как это изменение культуры, само вызванное развитием социотехнических средств (ну да, клипы, игры, сеть, компьютер...) скажется на признанной типологии культуры, какой станет новая литература – ведь нельзя будет уже делать романы и толстые журналы – читатели вымрут».

Сначала должен вымереть Автор. «Деятели новой культуры имеют авторитет»? Какой, какого рода? И кто они? Ведь они часто просто или анонимны, или стерты, или толпятся: «от создателей»! Длинный список в конце или в начале. Или какой-нибудь креативный дизайнер Тема, стремящийся свести мир к сплошному комиксу: забавные картинки с матерными подписями.

Если на смену Автору приходит другой Автор – все хорошо, движемся. Если же является Аноним (пусть даже с именем), ориентирующийся на технологии, спрос, эпатаж и т.п., то это не культурный сдвиг, не «новая культура» а тупо деградация. (Если еще учесть пассивность потребления, все большее преобладание визуального, подразумевающего пассивность восприятия, то вообще швах.)

Ноя. 23, 2009

ЧУЖИЕ СЮЖЕТЫ

Пришел ко мне в голову сюжет. Без стука, не вытерев ноги и даже не поздоровавшись. Ведет себя агрессивно: «Напиши обо мне, я хороший, интересный, увлекательный, я понравлюсь всем! Напиши, напиши, напиши!» И вот тут самое главное – не поддаваться. Для любого автора главное не то, насколько интересен и оригинален пришедший в голову сюжет, а насколько он – ТВОЙ. Если кто-то другой может его воплотить, не трогай. Если никто, кроме тебя, тогда да.

Иначе – куча чужих сюжетов (и, что еще страшнее, героев, – они же связаны), путающихся под ногами у твоих, родных, и куча своих, которых ты не разглядел. В свою очередь бедный читатель путается: а ты-то кто, автор?

Ноя. 22, 2009

КАК ТЁМНО ЖИТЬ

Ох, Москва... Света божьего не видно. Решил посмотреть статистику. Будьте любезны: за год дней с осадками («твердыми, жидкими, смешанными») – **220**. Т.е. два дня из трех моросит либо каплет, либо сыплет. Ясных дней – **82**, облачных и пасмурных – **282**. Солнечное сияние (т.е. когда солнышко светит) – в ноябре **18 часов** (за весь месяц), в декабре **10**, в январе **20**.

Ноя. 16, 2009

УТРЕННИЙ СНЕГ

А. Славовский

Нет ничего лучше вида из моего окна

Рассказ

Нет ничего лучше вида из моего окна.

конец рассказа

Критик: «Недавно писатель С-кий тиснул очередной свой опус (плодовитость поразительная!) с квази-оригинальным названием «Нет ничего лучше вида из моего окна». Единственное достоинство этого текста заключается в том, что он именно про вид из окна, в то время как многие современные прозаики любят называть свои творения, к примеру, «Лицо», а речь там идет о чем-то совершенно противоположном (имеется в виду не затылок).

Чтобы не растекаться мыслью (да и повод не позволяет), скажем коротко: приехали. Только вид нравится теперь С-кому. Не запах, не дым отечества. Не суть, не проблемы. Не крик ребенка и плач милиционера. Вид. Желательно сверху и издали. Типичная позиция выродившегося либераста. «Из моего». Прорвало, признался. «Мое!» – вот обретенный смысл, счастье, теория и практика, экзистенция и бытование. А вот и кругозор: «Из окна».

При этом следы плагиата бьют в глаза. Но гениальные народные строки, украденные в свою очередь Исаковским, – о жизни: «Лучше нету того цвету, когда яблоня цветет». Предметно, ярко, живо. А у С-кого: «лучше нет... вида». О чем это? О ком? Ни о чем и ни о ком. Холодно и пусто. Картинка на стенке с фотографией Фудзиямы, где ты не был и не будешь, да и незачем. Своих гор полно, а где мы побывали, если честно?

«Нет ничего». На этот раз не цитата, а самая полная рецензия на данный текст. Нет ничего. И не ищите.

Окт. 24, 2009

БЕГСТВО В НАРУЧНИКАХ

«В пятницу, 23 октября, из Тверского суда Москвы в пятницу в 21.30 сбежал подозреваемый. Мужчина подозревается в совершении преступления по 159 статье «мошенничество в крупном размере». Обвиняемый – Александр Потапов 1968 года рождения – сбежал из здания суда, находясь в наручниках. Как сообщили в правоохранительных органах столицы, данные о беглеце и его приметы переданы всем автопатрулям и милицейским нарядам столицы. Подробности побега подозреваемого не сообщаются», – пишут РИА Новости.

Некоторые не верили, когда я в «Пересуде» описал побег из едущего автозака четырех зеков в наручниках. Хилая у меня фантазия на самом деле: побег из суда круче.

Окт. 14, 2009

ЗАКРЫТОЕ ПИСЬМО Д.А. МЕДВЕДЕВУ ИЗ КУРГАН-УССОЛЬСКОЙ ПЕРЕСЫЛКИ

«Дорогой Дмитрий Анатолевич! Коллектив Курган-Усольской пересылки выражает вам свое уважительное но твердое неодобрительное фе. Недавно произошли два масштабных события, одно печальное другое веселое но вы остались от их обоих в стороне. Конкретно первое событие когда хоронили нашего безвремено погибшего Япошу на почотной Ваганьке где лежат лучшие люди страны. Все уважаемые люди были там, милиция прислала представителей, все сми газеты и телевидение осветили эту трогическую Новость на уровне гибели каковонибудь Главы Государства. А кто несмог тот прислал письменные или усные сочувствия чирез секретарей или хотя бы шоферов. Ни будем называть имен вы их и так знаете и вся страна знает. Вы же промолчали, не выразили соболезнования. Могли бы зделать это потихому намекнуть нашим и они бы всем со-обсчили и ниодна падла ни посмела бы проболтаца под страхом пера в бок.

Это первое. Второе. Наши кореша из родной партии Единая Россия побидоносно победили в Мос Гор Думу и другие места на местах с перевесом 90-100 процентов. И они тоже обижаюца, если про Япошу вы не пособлезнывали то про них не проздравили. Они старались и рвали пасть всем вокруг, правда скоро рвать будет некому кроме себя уже нет в центре и на пирифирии ни-одного серьезного человека штобы он ни записался в ЕР потомушто биз нее нет ходу. Эта партия как обишала берет на себя ответственность. И все остальное што еще можно взять в России. И готова свами всегда дилица. Зашто вы их обидели? Мало того, некоторые наглые сми и поганый интернет наежжает на нашу ЕР и обвиняют в чем попало а где ваша защита?

Вы промолчали Дмитрий Анатолевич. Это не хутший вариант т.к. молчание знак согласия. Но могли бы дать этот знак и пожирнее а то некоторые тут у нас думают што вы не только молчите но гдето потихоньку с чужих слов осуждаете Величие Похорон Япоши и будто бы говорите о какомто нацеональном позоре слава богу не публично. Будто бы также вас подучают через тотже интернет лохи и мужики што Единая Россия типа сама себя высекла и одурела от хамства и жадности и што вам пора напомнить про дураков которые лоб расшебают. Эти лохи сами дураки потому што кто умный тот не бедный. А есть в ЕР хоть один бедный покажите пальцем? Или хоть один кто ни начальство? Если еще нет то будут – знают куда идут.

Дмитрий Анатолевич! Не молчите! Народ бузит и в непонятке вы с кем. У нас тут один царство

иму небестное брехал што Похороны Япоши и Выборы есть два пливка в душу народа и в ваш личный адрес. Но вы молчите и непонятно то ли это ни плевки то ли вы их ни заметили. А можит коовото боитесь дайте знать заступимсо.

С уважением и до новых встреч. 128 подписей».

Письмо передал и надеется, что его ссылками и прочим доведут до топа друзья (ибо модераторы известного блога, конечно, его не пропустят). Тогда есть шанс, что адресат его прочтет. А. Слаповский

UPD. 14.10.09 в 15.02. Пришло известие. Цитата: «*Это, конечно, не просто убедительная победа и не просто свидетельство авторитета партии, который она за последние годы набрала у наших людей, но и необходимость обрабатывать избирательный аванс*», – подчеркнул Медведев.

Таким образом 2-я просьба братанов уже удовлетворена! Может, и на 1-ю откликнется, хоть и запоздало?

Заметим, что в высказывании есть фразы, понятные только людям, сведущим в административной фене: «У НАШИХ ЛЮДЕЙ» и «ОТРАБАТЫВАТЬ АВАНС». Готовьтесь, падлы, обрабатывать НАШИ ЛЮДИ будут – вашими потом и кровью.

upd-2. А вот и из МВД ответили за Медведева своим корешам из пересылки: «*В МВД России провергли сообщения некоторых газет о том, что похороны Вячеслава Иванькова, известного по кличке Япончик, превратились в своего рода международную сходку криминальных авторитетов. Иваньков был похоронен 13 октября на Ваганьковском кладбище. В ведомстве отметили, что в случае появления на кладбище криминальных "авторитетов", которые находятся в розыске, они были бы немедленно задержаны*». Это сообщение появилось сразу на многих сайтах. Нет, ей-богу, так нагло они, пожалуй, еще никогда не ввали. Или я ошибаюсь, и правда в том, что никого из криминальных авторитетов просто не разыскивают. Спите спокойно. Курган-Усольская пересылка вздыхает с облегчением.

upd-3. Кстати, из серии малоизвестных фактов. МВД вручило Безрукову почетное удостоверение милиционера. Вопрос на засыпку: за роль бандита в «Бригаде» или за роль участкового в моем «Участке»? Самое смешное, что все отвечающие сразу же попадают в точку: за роль бандита. Потому что милиционеры чувят в этом образе социальную близость. А мой слишком честный мент оказался для них чужим, неприятным. Чем и горжусь.

Сент. 30, 2009

ДЕНЬ СУРКА. ИДЕОЛОГИЯ НЕЖНОЙ ПОШЛОСТИ

«День сурка» – безусловно талантливый фильм. Его хочется время от времени пересматривать, в отличие от многих других. Одноразовое кино правит миром, как и все одноразовое вообще.

При этом фильм, конечно, пропагандистский, но естественно пропагандистский; авторы, возможно, об этом и не задумывались, это у них в крови, поскольку – американцы.

И вот смотрел я, смотрел – и досмотрелся.

О чем кино? О персонаже, очень нам, воспитанным на Чехове, понятном и близком: заела рутина, жизнь пошла, люди пошлы, все пошло. В Москву, в Голливуд, в Париж, per aspera ad astra, все равно, куда, лишь бы подальше от этой жизни. Хотя бы в Принстон из надоевшего Суркограда. Еще до того, как Фил попадает во временную петлю, он, по сути, уже в ней – каждый его день похож на вчерашний. Он хочет вырваться, но вяло. Его тошнит от окружающей жизни, от песенки по радио, от веселящихся придурков, от креативной продюсерши и недалекого оператора. И жизнь мстит: ты недоволен? – так получи их навсегда. Без возможности вырваться.

Так читается фильм, хотя сами авторы утверждали (уже сочинив сценарий и сняв кино): на самом деле мы решили, что это история человека, узнавшего, что он смертельно болен. И сразу стало ясно, о чем и как снимать.

Это всего лишь приспособление, не идея.

Смотрим дальше. Продюсерша очаровательна, благодаря Энди Макдауэл, которая теперь показывает в рекламе, как избавиться от морщин. Но она – типично американская болванка. Около тридцати лет, немножко хочет сделать карьеру, но вообще-то мечтает о семье и детях, изучала французских поэтов, пьет только сладкий и легкий коктейль – и только за мир, других тостов не

признает. Абсолютно правильная тетенька с типично американским узким горизонтом, несмотря на любовь к французским поэтам и борьбе за мир. Это ходячая пошлость, т.е. воплощение американской мечты о ПРАВИЛЬНОЙ женщине. (И это не есть плохо в смысле государственной пользы.) Оператор тоже хорош: туповат, буквален, исполнитель, любитель гульнуть на доллар и пожрать на халяву. Идеал для любого работодателя.

Фил его недолюбливает (подсознательно видя свое отражение), а к продюсерше испытывает непреодолимую симпатию. Ибо (экзистенциальное наитие героя): только полюбив пошлость, рутину, с наслаждением жуя дежавю, можно вырваться из временной петли, зажечь полноценной жизнью – т.е. как все. С чувством давать репортажи о погоде, в охотку заниматься вообще любым делом, на которое тебя поставили. Научиться играть на пианино. Высекать ледяные скульптуры. Помогать людям. И т.п.

Вы скажете: минуточку, при чем тут пошлость? Речь о любви к жизни!

Ну да. В этом и идеология этого кино и многих других американских фильмов: пошлость, стандарт делают синонимом жизни и осеняют призывом полюбить ее//их. Вы скажете – пошлость, а они кивнут – ну да, жизнь.

Финальный кадр прекрасен: одинокий мужчина средних лет и одинокая, но еще молодая женщина идут по заснеженному городку, никого вокруг, Адам и Ева отправились плодиться и размножаться.

Я опять же не говорю, что это плохо.

Я, возможно, даже восхищаюсь.

Нам говорили, что идеология Запада – это идеология успеха. Да – но успеха умеренного, в рамках. А то захотят все стать президентами – и что будет? Нет, клерк должен мечтать стать старшим клерком, а старший клерк – топ-менеджером, а топ-менеджер – управляющим департаментом. И годам к 60-ти, не исключено, станет. Все, большего не требуется.

Все сводится к тайной и явной стимуляции полюбить эту пошлую жизнь, не рыпаться. Где родился, там и пригнулся. Важна не победа, а участие. Влейся в коллектив и станешь счастливым. Мы команда. Соблюдай личную гигиену, чисть зубы нитью, как проститутка в «Красотке», и сто грехов тебе простятся, а вдобавок тебя полюбит Ричард Гир.

В очередной раз не говорю, что это плохо. Это даже эффективно, на этой морали воспитано уже несколько поколений американцев, людей в большинстве своем страшно правильных, консервативных, умеренных, аккуратных и позволяющих делать со своими мозгами все, что угодно. Понятия о свободе тоже заложены в сценарий.

Даже там, где есть борения, бунты против обстоятельств, а таких фильмов тысячи, – за что борьба, во имя чего бунты? За американский образ жизни, во имя его – либо персонажей, либо стоящих за ними авторов.

Казалось бы, вот «Форест Гамп» – пародия на американские ценности и даже на американскую историю последних десятилетий (вернее, предпоследних). Пародия, которая должна казаться острой, ведь национальным героем выводится идиот, главное качество которого – исполнительность. Еще в нем есть добросердечие, которое в данном случае синоним исполнительности. Но парадокс в том, что пародия в результате не высмеивает, а восхваляет. Восхваляет безусловную веру идиота в то, что жизнь тогда прекрасна, когда ты все делаешь по указке, вовремя и безукоризненно. Бунтовщица умирает от СПИДа, а идиот воспитывает сына. Сын сегодня уже взрослый. Вырос.

Да, ты можешь от себя лично купить другу, потерявшему ноги на войне, судно для ловли креветок. Но и тут подтекст не прост: государство, дескать, искалечило, но оно же и дало возможность своему гражданину благодетельствовать другого гражданина.

Я завидую. Мы тоскуем о демократии, а они занимаются делом: изо дня в день вколачивают в человека – живи, как все, любя эту жизнь, плодись, размножайся, добывай в поте лица, не убий, не укради... далее по тексту.

Да, я понял, что у прекрасного фильма довольно куца мораль.

Но мораль вообще дело нехитрое, на пару строк.

Или я полюбил наконец пошлость?

Что ж, давно пора.

В том числе отечественную. А то у нас ее дополна, а никто ее не любит.

UPD. Если кто не понял: я не говорю, что «День сурка» или «Форест Гамп» плохое кино. Так же, как и не скажу, например, что «Брат» или «Бригада» плохие фильмы. Но, чем дальше, тем больше они вызывают во мне отвращение. А что хорошие – так это и плохо.

Авг. 29, 2009

О СВОБОДЕ

«Свобода есть осознанная необходимость», – сказал тов. Энгельс, сформулировав то, что бродило и до него. У него выпало важное слово: «осознанная *тобой*». Ибо сплошь и рядом нашу необходимость осознают за нас другие.

Июн. 15, 2009

ЗЛОВЕЩАЯ ПРОГРАММА

Иногда обычная телепрограмма выглядит жутковато. Как сегодня.

21:00 Время

21:30 Смерть шпионам. Крым. (1-я серия)

22:20 Юрий Андропов. Пятнадцать месяцев надежды

23:30 Познер

0:30 Ночные новости

0:50 Гении и злодеи

1:20 Ну что, приехали?

2:50 Мертвые птицы

Июн. 14, 2009

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ ДОЛЖНА БЫТЬ ИНТЕРЕСНОЙ

Цитата из [tema](#)

«Наш блог получил еще одно письмо от читателя. Вообще, я благотворительность терпеть не могу, потому что благотворители давят на жалость, но при этом струн в душе не задевают (напоминает массаж простаты – дико хочется ссать, но нечем). А тут отличная идея – учить бабок и дедок работе в интернете, после чего дарить им подержанный комп. Всяко круче, чем развешивать по городу мудацкую лицемерную рекламу про заботу о ветеранах.

На всякий случай предвещаю тонны жалостливого спама в мой ящик: я никогда не публикую просьбы помочь маленькому Ренатику пересадить почечку в Канаде. Если вы хотите, чтобы сто тысяч моих читателей узнали о вашей благотворительной затее, сделайте для начала так, чтобы эта затея была интересной и нужной. Дарить бабкам компы – это круто. А лейкоимией ебать мозг – не круто».

Без комментариев.

Апр. 8, 2009

1000 СЛОВ

Джек Лондон гордился, что писал 1000 слов ежедневно. Бездельник!

Апр. 1, 2009

ПЕРВОЕ АПРЕЛЯ – ДЕНЬ ДУРАКА

Я много раз убеждался, что 1-е апреля не день смеха, а день дурака, причем дурак вовсе не тот, над кем шутят. Это какая-то феерическая демонстрация чувства юмора теми, у кого его нет. Всегда тошнило, когда слышал актерские байки: «Он спит в гостинице, а мы звоним в 4 часа утра: – Встречай нас на Ленинградском вокзале, мы приехали! И он мчится, а нас там нет!»

Сегодня шутили мои провайдеры: на главной их странице сообщение, что у трех граждан (имена, фамилии, отчества, телефоны), включая мою дочь (телефон при этом мой!), дни рождения и они ждут всех желающих. Звоните, приходите, выпивка и еда халявная. Ясно, что шутка, да? Но телефоны-то реальные! Оно мне надо, чтобы звонили и приходили? Час дозваниваюсь. Естественно, дозвониться сумел лишь по телефону «по вопросам подключения», это у всех фирм так: получить клиента и деньги – святое. Ругаюсь. Мне говорят: успокойтесь, это шутка, информация видна только вам. Ору: а с какой, блин, стати, я должен час тратить на то, чтобы это выяснить? А

другие, думаете, сообразительней меня? Не задолбали вас еще звонками? – «Вообще-то звонят. Но мы объясняем». (На самом деле просто трубку не берут.)

Это не идиоты?

Я ненавижу этот праздник со слезами тупого смеха на глазах, я не люблю розыгрышей, у меня нет чувства юмора. Даже не пытайтесь, отгрызу голову.

Интересно, кто вспомнит еще какие-то идиотские розыгрыши? И бывают ли они не идиотскими?

UPD. Розыгрыши – не розыгрыш, просто орфографическая истерика.

Фев. 18, 2009

ПЬЯНСТВУ БОЙ, ПЬЮЩИМ БУЙ

Данный текст – короткий отклик на просьбу знакомой журналистки высказаться о начавшейся очередной кампании борьбы с пьянством и алкоголизмом в связи с ужасающими масштабами этого бедствия. Наркологи, пишет она, считают, что нужно не столько с пьянством бороться, сколько ужесточить контроль качества алкоголя, потому что от той гадости, которую производят, народ быстрее спивается, заболевает и умирает. (Поразительная, кстати, логика. Больным сахарным диабетом – сахар только высокого качества! Как вам такой лозунг? Или: страдающим сенной лихорадкой – только свежее сено!)

1. Контроль качества алкоголя в современных условиях, в современной России – невозможен. Все упрется в дикое, безграничное воровство и взяточничество. Даже если очень захочет правительство, оно не сумеет обеспечить эффективности мероприятий, потому что никакой вертикали власти, никакой отчетности снизу вверх, как и сверху вниз, нет. Все творят, что хотят. Кто, кстати, сказал, что у нас пахнет диктатурой? У нас давно уже пахнет сверху бессильным и самодурным произволом, а снизу вялотекущей анархией.

2. Как латентный махровый алкоголик ответственно заявляю: качество напитков на быстроту спивания не влияет. Южные люди не потому редко становятся алкоголиками, что с детства «Шато Марго» за обедом пьют, а потому, что у них организмы другие. А чукче или эскимосу, как известно, надо выпить вовсе не 100 литров спирта, а всего одну бутылку того же «Шато», чтобы моментально стать алкоголиком: не так у них расщепляется этиловый спирт, да и все тут. Генетическая засада. У азиатских народов те же проблемы, поэтому многих спасает ислам, запрещающий питье. Или охранительные традиции.

3. Мы, русские, ближе к чукчам. Расщепляется у нас плохо (то ли слишком быстро, то ли слишком медленно, тонкостей не знаю). Из нас многие к алкоголизму склонны генетически. И что с нами делать? Воспитательную работу проводить? Пробовали, общество «Знание» старалось. Толку нет. Прививать культуру питья? Все равно по утрам будут шампанское пить и аристократы, и дегенераты. Значит – все-таки запретительные меры? Борьба и бой?

4. Боюсь, и этого не выйдет. В лучшем (он же худший) случае будет похоже на борьбу с курением, превратившуюся в лицемерную травлю несчастных курильщиков. Курить вредно для здоровья, да. Дымить в сортире было еще и унижительно. Но хотя бы тепло. А теперь школьники и студенты бегают на мороз раздетыми. Это здоровее, конечно. Все это – фальшь и кампанейщина. Зато в любом табачном ларьке любому ребенку сигареты продадут – легко. Прибыль у них с оборота, если продавщица не будет продавать подросткам сигареты, она не даст выручки, ее с работы выгонят. С алкоголем то же самое – пиво и всяческие суррогаты в банках (типа коктейли) подросткам продают в неограниченном количестве. Везде.

5. Хорошо, давайте все же попробуем. Учтем ошибки, виноградники выкорчевывать не будем. Но водку продавать только с двух до семи в «специализированных» магазинах (кто помнит, тот вздрогнет). Количество ограничить. По литру в одни руки. После десяти – только в ресторанах. Драконовские штрафы, десятки, сотни тысяч рублей за подростка – с хозяев ларьков! На следующий день они сами встанут рядом с окошками и будут отпугивать подростков – и боже упаси ларечницу продать хоть одну пачку или одну бутылку! И т.п. И знаете, что я вам скажу? А я вам скажу, что я не против. Был в советское время в стройотряде, в селе, там на время уборочной ввели сухой закон. Мы выпили за полтора месяца один-единственный раз, съездив за вином в далекий рабочий поселок. А так – каждую неделю не просыхали бы, учитывая легкий профиль работ. Я уже давно сторонник запретительных мер в России. Вернее, ограничительных. Финны

на что цивилизованные люди, а прислушались к своей генетике – и ограничили себя. От греха подальше. Я – за госмонополию. Я за высокие цены на крепкие и грубые напитки (особенно на водку). Я за большие штрафы выпившим водителям. За огромные штрафы тем, кто продает алкоголь несовершеннолетним. Кстати, это злоупотребление, будь я министр МВД, взялся бы искоренить за три дня (знаю – как). Если бы захотел. Если бы уверен был, что мои подчиненные не начнут саботировать. И вот тут мы упираемся в главное: во-первых, никто всерьез НЕ ХОЧЕТ бороться с пьянством, а во-вторых, никто сейчас НЕ СМОЖЕТ обеспечить эффективность и законность этой борьбы.

6. Что же – тупик? На мой взгляд, если бороться только с пьянством и алкоголизмом, то да. Бессмысленно. Уточню – именно с пьянством и алкоголизмом, а не с количеством потребляемых декалитров (на Западе не меньше, но – НЕ ТАК). А с чем бороться? Извините – с государством в том виде, в каком оно есть. С взяточничеством, воровством, продажностью милиции, жадностью розничной торговли, бессовестностью и сговором производителей – не только водки, а всего вообще, что составляет общественный продукт и выстраивает общественные отношения. Поэтому чиновники должны продумать сначала не меры борьбы с алкашами, а меры борьбы с собой, со своим очковтирательством, бумаготворчеством, лицемерием.

7. Не дождемся. Упование одно – на перемены в обществе и во власти. Если власть ДЕЙСТВИТЕЛЬНО захочет что-то сделать, она сделает. Сейчас пока она считает (не декларативно, а тайно, трусливым своим нутром), что пьющий и послушный народ – лучше. На самом деле все давно уже не так. Уже вреда для власти намного больше, чем пользы. И она помаленьку беспокоится. Она громоздко шевелится и кумекает, с чего начать. Ответ давно известен: с себя.

8. Вопрос на засыпку: догадайтесь, почему пачка сигарет (приличных) в Европах стоит 5 евро, а у нас 1 (один) евро и даже меньше (есть по 0,1 евро, т.е. 4 руб. 50 коп. – с фильтром! – das ist fantastisch)? Мы беднее, поэтому? Социальный демпинг? А почему за 20 евро в тех же Европах можно сытно пообедать, а у нас за те же деньги – только отравиться? Ответ на поверхности: наше благодетельное государство нас скуривает и спаивает. Кто много пьет, тот есть не просит. И вообще ничего не просит. Вот оно и славно.

Янв. 26, 2009

СИЖУ ЗА РЕШЕТКОЙ

Вид из окна: капитальный ремонт. Мимо ходят головы, ноги. Через пару недель привыкаешь и вдруг ловишь себя на том, что, переодеваясь, забыл зашториться и даже оглянуться. Эффект привыкания, знакомый, наверное, участникам реалити-шоу.

Строители – из Таджикистана. С одним из них я говорил через окно (он просил удлинитель на 10 минут подключить).

Сказал:

– Богато вы живете тут в Москве все. У каждого кивартира, газ, тепло, светило.

– Ну, не у каждого.

– А у нас ни у кого.

Конечно, он преувеличил.

И еще. Видимо, советское во мне не умрет никогда. Почему для меня так естественно, когда я на кого-то работаю, и почему я так стесняюсь, когда кто-то работает на меня?

Окт. 31, 2008

Русский человек гордится не тем, что сделал, а тем, чего не сделал.

Кто это сказал?

Тогда я.

Окт. 16, 2008

Я тогда работал в школе. Библиотекаршей там была очень оригинальная женщина. Из тех, которые не выдают новые книги, если не расскажешь содержание предыдущих. Бледная, худая, двое детей, мужа нет, бедность крошечная. Ее вызывает завуч по внеклассной (воспитательной) работе, она же парторг. Разговор в учительской при мне:

– Ваши дети учатся у нас в школе, у вас зарплата меньше ста рублей, поэтому вы имеете право на матпомощь. Пишите заявление.

– Какое заявление?
– Ну: прошу оказать матпомощь в связи – и так далее.
– Но я не прошу. Это вы просите. Вот и пишите заявление: «Просим принять от нас материальную помощь».

– Н.Н. (имя-отчество), чего вы к формальностям всегда цепляетесь?

– Это не формальности.

И ушла.

Если бы я такой прекраснодушный эпизод сочинил для книги или сценария – не поверили бы.

Сент. 8, 2008

Если бы директором (или законодателем) был я, то запретил бы всем фирмам, организациям, конторам, компаниям, офисам и т.д. и т.п. отвечать автоматически. За последний месяц я раз десять – так сошлось – наткнулся в разных местах на одну и ту же фразу: «Все операторы заняты. Вам ответят через – далее механическая пауза – пять (семь, десять, двенадцать...) минут».

Только живые операторы, живые голоса! А заняты – пусть уж лучше короткие гудки. От этой их музыки, которую слушаешь от 5 до 50 минут (честное слово – из упрямства один раз так долго не слезал с линии) – с ума сойдешь.

Причем ощущение, что этого все больше. Скоро и в милиции будет. Наберешь 02: «Ваш звонок очень важен для нас. Все дежурные милиционеры заняты. Вам обязательно ответят через...надцать минут». И в скорой. И в пожарке.

Один раз я мелко отомстил: позвонила тетенька из ТВ-фирмы и напомнила про 300 рублей, которые я им полгода должен (на самом деле отключился, едва подключившись: жулики). До этого я им сто раз названивал, чтобы пришли, забрали к шутам тюнер и проч. и свои дурацкие 300 р. Звонил, ждал, слушал музыку. А тут сами звонят – какая-то тетенька. А я ей: «Ваш звонок очень важен для меня. В настоящее время я очень занят. Но обязательно отвечу. Приблизительное время ожидания... пятнадцать минут». – «Вы не хулиганьте, я вам говорю: на вас долг!» – заорала она. А я ей: «Ваш звонок очень важен для меня...» Так повторилось раза три, потом она бросила трубку. Жду еще звонка, сам больше им – ни в жизнь!

Сент. 7, 2008

Вчера просил А.С. Кончаловского при случае почтительно попенять батюшке: в последней редакции гимна РФ содержится ТОЧНОЕ ПРОРОЧЕСТВО ТОГО, ЧТО СЕЙЧАС ПРОИСХОДИТ со страной.

Третья строка второго куплета: «**Одна ты на свете!**»

Как корабль назовете...

Там дальше: «Одна ты такая...» Но это уже детали.

Мар. 13, 2008

ДВУХМОЗГОВЫЙ

Обнаружилось, что у Суткина два мозга. Обнаружилось случайно – никогда его голову не просвечивали, а тут попал в небольшую аварию, показалось, что череп треснул, пошел на рентген, ему сказали: череп в норме, только шишка, а вот мозга у вас – два.

– А каким же я думаю? – растерянно спросил Суткин.

– Это уж вам виднее. Вы как сами чувствуете?

– Да никак. Что-то там в голове происходит, я даже не слышу.

– Мысль беззвучна! – авторитетно сказал рентгенолог. – Давайте я вас в диссертации опишу.

– Не надо! – испугался Суткин.

Он не хотел и даже боялся известности. Он работал, как это и положено человеку со средними способностями, менеджером среднего звена, имел жену ласковую Свету, бюджетную машину «Дэу», мышленного сына Васю и уютную двухкомнатную квартиру в Новогиреево, что еще надо человеку?

Поэтому мысль о втором мозге была для него скорее неприятной. Он начал прислушиваться к своей голове, но ничего особенного не заметил.

Попробовал жить, как жил – не получалось. Если есть второй мозг, для чего-то он нужен? Решил пройти тест на IQ, к чему раньше относился иронически, и результат его ошеломил: по сумме баллов он оказался гением.

Но как же я гений, если я этого не чувствую? – поразился Суткин.

Маялся, маялся – признался жене. Света даже побледнела:

– Если ты шутишь, то тебе же хуже, а если это правда, Суткин, то тебе совсем плохо.

– Почему?

– Потому что как я буду жить с двухмозговым?

– Бывает. Я читал: в Африке двухчленный мужчина есть.

– Значит, чьей-то жене счастье, ты не сравнивай такие вещи! Ты мне, например, ласковые слова говоришь, а сам вторым мозгом меня ненавидишь или другую женщину любишь! Тебя же как бы два получается! И я теперь буду об этом думать!

– Дурочка, да я и одним мозгом могу другую женщину любить! – сказал Суткин.

– Ага, вот он, ум-то, прямо так и лезет из тебя! Ты двуличный человек, ты мутант, я не хочу с тобой жить! Ты, может, одним мозгом спишь, а вторым ночью обдумываешь, как меня прирезать, а ребенка придушить!

– Ты с ума сошла? – ошарашено спросил Суткин.

– Если и сошла, то с одного! – горделиво ответила Света. – А ты живи, как хочешь, со своими двумя!

И ушла от Суткина. И, чтобы отомстить ему за то, что она его бросила, рассказала о его уродстве всем, кому могла. Дошло до фирмы Суткина, генеральный директор Перепелянц вызвал его, долго глядел в глаза и пробормотал:

– А по виду не скажешь. Ладно, я тут думал, кого назначить начальником отдела...

– Сурен Суренович... – хотел возразить Суткин, и тут вдруг внутри головы что-то у него зачесалось. Второй мозг сигналы подает, понял он. Хочет, чтобы я согласился.

И он согласился. Все ждали от него мудрых указаний, пришлось поднатужиться. День ото дня Суткин все явственнее ощущал в голове присутствие второго мозга, который, возможно, лишь теперь, будучи востребованным, заработал.

У него стало намного больше денег, Света сообразила, что она сгоряча достоинство приняла за недостаток, хотела вернуться, но Суткин уже жил в подмосковном таунхаусе, купленном в кредит, с молодой красавицей, у которой была только половинка мозга, но то парное, чем она обладала, отличалось такой величиной, что на улице даже бомжи, утратившие половой инстинкт, оборачивались, крутя восторженно головами.

Тут по итогам года собрался Совет директоров холдинга, Перепелянца раскритиковали за полученные 23% прибыли вместо ожидаемых 23,5%, уволили, а на его место посадили Суткина, о необычайных способностях которого были наслышаны.

Оба мозга Суткина заработали с двойной нагрузкой. За год он вывел фирму в лидеры отрасли. Естественно, ему предложили место Председателя Совета директоров, а тут как раз выборы в Государственную Думу, Суткина выдвинули, он был избран и вскоре стал заметным лицом Партии. К нему записывались на прием, чтобы воочию убедиться феноменальными способностями: Суткин умел писать обеими руками, глядеть в разные стороны глазами, говорить одновременно по двум телефонам, причем на разные темы.

Приближались президентские выборы. Никто не сомневался, кто пойдет первым номером. Да Суткин уже и сам не сомневался. Он часто выступал по телевизору, и народ его полюбил: одним мозгом Суткин думал и озвучивал мысли демократические, другим – государственные. Он нравился и либералам, и почвенникам, и даже коммунистам, дошло до того, что средства массовой информации дали указание и средства на антисуткинскую кампанию и на восхваление противоборствующих партий, чтобы их кандидаты получили хоть какие-то проценты, а то неприлично получится.

И тут, за неделю перед выборами, автомобиль с Суткиным попадает в аварию. Суткин, выбрав переднюю машину кортежа (никто никогда не знал, в какой из семи машин он едет), увидел впереди старушку, доверчиво переходящую дорогу на зеленый пешеходный свет и не слышащую сирен кортежа, и дернул руль водителя, чтобы не сбить ее.

Старушка осталась жива, но машина въехала в столб, Суткина ушибло.

Врач ЦКБ, академик Случайнов, готовясь просветить голову Суткина, задумчиво бормотал:

– Не может такого быть. Человек и с одним мозгом легко бы рассудил – что такое жизнь старушки, и что такое жизнь будущего президента? И выбрал бы второе.

Он оказался прав. Внимательно рассмотрев второй мозг, он понял, что это всего лишь доброкачественная опухоль.

Ее вырезали, Суткина отпустили, он вернулся к прежней своей работе менеджера среднего звена, а СМИ сделали так, чтобы страна через неделю забыла, кто такой Суткин и был ли он вообще на свете.

Политтехнологам и прочим ответственным лицам строго сказали:

– Вы больше этим не балуетесь! Хотя три мозга у человека – нам этого не надо! Вот если у кандидата, к примеру, две совести, это другой разговор!

Технологи поняли и пошли искать такого человека, что, как вы понимаете, сделать нетрудно, но необходимы и другие параметры: обаяние, приятный вид, да то, да се.

Суткин стал жить, как прежде. Красавица с парными прелестями отобрала у него таунхаус на резонных, хоть и незаконных основаниях, Света к нему вернулась, потому что все-таки любила его, как выяснилось.

А Суткин вспоминал о своем взлете без всякого сожаления. Нормальным человеком быть проще, легче и спокойнее.

Но однажды он – просто так, из интереса, решил еще раз проверить IQ.

И опять вышло, что он гений.

Это было дома. Он, сидя перед монитором компьютера, глядел на результат и готов был заплакать.

Чуткая Света подошла к нему, глянула, обняла его за голову, прижала к себе и сказала, утешая:

– Ничего. Успокойся. Мы об этом никому не скажем.

Дек. 30, 2007

НОВЫЙ ГОД

Новый Год в СССР был праздником свободы, вернее, дозволенного непослушания, когда государство разрешало своим гражданам легально есть, пить и веселиться в неурочное время. Ночью. Это главное, ибо на всех других праздниках тоже можно было есть, пить и веселиться, но только днем, в крайнем случае – вечером. К тому же, он был общий – не солидарности трудящихся, не женщин, не пограничников и не одного только советского народа (как годовщина Окт. Рев.). Он был мировой, следовательно, и мы чувствовали себя частью мира. Нам даже давали посмотреть «мелодии и ритмы зарубежной эстрады» – часов так после трех.

Неурочность времени порождала другие неурочности и ломки правил: детям можно допоздна не ложиться, юношам и девушкам вообще не ночевать дома, а отмечать у друзей на законных основаниях, выпивали даже язвенники и трезвенники, целовались взапас не только члены Политбюро, и всем грезилась перемена участи, что и сделало комедию «Ирония судьбы» любимой: она именно о неурочности, о свободе и о перемене участи. То, что шло менялось на мыло, это неважно. Это выяснится потом. Положительный Ипполит трижды прав, но – уйди, не мешай празднику!

И у теперешней Надежды Надеждовны нет никаких особых причин лобзаться с Костей Лукашиным, если бы не одно обстоятельство: Новый Год. Желание перемены. Третьей «Иронии» не будет, по крайней мере, я за нее не возьмусь, но что Надя, проспавшись и протрезвев, выберет через год или два не младшего Лукашина, а такого, как Ираклий, вероятно на 99%.

В фильм «Ирония судьбы. Продолжение» не уместились слова Надежды, сказанные (в сценарии) постаревшему Лукашину: «Ты человек праздника, ты существуешь только с веником под мышкой и только под Новый Год. В остальное время тебя не различишь в толпе».

И это правда. Но сказки рассказываются не каждый день, то есть не каждую ночь. И пусть чуда уже не происходит, все возможно, все доступно, все реализуемо (это я насчет выпить, закусь и подкатиться к чужой барышне), но осталось желание чуда. Об этом наше кино.

Поэтому, дорогие мои, выпьем не за перемену участи, которой, скорее всего, не будет, не за новое счастье, которое тоже таковым по определению стать не может, выпьем за то, что мы еще не отучились желать, мечтать и надеяться – и, как правило, на большее, чем предполагает неадекватное и глупое государство, иначе оно бы давно запретило этот крамольный праздник.

UPD. Одного жаль: надо было сделать Ираклия работником ФСБ. Тогда было бы понятнее,

что я имею в виду – наперекор любому строю миллионы пьяненьких Лукашиных с венниками вдруг заявляют: желаем счастья и свободы! И начинают подтачивать, подтачивать, подтачивать систему, и, когда она рушится либо резко меняется, некоторые в оторопи: откуда это взялось? А все оттуда – из бани, где пили пиво и болтали о пустяках.

А старшего Лукашина, кстати, видели в 91-м году у Белого дома. Оказывал первую помощь. В 93-м году он там тоже был. Оказывал первую помощь. Так что он и без венника нужен.

Казалось бы, его сына теперь на такие подвиги не затанешь: он работает в частной клинике, получает приличные деньги. Не будем спешить, посмотрим. Ведь сорвался же он в Питер. Это обнадеживает.

С ПРАЗДНИКОМ СВОБОДЫ, НАДЕЖД И ЖЕЛАНИЙ!

Разнобой-2. Стослов

Предисловие

Наше время страшно болтливо. Я тоже стал слишком многоречив. Но как быть, если иногда хочется все-таки высказаться? И я придумал новый жанр: «стослов». Т.е. – в каждом тексте ровно сто слов. Не больше и не меньше. Это дисциплинирует.

Время визуалов

Оператор на съемках: «Мне все равно, что они там говорят, я за картинкой слежу».

Сюжет для романа в духе Зюскинда. Название – «Картинка». Сериальный оператор перестал понимать смысл слов не только на площадке, но и в жизни. Любовь, смерть – не имеет значения. Важны освещение, ракурс, интерьер. Картинка. Его подруга, веб-дизайнер, того же сорта. Заказы получает от коммунистов, фашистов, либералов. Старается одинаково. Оба живут, любят, слушают и даже едят – глазами.

Она беременна. Это портит картинку. Он бросает ее. Она убивает себя и ребенка. Умом он пробует горевать, но не может. Видит лишь одно – картинка беременной покойницы ужасна, но прекрасна. Только исправить свет.

В г. Пушкине взорвали Ленина

Опять взорвали Ленина. Он устоял, зато вылетели стекла в окнах соседних домов.

Надо ли крушить памятники? Гитлеру, Сталину, Ленину, т.е. человекоубийцам?

Я слышал, как мальчик лет десяти, увидев памятник Ленину, спросил: «А кто это?» Я умилился, я представить не мог, что придет время, когда кто-то старше 3-х лет не будет знать о Ленине.

Потом подумал: умиляться нечему. Надо знать, кто такой Ленин, надо оставить его в учебниках. Но с улиц и из мавзолея все-таки убрать. К черту. Однако тут я противник частной инициативы. Убрать нужно спокойно, заурядно, официально. Удивительно: разгонять демонстрации живых людей власть не боится, а каменных истуканов – осторожничает.

Оправдание воровства

Отец рассказывал: поставили его бригадиром на молочной ферме, он в первый же день обнаружил, что доярки выносят под одеждой мешочки с комбикормом. Домашнюю живность подпитать, а живностью семью. Отец по должности взялся их совестить, они ему спокойно: «Нам вместо кормов и денег голые палочки да грамоты дают, а наши дети что есть будут? Палочки и грамоты? Мы заработали, своё берем! Уйди, бригадир, не доводи до греха!» (Ясно, что время было послесталинское).

Вот откуда (на самом деле – издревле) в России молчаливое общественное одобрение воровства, особенно мелкого. Вечное ощущение, что – недодали. Я больше заработал, я большего достоин. Следовательно, не ворую, свое беру.

Ответственные раздолбаи

– Не жизнь, а карусель, – уныло сказал знакомый и перечислил свои заботы, обязанности и обязательства. – Плюнуть бы на все, да уехать куда-нибудь. И ведь ничего страшного, если вдуться, не произойдет!

– Так плюнь и езжай.

– Не могу, я человек ответственный. Но по натуре раздолбай, понимаешь? Вот и мучаюсь.

Я понял, что это и обо мне. Есть ответственные ответственные, раздолбайные раздолбаи, они, как правило, собой довольны, а есть ответственные раздолбаи: люди от природы легкие, но взвалившие на себя кучу дел. Частные случаи: непьющий алкоголик, женатый холостяк, ленивый работоголик. Вечный конфликт желаемого и должного. Должное побеждает, радости маловато. Грустно.

Старые вещи

Когда я в метро достаю свой древний телефон Siemens, юные девушки смотрят с брезгливым сочувствием.

Еще у меня обшарпанные дешевенькие часы Tissot, буковровский подарок 99 года. Идут, кстати, как часы.

Старый (7 лет!) ноутбук Toshiba... Тяжеленный и с флоппи-дисководом. Я работаю на другом, но и этот еще цел, не выбрасывать же.

А надо.

Как и морально устаревший (16 лет!!!) музыкальный центр Uher с двумя деками для несуществующих кассет.

Надо выбросить: прогресс велит. Он велит любить только новое. Остальное, пусть и целое – на свалку!

Больше всего человечество производит, как известно, отходы.

... Пока мы не полюбим старые вещи, мы останемся папуасами.

Старые книги

Довольно часто я слышу и читаю: вот, дескать, старые книги у него (то есть у меня) были интересные, веселые, а потом повело в мрачность и непристойную социальность.

Ну, социальность всегда была.

И за старые книги спасибо.

Однако новые, мне иногда кажется, обижаются – как бы даже без моего участия.

«Раньше наши герои все больше балагурили, теперь все больше разговаривают! Раньше рассуждали, теперь размышляют!»

Это не самооправдание и не попытки разъяснить, что и как следует понимать. Это просто лирическая досада.

Видимо, грустное свойство человека получать то же самое, что он полюбил вчера, сказывается и в благородном деле чтения.

Переполюбить крайне трудно. Понимаю.

Перевернутые

Появилось много перевернутых людей, у которых низ стал верхом, а верх низом.

Ладно, пусть бы ходили на голове, но им хочется перевернуть и окружающее – чтобы их низ казался верхом, а остальное наоборот. Литературная дама, беллетристка: «Я не люблю Джойса, мне нравится Ле Карре». Её лукавое «нравится» означает – «лучше». Потому что она сама хочет быть Ле Карре.

Те, кто выбрал и защищает Колядину* – перевернутые. Ее низ – их верх. Они выбрали себя, а не ее.

При этом часто защита фуфла, попсы, имитации, вторсырья в литературе, кино, в искусстве вообще (да и в жизни тоже) удивительно агрессивна. А как иначе? – за себя бьются.

Гитара

В 94-м году я с большущей премии купил гитару TAKAMINE.

Подключал ее к усилителю, она пела и рокотала на разные голоса.

* Е. Колядина – автор «самопального» романа «Цветочный крест», получившего в 2010-м году премию Букера, что вызвало скандал; после этого появилось известие о том, что спонсоры отказываются от финансирования премии. – Прим. автора.

А потом авария... Контрактура...

Гитара одиноко стояла в углу. Иногда кто-то из приходивших друзей брал ее, брэнчал, но я ревновал, отбирал, заключал в темницу кофра.

Потом понял, что она томится, как невеста, не выданная замуж.

Решил продать.

Выяснилось, что в Саратове ни у кого из играющих нет таких денег. А у кого деньги, им не надо.

Но гитара не может, чтобы на ней не играли.

И я отдал – за полцены.

До сих пор она мне снится, моя недолюбленная красавица.

Кстати об аварии

Было так: я шел с намерением резко изменить жизнь.

Гололед.

Перехожу улицу.

Откуда-то возникает машина и мчится на меня, неуправляемая. Я скольжу ногами и остаюсь на месте. При этом совершенно спокоен, размышляю, что подставить. Подставляю руку, она падает в фару, меня отбрасывает.

...Операция, сшивание сухожилий, артерии, нервов.

Боль и горечь.

Но.

Я не изменил жизнь – и это оказалось правильно.

Перестал сочинять песни – и тоже вовремя.

Вдобавок, со мной в больнице случилось короткое счастье.

С тех пор знаю: все происходящее не столько расплата, сколько предупреждение. И я, как ни странно, благодарен этой аварии.

А за рулем машины был судья районного суда.

Париж

Побывав в городе Париже после пятилетнего перерыва, я огорчительно обнаружил, что своей многоэтничностью он все больше напоминает Нью-Йорк и прочие большие города США, да теперь и Европы. Посмотришь на здания – все тот же Париж. Посмотришь на толпу – нет Парижа. Так сначала кажется.

Но вот фланируем мы неспешно с писателем Королевым по улице, и нас обходят двое полицейских, один из которых даже не одетой, а ее ветерком задевает писателя Королева и незамедлительно произносит: «Ça va!» (своеобразное парижское извинение, буквально: «Как дела?»).

И я подумал: до тех пор, пока Let's go and buy some ice-cream а парижские полицейские будут извиняться за крошечное беспокойство, ничего страшного с Парижем не случится.

Сталин

Ужасаются (или злорадствуют, или печалятся), что народ опять голосует за Сталина... Опросы, рейтинги. 70%, 80%. Ну и что? В любой стране людей, которые мыслят более или менее здраво, не более 10%. Остальные – тупое быдло, которое можно повести в любую сторону? Нет. Пресловутая душа народа на самом деле – маятник. От разумного к неразумному и обратно. В зависимости от того, кто и зачем толкнет. Чуть вправо – 70% за. Чуть влево – 70% против (те же самые люди!). Ерго: дело не в Сталине и не в народе, а в тех, кто толкает. Вот им бы дать по шаловливым ручкам и безмозглым головам. Морально, конечно.

Ночь

Ночь.

Мужчины, недолюбленные вечно занятыми и озабоченными матерьями, льнут к своим женам, тоскуя по ласке, даже если не так любят жен, как раньше, даже если вообще не любят, но очень хотят любить, поэтому позволяют себе обманывать себя.

Женщины, думающие о завтрашних делах, о детях, на которых не хватает времени, о хозяй-

стве, деньгах и т.п., перебарывают усталость: они тоже недолюблены в детстве, они еще легче, чем мужчины, поддаются самообману.

И наступает момент, когда этот самообман превращается в правду, момент забвения всего дневного, доверия друг другу – почти детского, открытого, незащитного, и слова часто бывают детскими, и объятия тоже.

Это пройдет, но потом.

Страна больна. Стослов х 2.

Я всю жизнь понимал, что живу в стране бедной и непривлекательной. Вонь, колдобины, хлябь, хамство, мат, пьянь, мордобой, произвол, глумление, придурь. Некрасота какая-то даже принципиальная, русские деревни в большинстве своем уродливы – словно напоказ. Белорусы, например, живут в своих селах намного опрятнее, сам видел, и не раз.

А главное, что вводит в уныние, – разлитое вокруг неуважение к другим и к себе, доходящее до презрения к собственной нации.

Поэтому актуальные сейчас крики: «Валить надо!» – вроде бы резонны.

Но я в очередной раз вспоминаю: страна не столько бедна, сколько больна (и давно, очень давно), и все мы больны. Кто в палатах-люкс, кто на зассанном матрасе в коридоре, кого кормят икрой, кого баландой, кому дают дорогие лекарства, а кому – от всех болячек – анальгин. Все равно – мы больны. Конечно, есть в наших палатах радости: у кого телевизор в углу, у кого книжка в руках, кто гитарку щиплет за бока, кто гладкую медсестру, а кто даже электрическим Интернетом наслаждается, утишая свои недуги. И садик есть больничный. И живой певец Басков с концертом приедет из соседнего лазарета. И небо в окошке, пусть и запыленном. А то попик зайдет, поцадит в без того обезвоздушенных помещениях, а страна на всякий случай помолится.

Вот тут и вопрос. От злодеев и негодяев валить, от дураков, от наглых нищих и наглых богачей, от хамствующих – легко. А от больных? Больничная вонь неприятна, но она, кто знает, другого свойства. И гноища ужасны, и халаты рваны, но... Но в них твои братья и сестры...

А если главврач и персонал проворовались, что ж теперь, закрывать корпуса и всем прыгать из окошек? Да и они-то – тоже больны. Клептомания при этом болезнь тяжкая.

Ну, хорошо, уедем. Куда? Из худой клиники – в комфортабельную?

Потому что мир тоже болен. Весь. Даже когда он прекрасен (я о людях, а не видах и ландшафтах) – все равно болен. И выздоровеет ли, неизвестно.

Политический задачник

Задача 1. В городе Энске узнали, что П. навестит больницу. Срочно стащили все оборудование из других больниц, больных вывезли, уложили здоровых. Все довольны, включая П.

Вопрос: много ли надо ума, чтобы ОДНОВРЕМЕННО послать несколько человек из свиты в другие больницы?

Варианты: а) много, б) никакого, в) и так все известно.

Задача 2. В суде узнали, что г. Х. г. П. считает «вором, который должен сидеть в тюрьме».

Вопрос: сколько процентов вероятности того, что будет вынесен обвинительный приговор?

Варианты: а) 100, б) 100, в) 100.

Задача 3. Ведает ли П., что творит?

Варианты: а) ведает, б) не ведает, в) ему плевать.

Выбор слов

Я встал, поднялся, вскочил и пошел, отправился, потащился в кухню. Захотелось, пожелалось, вздумалось поесть, закусить, заморить червячка, покушать, схавать, слопать чего-нибудь. В окне мутнел, сумрачился, серел февраль. На душе было тяжело, мутно, кисло, беспросветно. Надоело работать, трудиться, вкалывать, пахать, въ@бываться. И вдруг луч солнца осветил, озарил, осиял кухню, показав, явив, изобличив, обнаружив всю ее пыль. И от этого можно было сойти с ума, рехнуться, крезануться, сдвинуться, помешаться. Но я развеселился. Я понял, что сейчас смету пыль и пойду дальше работать, вкалывать, пахать, жить.

О чем это? О том, что от выбора слов зависит, какой ты писатель. И писатель ли вообще.

Алкоголизм

Было дело: Марина Влади с гордостью рассказывала, что ее книга о Высоцком имеется во всех наркологических клиниках Франции. Как полезительное чтение для алкоголиков. Я-то всегда превыше всего ценил художественные достоинства литературы, и этой гордости не понял. Но вот недавно получил письмо от человека, который пишет, что одна из моих книг помогла ему покончить с запоями. «Вы спасли мне жизнь», – заканчивается письмо, с перехлестом, конечно. Считайте, что я хвастаюсь (не без этого), но так неожиданно и так приятно узнать, что ты кому-то реально помог. Не художественностью, а конкретно, житейски. Есть ли еще такие случаи у братьев и сестер писателей?

Боязнь казаться дураком

Я знаю одного очень умного и при этом очень молчаливого человека. Над ЖЖ и соц-сетями вообще он посмеивается. А однажды признался:

– Понимаешь, я привык думать прежде, чем говорить. И, пока думаю, успеваю найти контраргументы, опровергнуть их, а потом опровергнуть опроверженное и прийти к выводу, что мысль моя банальна, кем-то наверняка высказана. И даже, когда она кажется оригинальной, мне скучно ее проговаривать. Все ведь произошло – во мне.

Надо бы у него поучиться. Однако я вспоминаю больших людей, которые без банальностей и глупостей были бы – как обтесанные пни. К примеру, несомненно гениальный Лев Толстой без своих благоглупостей был совсем другим. Пресным.

Будьте наглее

«Будьте наглее – людям это нравится!» Я удивился, когда, книголюбивый мальчик, наткнулся на эту сентенцию Остапа Бендера. Сроду не слыхивал, чтобы кому-то нравились наглость и хамство. Я рос, умнел и печально вынужден был все чаще соглашаться с великим ильфо-петровским комбинатором. Девушки любили наглых парней, на словах это отрицая. Подчиненные слушались наглых начальников, шепотом поругивая их, но становясь такими же, попав на их место. Наглые были везде первыми. Я понял: людям это действительно **НРАВИТСЯ**, особенно, когда не касается их личных интересов. Наглый – значит, право имеет, думают они. Вот Путин бесцеремонно, презрительно, нагло отказался от теледебатов. Я убежден: людям это понравилось. Путин победит.

Выпившие

Мы обожаем выпивших друзей. Они очаровательно беспомощны, мило болтливы, мудро глупы, нежно любвеобильны, доверительно откровенны и вдохновенно порывисты, и если даже друга или подругу немного стошнит, это воспринимается как веселое приключение.

Мы не любим выпивших незнакомцев. Они неприятно беспомощны, приставуче болтливы, тупо глупы, назойливо любвеобильны, непрошено откровенны и нагло порывисты, и если незнакомца тошнит, мы говорим мысленно «фу!» и презрительно воротим нос: надо же так потерять человеческий облик!

Мы ненавидим выпивших родственников. Они постыдно беспомощны, унизительно болтливы, позорно глупы, паскудно любвеобильны, бесстыдно откровенны и отвратительно порывисты, и если близкого стошнит, мы краснеем, думая, что никто вовек не забудет этого кошмара.

Женская логика

Жил я в поселке. Было мне лет восемь. Присел однажды в общественном дощатом нужнике с дверью без крючка. Вдруг дверь распахивается. Две девчонки-ровесницы. Завопили: «Бессовестный!» – и убежали. Я остался в недоумении.

Прошло много лет. Возвращался домой попутно с сотрудницей. Дождь. Постояли под зонтом. Говорили о работе, немного о личном. Через пару недель оказались в одной компании. А потом в одной комнате. И вдруг признания. Я ничего не понимаю. Она с обидой: «Ты уже забыл, что у нас было?» Я испуганно вспоминал, но, кроме зонта, ничего не вспомнил. С той поры она меня возненавидела. (Еще бы: «Бессовестный!»)

Женская логика.

Служить бы рад

Сидим с редактором одной киностудии (сиречь продюсерская компания, что одно и то же), обсуждаем сценарий. Звонок. Он смотрит на дисплей, хватает трубку. Слушает, говорит: «Да, сейчас». И, вставая, мне: «Извините, шеф зовет!» Я ему: «Мы не закончили, скажите, пусть две минуты подождет». Лицо редактора стало серым от такого предложения. Что-то промямлив, он убежал, заплетая ноги чиновничьей суетливой поспешностью. Я ушел.

Слава богу, что я вот уже лет 15 как нигде не служу. Последнее место работы – журнал «Волга», но то была именно работа, а не служба. Идут столетия, а служивость в России все та же: снизу угодливість, сверху – высокомерие и хамство.

Человек, которого почти нет

На самом деле он есть. Он даже не очень стар и непоколебимо бодр. У него есть книги, читатели и почитатели. У него есть революционные теории, имеются последователи и сторонники. Некоторые, как водится, радикальней своего кумира. И все же он чувствует: он на грани исчезновения. Поклонников все меньше, меньше шума, известности. И он идет на митинг, на демонстрацию, устраивает акции, пикеты, шумит, дерзит, его забирают и почти сразу же отпускают, интернет обсуждает, он доволен: есть еще порох в пороховницах! Те, кто уважают его иные таланты, с грустью смотрят на него. Но все чаще из вялой толпы зевак слышится: «А кто это?»

Невермор

«Время рассудит». «Время расставит точки над и». «Когда-нибудь оценят!» Это всегда было утешением. И действительно, время часто восстанавливало справедливость. Кафка, Ван Гог... Но сейчас, когда информационное пространство безмерно, когда все больше слов, изображений, звуков – и часто замечательных, уникальных, но тонущих в море мусора и кривых суждений, начинают закрадываться сомнения. Если о литературе, я знаю авторов, достойных внимания НАМНОГО большего, чем имеют. В частности: Валерий Володин, Сергей Солоух, Роман Шмараков. В 100 раз интересней многих, о ком все болтают. Будем надеяться на потом? Но один опытный издатель сказал: «Поверьте, то, что не прочитают сегодня, не прочитают уже никогда».

Невермор. Неужто правда?

Скупой писарь

Я знаю человека, ушибленного писательством, который скаречно трясется над каждой минутой, забирающей творческое время.

Жалеет, что на чистку зубов, бритье и душ уходит не меньше получаса, но без этого не может.

Обед дольше 20 минут считает бессовестно затянутым. Завтракает за работой. Ужин – 10 минут.

На любом мероприятии, в любом застолье терпит не больше часа, потом придумывает повод уйти или удаляется по-английски.

И даже во время занятий любовью он нередко думает о текстах.

Его утешает лишь то, что большинство женщин в это время тоже думает о завтрашней готовке, работе, детях... И не пора ли побелить потолок.

Бедный писарь...

А может, счастливый...

Дмитрий КАРАПУЗОВ

Рассказы

Моя дорогая Клаудия Шлиффер

Мужик я еще не старый, тридцать один год только, но вот личная жизнь у меня не сложилась. Женился я после армии, жили мы вместе, все, вроде, нормально. Шесть лет прожили. Жили-жили, все нормально. А потом оказалось: она уж год как с другим встречается. Я, говорит, к подруге. Вот так вот. К подруге и к подруге. А от «подруги» возвращается – ничего. Как ни в чем не бывало. И в глаза смотрит, и все нормально. И я нормально: ну что ж, бабу взаперти держать, что ли? Пусть сходит к подруге. Дурак я был. Сейчас поумнее стал.

Развелся я. Квартиру разменяли – ей однокомнатную; мне комнату в коммуналке.

Ладно, говорю, дорогая, раз уж такой расклад, подпиши, что от алиментов отказываешься. Так она заявляет: а ты ж себе еще машину с гаражом забираешь! Вы поняли? Зрассьте, говорю! Я этот гараж своими руками по кирпичику сложил! Еще кто-то будет гараж мой со мной делить! Вот это здорово! Я, говорит, с ребенком. Я говорю: неизвестно еще, чей это ребенок, что-то больно быстро родила. Я, говорю, тоже грамотный, считать умею. Ну, в общем, так и разошлись. Я ее потом, когда открылось это дело, спрашивал: я тебя что, не обеспечивал? Как мужчина не удовлетворял? Нет, говорит, удовлетворял, обеспечивал. Тогда, говорю, в чем причина такого поведения? Молчит. Ты, говорю, скажи: что не так было? Молчит. Ну, скажи, говорю, я ни бить, ничего не буду. Я просто понять хочу: почему? Молчит и все. Не будем, говорит, об этом. Ладно, не будем, так не будем. Но мне просто интересно... Ну, есть алкаши, непутевые всякие. Ну я-то чем не хорош? Кроме зарплаты, шабашу еще. Я, вообще, жестянщик. Все в дом, все в дом. На себя я что тратил? Да ничего – купишь пива иногда, и все. Инструмент в магазине я вообще никогда не покупал – все с работы приносил. И все у меня было. И то сказать: в магазине не очень-то накупишься по этим ценам. Я вот заходил недавно: стоит стремянка. Обычная такая стремянка, ничего особенного. Знаете, сколько стоит? 2500. Нормально, да? За стремянку – 2500! Я такую сам за один вечер сделаю.

И дрель там, и станочек заточной, трансформатор сварочный – все у меня с работы было. Магстеру, кладовщице магарыч поставишь, они спишут, заберешь. Что помельче, так можно, без магарыча, а это, инвентарное – только через них. Новое, конечно, не дадут, новое они себе берут. Ну, новое – не новое, работать-то можно. Разберешь, почистишь, подкрутишь – и вперед. Я только перфоратор с рук купил у одной тетki, у нее мужик в гараже повесился, ну и она распродала все. Оно и понятно: на что ей перфоратор? А деньги-то нужны, дурак-то этот троих детей ей оставил, мал мала меньше. Недорого продавала, если честно – совсем дешево, я и купил.

Ну и вот, значит, была у меня шлифмашинка. Болгарка, то есть. Ну, старенькая, да. Тоже с работы. Ну и дошла она уже до ручки. До своего естественного предела. Там и движок уже не тянул, и шестеренки сработались, и много чего еще другого было. Делал я шабашку одну хорошую, а она – все. Никак. Мучился я с ней, мучился, надоело. На работе к мастеру подошел: так и так, говорю. Надо. Мне бы хоть какую, но чтоб работала. А он говорит: Вань, какую шлифмашинку, ты чего? Нету ни хрена у нас, ни нового, ни старого, ничего нет. На всю мастерскую одна болгарка, и та на ладан дышит.

Это правда, инструмента не давали нам. Ничего не давали: ни инструмента, ни оснастки, ни метизов, ничего. А чем работать? А чем хотите. Их это не колышет. Кризис, говорят. Ага, кризис. Директор на «мерсе», главбух вообще на «бугатти» – это у них кризис такой. Ну и ладно. Мне-то это, вообще-то, по большому счету, все равно. Всегда так было и всегда так будет. Ничего тут не изменишь, бог с ними – у них своя жизнь, у нас своя.

Дмитрий Карапузов родился в 1964 году в Свердловске. Живет в городе Нововоронеже Воронежской области.

Ну, в общем, рассчитался клиент за шашку, и решил я себе новую шлифмашинку купить. Пошел в магазин. Ну, лежат они там на прилавке разные: и такие, и растакие, и эдакие, и разэдакие – выбирай какую хочешь. Ну и цены, соответственно...

И лежала там одна. Маленькая такая, как игрушечная. Я на нее сразу внимание обратил. Ну, и не то, чтобы купить, а просто интересно стало: что за штука такая, несерьезная на вид? На цену поглядел – цена недетская. А что, спрашиваю, дорогая такая? Ну и продавец там начал заливать: да вы знаете, какая это штука замечательная, движок у нее супер-пупер, хоть и маленький, но жутко мощный, искусственный интеллект, микросхемы там, и вся такая надежная, системы безопасности всякие... Обычно-то в таких магазинах тетки за прилавком стоят, что ни спросишь про какую вещь – ничего не знают. А тут мужик этот, он сам хозяин. И язык у него, надо сказать, хорошо подвешен, повелся я немного. А он сразу заприметил это, хват ее с витрины и сует мне. И, знай, продолжает свою линию гнуть: солидная фирма, немецкое качество и так далее... А сам сует ее мне прямо в руки: попробуйте, говорит, какая удобная. Ну, взял я. Просто подержать – он же сует. Взял – и как-то в руку она сразу хорошо легла. Да, гляжу, правда: легкая, удобная. Симпатичная такая. Благородная даже, ну да: фирма есть фирма, ничего не скажешь. А мы всё только лапти вяжем, видать на роду написано.

Ну, в общем, приглянулась она мне. Вот бывает так, очень редко, но бывает: видишь вещь, и она тебе сразу нравится. Вертишь, крутишь, отойти не можешь. Потом вспомнишь, сколько на кармане да сколько недель до зарплаты осталось, поставишь обратно на полку, вздохнешь да и пойдешь себе дальше. Пивка купишь в качестве утешения... А тут клиент рассчитался, деньги были малость, да я еще и поддатый слегка был... Я, вообще, не злоупотребляю, но тут, просто по случаю, что шашку большую закончил и клиент рассчитался полностью. Принял чуток. А этот-то видит, что покупатель добрый, ну и давай стараться. Заболтал он меня.

Ну, в общем, взял я ее. Взял, да. Еще насадок всяких и прибамбасов к ней прикупил – гулять так гулять.

Ладно, следующий день суббота – прям с утра понес в гараж. Там как раз порезать надо было кое-что. Заготовки всякие.

Настроил, включил. Попробовал. Чисто, быстро – раз и всё. Я просто поразился. Давай еще резать. Уже потолще металл. Без проблем: чик-чик – готово! Сварил заготовки, шлифовальный круг на нее поставил, начал зачищать. Отлично. Просто отлично – такое впечатление, как будто металл под ней мягче становится и податливеей. Погладил я ее: ну, говорю, подруга, спасибочки тебе, чувствую, говорю, мы с тобой развернемся тут.

Закончил я работу, налил пивка. Сижу – приятно мне. Вот, думаю: умеют делать люди! А мы – только лапти. Да, думаю, за такую вещь и такие деньги отдать можно.

Ну и пошла у нас жизнь... Резка, шлифовка, зачистка, полировка – все, что хочешь. Доски на яме менял – купил диск по дереву, попробовал. Доски, сороковку, режет как бумагу. За пять минут все порезал. Поставил круг наждачный – отшлифовал. Быстрей и чище, чем рубанком.

Обороты у нее можно менять от полутора от одиннадцати тысяч. Фильтры на воздухозаборнике съемные, защита от перегрева. Как только диск зажимает – она сразу на холостой и выключается. Но это если уже конкретно зажало, а не так, чтобы чуть что – и вырубилась. У меня такое всего пару раз было. С болгаркой той раздолбанной, что раньше у меня была, даже и сравнивать нельзя. Про то говно, вообще, и вспоминать не хочется. Это как после «жигулей» на «мерседес» пересестся. Я, вообще-то, на «мерседесе» не ездил ни разу, но, наверное, ощущения те же.

И вообще, когда вещь новая – ощущения совсем другие. А не то, что когда до тебя у нее уже другие хозяева были. Раздолбаи какие-нибудь. Или как на работе, там вообще: берет кто попало, через сотню рук пройдет, так что с ней будет? Понятно что.

Назвал я ее Клаудия Шлиффер. В школе мне эта тетка очень нравилась, Клаудия Шиффер, фотки ее собирал, из журналов вырезал. Ну и назвал похоже: Шиффер-Шлиффер. Помню тогда еще, хоть она мне и очень даже нравилась, думал: что это за фамилия такая: «шиффер». Смешно как-то. Вот у меня фамилия хорошая: Чеканкин. Крепкая фамилия, звучная. А Шлиффер уж всяко лучше,

чем шифер этот глупый. Клавой никогда не называл – не шло ей это имя. Так и говорил: «Клаудия».

Господи, что мы с ней вытворяли! Такие фигуры выписывали, что во сне не приснится! Однажды кусок листа металлического так расписали – горы там, море, облака. Мужики потом глядели, не верили, что шлифмашинкой сделано. Я его потом лаком покрыл и на стенку повесил. С ней я чувствовал, что могу все.

Ну, понятно, никому не давал ее – еще чего! Мужики просили пару раз – я не дал. Сосед тоже. Дай, говорит, на дачу трубы порезать. Приспичило. Двадцать лет они у него валялись, поржавели все, а тут приспичило. Нет, говорю, извини. Другое что всегда давал, говорю, сам знаешь: талёжку, дрель, перфоратор... Всё давал. А это не могу. Посмотрел так: ладно, говорит, не можешь, так не можешь.

Так Лешка, вообще-то, парень нормальный, компанейский, но вот тоже: вечно просит все. То ему дай, это дай... Задолбал. А у самого в гараже ничего нет, одни пассатижи столетние сбитые. Мужик называется. Да купи ты, ёпт, если тебе надо. Я ж купил. И то, еще: пока не напомним, не отдаст. Вот очень надо: я за ним еще бегать должен! Однажды переноску выпросил. Я говорю: «Она мне сейчас нужна будет». – «Вань, две минуты!» Ладно, дал. Полчаса прошло – не несет. Ладно, сам пошел. Глядь – у него уже замок висит! Да ну чтоб тебя, ну мне же край как надо! А ему пофиг. «Вань, братишка, извини, забыл!» Смеется – все ему легко и просто. Все до фонаря. «Вань, я тебе пива поставлю». На хрена мне его пиво – я себе сам куплю, если надо. Кстати, так и не поставил. Чтобы каким делом занимался – это нет. А зачем? Придет в гараж, музыку свою врубит – ничего не надо. И одно тетки к нему шастают. И тетки-то, что удивительно, на вид нормальные, не шалавы. А вот как им не стыдно по гаражам таскаться-то у всех на виду? По гаражам одни шалавы таскаются. Бродят тут такие чучелы – все что хочешь за стакан портвейна. А эти нет – нормальные на вид. Одна к нему ходила – двое детей, муж есть, я его знаю хорошо. Нормальный мужик, не алкаш, ничего такого, хозяйственный мужик. И вот чего ей этот Лешка? Прощелыга он обычный, если разобраться. Так просто, пустое место. Языком только молоть может.

Я ее, как работу закончу, подальше ложить стал. Чтоб не обращали внимание всякие. А то разные тут ходят. И такие ходят, что только не зевай.

Было у меня – разговаривал с ней. Ну и что тут такого? Похвалишь ее, скажешь что-нибудь приятное... Ну и Лешка этот, опять. Калитка открыта была, я спиной стоял. «О, Вань, это с кем это ты тут любезничаешь?» Неловко мне как-то стало. Не по себе. Господи, думаю, за каким принесло тебя опять? «А я подхожу, слышу: Ваня по ушам кого-то гладит. Вот это да, думаю, кого это он привел?» Господи, ну что за человек: на месте не сидится – лишь бы только шастать. Еще и болтать станет...

С тех пор я, когда в гараже с ней работал, калитку стал на шпингалет закрывать – проходите мимо, ребята, ну вас на фиг.

Три года так прошло. Пролетело как три месяца. Как лето пролетело, три года эти.

Ну и вот, значит, поднимал я на талёжке бак из нержавеющей стали. Для мужика одного делал. Там крючок был ввернут... За него зацепил. Еще подумал: что-то слабоват. Но понадеялся...

В общем... разогнулся крючок этот...

П.данулся этот бак об пол. Грохот страшный. Почти полтонны.

А она на полу лежала.

Вот, никогда ее на пол не ложил, никогда. На верстак там, на полку, еще куда – на пол не ложил. А тот раз положил...

Вдребезги.

И вот, стою я, гляжу на нее, и одна мысль в голове: пять секунд назад она целая была, пять секунд, пять секунд всего лишь...

Так оно в нашей жизни: ничего потом не вернешь, ничего не исправишь.

Собрал я все в пакетик, поехал к мужику одному. Он все ремонтирует – телевизоры, пылесосы, микроволновки, любую технику бытовую. Выложил перед ним, говорю: Николаич, деньги дам сколько скажешь и магарыч хороший поставлю. Ты, говорю, только механику почини, а корпус я сам склею. Посмотрел он на все это и даже не притронулся. Головой покачал. Вань, говорит, да ты

сам глянц: что тут чинить-то? Да я, в общем-то, и сам знал, что бесполезно. Так, последняя надежда. Давай, говорит, на запчасти заберу, двести рублей дам за нее.

Сложил я все обратно в пакетик и домой потопал.

Выпить я тогда хотел – не смог. Не лезет. Точно только еще больше, и все. Не лезет.

Утром в город поехал, в мастерскую. В одну, другую, третью... Нигде не берут. Все. Финита ля комедия.

На следующий день поехал я, там, в рощицу одну. Выкопал ямку, положил ее в фирменной коробочке ее, со всеми причиндалами: с кругами этими, что остались, с насадками всякими, все, что я там накопил ей за три года...

Ну, вот и все. Вся, в общем, история.

Ну, шлифмашинку я купил потом другую. Такую точно не стал покупать, даже в магазин тот больше не заходил ни разу. В другом месте купил. Другой фирмы и размером побольше. Непривычно было держать сначала, неудобно. Да и потом не привык. Ну что еще сказать? Ну, да, тянет хорошо, да. Но... Как-то... Не знаю как объяснить... Включишь – работает, выключишь – не работает. Вот и всё. Вся музыка.

У Клаудии голос приятный очень был, дружеский такой голос, как будто песню поет, я ей подпевал иногда. Энергия у нее в голосе какая-то была. Заряжала она меня этой энергией, хотелось, прям, еще больше чего-нибудь сделать. А у этого голос резкий такой, грубый. Мужской, в общем, голос. А уж гомосексом-то я точно никогда не был.

Витька

памяти Миши Нечаева

В тот вечер было сразу два звонка. Сначала пьяным голосом требовали Анжелу, игнорируя Витькины объяснения, что никаких Анжел тут нет и быть не может, а через буквально минут десять снова позвонили, и Витька подумал, что опять Анжелу, но оказалось все иначе:

– Вы кем приходитесь Михаилу Васильевичу Фролову? – спросил Мишку женский голос.

– Не знаю, – удивился Витька. – А кто это?

– Ваш номер у него в записной книжке был. Я всем звоню. Он умер сегодня ночью от сердечного приступа.

– Это Мишка Фролов, что ли? – дошло, наконец, до Витьки. – Мишка? Умер?

– Отпевание послезавтра в одиннадцать тридцать в городском морге.

И пока Витка собирался что сказать, там положили трубку.

С Мишкой они были закадычными друзьями. Не разлей вода, можно сказать. В школе всегда вместе, и в путяге потом. После путяги Мишку на ТЭЦ направили, а его, Витьку, сюда.

– Вот это да! – сказал Витька. – Вот это номер!

Он положил трубку на рычаг и задумался.

У него, значит, мой телефон был – думал Витька. – А вот его у меня не было. Был, но затерялся как-то. А он хранил. На вечере встреч тогда последний раз... О, Господи! Мишка, Мишка, где твоя улыбка? Ну, раз такое дело – придется за чекушкой идти.

За чекушкой Витька принялся обдумывать все перипетии предстоящего мероприятия. Как это все, в общем, повернуть.

Во-первых, отгулы как-то надо взять. Вот тут, кстати, да, вот тут могут быть заморочки. Витька вздохнул и, чтобы смягчить неприятное, налил, выпил и закусил малосольным огурчиком. Да должны отпустить, что же они, не понимают, что ли?

Нет, во-первых, надо составить список затрат. Дебет-кредет, так сказать. Прикинуть, во что это все выльется. Сколько на дорогу надо и так далее.

Нет, во-первых, все-таки, расписание. Про поезда узнать: как, что, во сколько, и тогда уже определиться с отгулами. И деньги посчитать, сколько там получится за все про все. Мани мало на кармане, похоже, занимать придется. Зарплата, черт, как назло, давно была. Еще и алименты...

Витька пересчитал наличность. Две тысячи сто пятьдесят. Даже на билеты не хватит. И, кстати, в чем ехать-то? Брюки есть, туфли, ладно, эти сгодятся. Куртка... Мишка ведь начальником был, значит и публика будет соответствующая. Костюм надо – вот что. Да, для такого дела нужен именно костюм. Витька знал, как меняет его костюм: сразу другой человек! В костюмчике, конечно, сейчас не по сезону, но если легкий свитерок под пиджак одеть, то оно будет в самый раз. Так вот ведь заковыка – костюмы-то здесь не продают! Это только в Центре. Ладно, тогда придется на дизеле пораньше и там купить. Денег, главное, достать.

Утром, перед работой, Витька зашел на вокзал, узнал расписание и сколько стоят билеты. Все получалось, вроде, складно. Поезд туда уходил из Центра сегодня вечером в 20:43, приходил завтра в 07:48 утра. Поезд оттуда уходил в 18:40, то есть, получается почти целый день там, значит, всё что хочешь можно успеть совершенно спокойно, и в Центр обратно поезд приходит в 06:52 утра, послезавтра. Витька записал все это в записную книжку. До Центра дизель ходит каждые два часа, на маршрутках тоже можно, но Витька не любил на маршрутках – тесно, неудобно, и вообще не любил, как тогда тот парень блевать начал, или последний раз охламон этот развалился на полтора сиденья – почему подвинуться нельзя? Почему они никогда не подвигаются? Хотя, впрочем, бывает и по-другому: девушка в короткой юбке сидела напротив, когда деньги передавала ноги расставила, все видно. Салатовые. Тьфу, ладно, не об этом! Итак, значит, отгулов нужно полдня после обеда, потом целый день, потом еще полдня до обеда. Должны отпустить.

Главное, чтобы не начал вспоминать старые грехи, – думал Витька, подходя к кабинету начальника, – а то как начнет вспоминать, тогда горячиться начинает. Сам себя заводит, а зачем? Все же можно спокойно обсудить. Но, хотя, конечно, понятно – должность нервная.

– Николаич, ну, в общем, тут такое дело... – Витька протянул Николаичу заявление на отгулы. – В общем, друг у меня умер... вчера сообщили... как снег на голову... в школе вместе друзья... и в путяге тоже...

Начальник взял витькину бумагу, почитал, потом поднял на Витьку глаза:

– Вы что, е.нулись все сегодня?! Вам что, на работе делать нех.я, вы уже все сделали, да?! Один после именин просохнуть никак не может, другой, видите ли, тещу на операцию везет – нашел причину! – у третьего кто-то там, блять, умер в тридесятном царстве!

– Николаич, друг ведь, вчера позвонили вечером, я сам в шоке, и Прохоров не возражает... – Витька показал на корявую отметку Сереги Прохорова «не возражаю» на заявлении.

– Ты погляди на календарь – ты глядел? Какое число сегодня? Теплотрасса, блять, вся раскрыта, трубы все раскопаны к х.ям! – распаялся все больше Николаич. – Х.й ли вы там ковыряетесь уже которую неделю?

Витька хотел сказать, что он-то тут вообще причем? – он всего лишь сварщик, и мало что тут от него зависит, но вместо этого сказал:

– Так, Николаич, там менять все надо!

Это совершенно справедливое замечание почему-то очень сильно разозлило Николаича. Он схватил ручку, сильно швырнул ее об стол, ручка отскочила, полетела на пол и покатилась.

– Блять, еще один умник! Спасибо, глаза открыл! Лишь бы, блять, пи.дануть что-нибудь! «Менять», е. твою мать! А где я тебе трубы новые возьму?! Где?! Ну что молчишь, как пень?

Витка не знал, где берут новые трубы, наверное их откуда-нибудь привозят.

– Высу р я их, что ли?! «Менять!» Через десять дней отопительный сезон, ага, щас начнем трубы менять, самое время!

Витька поднял с пола ручку и положил Николаичу на стол.

– Николаич, друг ведь... сидели вместе...

– Где вы сидели? Что ты несешь?

– В школе, Николаич, и в путяге тоже... за одной партой и... и Прохоров подписал...

– Да х.й ли мне твой Прохоров, что ты заладил? Нашел отмазку! «Прохоров подписал!» Да он тебе что хочешь подпишет, он вообще не здесь живет, а на Луне! «Подписал!» Молодец, блять! А варить он, что ли, за тебя будет? А? Чего молчишь? Вот я его сейчас отдеру, чтобы думал хоть не-много, прежде чем подписывать!

Витька вздохнул: теперь и Сереге попадет за него.

Николаич устался на шкаф с документацией и нервно постукивал кончиком ручки по ногтю большого пальца.

– Когда кончится весь этот бардак? – спросил Николаич у шкафа с документацией. – Каждый год одно и то же. Что же это за е. твою мать, блять, за такое, почему мы никогда отопительный сезон не можем встретить нормально?

После этого актуального вопроса повисла тишина. Витька молчал, молчал шкаф с документацией, и Николаич тоже молчал.

Помолчав немного и побарабанив пальцами по столу – тошно было так, как будто по сердцу барабанил, – Николаич схватил Витькино заявление и сунул в кипу каких-то листов.

– Ладно, иди отсюда.

Витька не понял: отпускают или нет?

– Ну, так, значит, я это?.. поеду я?

– Выйди, я тебе сказал, из кабинета, не мозоль глаза! Уе.ывайте, блять, хоть все, всё равно от вас толку никакого.

Витька быстро вышел из кабинета, чуть не зацепившись карманом за ручку двери. Фу, блин! Слава Богу, главный вопрос решили. Ну, теперь вперед!

Прямиком с работы он двинул к тестю, занимать десять тысяч. Получилось! Пришлось, правда, выпить четыре чашки чая и обсудить внутреннюю политику. Дальше – домой, собираться. Да и то сказать: что там собирать? Зубная щетка – вот и все сборы. Полотенце в поезде дадут.

Налегке Витька отправился на вокзал. Сел на дизель и доехал до Центра. Там он сразу рванул в Центральный универмаг.

Ну, вот тебе, пожалуйста, и костюмчики! Выбирай – не хочу!

Померив то и другое, Витька выбрал, наконец, нормальный такой, за четыре с половиной. Не, серьезно: вполне себе костюмчик. Висел там, конечно, один... но... но цена!

Витька с удовлетворением осмотрел себя в зеркале в примерочной: вот это совсем другой коленкор! Еще бы, конечно, туфли лакированные черные... Ну да ладно! Все еще у нас будет!

Свою одежду, в которой приехал, Витька запихал на выходе из универмага в урну. Он нарочно для этого одел в дорогу допотопную куртку, которую выбросить не жалко, вдобавок с безнадежно сломанным замком, и старенькие брюки – там уже задница светилась как сито, прям поддувало при попутном ветере.

Ну, теперь и по пивку можно! А заодно и в поезд чего купить.

На вокзал Витька пришел за сорок минут до отправления. Купил газетку, сел в зале ожидания. Туда-сюда – и поезд объявили.

С попутчиками повезло – в Витькиной плацкарте ехали домой с лесозаготовок веселые ребята. Ребята поставили на стол что у них было, и Витька тоже поставил.

Утром Витька первым делом обнаружил, что пиджак у него, скорее всего, украли. В пиджаке была ручка, записная книжка и всякая другая мелочь. Денег в пиджаке не было – Витька был ученик и деньги с паспортом держал всегда в нагрудном кармане рубашки, застегнутом булавкой. В туалете в зеркале Витька заметил, что щека у него с левой стороны припухла немного, потому что матрац сполз с верхней полки и Витка упал вместе с матрасом вниз и ударился лицом об столик. И еще брюки пообмялись немного – Витька забыл их снять на ночь. Но, насчет брюк, Витька подумал, что это не страшно и там его поймут: с дороги ведь человек.

На вокзале до Витьки дое.ались менты, хотели забрать, но не забрали. Витька еще подумал: вот хорошо бы, если бы у него телеграмма была – телеграмму покажешь, и сразу отношение к тебе другое. Тут он вдруг совершенно неожиданно вспомнил, что забыл сдать начальнику смены наряд на монтаж задвижки. Ох, блин, пиндос-паровоз! И как это он забыл? Ну понятно, день был такой.

Витька спросил проходящего мимо железнодорожника:

– Скажите, где тут у вас пункт междугородней связи?

– Сроду не было, – ответил железнодорожник и пошел дальше.

Витька зашел в кафешку, погреться типа. И спросил там заодно, где можно позвонить по межгороду. Ему сказали, что на узле связи, тут недалеко.

В зале узла связи, на втором этаже, было тихо и народу не было никого, только тетка в окошке. Витька подошел к окошку.

– Здравствуйте, девушка, а межгород где можно заказать?

Тетка показала на телефонный аппарат, висящий на стене. Витька подошел к телефонному аппарату, но вспомнил, что не помнит код. Вернулся к окошечку, спросил у тетки. Тетка взяла журнал, листала, листала, нашла код и сказала. Витька сказал «ага, спасибочки» и опять пошел к телефонному аппарату.

Телефонный аппарат был блестящий, современный, с кнопочками, на кнопочках значки какие-то. Ладно, разберемся, это всего лишь телефон. Но что-то Витька, наверное, все-таки не так делал: номер срывался все время.

– Девушка, а что-то не набирается.

– Карточку надо вставить, – сказала тетка.

– Карточку?

Тетка молчала.

– А что за карточка такая? – повторил вопрос Витька.

– Обычная карточка, не знаете что ли?

– А сколько стоит?

– Есть по сто, двести и пятьсот.

– А по пятьдесят нету?

– Нету.

– Да мне там буквально два слова сказать.

– Мужчина, карточки по сто, двести и пятьсот. Вам понятно?

– Понятно. Дайте одну по сто.

Витька купил карточку и опять пошел к телефону. «Вот коза! – думал он. – Видела же, что я без карточки номер набираю! Чего ж не сказала? Вот коза!»

С этой карточкой дурацкой Витька потыркался-потыркался, но все-таки телефонный аппарат он победил. Раздались-таки длинные гудки, там сняли трубку и Серега сказал: «Да!»

Витька старался говорить трезвым голосом, уверенно и по-деловому:

– Сереж, ну, в общем, еду я, все нормально, и слушай, я там это... наряд не успел сдать на задвижку на врезку, он у Макарыча на столе в папке... – но Прохоров оборвал его на полуслове и, закончив разговор напутствием: «Витя, иди в пи.ду, не до тебя сейчас!», бросил трубку.

Витька сказал в пикающую трубку: «Ага, ну давай, Сереж, хлопочи там, ну пока», забрал карточку, с достоинством глянул на тетку и степенно вышел из узла связи.

Так, одной проблемой меньше. Настроение у Витьки улучшилось. А тут и кафешка как раз. Витька зашел. Дербализнул еще соточку. Спросил, где у них тут секунд-хенд. Секонд-хенд оказался хрен знает где, чапать и чапать, но на похороны Витька успевал и при таком раскладе – он четко контролировал график.

В секунд-хенде куртки были всё какие-то пестрые: то фиолетовые с желтым, то красные с зеленым и с коричневым. Была одна черная, как раз, что надо, но на спине дракон дурацкий, совершенно ни к чему. Витька поковырял дракона ногтем – можно ли отпороть? – но нет, похоже, нельзя, плотно пришили китаезы, наверное, в подвале каком-нибудь, бывшем бомбоубежище, например.

Он выбрал одну, более-менее. Поношенная немного, но по цвету вполне подходящая для похорон. Витька втихаря надорвал подкладку и вытребовал за это у продавщицы скидку.

На улице Витька поискал в карманах – нет ли чего, иногда, бывает, люди деньги так находят или лотерейные билеты, но нет, ничего абсолютно не было. Ну что ж, за сто пятьдесят рз такую курточку – это, в общем, неплохое приобретение.

На похороны Витька попал вовремя, всё тип-топ, как надо. Никого он там не узнал – всё были какие-то неизвестные мужики и тетки. Впрочем, и Витьку там никто не знал. «Что это за рванина пьяная?» – спрашивали друг у друга родные и близкие покойного.

В субботу вечером, как обычно, пошли к бабушке в баню. Днем Вера бороздила канаву у дома и зачерпнула резиновым сапогом воды. Тайком от мамы они с отцом помыли сапог и поставили у батареи – сверху он высох, но ткань внутри все еще была влажной, так что Вера по дороге старалась опираться не на всю ступню, а только на пятку. На мамины вопросы, почему она хромает, Вера только морщилась. Скоро у них будет собственная баня, и она сможет хоть десять раз набирать воды в сапоги – идти все равно никуда не надо будет.

Первыми шли мыться Вера и мама, с красными пластмассовыми тазиками в руках и пестрыми полотенцами через плечо. Баня уже протопилась, и Вера спасалась от горячего пара на полу, упорно отказываясь забираться на лавку. Она поглядывала в мамину сторону, в который раз удивляясь различиям между ее телом и своим. Мама плеснула в ее сторону ковш прохладной воды, Вера с визгом подпрыгнула.

Они вытерлись, накинули халаты, куртки, и, соорудив на головах чалмы из махровых полотенец, вышли из предбанника. На улице пахло густой весенней влагой с терпкой примесью надвигающихся заморозков.

Отец ушел в баню следом, прихватив прошлогодний березовый веник и пахучее пихтовое масло. Мама легла на диван в комнате с телевизором – так, чтобы краем глаза просматривать кухню и прихожую. Вера осталась с бабушкой у плиты, скинула мокрое полотенце с головы, с трудом натянула колючие шерстяные носки на еще влажные ноги. По оконному стеклу зашелестела снежная крупа.

– Бабуль, видела нашу новую баню?

– Видела, видела. Построите – совсем меня забудете, – вздохнула бабушка, вынимая из холодильника маринованные помидоры, квашеную капусту и трехлитровую банку березового сока.

– Нет, бабуль, никогда не забудем! Ты же меня читать научила, – оторвалась Вера от разглядывания огуречной рассады, стоявшей на подоконнике. – И ещё в дурака играть.

– Тише ты, – шикнула бабушка через плечо и продолжила, постепенно повышая голос. – Еще как забудете! Останется у меня только Галка одна. Да и та замуж выйдет и тоже ходить перестанет!

– Ага, выйдет она! – крикнула мама из соседней комнаты, убавив громкость телевизора. – За тридцать лет ещё ни разу не вышла – так до пенсии в старых девах и прокукует.

– Не за тридцать, а за двадцать девять! – бабушка будто восприняла вопрос о Галкином возрасте на свой счет.

– До тридцати-то немного осталось. Хорошо хоть квартиру получила! Хоть бы без мужа уже, дядя себя бы родила.

Родители никак не дарили Вере ни брата, ни сестры, и она давно уже мечтала о собственном ребенке. Вера знала, что для этого сначала надо выйти замуж, но вряд ли кто-то возьмет ее в жены, пока она не выпустится из детского сада. Если только Иванов из младшей группы, но он ходит в колготках – Вере всегда было немного неловко за него.

– Мам! А как без мужа родить?

– Не подслушивай, тебя это не касается. Только попробуй мне в подоле принести, когда вырастешь, я тебя сразу предупреждаю! А Галке уже скоро поздно будет.

Вера пожала плечами. Она не совсем поняла, чего ей не полагается носить в подоле, и почему

Ольга Гришаева родилась в 1980 году в селе Седельникове Омской области, где жила до 17 лет. В 1997 году поступила в Омский государственный университет на исторический факультет. В 2006 году окончила Литинститут им. Горького в Москве. Работала журналистом, в пресс-службах различных компаний. Замужем, воспитывает сына.

Галке можно без мужа родить, а ее это не касается.

– Свести у тебя нет, такое про родную сестру говорить, – бабушка разметала по столу тарелки и заглянула в соседнюю комнату. – Лучше познакомилась бы ее с кем-нибудь! Вон у вас на работе за-вхоз развелся, мне Маруся-уборщица сказала.

– Нужен он Галке – черта с два. Родила бы давно уже сама и воспитывала бы.

Входная дверь распахнулась с чавканьем. Галка, появившаяся из-за нее, отерла капли с лица, встряхнула и повесила на крючок у двери куртку.

Бабушка кивнула в ее сторону и принялась с усердием нарезать хлеб, мама прибавила звук теле-визора. Галка нахмурилась и огляделась с вызовом.

– Галочка, – подошла к ней Вера. – Галочка моя. Роди мне ребеночка маленького! Ну пожалуй-ста! Хоть без мужа...

– Слышь ты, чучело, – Галка зыркнула из-под челки в сторону Веры. – Еще раз рот откроешь, по зубам получишь, ясно?

Из глаз Веры хлынули слезы, она со всех ног бросилась к матери.

– Мам, а че Гала меня чучелом называет!

– Галка! Не смей ребенка обижать!

– А чего вы тут обсуждаете опять? Поговорить больше не о чем?!

– Галка, остынь! – заволновалась бабушка. – Нагреешься в бане еще.

– Смотрите, какая цаца нашлась! – завелась мама. – И родила бы, кто тебя за это осудит... Вос-питали бы!

– Давай, советуй, много ты воспитала – свою, вон, от матери не забираешь. Возьми и роди вто-рого, если одной мало!

Вера зажмурилась, открыла рот в три раза шире, и дальнейшая перепалка доносилась до нее, как сквозь толстую стену.

Красный после бани отец возник в дверях, впустив в комнату прохладную весеннюю свежесть, и, покачиваясь, направился к дивану. Все на секунду притихли и тут же закричали, перебивая друг друга:

– С легким паром!

Через неделю бани не было – отец повез маму с бабушкой на рабочем уазике в Камышино на поминки. Детский сад в субботу не работал, так что Веру с утра отвели к Галке, в ее квартиру, мыться и ночевать.

У Галки Вера сразу залезла на диван и принялась ковырять цветочек на покрывале. Галка за-нималась субботней уборкой, гремела на кухне тарелками, стульями, дверцами шкафов. Когда дел больше не осталось, она пришла в комнату, постояла с минуту, глядя в окно, и опустилась в кресло напротив. Потом подняла глаза на Веру:

– И чего молчим?

Вера не ответила, продолжая теревить покрывало.

– Обиделась, что ли?

Та молча помотала в ответ головой.

– Выходить тут не за кого, понимаешь? И родить не от кого. Одни идиоты кругом.

– Не одни! Мама с папой мои поженились, вон.

– И че хорошего? Баню уже второй год построить не могут.

На тумбочке запиликал телефон, Галка подошла – звонила ее подружка Лосева. Вера сразу ее узнала, она болтала без умолку, громко, так что ей было всё слышно даже с дивана. Галка морщи-лась и отставляла трубку от уха – Лосева звала их в гости, но она не хотела, говорила, что Вера у нее.

– Галка, бросай ломаться, так и просидишь все выходные. Приходи, давай! И девчонку бери с собой, игрушки ей найдем.

Галка, наконец, согласилась и положила трубку.

– Собирайся. Лосева сегодня замуж вышла, отмечать пойдем.

Вера обрадовалась – ей очень хотелось попасть на настоящую свадьбу. Правда, Лосева была толстая, и она никак не могла представить ее в пышном белом платье – таком, какие носят только

невесты и принцессы. Сейчас Вера боялась пропустить что-то важное и торопливо натянула красную шапку с большим помпоном. Галка помогла ей залезть в рукава куртки, обхватила шарфом ее воротник и завязала узлом на шее сзади.

Телефон зазвонил еще раз: Лосева просила по дороге зайти в магазин за хлебом.

На улице смеркалось. Единственный фонарь на здании сельсовета был виден издалека – Вера и Галка шли на его свет.

– Галка, а у Лосевой фата длинная?

– Чегоооо?

– Ну это... фата.

Галка приостановилась на секунду, расхохоталась так, что закашлялась и еле смогла говорить:

– Ну ты как скажешь! Ты что, думаешь, свадьба у них была? Так она второй раз замуж выходит, расписались – и все.

Вера ничего не поняла, но повторила вслед за Галкой: «Расписались – и все».

– Она же сначала замужем за Лосевым своим была, ребенка ему родила – Вовку. Потом Лосев у кого-то лошадь угнал, его посадили, и она на развод подала. А потом Калаш из Сургута приехал, да тоже не подарок – наркоман, болтается вечно где-то на севере. Тут уж не до фаты.

– А кто такой «наркоман»?

– «Терминатора» смотрела вчера по телеку?

– Только немножко с начала, потом мне папка сказал спать идти. Там мужик одежду отбирал у всех.

– Вот и наркоманы тоже отбирают. И продают потом.

Вера несколько раз повторила новое слово, пробуя его на вкус и пытаясь примерить к кому-нибудь из знакомых. Слово ни к кому не шло.

Они приближались к центру села. Со стороны клуба доносились удары музыки, в окнах мелькали огни, мимо прохаживались девушки в коротких юбках и тонких колготках. Вере было их жалко, они наверняка мерзли.

Галка замедлила шаг, когда они поравнялись с клубом, и стала всматриваться в силуэты куривших на крыльце парней.

– А ты, Галка, почему на танцы не ходишь? – спросила Вера.

– Че позориться-то. Старая уже. Засмеют, – буркнула она, но сама продолжала вытягивать шею, глядя на темное крыльцо.

В магазине собралась небольшая очередь, в числе первых в ней стояла бабушкина соседка Тихоновна с фиолетовыми волосами свежей покраски. Она спросила у Галки, когда вернется с поминок родня, поинтересовалась, куда они идут, хмыкнула и взялась за нерасторопную продавщицу. Вера присела на корточки у прилавка, Галка поглядывала на настенные часы, хмурилась, но в разгоравшийся между Тихоновной и продавщицей скандал не вмешивалась.

В дверях появился нетрезвый вихрастый парень в распахнутой куртке, из-под которой виднелась полосатая майка-тельняшка, на груди торчали редкие волосы.

– Привет, красавицы! – крикнул он всей очереди.

– У-у, зальют бельма сначала, а потом им все красавицы, – переключилась на него с продавщицы Тихоновна.

– Имею право! – он картинно притопнул ногой. – Братишка мой женился сегодня. Слыхали про такого – Калаш? На Ленке Лосевой. Оба-на!

– Ага, женился, а сам в тот же день на север укатил! Вон, и гости свадьбу отмечать идут – без жениха, – Тихоновна показала на Галку и Веру и засмеялась. – Бабым коллективом!

– Вы чьих будете, такие красивые? – обратился он к Галке, расплывшись в улыбке, и потрепал по голове Веру. – Дочка, наверно?

Галка, цокнув, посмотрела на него тяжелым взглядом.

– Евсеева она, – откликнулась Вера. – Галочкой зовут. А я ей племянница, Вера.

– Галочка, значит... Как птичка, – он замаслился, зарозовел, а через секунду грохнулся на колени, схватил Галку за руку и закричал: – Красавица, выходи за меня замуж, а? Меня Анатолий зовут, можно Толик. Калаш – братишка мой. Из Сургута мы.

Галка процедила сквозь зубы: «Что ж за уроды-то кругом?», шумно выдохнула и уставилась в потолок.

– Ну почему сразу уроды? – обиделся Анатолий. – Может, у меня любовь к тебе.

Тихоновна, расплатившись с продавщицей, включилась в разговор с двойной энергией:

– За таких, как ты, только и выходить! Брат твой, вон, Ленку Лосеву отлупил на прошлой неделе так, что руку ей сломал – пришлось в больнице гипс накладывать. Она сказала всем, что упала, но синяк-то под глазом не скроешь! Еще и расписалась с наркоманом этим. Слава богу, он сразу на север уехал – Ленкины синяки хоть успеют зажить. Хороша невеста!

– Так, всё! – встрепенулась Галка. – Вы, Наталья Тихоновна, купили, что хотели? Вот и нам дайте купить.

Тихоновна неодобрительно покачала головой, проверила еще раз содержимое сумки и вышла.

Анатолий оперся на прилавок и придвинулся к Галке поближе.

– Галочка, ты не слушай всяких. Калаш – он, может, и правда отлупить не дурак. А я не такой. У меня собака старая жила, шестнадцать лет ей было, ходить под себя начала. Так я не смог ее убить, отвел к Калашу – тот ее и повесил.

– Добрый какой! – Галка расплатилась с продавщицей и положила хлеб в пакет.

Продавщица распорол пакет с семечками и начала щелкать, с интересом поглядывая на Анатолия.

– И на жену я бы руки не поднял – ни-ни. Не такой я. Клянусь.

– Дядя Толик! – Вера дернула его за край куртки. – Галка за тебя все равно не пойдет, женись на мне лучше! Мама мне ни брата, ни сестричку родить не хочет, а так у меня свой маленький будет.

– Я для тебя староват, подруга. Давай лучше я на тетке твоей женюсь, а ты к нам нянчиться приходи.

– Всё, хватит болтать, пошли уже, – Галка взяла Веру за руку и потащила к двери.

– Пока, девчоночки! – крикнул им вслед Анатолий.

У Лосевой с порога пахло вкусной едой. Сама она в длинном розовом халате, действительно чем-то напоминающем платье невесты, выплыла встречать их в сени, пряча забинтованную руку в шелковых складках. Вера приглядывалась то к одному ее глазу, то ко второму, но при слабом свете прихожей следов синяка было не различить. Вера с разочарованием вздохнула.

– Вы чего так долго?

– Да привязался в магазине пьяный хмырь какой-то. Сказал, что он брат твоего Калаша, – Галка повесила куртку слишком резко, сорвала петельку и рассердилась еще больше.

– Толик, наверно? Он сегодня у нас был. Ему тут понравилось, хочет за братом переехать.

Вера вбежала в комнату – в ее центре стоял раздвижной полированный стол, покрытый цветной клеенкой и заставленный едой, между салатницами виднелась бутылка водки. На угловом диване угрюмо сидел толстый мальчик лет семи – сын Лосевой Вовка.

– Мы одни, что ли, тут будем? – поинтересовалась Галка, покопавшись рукой в тарелке и вытащив ломтик помидора. – А где жених?

– А че нам жених? Мы и сами прекрасно отметим. Садитесь, гости дорогие! – Лосева взяла бутылку, налила себе и Галке по стопке. – А ты, Верка, морсу попей. Вовка, иди сюда тоже!

Вовка встал и, громко топая, ушел в другую комнату.

– Ну и хрен с ним, – сказала Лосева, опрокинула рюмку и отправила следом соленый огурец.

– Ленка, а правда у тебя муж – Терминатор? – спросила Вера. – Мне Галка сказала.

Лосева искоса посмотрела на Галку и заколыхалась от смеха:

– Ну, может не совсем... но что-то в нем есть такое, мужественное... Ой, у меня же там фаршированные перцы еще, – вспомнила она и побежала на кухню.

– Не Терминатор, а наркоман, – вполголоса заметила Галка, обратившись к Вере. – Только Лосевой об этом не говори. О таких вещах не говорят.

Вера кивнула – она не хотела выглядеть перед взрослыми глупой, поэтому ей часто приходилось соглашаться с тем, чего она не могла понять.

Лосева вернулась, держа в руках кастрюльку с фаршированными перцами. Им с Галкой захоте-

лось поболтать наедине, и Веру отправили в комнату к Вовке.

Игрушки у Вовки были старые – несколько машинок, по большей части сломанных, конструктор, в котором не хватало деталей, да мятые пазлы. Сам Вовка все время молчал.

Вера покрутила в руках колесо от грузовика, без интереса покопалась в пазлах и предложила Вовке пожениться. Он не был ее идеалом – молчалив и толстоват, но за неимением лучшего выбирать не приходилось.

– А что мне за это будет? – Вовка не хотел сдаваться без боя.

Из ценных вещей у Веры дома был только игрушечный телефон, который не только проигрывал мелодии при нажатии на разные кнопки, но и мог записывать и воспроизводить голос. Этим телефоном Вера дорожила, но мысль о собственном ребенке была куда более заманчивой, поэтому после недолгих сомнений ее лучшая игрушка оказалась на кону. Вовка долго не хотел верить на слово, что она отдаст ему телефон, но в итоге сдался.

Вера попросила его принести ручку и бумагу, а сама сорвала с подушки тюлевую накидку и прицепила ее к заколке на голове. Вовка вернулся с вырванным из тетради листочком в клеточку и коробкой фломастеров.

– Надо расписаться теперь, – сказала Вера и вывела на листке большими красными буквами: «ВЕРА».

Вовка еще раз напомнил про телефон и нарисовал под Вериной подписью петельку. Вера схватила у него из рук листок и закружилась с ним, крича и смеясь: «Ура, у меня будет ребенок!» Ей захотелось поделиться этой новостью с Галкой.

В комнате все еще стоял накрытый стол, но за ним не было ни Галки, ни Лосевой. Вера, подерживая накидушку рукой, побежала по коридору на кухню – оттуда доносились всхлипывания, тянуло табаком. Лосева курила на подоконнике у открытой форточки, зажав сигарету свободными пальцами загипсованной руки, дым задувало обратно в комнату. Халат ее распахнулся, обнажив полные ноги с узелками вен, по щекам размазалась тушь, под глазом проступил синяк. Галка сидела рядом, подперев подбородок.

– Галка, а я замуж вышла – вперед тебя! За Вовку, – Вера показала листок с подписями. – Я ему телефон пообещала, чтобы он на мне женился. Теперь жду ребенка.

– Никто тебе не разрешит телефон отдать – он, знаешь, сколько стоит? – мрачно заметила Галка. – Иди и разведись, пока проблем не заработала.

Лосева перестала всхлипать, затушила окурок о чашку и сказала:

– Прежде чем советы давать, надо самой хоть раз попробовать. А то у некоторых ни счастья, ни несчастья нет.

Галка фыркнула, поднялась с табуретки и велела Вере собираться.

На улице совсем стемнело. Вера высоко поднимала ноги и осторожно ступала, стараясь не залезть в грязь.

– Галка, а почему Лосева ревела?

– Да наркомана ее повязали сегодня, героин продавал. При мне звонили из города, сообщили.

Посадят теперь, сто процентов.

Утром отец привез маму и бабушку с поминок. Вера, придя домой, взялась за ревизию чемодана с игрушками. Прослушала все мелодии на своем телефоне, записала куплет песни про тонкую рябину, которую они выучили с бабушкой, несколько раз сняла и положила трубку. Еще раз изучила корявые подписи на бумаге в клеточку, оглянулась на лежащего в игрушечной коляске пупса, одетого в ее старые ползунки, и нерешительно разорвала листок.

В следующую субботу Галка в баню не пришла. Мама с бабушкой накинулись на Веру с вопросами, знакомилась ли Галка с кем-нибудь и что вообще говорила. Вера смогла вспомнить только «брата Терминатора», но в это знакомство никто не поверил – подумали, что сочиняет.

В августе праздновали Галкину свадьбу. Жениха, который уже на выкупе слегка не вписывался в двери, поддерживали под локти Верин отец и свидетельница невесты Лосева. Галка смеялась и вся светилась от счастья. На ней было пышное белое платье – из тех, что носят только невесты и принцессы, а голову окутывала воздушная фата.

Приходил Валерка Бородин

Новость о возвращении Валерки Бородина облетела деревню в считанные часы. Вера услышала об этом у колонки, куда они с бабушкой каждый вечер отвозили на железной каталке пустую сококалитровую флягу, чтобы потом тащить ее назад полную воды. Вера бегала вдоль очереди, когда подошла бабушкина соседка Тихоновна и сообщила, что Валерку выпустили по амнистии, а так бы сидеть ему еще два года. Очередь из разноцветных платков на несколько секунд умолкла. Началось обсуждение с прихлопыванием по бокам и неопределенными восклицаниями.

Бабушка взгромоздила на каталку вспотевшую флягу, капли с которой темными шлепками падали в дорожную пыль, и решительно потащила ее в сторону дома, продолжая начатый в очереди разговор уже с Верой:

- И если увидишь Валерку Бородин – сразу ноги в руки, разворачивайся и марш домой!
- Почему?
- Почему, почему! Да он сел, когда ты еще на свет не родилась!
- Куда сел-то, бабуля?
- В каталажку! Жене своей голову отрезал.

Вера засмеялась. Каталажка представилась ей похожей на бабушкину железную каталку для фляги, на которой восседал какой-то Валерка и кивал всем встречным направо и налево. «И как он только на ней помещается? Она же неудобная», – гадала Вера. А уж как Валеркина жена обходилась без головы, было совсем непонятно.

– Как же он отрезал-то, бабуль?

– Как, как! – бабушка резко остановилась, бухнув каталку с флягой об асфальт. – А вот так! – и провела большим пальцем по шее. – И тебе отрежет, если будешь с ним разговаривать!

Вера притихла – остаться без головы ей сейчас совсем не хотелось. Бабушка с пяти лет готовила ее к первому классу, и она уже научилась писать печатными буквами. Без головы никаких букв у нее не получится, а тогда не видать ей и школы. Придется всю жизнь ходить в детский сад, играть в «каравай» и лепить фигурки, а потом под надзором нянечки Полины Борисовны отдирать пластилин от пола за провинности. Вера задумалась и твердо решила, что ни в какие разговоры с Валеркой Бородиным вступать не будет.

На следующий день отец вытащил из сарая старый трехколесный «Урал» с люлькой и полдня возился с ним во дворе. Мотоцикл не поддавался. Вера сидела рядом на траве и следила за цветными проводками, которые отец соединял в разной последовательности.

– На, поиграй, – он протянул дочери свечу зажигания, покрытую белым фарфором.

Свечка оказалась довольно тяжелой. Вера покрутила ее в руках и положила в передний карман юбки, который сразу отвис.

– А мама говорит, что нечего тебе этот мотоцикл ремонтировать, – Вера прищурилась точь-в-точь как мать и сложила руки на груди. – Только впустую время тратить!

Отец усмехнулся и вытащил из кармана пачку «Примы».

– Почему впустую? – запыхтел он, шевеля усами. – Мне он вместо друга. Знаешь, сколько мы с ним пережили? И на картошку ездили, и на лося ходили...

Он обошел вокруг мотоцикла, похлопал его по бензобаку.

– Лося пришлось частями из лесу вывозить – большая скотина была. Сколько в жизни всего интересного было, эх... Жалко ленивый я, а то бы дневник вести и записывать – потом вспоминать интересно. А так не помню ничего.

– Как это – дневник?

– Ну берешь тетрадку, пишешь, какой день, а потом что произошло. Так точно не забудешь.

Вера попыталась вспомнить, что интересного было в ее жизни. Самым ранним воспоминанием оказался опрокинутый шкаф в средней группе детского сада. Ей тоже захотелось вести дневник, и чтобы в нем было побольше интересных событий.

Беременная Ласка загромыхла цепью в другой стороне двора и разлаялась. Из-за приоткрытых ворот показалась коротко стриженная голова со сморщенным в улыбку носом. За ними появилась серая ветровка, надетая поверх тельняшки, грязные штаны и резиновые сапоги.

Отец выронил гаечный ключ и привстал с табуретки:

– От твою ж мать – Валерка! Бородин!

– Здорово, старик.

– Ну заходи уже, не стой там в воротах...

Валерка Бородин неумолимо приближался. Вера с ужасом посмотрела на его щербатый рот и разрыдалась.

Отец с Валеркой обнялись и долго хлопали друг друга по лопаткам.

– Это твоя, что ль? – оскалился гость в сторону Веры.

– Моя, подрастает.

– Ты че ревешь, свиристёлка?

Вера завопила еще громче. Отец взял ее за руку и показал Валерке на табурет:

– Садись, щас приду.

Он отвел девочку в дом, включил телевизор и ушел к Валерке. Вера на пару минут отвлеклась на кота Леопольда и его мышей, но затем решительно встала, обула у дверей мамины галоши и похлопала во двор. Валерки с отцом у мотоцикла уже не было, их голоса доносились из предбанника. Вера прошла мимо собачьей будки, поленницы и курятника к бане, встала у порога и несколько минут молча следила за тем, как отец достает из-за мешков с комбикормом бутылку самогонки и разливает ее по железным кружкам. Валерка, сидевший рядом на перевернутом ведре, закурил и задумался, глядя в дверной просвет поверх Вериной головы. Морщины на его носу не разглаживались, даже когда он не смеялся.

– Пап, бабушка сказала, если я буду с ним разговаривать, он мне голову отрежет! – выпалила Вера и показала пальцем в сторону Валерки.

– А ты не разговаривай, дочь. Посиди молча. Вон туда, на мешок можешь сесть.

Валерка приподнялся, пошарил по карманам куртки и достал конфету. Вера несколько секунд боролась с сомнениями, но в итоге молча взяла ее из Валеркиных рук. Потом подумала еще секунду, вытащила из переднего кармана свечу зажигания, которую дал ей отец, и протянула Валерке. Тот pokrutil ее в руках, постучал по ладони и сунул за пазуху. Вера подумала, что получился неплохой обмен.

– Ну ладно, я пошла мультики смотреть.

– Иди, дочь. Твое здоровье! – отец с Валеркой чокнулись и, опрокинув по рюмке, страшно закрикали.

Вера вошла в дом довольная, что ей удалось съесть конфету и при этом избежать разговора с Валеркой, но с чувством легкой тревоги за отца. В шкафу родительской спальни она нашла чистую розовую тетрадку и ручку и, сев за стол на кухне, начала очень медленно и усердно выводить крикующие буквы.

К вечеру отец заснул на полке в бане, а Валерка ушел. Мама вернулась с работы и взялась за ужин. Когда отец проспался и вошел в дом, опухший, весь в муке и комбикорме, мама напустилась на него:

– Хлев нечищенный стоит, а ты тут самогонку хлещешь целыми днями!

– Не целыми! Повод был, – пробормотал отец.

– Повод?! Уголовник твой из тюрьмы вернулся – вот так повод! Всех нас перережет теперь! И телевизор унесет!

– Мать, не ори, голова болит...

– Голова у него болит! Да ты посмотри, что ребенок в дневнике своем пишет. Только научилась писать – и уже про дружков твоих, алкашей и уголовников!

Мама побежала на кухню, схватила розовую тетрадку и открыла на первой странице прямо перед отцовским носом. На белом листе была единственная корявая запись:

«ПЯТАЯ ИЮНЯ. ПРИХАДИЛ ВАЛЕРКА БАРАДИН».

Вера прислонилась к косяку и вздохнула. Отец, рассмеявшись, взял дневник, легонько похлопал им девочку по голове и сказал:

– Молодец, дочь.

Мама с негодованием хлопнула руками по бокам и ушла на кухню, продолжая кричать оттуда:

– Давай еще ты мне голову отрежь, как дружок твой своей отрезал! Будет вам с уголовником, о чем выпить! Водись, водись с такими и дальше!

Прошло несколько дней. Вера с бабушкой шли за коровой вечером и встретили на перекрестке соседку Тихоновну. Она сдвинула платок на затылок, наклонилась к девочке, начала щипать ее и сюсюкаться. Вере стало не по себе.

– Внучка-то у тебя ночует, что ли? Тыфу ты эту пылищу, – Тихоновна достала из кармана носовой платок и громко высморкалась.

– Ага, мать в город уехала. Оладушков завтра напечем.

– Смотрите, осторожно там. Валерка Бородин хату снял через дом от вас.

– У Моисеевых?

– А то! Ворота на засов запирайте.

– Уж запрем покрепче!

Вера углядела в однотонном красном стаде кривой рог Буренки и дернула бабушку за платье.

На следующий день они взялись за стряпню, и Вера все думала, как тяжело приходится, наверное, Валеркиной жене без головы. Захочет она, допустим, оладьи постряпать и перепутает соль с сахаром, или сковороду не найдет – что тогда Валерка на обед будет есть? Ей ужасно захотелось посмотреть, как его жена управляется с хозяйством.

После обеда бабушка прилегла на диване, а Вера потихоньку вышла со двора и направилась к дому Моисеевых. У мостика через канаву она ненадолго остановилась, но любопытство так и подталкивало ее к воротам. Она медленно открыла их, тихонько лязгнув железным замком, и на цыпочках вошла в дом.

Валеркиной жены нигде не было. Сам он сидел на кухне и вздрогнул, услышав Верины шаги.

– А, свистелка пришла. Ну садись. Бери вот конфеты.

Вера не стала отказываться и залезла на стул, поближе к тарелке с карамелью.

– Валерка, ты зачем жене голову отрезал?

– Да не помню особо – пьяный был. А она гулящая была. Я еще до женитьбы знал, думал, пройдет у нее. Загуляла, неделю дома ее не было, вот и отрезал.

– Как же она без головы живет, Валерка?

– Так не живет! Померла. Убил я ее.

– Убил! А голова куда делась?

– Похоронили с головой, шесть лет уж прошло.

Вера отвела взгляд на окно – там вдоль дороги рядком ковыляли пятеро белых уток – и вздохнула:

– Бабушка тоже недавно рыжего Ваську убила.

– Ишь ты! Чем это ее скотина невинная обидела?

– Чем, чем! Мышей плохо ловил и на кровать ссался. Бабушка говорит – вздернула на веревочке, и делу конец. А мне жалко так котика! Васечку.

– У меня Мурка окотилась, я двоих оставил. Хочешь посмотреть?

– Хочу, Валерка!

Они прошли через кусты малины в баню. Там в деревянном ящике на газетах спала трехшерстная кошка и двое котят – дымчатый и черный. Вера подняла черного, прижала к себе и начала гладить. Котенок заурчал.

Валерка довольно сморщился, присел на корточки и почесал мамашу-кошку за ухом.

– Хочешь, забирай себе черного.

– А можно?

– Забирай!

Вера еще крепче обняла котенка и сразу побежала, пока бабушка не проснулась, быстро-быстро, словно опасаясь, как бы Валерка не передумал. Спрятала котенка в кладовке, устроила ему гнездо из бабушкиного пальто и тайком принесла молока в блюдце. Котенок напился и уснул. Весь оставшийся день Вера бегала к нему, а бабушка никак не могла понять, почему внучка сегодня так часто просится в туалет.

Перед сном Вера еще раз наведлась в кладовку. Котенок написал на бабушкино пальто и распищался, скучая по матери. Вера решила взять его к себе в постель. Бабушка, услышав мяуканье, прибежала к ней в комнату:

- Это кто еще у тебя?
- Котенок...
- Вижу, что не собака. Где взяла?
- Валерка Бородин подарил.
- Валерка? Бородин?! А ну-ка давай его сюда!

Вера накрыла котенка руками и завопила во весь голос:

– Бабулечка, дорогая! Ну давай оставим котеночка! Ну прошу тебя! Он такой хороший! Я заберу его к себе, буду воспитывать...

Бабушка сердито отвернула голову:

– Завтра позвоню отцу, пусть несет его обратно к этому уголовнику!

Девочка обливалась слезами, котенок пищал.

– Ты злая! Ты меня обманула! Я разговаривала с Валеркой, и он не отрезал мне голову!

– Отрежет еще, погоди! Чтобы больше не было никакого Валерки! А котенок твой если гадить будет...

– Спасибо, бабулечка! – Вера, не дослушав, уложила котенка рядом с подушкой и залезла под одеяло, счастливая.

На следующий день они с бабушкой отнесли котенка в дом родителей Веры. Мама, вернувшаяся из города, тоже отругала Веру за Валерку Бородина, но разрешила оставить его подарок при условии, что девочка будет кормить его сама. Котенок быстро освоился и через несколько дней уже бегал по дому с Верой наперегонки. Валерка у них больше не появлялся – отец теперь ходил к нему сам и Веру с собой не брал.

Несколько недель спустя котенок охотился на мух во дворе и выбежал из-под ограды на дорогу. Вера кинулась за ним и едва успела схватить перед проезжающей машиной. Отряхнув пыль с его шерсти, Вера подняла глаза и узнала Валерку, шедшего по противоположной стороне дороги. Он помахал ей рукой.

– Ну че, котенок-то? Обжился?

– Ага, игрuchий. Назвали Черника. Это кошка ведь.

– Дай-ка погладить, – он подошел и взял котенка, но тот никак не хотел спокойно сидеть на руках. Вера забрала его назад и поинтересовалась:

– Ты с работы идешь?

– Не, не берут меня на работу. Я ж из тюрьмы. Не хотят. Скоро жрать нечего будет.

– А ты картошку посади.

– Раньше надо было. Не поспеет.

– Тогда конфеты можно есть, Валерка.

Издали послышался крик, Вера с Валеркой обернулись. Прямо на них неслась Тихоновна, бабушкина соседка, в развевающемся, как флаг, платке.

– Ах ты гад! Дубина ты, убийца! Ты чего ребенку мозги пудришь, сволочь ты тюремная! Как вас, таких гадов, выпускают только! Всю жизнь бы тебе сидеть за решеткой!

Она подбежала к ним, вырвала у Веры из рук котенка, а саму ее схватила за плечо и потащила к воротам дома.

– Проваливай отсюда! – обернулась она к Валерке. – Иди в каталажку свою! Чтоб тебя разорвало!

Валерка пожал плечами, криво усмехнулся и пошел дальше, прищурившись.

– Девочка моя, не бойся, маленькая. Не обидел он тебя, нет? Сволочь – она и есть сволочь. Сей-час я матери твоей и бабушке позвоню...

Валерка Бородин вскоре пропал. Отец ходил к нему несколько раз, стучался в ворота и звал его, но никто не откликался. Вызвали хозяев, Моисеевых, они открыли дом, но там не было никого, кроме оголодавшей кошки.

Через неделю Вера с бабушкой, как обычно, повезли каталку с пустой флягой к колонке. Слышалось бряканье железных ведер, шумела вода, сама же очередь была непривычно тихой. Там они и узнали, что Валерку сегодня нашли в лесу.

Вера пришла домой, съела конфету, погладила котенка. Во дворе отец разливал самогон, вокруг

него на перевернутых ведрах сидели мужики и выпивали, не чокаясь. Она достала из шкафа розовую тетрадку и ручку, села за стол и кропотливо вывела на бумаге вторую запись:

«ВАСМАЯ ИЮЛЯ. ВАЛЕРКА БАРАДИН ПАВЕСИЛСА».

Вера и смерть

Готовиться к смерти Вера начала с пяти лет, вместе с бабушкой. В разговоре с соседкой та жаловалась на боли в спине и причитала, что ждет – не дождется, когда ангелы протрубят ей отходную и унесут на заслуженный отдых в Небесное Царство. Вечером бабушка взялась за блины, и Вера, наматывая круги около табурета, остановилась и поинтересовалась, в какое-такое царство она собралась. Старушка махнула рукой в сторону позолоченного солнцем подоконника, сказала, что «там, на небе, никто не болеет и всё есть» и «скорее бы смерть пришла, а то сил никаких не осталось вас, оглоздов, воспитывать!». Вера подбежала к окну, забралась под тюлевую занавеску, чихнула от осевшей на ней известки, и, глядя на заходящее солнце, спросила, будет ли на небе велосипед. Получив в ответ утвердительный кивок, она всем сердцем пожелала умереть как можно скорее.

Вера ждала смерти каждую минуту и, памятуя о том, что дедушка, которого она никогда не видала, умер во сне, засыпала, ожидая увидеть утром у дверей новенький велик с непременным сигнальным звонком и сияющими катафотками. Однако смерть все не приходила.

Бабушка откладывала на похороны с каждой пенсии. Лаковые туфли были уже готовы, в шкафу висел выходной костюм двадцатилетней давности, обработанный нафталином. Она регулярно снимала его с плечиков и чистила, поскольку на тот свет нужно отправляться в лучшем виде – событие это все-таки ответственное и случается всего один раз в жизни. Вера подумала, что приход смерти хорошо бы ускорить, а то велосипеда не дождешься, и тайком начала готовиться вместе с бабушкой. Покопалась в мешке с носками, вытащила одинаковую белую пару и спрятала в коробке из-под электрического чайника. Этого ей показалось мало – забравшись в шкаф, она отыскала зеленую атласную комбинацию с кружевами, которую бабушка никогда не надевала. Кружевной шлейф волочился за ней по полу, и лучше наряда для Небесного Царства было не найти – сорочка отправилась в коробку к носкам. Все было собрано к смерти, и вот-вот она должна была забрать Веру. Девочке представлялось, как едет она по Царству на велосипеде и за спиной ее развеваются атлас и зеленые кружева.

Но смерть как будто смеялась над Верой. Вместо нее она забрала соседа дядю Петю Качалова – помер он от сердечного приступа, а работал сторожем на овощебазе. Половина Лосинога собралась хоронить дядю Петю – кто пришел ради поминок рюмку-другую пропустить, кто просто поглазеть на покойника, а кто и правда попрощаться хотел. Бабушка тоже собралась на кладбище, и, к большой радости Веры, прихватила внуку с собой.

На подходе к кладбищенским воротам слышались крики и плач. У земляной насыпи на деревянных табуретках стоял обшитый красным сукном гроб, где спал тощий дядя Петя с посиневшим носом. Рядом лежала пара пластмассовых венков от коллектива овощебазы и один неподписанный. Его жена, краснолицая Варвара, один за другим совала в руки стоявшей рядом дочери использованные носовые платки с воплями «что ж ты так рано от нас ушел» и «на кого оставил», выхватывала их назад и сморкалась по второму кругу. Дочь дяди Пети тоже плакала, всхлипывала и несколько родственных старушек. «И чего они режут, радоваться надо, – думала Вера. – Все у человека будет теперь, даже велосипед». Пришел, шатаясь, и Верин отец – он прижимал к груди початую бутылку, оступился и едва не угодил в могильную яму. Бабушка со злостью схватила его за шиворот, а отец, утирая слезу, закричал: «Это все вы, бабы! Сгубили парня, теперь и шкалик раздавить не с кем!» Тут уж на него накинута целая орава бабушкиных подруг, которые вытолкали его прочь. А Вера, увидев всеобщее замешательство, бросилась наперерез к покойнику, принялась трясти его за рукав и кричать: «Дядя Петя, ну как же ты помер, скажи? Забери меня с собой!» Бабушкины подруги переключились на Веру, оттащили ее от гроба и принялись шушукаться, что ребенок, вишь, чувствительный, и так переживает смерть соседа – по большому-то счету алкаша и бездельника. Дядю Петю опустили в могилу, Вера рыдала в полный голос – вместе с красной материей гроба исчезала под землей ее велосипедная мечта.

За столом вспоминали покойника и говорили – ну слава Богу, хоть сено успел скосить. До кар-

тошки, правда, не дожил, придется Варваре с дочерью самим копать, а поле-то соток тридцать, не меньше. Им теперь столько и не надо, в заготконтору по три рубля сдадут, – глядишь, и денег вырчат. Вера жевала маринованные огурцы и донимала расспросами бабушку – если человек в гробу лежит, значит, он уже мертвый? Бабушка кивала и говорила, что без гроба хоронить никто не будет.

На следующее утро Вера не могла дожждаться, когда мама уйдет на работу. Детский сад был закрыт на месяц – там травили тараканов и красили забор, так что Вера сидела дома то с отцом, то с бабушкой, которая жила неподалеку. Сегодня она еще не пришла, и девочка перебирала игрушки, думая о велосипеде и выжидая подходящий момент. Во дворе послышался грохот и ругательства, в дверях появился отец – не с первого раза ему удалось вписаться в проем. Он поднял палец вверх и медленно опустился на пол, растянувшись по всей прихожей. Вера, не обращая внимания на пьяное бормотание отца, вытащила из голенища его сапога молоток и поволокла по коридору. Возле кухонного шкафчика остановилась, открыла дверцу и, встав на цыпочки, попыталась достать заржавевшую банку из-под кофе. Удержать ее не получилось, гвозди с грохотом рассыпались по полу – Вера еле успела присесть на корточки и прикрыть голову ладонями. Отец выкрикнул: «Стой, стрелять буду!» и через несколько секунд снова захрапел. Она положила несколько гвоздей среднего размера в передний карман и, прихватив молоток, вышла из дома.

Вверху не было ни облачка, пахло тмином, разросшимся по всей ограде. На куче песка, вытянув лапы, спала беззаботная Баська. Вера обогнула малинник, пару раз ойкнув из-за крапивы, и остановилась у жирных лопухов. Там валялись сломанные ящики из деревянных реек, в которые, если их починить, можно было поставить банки с вареньем и на зиму опустить в погреб. Вера сложила коробки в линию и легла рядом, чтобы посмотреть, сколько штук ей потребуется.

Сделать одну коробку из трех оказалось не так-то просто. Занозив пальцы и кое-как скрепив две, Вера отправилась на подзаправку – в это время на обед с работы как раз вернулась мама. Отпинав отца, мама с криком всучила ему в руки ведро и отправила кормить куриц. Вере тоже перепало за рассыпанные гвозди, вымазанную юбку и царапины на руках и коленях.

После обеда девочка со всех ног побежала к лопухам. Отец с пустым ведром лежал в малине – перед этим он, видимо, топтался вокруг и прошелся по коробкам, безнадежно испортив полдня тяжелого труда дочери. Этого Вера вынести не смогла и разревелась самыми горькими в своей жизни слезами. На крик прибежала собиравшаяся на работу мама и подоспевшая следом бабушка, вернувшаяся из комхоза. Вдвоем они растолкали отца и, разобрав сквозь море слез просьбу Веры, наперебой стали кричать, чтобы он сколотил ей коробки, как она хочет. Отец, матерясь и проклиная всех женщин на свете, смастерил из реек один большой дырявый ящик. Верины слезы высохли тут же, и с ощущением полной победы она бросилась в свою комнату, чтобы достать узелок с похоронными вещами.

Мама с бабушкой ушли, отец забрался на чердак и захрапел оттуда на весь дом. Вера медленно, чтобы не поломать, протащила ящик через двор, время от времени останавливаясь на отдых, внесла его в большую комнату и положила посередине. Надела перед зеркалом зеленую комбинацию с кружевами, мамины красные босоножки поверх белых носков, легла в гроб и закрыла глаза.

Сколько времени прошло? Может семьдесят лет, а может семь минут. Перед глазами Веры мелькали лица, предметы, события, все кружилось хороводом – знакомое и незнакомое. Во сне или наяву – она перестала различать.

Кто-то коснулся ее руки – перед ней стояла женщина со смутно знакомыми чертами, на ней были лаковые туфли и бабушкин выходной костюм. «Верочка, ну вот и дождались мы тебя. Как ты без нас жила? Вспоминала ли?» «Бабулечка, всю жизнь вспоминала», – она приподнялась на локтях и увидела, как в комнату вошла мама. Ее лицо было спокойным и гладким, было видно, что она и не думает кричать на дочь за взятые без спросу красные босоножки. Вере от этого стало смешно и радостно. Мама погладила ее по голове и поцеловала в макушку. «Мамочка, а где же самое главное?» В комнату вошел отец, ведя за руль новенький синий велосипед с блестящими спицами. Отец был трезвым, смотрел печально и словно просил за что-то прощения. Вера выскочила из ящика и, подбрав зеленый подол, бросилась к маме, обняла ее, потом бабушку и отца, подбежала к велосипеду и посигнала несколько раз. Катафотки велосипеда сияли. Из окна во все стороны лился белый, невозможно белый свет.

Дмитрий УЛЬЯНОВ

Инопланетяне

Повесть про людей

Над рекой разразилась гроза. Мы с «Крохой» возвращались на свой остров глубоко за полночь. То и дело горизонт озарялся неистовыми всполохами, и несколько секунд спустя в небе что-то взрывалось. Потом огромная небесная телега на железных колесах тряслась по облачным ухабам, пока не стихала где-то за Волгой, но тут подгоняли новую. И так уже целый час. Гроза уходила на юго-восток.

Я шел под одним гротом, избегая мелей. Этот причудливый подводный лабиринт мне был хорошо знаком, но свежий попутный ветер не давал расслабиться. Выскочишь со всего хода на песчаную косу и будешь сидеть на ней до рассвета, пока кто-нибудь не придет на помощь.

Потрепанная «Кроха» легко слушалась руля. У нее, похоже, было хорошее настроение. Весь вечер пришлось отсиживаться в камышах, пережидая бурю. Меня давно заждались в домике на Зеленом острове, но связаться с берегом не было никакой возможности. И вот теперь, когда ветер немножго поутих, моя маленькая яхта радовалась, что вырвалась, наконец, на свободу. Устремленное в небо треугольное крыло паруса налилось ветром и тянуло нас вперед так, что за кормой плясала веселая волна. Хотелось петь!

Только одна мысль омрачала мое ночное путешествие. Скоро надо будет ехать в Москву. И это сейчас, в разгар лета! Безумие. Но ведь за летом неизбежно настанет осень. «Попрыгунья стрекоза...»

У меня еще были кое-какие сбережения с прошлой работы. Вполне достаточно для того, чтобы прожить до наступления холодов. Аренда фанерного домика на острове обходилась нам с родителями в копейки. Бензин нашей малышке-яхте не нужен, даже мотора нет. А на пиво и продукты у меня хватит.

Зачем я поперся в этот «Юпитер», до сих пор не понимаю. Наверное, купился на громкие слова «международная компания» в рекламном объявлении. «Международная компания набирает сотрудников...»

Хм. А почему бы и нет? Год назад я окончил университет и проходил стажировку в иностранной туристической фирме. Работал там переводчиком, пока контора не накрылась медным тазом. А дело было хорошее, что греха таить! Три-четыре часа работы на презентации и за столом переговоров, вечер через два, масса свободного времени, нормальные деньги, новые знакомые!.. Жаль, жаль. Хорошее было дело.

Я подозревал, что так весело уже нигде не будет. Но надежда умирает последней.

Моя надежда еще дергалась в конвульсиях, когда я направился на собеседование в фирму «Юпитер». Ну, в ту самую, которая производит шоколадные батончики, корм для кошек и собак и еще кучу всего. Наивно было полагать, что «Юпитеру» зачем-то нужны в Саратове переводчики или специалисты в области рекламы (это была моя вторая профессия). В лучшем случае мне могли предложить вакансию специалиста в отделе продаж. Это значит – нацепить дешевый галстук, идиотский костюм и шастать по городу, впаривая дешевые шоколадные батончики на реализацию мелким предпринимателям.

Начало, однако, оказалось многообещающим.

– Let`s go and bye some ice-cream!

Дмитрий Ульянов родился в 1973 году. Окончил романо-германское отделение филологического факультета СГУ в 1995 году. С 1996 года профессионально занимается журналистикой, преимущественно телевизионной: работал корреспондентом, ведущим новостей, редактором, сотрудничал с федеральными телеканалами в качестве регионального репортера. Вел авторскую телепрограмму «Гонка за ветром» на канале НТВ-плюс. Снимает документальное кино («Вернуть пароход» – об истории волжского судоходства, 2010). Пишет сценарии игровых фильмов и сериалов (участие в проекте «МУР», премьера – осень 2011 года на Первом канале). Автор нескольких сотен текстов к песням. Живет в Саратове.

Щупленький голландец, лет двадцати пяти, оказался одним из тех, кого называют «headhunters». Да будь он хоть Ghostbuster, ядрена вошь! Вот теперь зачем-то тащит меня покупать мороженое. Это неспроста! Наверное, он шпион. Надо за ним понаблюдать.

Голландца звали Дирк. Пока мы топали от его гостиницы до лотка с мороженым, он с восторгом рассказывал о достижениях «Юпитера» на рынках кондитерской продукции и кормов для собак. Апофеозом нашей беседы стала покупка того самого мороженного. Оно оказалось той же марки, что и популярный шоколадный батончик. Какое же разочарование я увидел в его глазах, когда я отказался, и вместо этого взял привычный с детства «пломбир» в хрустящем стаканчике! В этом взгляде Дирка было все – и горечь провала Джеймса Бонда, и тоска Штирлица по Родине. Пришлось срочно исправляться и покупать еще одно мороженое.

И все-таки он сказал, что я прошел первичный отбор. До сих пор не понимаю, как я его уболтал и зачем. Неужели на такое жирное место, с семью сотнями баксов в месяц – по тем временам, целое состояние – да еще и служебным автомобилем в придачу, не нашлось больше желающих? Наверное, сработало мое, тогда еще вполне сносное, знание английского. И кое-какая практика в рекламном бизнесе.

– Система Станиславского, – гордо заявил я, облизывая кофейную ложку. Мы с моей двоюродной сестрой сидели в уличном кафе. Я только что рассказал Лили о своем сегодняшнем эксперименте. – Прикинулся, будто я незаменимый человек в его деле.

Лили скептически посмотрела на меня.

– Ты и месяца там не выдержишься, – улыбнулась сестренка. Лучше брось эту затею. Просто сразу брось. Не твое это. Ты даже в школе терпеть не мог всякие собрания, и вообще, весь этот пафос. А в этих американских компаниях все так.

– Откуда ты знаешь? – я сердито посмотрел на сестру. Сердцем чувствовал, что она права. Может, поэтому и упирался. Характер такой.

– Я же все знаю, – пропела Лили. – Я же на телевидении работаю. – и уже совсем таинственно: – А телевидение – это такая разведка.

Узнаю сестру. В детстве мы с ней играли в шпионов. Не помню, кто первый придумал, что на чердаке нашего дома кто-то поселился. Наверное, все-таки я. Потому что жил на последнем, четвертом этаже. Значит, это я первым «увидел» какого-то «мужчину в темных очках, в плаще, с дипломатом и, наверное, с пистолетом». Или что-то в этом роде. А на следующий день его уже «видела» Лили. Так мы и дурачили друг друга придуманными историями о том, как этот «американский шпион» то по веревке спускался с крыши, то что-то фотографировал, то следил за кем-то в бинокль...

– Я знаю, о чем ты сейчас подумал, – от Лили не ускользнула улыбка на моем лице.

– Ты не наигралась в шпионов, сестричка?

– Нет. Представляешь, не наигралась. А ты?

Я пожал плечами.

– Да я бы поиграл с тобой во что угодно. По крайней мере, с тобой не соскучишься.

– Отлично, – сестренка щелкнула пальцами. – А знаешь, давай продолжим твой эксперимент. Давай заключим с тобой пари.

Сестренка у меня красавица. Натуральная блондинка (не подумайте того, что вы сейчас, не дай бог, подумали при слове «блондинка»!). С головой у нее все в порядке, да и с остальным все безупречно – фигура, черты лица, вкус в одежде... Вот только в мужчинах ее вкус иногда дает проколы, 50 на 50. Иногда меня просто умиляет ее уникальная способность выкапывать откуда-то таких экзотических чудовищ!.. Ну да ладно.

– Пари?..

Так, я уже чувствую себя героем шпионского романа. Солнечный день, кафе на побережье. Напротив меня сидит роковая женщина (жаль, что она моя сестра) и смотрит на меня поверх темных очков. Теперь вот, пари предлагает.

– Пари, – подтвердила Лили. – На то, сколько ты выдержишься в этой конторе. Прежде, чем тебя «расколют».

– Расколют! Ха-ха!... Хорошее слово ты подобрала. Вот уж точно. Я буду «Баба Яга в тылу врага».

– Вот, видишь! – и Лиля улыбнулась своей роскошной голливудской улыбкой. – ты ведь и сам понимаешь, что это – не твое. А лезешь. Может, ну его нафиг, братик?

– Н-нет уж! – запротестовал я. – Мы с тобой так давно не играли в шпионов! Пари, так пари. Так, – я хлопнул в ладоши. – Что за условия?

Лиля подозвала официантку и заказала мартини. Самый шпионский напиток.

– Если ты продержишься в этой фирме хотя бы месяц... хотя, нет. Я тебя знаю, ты упрямый. Два месяца...

– То...

– То после того, как тебя оттуда выпрут, я устрою тебя работать к себе на телевидение.

– Круто! – я даже не ожидал. Сестра уже год работала на местном телеканале ведущей. По правде сказать, я давно хотел напроситься к ней. Но у меня принцип – не люблю вылезать на родственных связях. Зато вот пари – это честно. – А если я проиграю?

Сестренка даже растерялась. Зная, как я не люблю проигрывать, она еще даже не придумала мне фант.

– Ну, придумай что-нибудь сам...

Тут меня осенило.

– Я устрою вам с твоим, кто там у тебя сейчас... Виталиком роскошную прогулку на яхте. Шампанское, омары-кальмары, ананасы... – и сам рассмеялся: – а когда он напьется, я его утоплю, – не нравился мне ее Виталик.

– Вот уж спасибо, братец!.. – расхохоталась Лиля. – Чтобы я потом тебе всю жизнь передачи носила? Не надо мне такого счастья. Можно без трупов?

– Ладно, уговорила. Топить не буду.

Лиля потянулась, как кошка, и промяукала:

– Да и Виталика, к тому времени, может, уже и не будет...

Я протянул ей руку.

– Продержусь три месяца.

– Два, братик. Не надо так рисковать.

– Три, сестренка. Два – это слишком просто.

– Ну, смотри. Ты сам сказал, – и пожала мне руку. – Ой, любишь ты все усложнять!

Офис «Юпитера» сразу наваял на меня какую-то вселенскую тоску. Штук пять или шесть компьютеров, с виду совершенно одинаковых. Некоторые были не заняты. За остальными сидели какие-то клерки. Такие же одинаковые, как компьютеры и стены.

Жара несусветная, а они все в костюмах. Чудаки!

Я уселся на свободный стул. Через полчаса за мной пришли. Коренастый парень, чуть старше меня. Серьезный, как мышь в зоопарке.

– Так это Вы и есть Дмитрий?

Я привстал ему навстречу и протянул руку.

– Да, это я.

– Михаил, – он пожал мне руку. Некрепко. Так, нормально. Официально. – Пройдемте со мной.

Не понравилось мне это «пройдемте». И на бейджике у него еще и фамилия была написана: Дурилкин. Вот ведь повезло человеку!..

– А вы хорошо проводите время, наверное? – с чего-то вдруг спросил Миша Дурилкин.

– Почему вы так думаете?

Миша небрежно оглянулся через плечо.

– Загар... На море отдыхали?

Странно. Мне больше по душе, когда мой загар замечают девушки.

– Нет, – ответил я. – Я просто абориген.

Миша опять оглянулся.

– Шутите?

Я не знал, что ему ответить, поэтому сказал правду.

– Я на острове живу.

Миша остановился.

– И как же вы будете работать?

Похоже, он поверил.

– Буду добираться вплавь на каноэ каждое утро.

Вот так я окончательно все запутал. Не мог понять, шучу я с ним, или говорю серьезно. А Миша уже так напрягся, потому что тоже ничего не понимал. Не ответив ни слова, он снова направился куда-то в конец коридора. Когда мы зашли к нему в кабинет, он опять спросил:

– Так, значит, были на море?

Станный он какой-то. Какое отношение имеет к работе, был я на море или не был. И вдруг я понял, что он мне просто завидует. Я решил его пощадить, и второй раз сказал правду.

– Нет. На море я не был.

– Да ладно вы, бросьте. Морской загар сразу видно.

Дался ему мой загар! И я решил его добить.

– Это не море. Это я у себя на яхте загорел.

Миша сперва проглотил, а потом понял, что это несъедобно. Только после того, как он воображаемо отрыгнул (видно было по конвульсивным движениям кадыка, как он старается), мой возможный будущий шеф выдавил:

– Так ты миллионер?

Так мы и перешли на «ты».

Я шел по городу довольный и счастливый. Надо будет рассказать «Крохе», что мы с ней миллионеры. Вместе посмеемся.

Теперь мне предстояло съездить в Самару на смотрины, в региональный офис. По науке это называется «собеседование».

Мне дали денег на поездку, и в кармане у меня приятно шелестело – как-никак, первые деньги от заморского дядюшки Юпитера я уже заработал. Мне это почти ничего не стоило. Оказалось, что самый лучший способ притворяться – просто быть самим собой. В это все равно никто никогда не верит.

Ноги почему-то не привели меня к железнодорожным кассам. Не привели они меня и на автобусную станцию. И даже не в аэропорт. Они привели меня на речной вокзал!

Пароход отыскался сразу же. Он уходил завтра в полдень.

Витек был мне знаком по этому же теплоходу «Инженер Пташников». Однажды я его выручил, стоял за него вахту. Забавная история была. Витек нашел себе хорошенькую подружку, из пассажирок. У них вот-вот что должно было получиться, а тут – облом! С нуля до четырех, хочешь – не хочешь, а стой в ходовом пролете на главной палубе. Может, и делать-то особо ничего не придется. Но вахта есть вахта.

– Зараза! – Витек злобно бросил бычок в урну. – Она сходит завтра в Волгограде.

Мы с ним были похожи, почти как братья. Оба в джинсах и таких же куртках, а под куртками – тельняшки.

– Слушай, Витек, а хочешь, я тебя подменю?

Витек как услышал, так аж засиял, как тот медный поручень, который он минуту назад надраил.

– Диман!... Это идея! В натуре, у нас помкапитана новый, вот только в Астрахани заступил. Он никого еще не знает! Выручай!!!

В эту ночь меня звали Витек Шматко. Я нацепил красную повязку с надписью «вахта» и остался вместе с напарником на дежурстве. Он был такой же курсант мореходки, как Витек.

– Помощник придет, спросит что – скажи, второй курс, на практике. Не будет он выяснять, у кого ты там учишься и где живешь в Астрахани, – Витек тараторил скороговоркой, потому что очень торопился к своей подружке. – Ну все, я погнал. Спасибо, Диман!...

Он уже мчался по коридору, когда вдруг оглянулся и прокричал:

– Ну, если галюны заставят драить, извини!.. – и улетел.

Но обошлось без галюнов. Помкапитана и правда приходил, проверил. Спросил «Как вахта?»,

получил дежурный ответ и с тем удалился. Самая большая трудность на том дежурстве была – это не уснуть. А под утро прибежал Витек с бутылкой водки. Я понял, что день у меня начнется часа в два, и Волгоград я просплю. Потому что сейчас мы напьемся, а потом я пойду спать.

И вот снова Витек. И снова с бутылкой! Интересно, если я приду завтра в головной офис «Юпитера» с бодуна, меня сразу выгонят?

Витек выслушал мои опасения и предложил:

– Тогда возвращайся к нам. Мы в Самаре почти весь день стоять будем. Выгонят – сразу в речпорт. Пойдешь с нами наверх, а дело мы тебе найдем!

– Не сомневаюсь! – улыбнулся я, провожая взглядом хорошенькую девчонку. – У вас опять новый помощник капитана?

Я заметил, что Витек тоже пожирал ее взглядом. Но потом отмахнулся.

– Бестояк. Она тут с мамой. Если только сразу жениться.

– Пока я буду на вахте, ты успеешь жениться.

Мы расхохотались, и Витек открыл бутылку. Пропадать, так с музыкой.

В тот день я многое узнал из жизни астраханских браконьеров. Витек сам был из Астрахани, как и наш теплоход.

– Если у нас всерьез начнут бороться с браконьерами, то проще будет обнести город колючкой и объявить его зоной, чем всех ловить и сажать, – гордо заявил мой приятель. – Потому что все у нас занимаются только рыбой. Никого не е...т, кто ты – мент, моряк или там, я не знаю, директор... Нет, хрен с ним, с директором. Врач, рабочий. Короче, все знают, что ты на рыбе. Посмотри на меня. Знаешь, какая у меня зарплата?

– Рублей триста? – предположил я.

– Угадал! – Витек радостно поднял рюмку. – А я за прошлую навигацию на машину себе заработал. «Шаху» новую поднял, понял?

– Ни х... себе! – вырвалось у меня. – Это как?

– А так! Давай выпьем. Сейчас расскажу.

Звякнули стаканы. Витек откусил пол-огурца и, задумчиво хрустя, начал рассказывать.

– Ты никогда не обращал внимания, что на стоянках душевые бывают закрыты?

– Ну, обращал. Какие-то придурки в них все это время моются. Вода течет, слышно. И не прорвешься, хоть полдня стой.

– О! А ты сечешь поляну. То есть ни хера ты не сечешь.

– А причем здесь рыба?

– А при том. Ты думаешь, там кто-то моется? Правильно. И менты так думают, которые шмон в портах устраивают. У них, бля, операция «Путина». А нам по х... Потому что там никто не моется. Там рыба висит!!! Понял?

Вот это было настоящим открытием!!!

– Лихо!... И что за рыба?

– Осетр. Белуга. Мы ее прямо за хвост к трубе подвешиваем и холодную воду пускаем. И рыба не портится, да и в душ никто ломиться не будет, даже менты. А вдруг там голая баба?

– Ай да молодцы!

– Астрахань, бля. Ну, давай! – и Витек опять наполнил стакан.

– Вот так и возим. И рыбу, и икру. В Волгограде икра стоит уже в два, прикинь, в два раза дороже, чем у нас в Астрахани. В Саратове у вас – в три, и так далее. Сечешь, почему она в Москве?

– Ну, а если найдут?

– А кто? Свои? Да у нас тут все возят. А чужие – ну ты понял...

– Ага! – засмеялся я, – в душе опять будет кто-то мыться.

– По-любому. Ну, давай!

Мы чокнулись и выпили.

– Не, ну бывают, конечно дурачки залетные, – Витек силился прожевать поскорее большой огурец, – пассажиры. Один чудик в том году... Купил осетра в Цаганамане. Здорового такого. Он в «люксе» ехал, у него там холодильник. Думал, порежет и довезет к себе. Я уж не помню, откуда он

был. Сверху откуда-то. А ему сказали: ты, мол, дурак. У них, когда эта «путина» гребанная, они все шмонают. Им по х..., люкс, не люкс.

– И что ему было бы, если бы нашли?

Витек удивленно посмотрел на меня.

– Как что? Все! Как за наркоту. Приобретение, сбыт, транспортировка...

– Охренеть! А употребление тоже?

– Не. Жри, скока хочешь. Только поди докажи, что тебя угостили или случайно подсунули осетрину вместо воблы.

– И что, поймали его?

– Нет. Он как узнал про это, так бегом на камбуз, к нашему коку. «Порежь, говорит, и пожарь. Я угощаю всю команду!» Так и спорили его осетра еще до Волгограда.

– Почаще бы вам такие пассажиры попадались!

– О! – Витек радостно закивал. – Ну, ты понял. Побольше бы таких лохов. За это надо выпить!

Мы сдвинули стаканы и выпили.

– А вот еще был случай. Не у нас. Там, с Москвы теплоход был...не помню, кто. В общем, какие-то шустрые москальщики решили братву нашу астраханскую кинуть. Прикинь, рыбу взяли, а бабла не отдали.

– Да ну? – удивился я, – и как же они это обделали?

– Да никак. Козлы!.. Думали, крутые. А ребята отошли от борта на лодке, да как е.нули бутылку с зажигательной смесью. Потом вся команда тушила. Короче, одно слово – москвичи! Своих-то, астраханцев, они бы не тронули.

Витек прищурил глаз.

– Ты видел когда-нибудь, как рыбу в Цаганамане продают?

Я видел. Картина, достойная Голливуда. Все выглядит, как нападение пиратов. Теплоход, крадучись, пробирается по хитрым извилинам ночного фарватера. Ни один буй не горит – их выводят из строя браконьеры. Капитанам ничего другого не остается, кроме как сбавлять ход до самого малого. И тут начинается представление.

Сперва, где-то в темноте, заводится мотор. Потом второй, третий. Через несколько минут, со всех сторон, к теплоходу подлетают лодки. У нас на Волге их зовут «метлами» – первые модели «казанок», плоскодонные, с приклепанными по бортам треугольными булями. Когда такая лодка мчится на глиссировании по воде, а на корме у мотора сидит один-единственный человек, она и правда напоминает метлу с Бабой Ягой.

Так вот, эти «метлы» окружают теплоход. На каждой стоит мощный мотор, и рулевой не глушит его, а старается удерживать лодку на одной скорости с большим судном. Работают «пираты» командами по трое. Пока один рулит, другой хватается за широкий привальный брус, подтягивается и вылезает на него. Третий подает ему из копиты рыбу, если есть покупатель.

Впервые в жизни я увидел в такой вот моторке огромную белугу. Она была такая длинная, что в лодке не помещалась, и хвост ее свисал с носа...

– А куда же они девают рыбу, если на нее нет покупателей? – полюбопытствовал я. – сами, что ли, едят?

– Если рыбу не берут, ее чаще всего выбрасывают, – с равнодушным видом сказал Витек.

– Пропадет? – нерешительно поинтересовался я, хотя догадывался, что дело не в этом.

– Да, бля, пропадет... Но не в этом вся херня. Засекут, понимаешь? Вот смотри. Взяли мужики осетра. Икру сразу выпотрошили и зашкерили. Да так зашкерили, хрен найдешь. А с такой рыбиной тебя с патрульного за две мили засекут. Вот они и выходят по ночам сбывать ее, понял? Повезло – продал. Нет – утром за борт.

– Это сколько же рыбы пропадает! – ужаснулся я.

– Ага, – жизнемерно подтвердил Витек, разжевывая очередной огурец. – Это у них называется борьбой с браконьерством. Типа за экологию и все такое. А вот разрешили бы нашим ловить эту рыбу и сдавать, как полагается. Все! Никаких бы вопросов.

– Так ее ж и так мало... – попытался возразить я.

– Да кто тебе сказал! – рассердился Витек. – Они, суки, тралами ее ловят и за кордон продают столько – нам и не снилось! А пойдй, поставь какой-нибудь вшивый перемет! Возьмут за жопу – все, не отвертишься. Браконьер! Статья!

– Ну так и дали бы всем ловить... Ну, налоги там. Поделились бы с ними.

Витек посмотрел не меня, как на блаженного.

– Вы тут в Саратове ни хера не в курсе того, что у нас там делается. Ты знаешь, что это за бизнес? Какой же дурак будет его вот так просто отдавать в руки конкурентам?

Конкуренты! Такое простое слово... И как я раньше об это не подумал? Борьба с браконьерством – банальная борьба с конкуренцией?

Витек снова налил.

– А знаешь, как на что осетра ловят? – спросил он, уже неровным голосом.

– На сеть?

– Сам ты на сеть... Осетра ловят на снасть.

– Это у вас так сети называют? – предположил я, зная морские привычки подавлять «береговых» на хитрой замене простых слов особенными.

– Ну вот, опять ты, бля, сеть!.. Говорю тебе – снасть! Знаешь, что это такое?

– Не знаю, – честно признался я.

– Вот, а говоришь. Ты видел гусеницу от трактора?

– Ну, видел. И что?

– Вот прикинь. К этой гусенице вяжут поводки. Много. Дохера!

– И?

– И бросают с лодки на самой стремнине. Осетр идет на нерест против течения и запутывается в этих поводках. Начинает биться и запутывается еще больше. Понял? А поводок толстый, и на нем крючок. Если он вонзился в палец, надо сразу его рубить.

– Поводок?

– Палец! Если ты запутаешься в снасти, когда ее стравливают в воду, тебе уже ничего не поможет. Каждый год знаешь сколько народу так уходит?.. Туда уходит. Понимаешь? Пони...

Фраза оборвалась на полуслове. Я смотрел на своего собеседника. Витек не шутил. Его глаза стали мутными. Но не от водки. Что-то кричащее, задавленное, вдруг прорвалось наружу. Голос у Витьки сделался каким-то зарезанным, придушенным. Он хотел что-то сказать, потом осекся, отвернулся в окно, глотнул воздуха...

– У меня брат так погиб. Год назад.

Витек встал.

– Извини, – и вышел в коридор, хлопнув дверью. Я еще не сообразил, что сказать, но он тут же вернулся. Наши стаканы все еще были полными.

– Давай, – протянул он свой, – за него...

На этот раз мы не чокнулись.

...Витек заснул на койке напротив. У меня в голове шумело, хотя спать я не хотел. За окном было еще светло, но у меня уже совершенно не было желания идти на палубу искать приключений. Знакомиться с кем-то? Лень. Глупо. Я пьян, кому я такой нужен?

Витек заворочался на диване, потом сел, продрал глаза. Рука машинально потянулась к бутылке, он разлил остатки горячительной жидкости по стаканам.

– Послушай, Диман! А хочешь, я тебе корову приведу?

Я не сразу понял, о чем он говорит. Потом до меня дошло. А Витек уже вошел в раж.

– Нет, я серьезно. У нас тут есть одна... Такая, знаешь! А еще их перед каждым рейсом врач проверяет. Бля буду! Сейчас начало навигации, все строго. Чистая, без базара.

Хорошо, что я уже проглотил свою водку. Она уже просилась назад, но на спасение опять пришел огурец. Мне стало стыдно за свою слабость при таком «мужском» разговоре. Конечно, меня не стошнило, как красную девицу. Да и скажи он все то же самое, заменив слово «корова» хотя бы на просто «баба», я бы отнесся к этому спокойнее. Но это...

– Нет, Витек, – борясь с заплетающимся языком, выдал я, – спасибо. Я не хочу. Я напился и хочу спать.

– Ну, как хочешь. А зря! Ладно, пойду я. Давай!

Витек пожал плечами, хлопнул мне по ладони и вышел.

Как ни странно, проснулся я с абсолютно свежей головой. До Самары было еще пару часов ходу. Этого мне вполне хватило, чтобы принять душ, побриться и плотно пообедать. Теплоход – не поезд, здесь можно и брюки погладить и вообще переодеться во все чистое.

Когда я сходил с «Пташникова», вырядившись в клерка, Витек стоял на вахте. Он аж присвистнул, увидев меня.

– В таком виде мы тебя назад не возьмем, – рассмеялся он. – Если тебя попрут из твоей конторы, не забудь переодеться!

Мы пожали друг другу руки, и я пошел искать офис «Юпитера».

Самара ассоциируется у меня исключительно с Грушинским фестивалем. До него было еще дней десять, но уже сейчас на улицах города то и дело попадались люди с огромными рюкзаками. Я все время порывался приветливо помахать им рукой. Но в моем припиженном прикиде они все равно не признали бы своего. Откуда этим туристами было знать, что я – один из них, только временно завербовавшийся «в разведку» с целью совершить «диверсию» в «тылу врага»? По крайней мере, именно так я себя сейчас и воспринимал. Кто я для этих яппи, сидящих в своих безликих кабинетах? Диверсант, партизан. Пришелец. Интересно все-таки, когда же они меня «расколют»? Сколько я еще продержусь?

К обеду я добрался до самарской конторы «Юпитера». Почему все офисы так похожи?

Самарский босс оказался постарше нашего. И выглядел как-то попроще.

– Первый раз в Самаре? – полюбопытствовал босс.

– Не, – ответил я. – Бывал тут. Правда, все больше – проездом. На Грушу.

– Груша? – оживился Босс и расплылся в улыбке. – Груша!... А мы, представляешь, живем в Самаре и не можем туда доехать. Все нет времени. А раньше я, когда студентом был, оттуда не вылезал...

Мне вдруг стало его жалко. Нормальный мужик. По-моему, ему тут совсем не весело. Звали его Алексей.

– Можно просто Леша, – добавил босс.

Полчаса мы с ним проболтали про Грушу. Потом он угостил меня пивом. Так я и прошел собеседование.

«24 часа под парусом» – странное изобретение наших яхтсменов. Это, вроде как, гонка на выживание. Сутки безостановочно крутятся вокруг городского пляжа – то еще удовольствие! Злые языки тут же окрестили регату «24 часа под градусом». Гонка выпадала на предпоследние выходные июля, а в это время на Волге почти всегда штиль. Изредка случается гроза, но ничего особенно хорошего и от нее ждать не приходится. Июльская гроза, чаще всего, приносит кратковременные, но очень сильные шквалы. Нередкий итог – порванные паруса, а то и поломанный рангоут. А потом – снова штиль.

Но мы, все-таки, пришли третьими! Нам вручили дипломы и подарили какие-то смешные электронные часы, которые я тут же нацепил и потом с гордостью носил до конца лета. Так я и приехал в этот пижонский пятизвездочный отель. В тех самых часах за три копейки. Началась моя московская стажировка.

«Где-то я такое уже видел, – подумалось мне. – В каком-то фильме. Вот такой же роскошный отель. Ах, да. В “Красотке”».

Отель был чем-то похож на оперный театр, только вместо партера – огромный холл с фонтаном, а вместо балконов – галереи по трем сторонам квадрата в несколько уровней. Я пялился на это буржуйское чудо и все меньше понимал, что я здесь делаю.

Первой мыслью было ущипнуть себя. Потом подергать за свою одежду. Все нормально. Вот в этих джинсах я лазал по камышам на острове. И та же клетчатая рубашка – от комаров не спасала, рукава короткие. Зато не жарко. Слегка запыленные потертые кожаные шузики с острыми носами – хоть сейчас в стремяна! И рюкзак. Наверное, если бы это был парашют, здешние аборигены удивились бы меньше. Чего я в нем такое таскал, сам не помню. Но дорога без рюкзака и не дорога вовсе.

Я обратил внимание, что вокруг фонтана тусуются люди, которые удивительным

образом не вписывались в интерьер. Наверное, вот так же со стороны выглядел и я. Какие-то нелепые сумки, растерянный взгляд... В конце концов, мы начали сбиваться в стайку. Эдакие воробушки в орлином гнезде.

Администратор уже всех нас переписал и выдал ключи, но попросил пока по номерам не расхотаться. Его, видно, предупредили, что таких вот пришельцев нельзя отпускать в свободное плавание. Да мы и сами знали, что ровно в два часа нас должен встретить представитель компании. Сейчас стрелки показывали без одной минуты.... И он пришел. Секунда в секунду.

Звали его Антон. Это был высокий парень, лет тридцати или поменьше. Он сказал какую-то дежурную приветственную речь и перешел к инструктажу:

- Завтрак у нас в семь тридцать. Автобус в офис отправляется ровно в восемь. Не опаздывать!
- Из минибара напитки не пить!
- Платные телеканалы не смотреть.!
- Машины напрокат не брать!
- Междугородним телефоном не пользоваться! Сейчас я покажу вам ваши номера...
- Вопрос можно?

Антон недовольно посмотрел в мою сторону.

– Слушаю.

– А может, лучше на коврик, под дверью?

Ребята грохнули со смеху.

– Молодой человек, вы так шутите? – Антон постарался смотреть на меня в упор. Как говорят, «просверлить меня взглядом». Но выступивший на чеках румянец выдал его с головой. Мне показалось, он сейчас заплачет. И я пошел на попятную.

– Извините. Да, я пошутил.

– Хорошо... Да ладно, – обратился он уже ко всем. – Давайте на «ты».

Среди нас были два парня из Владика. Обоим за 30. Серьезные ребята. Видно было, что этим парням есть что рассказать о своей жизни. Я заметил, что взгляд Антона будто споткнулся о них. Наш менеджер как-то быстро сник.

Мы сели в стеклянный лифт и поехали на четвертый этаж. Глядя вниз из прозрачной кабины на всю эту кричащую роскошь, я с грустью вспоминал свой милый фанерный домик с комарами размером с пятак и чувствовал себя Крокодилом Данди в Нью-Йорке.

– Послушай, Антон, а сколько все это стоит?

Антон непонимающе посмотрел на меня.

– Ты хочешь купить этот отель?

– Нафиг. Если стану миллионером, куплю лучше яхту. Ты мне скажи, сколько стоит мой номер в сутки.

Антон гордо выпрямился и торжественно изрек:

– Двести пятьдесят долларов.

Я присвистнул.

– Двести пятьдесят баксов? Ты серьезно?

– Абсолютно.

– Так это же... почти две штуки за неделю!

– Теперь ты понимаешь, как много делает компания для своих сотрудников.

– Не-а, не понимаю.

Настала его очередь не понимать.

– Что значит...

– Я не понимаю, зачем все это пижонство. Послушай, можно я возьму деньгами, а? Мне не нужен отель. Поставлю тут палаточку на газоне, и буду жить. Я согласен даже за полцены.

Антон понял, что потерял меня. Его лицо стало каменным.

– Нельзя! – озвучил он почти левитановским голосом. – Корпоративная этика.

Я пожал плечами.

– А по-моему, это просто маразм.

Мы уже вышли из лифта, и теперь шли по галерее. Я понял, что еще немного, и он бросится с балкона, потому что потеряет веру в людей.

– Знаешь, Дмитрий, ты никогда не купишь яхту.

Я похлопал его по плечу.

– Расслабься, приятель. Яхта у меня уже есть.

Я никогда не видел раньше, как дверь открывается при помощи магнитной карточки.

Я никогда не видел, чтобы в номере меняли белье каждое утро.

Я узнал, как выглядит минибар.

Я не представлял, что бывает такое количество кабельных каналов.

Я сделал открытие – уборщицы умеют улыбаться!

Я только одного не мог понять: я-то здесь что делаю?

Первое, что я сделал – позвонил из номера сестре. По межгороду.

– А, – обрадовалась Лиля, – Баба Яга в тылу врага! Ну-ну, мистер шпион, докладывайте!

– Агент Данди – штабу. Прошу разрешения на рискованный эксперимент.

– Слушаю Вас, агент. Кстати, а почему Данди?

– Потому что Крокодил. Потом расскажу.

– Что за эксперимент?

– Я хочу взять напрокат «Мерседес». Это запрещено.

– Штаб – агенту Данди. Запрещено – значит, бери!

– Агент понял. Приступаю. До связи!

Я закрыл номер, вызвал лифт, вошел в стеклянную кабину и нажал кнопку «гараж».

«Гараж» – это скромно сказано. Огромный ангар в подвале отеля. Опять всё как в кино. В этих дурацких боевиках в такие вот ангары обязательно заезжают чернокожие гангстеры на каком-нибудь минивэне, нацепляют маски и бегут куда-то с автоматами.

К счастью, здесь никаких гангстеров с автоматами не было. Вскоре я уже шагал между рядами сверкающих авто в сопровождении любезного менеджера, который предлагал мне машины на любой вкус.

– Я собираюсь ехать на свидание к девушке, – пояснил я ему. Менеджер понимающе закивал и заулыбался.

– Тогда, может быть, вам подойдет «Мерседес»?

Четырехглазый седан темно-синего цвета. Мечта идиота! Автоматическая коробка передач. Неплохо. Но черт ее знает, как с ней управляться. Ага, вот это «D», наверное, значит «драйв». А вот это «P» – «паркинг». По-моему, левую ногу можно смело высовывать в форточку – работает только правая.

«Мерседес» отозвался на поворот ключа дружелюбным урчанием. Любезный механик нажал на кнопку, гаражные ворота поднялись вверх, и через мгновение меня захватил стремительный поток московских улиц.

– Черт побери, и как они здесь ездят?!

Каким-то образом мне вынесло в третий ряд, и уже ничего не оставалось другого, как утопить педаль в пол. Двигатель взревел, и мне показалось, что кожаное сиденье сейчас выпрыгнет из-под меня.

– Неплохо, – пробормотал я себе. – Ну, Полина! Встречай меня в своем Сергиевом Посаде!

Ее звали Полина.

Я по ней скучал.

Я понял это, когда вдруг увидел ее идущей с подружкой по нашему Проспекту.

Я очень хотел ее увидеть. Я не надеялся ее увидеть. С тех пор, как она вышла замуж за военного и уехала во Владивосток.

«Боже мой, какой же я идиот!!!» – вот все, что я успел подумать, когда мне явилось это видение среди бела дня. И почему я *позволил* этому случиться? Ведь это мне было дано решать. Безумие! Я тогда подумал, что не решил ничего. А через полгода человек оказался во Владивостоке, за 10 тысяч километров от родного дома. И я здесь ни при чем?

Я тогда ничего не решил. Я сел утром на пароход и поехал искать счастья.

Счастья я не нашел. Нашел приключений. А ее потерял. Когда вернулся через неделю, Полины уже не было в городе. Телефон она не оставила. А зимой я узнал про ее замужество. И вот теперь...

Мы шли по самой середине нашего Арбата. Я и они. Мы даже не сказали друг другу ничего – просто вышли друг на друга из толпы, лоб в лоб. Замерли друг напротив друга, в одном метре, и молча стояли какое-то время. Прежде, чем у кого-то слетело это «Привет!».

А мне тогда как воздух был нужен этот пароход. Накануне мы разругались в пух и прах с Мариной. Наконец-то разругались. Почти четыре года – псу под хвост. Сначала я по ней усыхал, с самого первого курса. А ей было решительно все равно. Потом-таки я ее достал, через год она сдалась. Лениво так, нехотя. Мы стали «гулять», и это безнадежное занятие продолжалось еще один год. Я уже понимал, что красивой сказки не получилось, мы – не те, кто ищет друг друга всю жизнь и в конце концов находят. Но расставаться с иллюзией было смертельно жалко. И эти два года...

Но вот как-то мы впервые поссорились всерьез. Я решился взять ее на яхту в поход на целую неделю. К счастью, ссора произошла еще на берегу, а точнее – в автобусе. Это, видимо, спасло Марину от судьбы печально известной подружки Стеньки Разина. Из-за чего мы поругались, я уже не помню. Помню только, что я просто послал ее на. Да-да, именно туда и именно этими словами. Просто высадил, выпихнул ее на какой-то остановке и швырнул ее рюкзачок – лови и топай! И конечно, ни в какой поход уже не пошел. Я просто сбежал на очередной пароход.

За ту неделю, пока мы с приятелем отрывались в рейсе на Астрахань, коллекционируя бесполезные телефоны барышень изо всех городов, и стремились выпить все пиво Нижней Волги, она обрывала телефон моих родителей и каждый день приходила к двери моей квартиры. Записочки оставляла – «Прости» и всё такое. И когда вернулся, я зачем-то ее пожалел. Простил. А может, я нее пожалел, а себя. Столько сил и времени на ветер!.. Черт с тобой, возвращайся.

Но с тех пор что-то во мне сломалось. Она была рядом и по-собачьи преданно смотрела на меня, а мне было противно. Так и хотелось отпихнуть ее, как назойливую дворнягу. Так и хотелось сказать: «Что ж ты, сволочь, делаешь?! Когда тебе душу открываешь и звезды с неба сорвать готов, ты и ухом не ведешь. А стоит про свою душу забыть, а в твою – наплевать, и просто послать тебя на х..., и вот ты уже на крачках передо мной корчишься! Дрянь». Случилось самое страшное. Я перестал уважать эту женщину. Я чувствовал себя так, будто меня облили помоями. Конечно, я ее бросил. Когда на этот раз я сажился на «Пташников», я это уже точно знал. Наверное, и она тоже. Но вот к чему был этот вечный ритуал побега, я не знаю. Ведь именно тогда я встретил Полину. Я мог бы просто остаться...

...«Мерседес» летел по шоссе, как отпущенный на волю мустанг. У меня в сумке нашлась любимая кассета Стиви Вандера. «Another Star» – вечный саундтрек ко всем моим воображаемым фильмам. И вот теперь ее ритм слился с ритмом города...

У Полины родители жили в Сергиевом Посаде, а теперь она приехала к ним погостить из своего Владивостока. А перед этим заглянула к подружке в Саратов. Так мы и встретились на Проспекте.

Странно было думать, что вот сейчас жизнь двух человек – моя и ее – могла бы быть совсем другой. Он не вышла бы замуж за своего лейтенанта и не уехала бы на край света. А у меня, может быть, была бы едва ли не самая красивая жена на свете. Парни на проспекте шею сворачивали, когда видели ее. А Полина этого просто не замечала. Казалось, ей безразлична собственная красота. Полина принимала ее как нечто само собой разумеющееся. Она ведь каждый день видит в зеркале водопад своих роскошных густых черных волос, встречается взглядом со своим совершенным отражением, и две черные звездочки улыбаются ему... Все вокруг, как мне казалось, к ней боялись даже подойти, потому что она была *слишком* хороша собой. Настолько, что идти с ней по Проспекту казалось чем-то чересчур невероятным, чтобы быть правдой.

– С тобой часто знакомятся на улице? – спросил я ее однажды.

– Почти никогда, – как-то невесело ответила она. – Ну, этих уродов на тачках, которые «эй, девушка, поехали с нами!» я не считаю.

– Наверное, боятся, что ты слишком красивая? – пошутил я.

Оказалось, это совсем не смешно.

Может, и я бы побоялся к ней подойти, но нас с Полиной познакомила ее подруга, которая работала со мной в одной фирме. Была какая-то вечеринка, где все навеселе... и тут – она.

Целоваться на берегу Волги под головокружительное многоголосье соловьев. Смотреть на полную луну и золотую дорожку на воде. Идти медленно по самому темному ярусу Набережной и говорить, и слушать, и узнавать, узнавать...

Дурак. Жалею ли я? Да. Нет. Да, потому что потерял ее. Нет, потому что встретил после нее Алену. Хотя, ее я тоже не удержал... Сам бросил. Дурак.

Еще раз дурак. Я не умею ценить то, что стоит ценить. Я не умею беречь то, что стоит беречь. Я все время что-то ищу, ищу, бегу, бегу...

Но сегодня я – принц. Или нищий, с парой сотней рублей в кармане. Нищий, который только что угнал «Мерседес». Именно *угнал*, потому что у меня не было никакого морального права на эту машину. Хотя, какая, к черту, мораль, когда речь идет о «Мерседесе»? Или вот этот парень, которого я сейчас обогнал, точно в таком же «мерине», имеет на него больше прав, чем я? Может, он кого-то «кинул», «развел», «поставил на счетчик» – он его *заработал*?

Я нажал на педаль до конца. Стрелка спидометра легла вправо.

Ужасные привычки у водителей-новичков! Бросаться в крайности – либо ползти в правом ряду, боясь лишний раз обехать застрявший на остановке автобус, либо выходить в крайний левый и давить газ в пол. Тем самым, пытаюсь убедить себя самого и всех вокруг, что ты – младший брат Шумахера. Так, вроде, не страшно. Или просто не слышно мата вдогонку.

Я был из числа вторых, поэтому в Посад примчался довольно быстро. Моя спина на кожаном сидении вспотела так, будто я только что вышел из бани. Но ведь никто не узнает, что мне было страшно. Страшно и здорово!

Букет полутораметровых роз, купленный мною по дороге, можно сказать, на последние деньги, развеселил ее до слез.

– Подумать только! Принц на белом... то есть, на синем коне, в модном пиджаке и с веником! – Полина смеялась своим звонким, почти детским смехом, стоя у подъезда подмосковной пятиэтажки. – Я от тебя всего ожидала, но вот это, – и она указала на «мерседес», – ты это где взял? Угнал?

– Откуда ты знаешь? – подыграл я. Еще мгновение назад я хотел было уже обидеться на такой прием. Мое появление в стиле «а-ля новый русский», как я думал, должно было ее сразить наповал. Только сейчас я понял, каким идиотом выглядел!

– Тебя уже в розыск объявили. Только сейчас телевизор слухала. Так и сказали: «Разыскивается Робинзон Крузо, который сбежал со своего острова, угнал «мерседес», спер папин пиджак и сорвал по дороге розы в палисаднике у гостиницы, – Полина притянула меня к себе. – Я очень по тебе скучала!

– Куда мы едем? – спросила Полина.

– В Москву.

– Хм... И что мы там будем делать?

– Свою тебя на экскурсию в мир буржуев. Покажу тебе отель, где я живу.

Полина слегка прищурилась:

– Хитрый ты! Заманить меня решил в свои сети?

– Да ты уже попалась! – улыбнулся я и повернул ключ. Щелкнули замки, мотор взревел.

– Эй, ты что? Что это значит?!

«Мерседес» вырулил на дорогу. Я поменял кассету. На этот раз это оказался «Aerosmith».

– А у меня, между прочим, родственные корни здесь, в Посаде.

– Ты мне зубы не заговаривай! – Полина все еще старательно напускала на себя возмущенный вид. – Откуда у тебя здесь родня?

– Сейчас нет уже. А раньше была. До революции.

– Ага! «Как сейчас помню», да?

– А что смеешься? Ты в музее русской игрушки была?

– Я здесь еще нигде не была. Отцу квартиру полгода назад дали. Он у меня военный, подполковник. Когда на пенсию выходил, предложили на выбор несколько городов. Саратова там не было.

Решились на Сергиев Посад – вроде как ближе к Москве. А что игрушки?

– Есть такая игрушка. Медведь с мужиком в кузнице, видела? Двигаешь дощечку туда-сюда, и они по очереди кувалдами стучат...

– Помню, помню... – заулыбалась Полина. У нас мальчишки в школе на «трудах» выпиливали.

– Ага! – обрадовался я. – а знаешь, кто ее придумал?

– Ты? – рассмеялась Полина.

– Почти. Мой прапрапрадед. У них была здесь фабрика игрушек. А потом сгорела от паровозной искры.

– Да ну?!

– А прадед мой регентом в церкви был. Прабабка в церковном хоре пела. И, говорят, здорово пела! Вот так они и познакомились. А потом в Ярославль переехали. Там уже бабушка моя родилась.

– Ты здорово знаешь свою родословную!

– Совсем нет. Дальше того прапрапрадеда по бабушкиной линии ничего не знаю.

– Так значит, это – твоя историческая родина?

– Одна из. Есть еще где-то в Кишиневе, в степях за Волгой, и еще бог его знает, где...

...Гаишник вырос на дороге, как всегда, неожиданно. Светящийся жезл указал на обочину, и только тут я понял, что только что пересек двойную сплошную.

– Документики ваши, будьте добры.

Я протянул в форточку права, техпаспорт и доверенность. Гаишник недоверчиво посмотрел на меня.

– Самочувствие как?

– Не употреблял, – ответил я. Милиционер достал откуда-то маленький фонарик и принялся придирчиво рассматривать бумаги.

– Так, значит... Напрокат машину брали?

– Так точно, – и откуда во мне вдруг взялось это военное «так точно»?

– У нас проблемы? – тихонько спросила Полина.

– Ерунда. Нарушил кое-что... Сейчас разберемся.

Но что-то мне подсказывало, что быстро мы не разберемся. Пока гаишники ходили вокруг машины и придирчиво осматривали номера кузова и двигателя, беспокойство мое росло. Вряд ли «мерседес», который мне официально сдали напрокат в отеле, мог числиться в угоне. Но что-то мне подсказывало, что уйдем мы отсюда пешком.

– Права ваши придется изъять, – изрек, наконец, гаишник. Сейчас протокольчик составим...

– А может, без протокола? – попробовал возразить я.

– Без протокола никак. Нарушение ваше серьезное, – и гаишник пристально посмотрел на меня.

– И насколько тянет мое нарушение?

– Да рублей на... пятьсот.

Это было приговором. При последних ста рублях в кармане торг не имел никакого смысла.

Вот так мы и оказались на одинокой автобусной остановке. «Мерседес» забрали на штрафную стоянку, права у меня отобрали.

– В Москву мы сегодня уже явно не попадем, – с грустью сказал Полина. – А знаешь, я вообще-то хотела посмотреть на твой отель.

– Извини, что так вышло, – попытался оправдаться я.

– Ерунда. Поедем ко мне домой. На пять звезд, конечно. Но нам ведь и так хорошо, правда?

Я обнял ее.

– Правда. А еще лучше – бросай все, и поехали ко мне на Волгу. У меня там домик есть...

– Да, да, я знаю. На острове, да?

– Да... Помню, я говорил тебе, еще в Саратове.

Полина повернула ко мне свое лицо, и я увидел, что она вот-вот заплачет.

– Послушай, ты, Казанова недоделанный!.. Где ты был со своим домиком года назад, а? Когда я готова была с тобой ехать куда угодно, а?!

Я крепче прижал ее к себе, но она попыталась отстраниться.

– Полина, а сейчас ты не можешь?

Она посмотрела на меня, как на сумасшедшего.

– Ты что, не понял еще? Я замужем!

– Да?.. А тогда что я здесь делаю? Зачем ты звала меня к себе в этот Сергиев Посад? На монастырь посмотреть?

– Дурак. А ты не понял, зачем? Я люблю тебя!

– Любишь... меня?

Как-то вдруг почва, твердая почва, на которой я еще секунду назад крепко стоял, стала уходить из-под ног. Все было легко и просто. И вдруг...

– Ты изменил мою жизнь, ты этого не понял?! Думаешь, я бы поехала в этот Хабаровск, уехала бы из Саратова?

– Зачем ты это сделала? Зачем ты ...

– Чтобы тебя не видел! И сейчас бы не видела. Зачем ты мне попался опять в Саратове?

– А зачем ты вышла замуж за человека, которого не любила?

– А ты, ты меня любил? Ну скажи мне! Только не ври!

Я отвернулся.

– Нет... Не знаю.

– Ты меня не любил и не любишь.

И тут я не выдержал.

– Знаешь что, брось все. Разведись, давай уедем в Саратов!

– Не могу. Я... Я жду ребенка.

– Ребенка?..

– А что тут удивительного? Это случается с женщинами. Не слыхал?

– Слыхал. Все равно – поехали!

Полина уже не сдерживала слез.

– Ты правда дурак? Это его ребенок, а не твой! Ты не понимаешь?

И тут с трассы кто-то погнался. Напротив остановки разворачивалась праворульная «тойота». Увидев машину, Полина вытерла слезы и помахал рукой.

– Это мой папа, – улыбнулась она. – Идем, я вас познакомлю.

– Да?.. А он будет рад этому знакомству? Что ты ему скажешь?

– Не бойся, он знает.

Отец Полины вышел из машины и дружелюбно протянул руку.

– Андрей Андреевич, подполковник войск связи. Вы, надо полагать, Дима?

– Так точно, – второй раз за вечер ответил я.

– Рад знакомству. Что-то вы припозднились, ребята. Автобуса сегодня уже не будет. Садитесь, домой поедем.

Дома у Полины мы пили чай на кухне, разговаривали обо всем понемножку. И к теме нас с ней больше не возвращались. Поздно вечером Андрей Андреевич отвез нас на железнодорожную станцию. Полина первой вышла из машины.

– Задержись на минутку, – попросил вдруг Андрей Андреевич. – А ты, дочка, иди. Подожди нас на улице, – и мне показалось, он подмигнул ей.

– Ведь мы с тобой земляки, – повернулся ко мне подполковник. – А земляк земляка не бросит. Тем более, в этой Москве. И мне неважно, что там у вас с моей дочерью. Это ее дело.

– Спасибо! – я пожал ему руку. – У Вас замечательная дочь!

– Ладно, не нахваливай! Давай, удачи тебе. Беги, а то на электричку опоздаешь!

Я выпрыгнул из машины.

– Ну что? – улыбнулась Полина. – Очень страшный мой папа?

– Твой папа – супер!

Подошла электричка.

– Мы увидимся еще?

Вопрос был глупый. Полина опустила глаза.

– Бог даст – увидимся...

Мы крепко обнялись на прощанье, и я шагнул в вагон.

...До Москвы я ехал вместе с большой компанией панков. Они шумели, пели «Гражданскую оборону» и «Крематорий», пили пиво, курили, устраивали между собой потасовки... в общем, вели себя довольно мирно.

На душе было тоскливо. Вот так, ненароком, я перевернул чужую жизнь. Как легко было забыть один летний вечер на набережной, оставить от него лишь легкую тень сладостного воспоминания. А потом окунуться с головой в водоворот своей собственной бесшабашной жизни, рвать и завязывать отношения, ненавидеть одних, любить других... И даже ни разу не задуматься, что стало с той, о ком я лишь изредка позволял себе скучать. Изю всех сил я пытался задушить в себе запоздалое открытие – что я ее, наверное, люблю! Нет, сказать, что я любил ее с того самого дня – это ложь. Но вот сейчас, когда все поезда ушли...

Куда я качусь? Куда я еду, в этой панковской электричке? Никогда особо не любил панков, но ведь даже они-то мне ближе, чем все эти яппи, которые мирно спят сейчас в отеле перед тяжелым днем. А у меня в кармане последний столик. Кто глянет на мой прикид – ни за что не поверит. Надо возвращаться в мою реальность из этого маленького путешествия в недавнее прошлое на машине времени. Надо возвращаться...

На Ярославском вокзале скачущие таксисты стояли в ожидании редких полуночных пассажиров.

– Ехать куда надо? – поинтересовался один из них. Сказал он это как-то без особого энтузиазма. Наверное, потому что у меня не было большого чемодана, я не был похож на «свеженького» приезжего. Метро уже не работало, и выбора у меня не оставалось.

– Мне в го... – но, не договорив слова «гостиница», я осекся. Это магическое антизаклинание. Только скажи таксисту, что ты едешь в гостиницу, и двойной тариф «лох из провинции» тебе обеспечен. А уже если бы я еще и назвал, в какую гостиницу мне надо, – все, пиши пропало. Мне с моей последней сторублевкой к машине можно было бы уже и не подходить.

– Метро Петровско-Разумовская, – поправился я.

– Сто рублей, – оживился таксист.

– Полтинник, – заупрямился я. Таксист зевнул. Ему явно было лень торговаться. К тому же, ничего более съедобного, чем я, поблизости не было.

– Семьдесят, и поехали.

Только когда я вошел в свой номер, я понял, что проголодался, как волк. Ужин я пропустил, поэтому только и оставалось, что нарушить последнее табу – открыть минибар.

В маленьком холодильнике обнаружилось классное пиво и чипсы. Это было настоящим спасением! Так, подведем итоги, – подумал я, открывая первую бутылку. С Полиной я до отъезда, скорее всего, уже не увижусь. Это отвратительно. «Мерседес» стоит на штрафной стоянке, и рано или поздно фирме придется его оттуда вызволять. Если администрация отеля поднимет скандал прямо сейчас, я вылеку с фирмы уже завтра. – Я отхлебнул еще пива. При таком раскладе плюс-минус одна бутылка из минибара уже не играет роли. – Значит, я проиграл. А если нет, все равно завтра надо ехать домой вызволять права из ГАИ. Если я не успею это сделать до августа, мне не дадут служебную машину. И значит, все равно выпрут. Тогда пари провалится. Черт! Полина, Полина!.. какая же глупость! Ну почему мне опять надо бежать от тебя в какой-то другой город? Полина, Полина, Полина!..

Завтрак я благополучно проспал. Мои «чемпионские» часы тщетно пищали на тумбочке. И только со второй попытки упрямо будильнику все-таки удалось поднять меня с кровати. Было без пяти восемь. Я ринулся в душ, потом наспех оделся и прыгнул в лифт.

За столом в холле уже никого не было. Сквозь стеклянные двери я увидел, как последние из наших стажеров садятся в микроавтобус.

– Эй, подождите! – крикнул я, выбегая на улицу.

Последним в автобус заходил Антон.

– Отправление в офис в восемь часов, – ледяным тоном сказал он. – Сейчас две минуты девятого, – и закрыл дверь у меня перед носом.

– Урод! – крикнул я ему. Но Антон уже не слышал.

Я вернулся в отель. Теперь мне некуда было спешить. Хотя поесть хорошенько напоследок.

Лениво гуляя вокруг огромного шведского стола и поедая всяческие вкусности и полезности, я пытался себе представить, чем же я займусь в родном городе осенью. Пари я, видимо, уже проиграл, и на телевидение меня сестра не возьмет. То есть, взять-то возьмет, конечно. Но я просить не буду – гордый. Проиграл – значит проиграл. Скорее всего, я вернусь в рекламу. Не самый легкий хлеб, мягко говоря. Зато не скучно. И над душой никто не стоит...

...А все-таки, сытый желудок творит чудеса! Не знаю, как Шерлок Холмс мог думать только натошак. Если натошак в голову и лезут какие-то мысли, то, в основном, о еде. И вот теперь, после доброго завтрака, мне открылась простая истина: если сейчас выйти из отеля и сесть на метро, то я приеду в офис раньше этого чертова автобуса! Пока они торчат в пробках, я преспокойно доберусь до конторы на подземке и еще успею выпить кофе!

Было волшебное солнечное утро. Где-то за нашим офисным зданием протекала речка Язуа, и я подумал, что она, наверное, впадает в Москву-реку, та, в свою очередь, – в Оку, а Ока в Волгу!.. Черт, как же я хочу домой!!!

...Антон не поверил своим глазам. Вообще-то я не курю. Но ради этой встречи стоило стрельнуть сигарету и встречи вальяжно затянуться.

– Ты?! Как ты здесь оказался?

– Антон, ты давно в Москве? – спросил я, лениво выпуская кольца дыма. Антон взбесился.

– А какое это имеет значение?!

– Да так, знаешь. Я тебе секрет открою. Здесь есть метро.

– Что значит?..

– Антон, расслабься. Сделай паузу. Прыгни в Язуу!

По закону жанра здесь должна быть барабанная дробь. Вот он, «Час Икс». Шаг за шагом я все ближе к администратору гостиницы. Сейчас я сдам ключ и узнаю приговор. Если все, что я тут натворил, повесят на фирму – я сорвал банк. А если потребуют наличные... сколько там бежать до казначейской границы?..

– Всего доброго! – улыбнулся администратор и выдал мне копию счета, который должен пойти в «Юпитер». Я бегло просмотрел его, и... о, чудо! Да, сумма великовата, но она не расписана! То есть, я за все про все, вместе со всем, что я проел, проспал и прокатал, фирма раскошелится больше, чем на две тысячи долларов. Но меня явно выгонят из этой компании раньше, чем они там разберутся, что к чему. Главное, продержаться еще полтора месяца. А пока, тьфу-тьфу, все, вроде, идет по плану!

300-летие российского флота в яхт-клубе, сразу после парада, начали отмечать с высокоинтеллектуальной игры «перетягивание каната». Собрали две команды, человек по тридцать, прочертили на песке жирную линию, и поставили на нее бутылку водки – приз команде победителю. Вот с этой бутылки и начали, потому что мы победили. А чем закончили, я плохо помню.

Это был первый и последний раз, когда я купался пьяным. Да и то – не по своей воле. Мы сидели на корме моей «Крохи», что-то распевали и распивали с ребятами с нашего яхт-клуба. Среди нас был некто Игорек, которого я видел впервые. Чей-то приятель, случайно затесался. И вот он-то и бросил за борт пустую бутылку из-под водки.

– Так, оставь! – разозлился я. – У нас так не принято. Нырни и достань!

– Есть! – ответил Игорек. Он, в сущности, неплохой был парень. Не виноват же он, что вырос на берегу. Не научили его уважать реку.

Игорек встал, и было собрался уже нырнуть за своим «авторским произведением», но тут же едва не повалился в кокпит.

– О!!! – затянули наши ребята. – Этому больше не наливать!

Я понял, что Игорек, если нырнет, но не вынырнет. Так и пришлось лезть доставать пустую бутылку самому.

Отвратительное это дело, барахтаться пьяному в воде! Даром, что плаваю с детства. Бутылку-то

я достал и подал ребятам обратно на яхту. Игорек с виноватым видом тут же спрятал ее в мусорный мешок. Но эти пять метров дались мне, словно все пятьдесят. Плыл я как-то тяжело, и потом еле вскарабкался на трап.

Вечером я уснул у себя в каюте. А с утра проклинал и себя, и этот дурацкий спор с сестрой. В тот день я бы с радостью его проиграл, лишь бы меня оставили в покое. К счастью, на острове не было телефона, и я просто не смог позвонить сестре и сказать, что я сдаюсь. Пришлось брать себя в руки и тащиться в город, на вокзал.

Почти всю дорогу до Казани я проспал. Зато настроение у меня заметно улучшилось. Это был последняя учебная командировка, непосредственно перед самой работой. Мне предстоял так называемый «полевой тренинг». В столице Татарстана компания собирала всех новичков, чтобы научить их продавать свои шоколадные батончики.

– Откуда приехал? – весело спросил круглолицый таксист.
– Из Саратова, – ответил я. После дороги очень хотелось поболтать.
– Зачем приехал? – все на той же веселой ноте пропел водила.
– В командировку. Буду учиться торговле.
– А, это правильно приехал! – обрадовался таксист. – Мы, татары, торговать умеем.
– Мы в Саратове тоже татары! – так же весело ответил я. Таксисту это понравилось.
– Ай, молодец! А ты похож на татарина.
– Какой русский – не татарин? – только и оставалось, что ответить мне. Это ему тоже понравилось.
– Хорошо сказал! – и водила заложил крутой вираж. Казань мне уже нравилась. Улицы широкие и чистые. Особенно сейчас, в шесть часов утра. Вскоре дружелюбный таксист остановил у гостиницы на набережной и содрал с меня половину стоимости железнодорожного билета до Саратова.

Казанская гостиница оказалась милым сердцу клоповником. Никаких тебе магнитных карточек, никаких шеголеватых портье и никакой роскоши.

«Узнаю тебя, Родина!» – радостно пронеслось в голове.

И с меня тут же содрали семьсот рублей. Я разочарованно посмотрел на оставшиеся три сотни.

– А номеров подешевле нет?

– У вас забронирован *этот* номер, – равнодушно ответила администраторша и зевнула. – А другого ничего нет.

«Болваны!» – выругался я про себя. – Небось, опять скажут, что так положено по статусу. Сдался мне их гребанный полулюкс!»

В полулюксе первым меня встретил рыжий таракан.

– Свои! – крикнул я ему, когда тот смылся на всякий случай под холодильник с кривой дверцей.
– Зови остальных. Я вам еды принес.

Бросив сумку на скрипучую кровать, я уже намылился было в душ. Но тут зазвонил телефон. Меня нашли.

– Алло, Дмитрий?

– Да, слушаю вас.

– Меня зовут Ренат. Мне поручено вас встретить и отвезти на тренинг в офис.

– Очень рад, – ответил я. – Встретить вы меня уже не успеете.

В трубке на какое-то время воцарилась тишина. Ренат понял, что прокололся.

– Извините, я не знал, какой у вас поезд...

– Да бросьте вы! Не такая уж я важная птица. Цветов и оркестра не надо. Через сколько мне спуститься?

– Я уже внизу.

«Какое счастье! – подумал я. – Лучше бы ты проспал еще полчаса!»

Так я его себе и представлял. Я почему-то не сомневался, что на нем будет черный костюм, хотя через час мы начнем умирать от жары. И что его машина – вишневая «четверка» – будет до блеска надраена. Ренат оказался худощавым коротко стриженным брюнетом, примерно моих лет. Он стоял у «жигулей» и виновато улыбался.

- Привет.
- Привет, – ответил я и протянул ему в ответ руку.
- Извини...
- Забей. Поехали?
- Ренат секунду колебался.
- Извини... а ты прямо так поедешь?
- Сначала я его не понял.
- Ты о чем?
- Тут я вспомнил, что не успел побриться.
- Извини, времени не было. Если бы я еще стал возиться с бритвой...
- Нет, это как раз не важно. Но вот джинсы...
- Да вроде чистые.
- Нет, нет, ты не понял. Он тебе обязательно про это скажет.
- Кто «он»?
- Шеф. Он терпеть не может, когда на работу приходят в спортивной одежде.
- Я еле удержался, чтобы не засмеяться.
- Да какая же это спортивная одежда? Это *джинсы*!
- Для него все, что не костюм, – спортивная одежда.
- Да? Ну тогда поехали скорее. Мне очень хочется посмотреть на этого человека.

Казанская контора «Юпитера» располагалась на первом этаже модной девятиэтажки. Два каких-то тонтон-макута на входе потребовали наши документы. Один из них нарочито пристально изучал мой паспорт, а потом спросил еще командировочное удостоверение.

- Ребята, мы опаздываем, – попытался воззвать к секьюрити Ренат. – Нас шеф убьет!

Но они и ухом не повели.

- У вас своя работа, у нас – своя. Сейчас мы перепишем номер...

Из полукруглой двери неподалеку доносилась чья-то пламенная речь. Время от времени рассказчика прерывали аплодисменты.

- Это он, – шепнул мне на ухо Ренат.
- Доклад читает?
- Ренат снисходительно улыбнулся.
- Ты не понимаешь. Это планерка.
- *Это* планерка? – уточнил я. – А чего они хлопают?
- Так полагается.

Я с ненавистью посмотрел на тонтон-макута. Мне ужасно не терпелось увидеть человека, у которого полагается хлопать на планерках.

Едва мы подошли к той самой двери, как Ренат схватил меня за рукав.

- Входи незаметно. Встань где-нибудь у стеночки. Тогда, может, не просечет, что ты опоздал.

«Это ты опоздал», – так и хотелось буркнуть ему в ответ. Но я был уже весь в предвкушении новой серии.

В большой комнате с зашторенными окнами было полным-полно народу. За окном ясный день, но здесь горел приглушенный электрический свет. Стены сплошь увешаны какими-то дипломами, и только надо большим столом – карта Татарстана. Спинной к столу стоял тучный мужчина лет тридцати пяти в больших квадратных очках. Мне почему-то подумалось, что он родился в своем сером костюме, и *серый* галстук душит его с детства. На пиджаке будто не доставало одной маленькой детали, но я никак не мог понять, чего именно. Босс энергично размахивал руками. Остальные, обступив его полукольцом, внимали.

– ... и я не пожалею жизни та то, чтобы продукции наших конкурентов, этих «Гузбери», не было на территории Татарстана!

На этих словах зал взорвался бурными аплодисментами.

- «Это секта, – подумал я. – Надо делать ноги!».

Но в этот момент он меня заметил. Маленькие, спрятанные за толстенными очками серые глазки

по-шакальи усталились на чужака.

– Молодой человек, а кто позволил вам сюда явиться в джинсах?!

Я пожал плечами. Мне стало смешно.

– Мне их снять?

По залу пробежал осторожный робкий смехок.

– Отставить! – рявкнул босс. – Я вас спрашиваю, вы что-нибудь когда-нибудь слышали о корпоративной этике?

И тут я понял, его не хватает его костюму. *Комсомольского значка!* Комсорг сверлил меня глазами, но меня уже раздирал хохот. Надо было заставить себя хоть что-то ему ответить. Я напрягся.

– О корпоративной этике? Слышал. Но из глубочайшего уважения к фирме «Юпитер» я предпочел ехать в поезде в джинсах, дабы не смущать Вас штанами от костюма. Видите ли, после поезда они были бы мятыми, будто из задницы. Вы давно ездили в поезде?

На этот раз смех в зале был уже не столь робким. По-моему, я их расколдовал.

И почему у него пена изо рта не пошла? По законам жанра должна была.

– Что вы себе позволяете?! – зашипел Комсорг. – Откуда вы? Кто вас прислал?

– Американцы.

На этот раз зал грохнул. Ведь это была чистая правда.

– Какие американцы?! – возопил Комсорг голосом кастрата.

– Очевидно, мистер Юпитер. Или его люди. Вот мое командировочное удостоверение.

Такого поворота Комсорг, похоже, не ожидал. Его рыхлое лицо залилось краской, а очки запотели.

– ... командировочный? – растерянно пробормотал он. Мне даже жалко его стало.

– Да. К вам. Учиться продажам.

– Но разве вам не сказали... про дресс-код?

– Сказали, – честно ответил я. – Вот научусь у вас продавать шоколадные батончики, накоплю денег и куплю костюм.

Инопланетяне уже просто умирали от хохота. Комсоргу ничего другого не оставалось, как выдать из себя подобие улыбки и прошептать:

– Добро пожаловать!

Мы с Ренатом вышли на улицу и направились к машине.

– Ну ты даешь!... – Ренат протянул мне руку. – Как ты не побоялся?

– Не побоялся чего? Что меня уволят? Так меня еще и не приняли.

– А если и не примут?

– Не примут, и черт с ним. Где у вас тут можно пожрать?

Казань мне нравилась все больше. Много красивых домов.

– А вот эту крепость Иван Грозный штурмовал! – Ренат кивнул в сторону кремля.

– Помню, помню, – засмеялся я. – «Казань брал, Астрахань брал!..»

– Во-во, именно!

Ренат перестроился в правый ряд и повернул на светофоре.

– Послушай, – спросил вдруг я, – чего ты вообще хочешь от жизни?

Ренат посмотрел на меня так, будто я спросил, сколько будет дважды два.

– Стать президентом.

После обеда я сказал Ренату «Увидимся», хотя знал, что уже не увидимся никогда. Но ему и в голову не могло прийти, что я могу вот так запросто вернуться в гостиницу, сдать номер и забрать обратно часть своих денег, лишь бы только не торчать в Казани без копейки, исключительно ради того, чтобы поклониться шефу утром в понедельник.

Думать приходилось с лихорадочной быстротой. Билетов на поезд катастрофически не было – пик сезона, середина августа. Самолет до Саратова уже год как отменили. Автобуса не было в принципе, а пароход ушел еще днем. Чертовски хотелось домой, подальше от всех этих космических попугаев. Все пути к отступлению я себе нарочно отрезал, когда съехал с гостиницы. Тогда я еще не умел путешествовать автостопом, поэтому самая простая и гениальная идея, как доехать до Саратова, мне в голову не пришла.

Не помню, что привело меня обратно к автовокзалу. Может быть, это его соседство с портом натолкнуло меня на весьма экзотическую мысль. Через минуту я уже стоял у кассы.

– Девушка, когда ближайший автобус до Ульяновска?

Девушки в Казани красивые. Даже в кассах.

– Да вот он стоит, – мило улыбнулась обаятельная (хоть и крашенная) блондинка с огромными восточными глазами. – Через пять-десять минут отходит.

– А во сколько он прибывает на место?

– Вечером, в восемь.

Расписание пароходов по всей Волге я знал наизусть. То судно, которое в обед вышло из Казани вниз, будет в Ульяновске в полночь. Перекантоваться в порту несколько часов – плевое дело. К тому же, если мне не изменяет память, у них в Ульяновске прямо в порту яхт-клуб... Эврика!

Через 10 минут автобус уже увозил меня из столицы Татарстана.

Порт в Ульяновске очень похож на морской. Два больших волнолома, маяк, а за ним – бескрайний простор. Левого берега не видно.

Я подошел к парпету. Какие-то ребята на четвертьтоннике лениво возились с парусами. Ветра не было, поэтому они не спешили.

– Здорово, мужики! – окликнул я команду «четвертака». – Не маловато ветерочка?

– Ой, не говори!.. – отмахнулся старший по виду. Наверное, капитан.

– А ничего у вас здесь гавань, – заметил я.

– Да, неплохая, – ответил баковый матрос. Он только что пристегнул последний карабин на стакселе. – А сам-то откуда будешь?

– Из Саратова.

– А-а, – понимающе улыбнулись ребята. – Земляки, значит. Если по воде.

Я засмеялся.

– По воде земляки.

– А какими судьбами? – капитан, не поднимая головы, потянулся к движку и дернул за веревку. Старый «ветерок» буркнул «Тбрынь» и не завелся.

– Да вот, парохода жду, – ответил я.

– А-а, – протянул капитан. – Это ты еще долго ждать будешь. Может, с нами? Пройдемся немного.

Предложение было заманчивым, но...

– Спасибо. Только вот, я гляжу, раньше, чем к ночи, не раздуется.

– А у нас мотор.

«Ветерок» в очередной раз сказал «тбрынь!»

– Я вижу.

Капитан и матрос рассмеялись.

– А сам-то не чем ходишь, – любопытствовал баковый.

– «Ассолька» у меня.

Ребята понимающе кивнули.

– Есть у нас пара таких. Вон стоят.

– Да я видел. Там у одной транец нарастили...

– Да, есть там мастера художественной самодеятельности.

Он сказал это как-то без особого почтения к малышам-«ассолям». Мне как-то стало обидно за свой класс яхт, и я встал на защиту.

– Хорошая лодочка. Зря вы.

– Хотя, да... – вдруг, словно бы вспомнив что-то, оправдался капитан. – У вас там островов много, да?

– О, еще как! – обрадовано подхватил я. А на ней куда хочешь залезть можно.

– Классная у вас акватория. Я был там. Красиво...

– Ну, у вас тоже неплохо. Море...

– А что толку – мели кругом.

– И у нас.

– Да, но у вас и укрыться есть куда, и причалить на ночлег. Да и на Нижней у вас эти балочки... чудо!

– Есть такое дело, – улыбнулся я.

Как же я хочу домой! К родителям, к своей «Крохе» и фанерному домику!

Тут, наконец-то, завелся мотор. Если вы хотите увидеть по-настоящему счастливое лицо, понаблюдайте этак с полчаса за человеком, который отчаянно пытается завести русский подвесной мотор. И вот когда мотор, наконец, сдается....

– Ну ладно, земляк! Мы пошли! – обрадовано сказал капитан. – Носовой отдашь?

Я бросил баковому носовой.

– Счастливо!

Четвертьтонник отвалил.

Все это время в стороне стоял какой-то мужик. Простой такой мужик. Вроде как и не слушал нас. А вроде как и слушал. А потом сказал:

– Ну что смотришь? Заходи!

И я ступил на палубу пришвартованного здесь же «Ярославца».

Столик был накрыт прямо в ходовой рубке. Кастрюля с макаронами по-флотски и... ну, *это*, само собой. Он разлил. Чокнулись. Никакого тоста.

– Я капитан порта.

Хорошее начало!

– Михал Василич, – представился второй и протянул руку. С виду некрепкий, но рукопожатие железное. – Я тут моторист.

– Мне нравятся «Ярославцы», – совершенно простодушно сказал я. Я и правда любил эти маленькие пароходики, они мне напоминали детство – особенно вот такие, не переделанные хрен-пойми-подо-что...

– Оба-на!! – чуть ли не хором воскликнули речники. – Дай пять!

Оба по очереди хлопнули мне про руку.

– Мужчина! – уважительно добавил капитан порта.

– Вот верно ты сказал, – поддержал Василич. – Лепят на них какие-то сараи, как манду к забору. Да вон, посмотри, у того причала стоит такой. Это что, судно, на?

У соседнего причала был пришвартовано нечто, в чем некогда аскетичный силуэт трудяги-«Ярославца» угадывался с трудом. Ходовую рубку удлинители, нарастили, приварили к ней в продолжение нечто, похожее на сарай. Вдобавок, на бак вынесли самопальный салон с гигантскими окнами, приляпали глухой фальшборт, и все это замалевали веселеньким голубоватым цветом. Плавсредство гордо именовалось «Орел», от чего Петр первый, наверное, не раз перевернулся в гробу.

– ...здец, – только и нашлось у меня, что сказать. Капитан и моторист расхохотались.

– А ты разбираешься, – похвалил Сергеич, – а ну, давай по одной. Потом расскажешь нам про себя. Мы опрокинули по рюмке.

– На флоте служил? – спросил капитан.

– Нет, – честно признался я. И, чтобы совсем его не разочаровывать, поспешно добавил: – Я яхтсмен.

– Яхтсмен? – обрадовались оба приятеля. – Значит, наш человек.

– Откуда ты сам-то, говоришь, – спросил меня Василич.

– Из Саратова.

– О! – хлопнул в ладоши кэп, – я там учился в техникуме речников.

– Знаю такой, – кивнул я. – На Чернышевской, да?

– Да-да-да, – радостно подхватил капитан. – Эх, и весело мы там учились!

– Я боюсь, пароход пропущу...

– Кого на х... ты пропустишь? Ты это хорошо. Михал Василич, кто там у нас сегодня?

Василич пожал плечами.

– «Октябрина» вроде.

– Точно, – подхватил я. – «Октябрьская Революция»!

– «Октябрина»!.. – протянул Сергеич. – Ну, это легко.

Сергеич потянулся к рации. Щелкнули тумблеры.

– «Патрульный-33» вызывает «Октябрьскую Революцию». «Патрульный-33» вызывает «Октябрьскую Революцию»!

Сперва шипение, потом ответ:

– «Революция» на приеме. На вахте капитан.

– Митрич, здорово! Вы где?

– Подходим. Через полчаса будем.

– Слышь, Митрич, не в службу, а в дружбу. У меня тут пассажир к тебе есть. До Саратова. Мы, пока все не допьем, его не отпустим. Но ты без него не уходи, договорились?

– Договорились.

Я почувствовал, что Митрич на том конце радиомоста улыбается.

– Ты смотри, чтобы он у тебя не упал до нашего прихода. А то сам будешь его грузить.

– Митрич, он моряк.

– Понял. Вопросов не имею.

«Моряк»! Вот это да!.. Черт, вот это он сказал! Это же он ПРО МЕНЯ! И какого хрена я поперся в этот «Юпитер»?!

– Митрич, а у тебя как там с местами?

– Подберем что-нибудь. Что там твоему моряку надо?

На этот раз Сергеич обратился ко мне.

– Какую каюту хочешь?

Я ошалел от такого вопроса.

– Да хрен с ней, с каютой. Мне хоть на палубе.

– Митрич, ты слышал? Он говорит, «хоть на палубе».

– Наш человек. Подберем что-нибудь.

– Спасибо, Митрич! Конец связи.

Сергеич разлил.

– Вот это ты хорошо сказал, про палубу. Давай за «Октябрину»! Семь футов ей под киль!..

«Октябрина» ослепила меня прожектором, когда подходила к пирсу. Вскоре ее борт поравнялся с причалом, на теплоходе запустили бортовые винты.

– Эй, на берегу! Кто там швартовы примет? – окрикнул немолодой матрос с палубы. Я оглянулся, но вокруг никого не увидел. Вопрос матроса был риторическим.

– Бросай! – ответил я. На пирс полетела тонкая веревка, принайтанная к швартовому концу. Швартовы у теплохода толстенные и тяжелые, но мне было легко. Я закрепил их на кнехт, с борта подали трап. И тут я увидел капитана. Он приветственно кивнул.

– Послушай, тут, вроде пассажир должен быть от вас. А я что-то не вижу никого.

– Так это я и есть, – ответил я. Мне даже как-то неловко стало.

– А!.. Ну так чего стоишь? Заходи!

Я взошел по сходням, капитан протянул руку.

– Владимир Дмитриевич.

– Очень приятно, – ответил я. – Дмитрий.

– Не соврал, значит, Сергеич, про моряка. Чего ж у него в порту швартовы некому принять?

Я пожал плечами. Не хотелось подставлять Сергеича.

– Так он же, наверное, знал, что я приму.

– А.. понятно. Так, куда ты у нас?

– До Саратова.

– Понятно. Саша! – позвал капитан кого-то, и из ходового пролета на палубу выглянул человек. Возможно, пассажирский помощник. Он был в штатском – не его вахта.

– Да?

– Подбери парню что-нибудь. Что у нас свободно.

– А Вы что хотели? – обратился ко мне невысокого роста немолодой помощник.

Я пожал плечами.

– Мне все равно.

– А денег сколько?

Я назвал сумму, и помощник разочарованно посмотрел сначала на меня, потом на капитана.

– Дешевых кают у нас не осталось...

– Да какая разница, – с безразличным видом бросил капитан. – Нет дешевых – сели в первый класс.

– Но у него денег нет...

– Делай, как я сказал. Возьми с него за третий класс и посели в первый. Человеку в Саратов надо!

И капитан подмигнул мне.

– Спасибо!

Я пожал Митричу руку.

– Да брось ты, – улыбнулся он. – Своим помогать надо.

Пароход! Палуба под ногами!..

Ключ скрипнул в скважине, и в нос ударил свежий, ни с чем не сравнимый запах надраенной каюты. Я наконец-то дома!!!

Гавриков посмотрел на меня так, как, наверное, смотрел бы перед расстрелом настоящий коммунист на белогвардейца. Потом коммуниста расстреляли, и Гавриков брезгливо взял мой билет.

– П-пароход? – процедил он. – Объясни мне, как это?

– Миша, у тебя есть карта?

– Карта?...

– Да. Карта Волги. Я тебе сейчас объясню. Вот, дай листочек. И ручку – я выхватил у него из-под рук его «паркер». – Смотри. Вот это Волга. Вот здесь она начинается, а вот – Каспийское море. Волга впадает в Каспийское море...

– Ты что, издеваешься?

– Подожди, я не договорил. Вот Казань. Вот Ульяновск, Самара. А вот Саратов. Удобно, правда?

В этот момент в дверях нарисовалась фигура охранника. Но за ним нависало что-то еще более шкафообразное.

– Миша, я извиняюсь. Этот вот парень говорит, что он с Дмитрием...

Вовик стоял в дверях и улыбался в тридцать четыре зуба. Миша уставился на него, потом на него, и немой вопрос застыл в глазах.

– Диман, я тачку закрыл. Жарко там. Я здесь посижу, ладно?

«Идиот!» – подумал я. Но сейчас устраивать ему разборку было бы ой как некстати.

– Это кто? – выдавил шеф. Он уже перестал быть похожим на шефа.

– Это? Познакомься, Миша. Это мой водитель.

– Вован, – мой приятель протянул Гаврикову свою здоровенную лапу. Хрустнули косточки. Миша умоляюще посмотрел на меня с уже знакомым «что это значит?» в глазах.

– Ты же сказал, что умеешь водить машину. У тебя есть права?

– Есть. То есть, были. У меня их отобрали.

– За что?..

– Я угнал «Мерседес».

Вечером, как всегда, мы пили пиво у стоянки.

– Слушай, Вован, как ты думаешь, меня скоро выпрут из этого «Юпитера»?

У Вована на все была своя философия.

– Ты, Диман, не спеши. Продержись еще хоть пару месяцев. Скопим бабла, купим тачку, уйдем – потом сами начнем бабосы рубить.

– Да?.. Хм. И как мы будем «рубить бабосы» на этой тачке? Бомбить поедем?

– А почему бы и нет? То есть, тебе, конечно, бомбить и не надо будет. Напишешь мне доверенность. Ты все равно скоро перестанешь мотаться по этим своим магазинам, будешь в конторе сидеть. Я встану на точку, с пацанами договорюсь, чтобы пустили. У них там крыша и все такое... ну ты в курсе, мать писала. Буду тебе отстегивать половину выручки.

Что мне всегда в нем нравилось, так это его самоуверенность. Вован уже все решил, и теперь говорил так, будто осталась незначительная мелочь – поставить меня в известность, как он распорядился моими еще не заработанными деньгами. Он с первого дня говорил «мы», «наша машина» и «наша работа». Понимаю, ему хотелось бы чувствовать себя партнером в этом деле, а не водителем без доверенности.

– Слушай, Диман, а может придумаем что-нибудь с доверенностью?

Вован был моим приятелем по двору. Мы выросли вместе. Два совершенно не похожих пацана. Он – вечно бритый «под ноль», за что с детства получил прозвище «Лысый». Родители, деды, бабки – все у него работали на Железке. Так у нас звали Железную дорогу. Вован с малолетства дрался со всем, что движется. Во дворе его не любили, но боялись.

А я был сыном музыканта и учительницы. Правда, мой папа-музыкант, в случае чего, может весьма внятно и доходчиво объяснить любому таксисту, что он не прав. Так, без лишнего шума. А мама, в силу профессиональной закалки и поставленного голоса, способна построить всех соседей, как пионерский отряд. И, тем не менее, я не был таким воинствующим, как Вован.

Лет в тринадцать я стал битломаном и потихоньку принялся загружать своего приятеля рок-музыкой. Результат превзошел ожидания – на «Битлах» Вован не остановился и вскоре стал заядлым поклонником группы «Queen». Правда, как это уживалось в нем с любовью к шансону, я, хоть убей, не пойму.

А потом Вован пропал. На несколько лет. Его родители за это время куда-то переехали, и я не знал, как его искать. Я уже думал о самом худшем. Зная его способность влипать в истории. Но все оказалось не так страшно.

С детства Вовка мечтал стать военным летчиком. Никому ничего не сказав, он однажды взял и уехал в Армавир, поступать в «летку». И поступил. Он мог бы стать истребителем. Но однажды набил морду сынку какого-то полковника, за что был отчислен и загремел в армию рядовым. Два года ходил по аэродрому и заправлял самолеты, а потом снова поступил в училище и снова набил кому-то морду. В настоящий истребитель Вован так ни разу и не сел...

И вот теперь он появился. С молодой женой, грудным ребенком, со все той же гордостью дворового забияки и без гроша в кармане. Зато он с детства крутил баранку на отцовском «москвиче». Так Вован стал водителем новоиспеченного торгового представителя «Юпитера».

– Ездить я тебя не научу. А вот летать – пожалуйста!

До сих пор не знаю, ругать его или благодарить за этот стиль вождения. Спустя пару лет я заставил себя кардинально переучиться. Я просто не хотел превращаться в дорожного «истребителя». И все же... Если я и могу насмеяться теперь над стритрейсерами, которые пугают невинных граждан своими прямоточными глушителями, то Вован точно приложил к этому руку. Если припрет, я кое-что могу показать на дороге.

Что мне на самом деле нравилось в моей работе – так это маленькие географические открытия. Каждый день я узнавал что-то новое о своем городе. Мы забирались в такие уголки, где отродясь не доводилось бывать. Мне все равно, куда – лишь бы ехать, лишь бы ехать...

– Да, и вот еще что... Дай-ка мне список всех точек, с которыми ты работаешь.

– Агент Данди запрашивает Центр. Сестренка, что мне делать, черт побери? Они требуют с меня список фирм, с которыми я работаю!

– Так дай им его.

– Нет, ты не поняла. Я ведь, на самом деле, почти ни с кем не работаю. Понимаешь?

– Понимаю. Но список дай.

– Сестренка!.. Ты – гений!

– И зачем я подсказываю тебе, как выиграть у меня пари?

– Наверное, потому, что в глубине души ты хочешь проиграть.

Половина следующего дня ушла на составление липовой ведомости. Надо было срочно придумать десятка два фирм и «снабдить» их мало-мальски правдоподобными адресами. Когда дело дойдет до проверки, вся эта лажа непременно выплывет наружу. Но я надеялся, что этого не случится раньше, чем я выиграю пари у сестры и свалю с «Юпитера».

Фирмы в нашем городе называют тоскливо. Ну никакого полета фантазии! Возьмут имя жены или любовницы, прибавят год основания, и получается что-то вроде «Эльвира-94». Гадай потом, что такое «94» – размер бюста, возраст или порядковый номер этой самой Эльвиры по счету?

Если бы мой список попал в руки к опытному разведчику, он бы сразу заподозрил неладное. Полет творческой фантазии взял верх над здравым смыслом. В этом хит-параде мертвых душ значились: производственно-коммерческая фирма «Шайтан-труба», общество с ограниченной ответственностью «Робин Гуд», акционерное общество «Сепука-холдинг» и некое муниципальное унитарное предприятие «Марабу». Причем, список я писал в спешке, а когда переводил свои каракули на язык компьютера, толком сам не мог их разобрать. В результате, «Марабу» превратилось в «Магабу».

...Саша недоверчиво посмотрел на мою ведомость. Взгляд его остановился против графы «МУП “Магабу”». Он поднял глаза на меня:

– Диман, ты что, в Африку ездил?

Я уверенно кивнул.

– Крокодилы чуть не сожрали.

Саша улыбнулся.

– Эх, Диман, Диман!... Ну ладно, черт с тобой! – и подписал ведомость.

Хороший парень был этот Саша! И как его занесло в «Юпитер»? Он ведь когда-то классно играл на саксофоне. Я помнил его еще по университетскому оркестру.

А потом он погиб. Разбился на машине... Через год.

Все закончилось очень быстро и неожиданно. Нашу тачку обокрали. Сперли буквально все – музыку выдрали с «бородой», колонки с полками, и даже выгребли из бардачка кассеты. После этого ездить на ней стало как-то скучно, а покупать новую аппаратуру в чужую машину совершенно не хотелось. И тогда я пошел сдаваться.

– Как это – увольняешься? – Миша просто обалдел. – Отсюда никто не увольняется *сам*!

– Тогда увольте меня. За что-нибудь, увольте. Пожалуйста!

Миша закурил. Он не понял.

На следующий день я уже работал на телевидении.

28.01.2007

Павел УЛИТИН

Тексты Павла Павловича Улитина (1918–1986) появляются в печати медленно и неохотно, за десять лет вышли всего три небольших книги («Разговор о рыбе». М.: ОГИ, 2002; «Макаров чешет затылок». М.: Новое издательство, 2004; «Путешествие без Надежды». М.: Новое издательство, 2006). В периодике опубликованы такие важные для П.Улитина тексты, как «Фотография пулеметчика» («Вестник новой литературы». 1993. № 5) и «Поплавок» («Знамя». 1996. № 11) и др. В «Русской виртуальной библиотеке» (www.rvb.ru) открыта мемориальная страница писателя, которую ведет И. Ахметьев (на ней выложены тексты «Детективная история», «Хабаровский резидент», «Последнее слово», «Черный хлеб», «Кусок Лондона» и «Ошибка пекинской тюрьмы»).

Улитин продолжает оставаться одним из самых темных и интригующих писателей советского подполья. Его плотная проза – как продолжение давно начатого разговора, где смешаны цитаты из классики и обрывки разговоров, рассуждения о литературе и отсылки к его же прошлым книгам. Пожалуй, ни у кого нет такого количества имен собственных. Это имена, которые были на слуху в его окружении, забытые переводные авторы довоенной поры и популярные современные писатели, диссиденты и советские литературные функционеры, «имена на час» и классики мировой культуры, друзья и знакомые. Некоторые фамилии зашифрованы, другие названы лишь по имени. Какие-то реалии давно смазаны временем, какие-то намеки понятны только самым близким.

Читая Улитина, подчас отключаясь и «плывешь» по тексту, пока гипноз не исчезает от резкого толчка сменявшейся интонации. Он бывает и сух, и лиричен, скучен и увлекателен. Это писатель, который требует больших объемов – его проза перенасыщена сквозными мотивами, перетекающими из книги в книгу. Чтение ППУ, как он себя именовал – занятие столь же трудное, сколь и благодарное. Есть такие фильмы, которые смотреть очень тяжело, они кажутся невероятно занудными. Но по прошествии некоторого времени ты ловишь себя на том, что часто и заинтересованно думаешь об этой ленте. Нечто подобное происходит и с прозой Улитина – по крайней мере, у меня.

Текст «Татарский бог и симфулятор» начинается с загадки уже на уровне заглавия. По наблюдению М.Н. Айзенберга, тут кроется отсылка к записным книжкам Ильи Ильфа: «Татарский бог в золотой побетейке. Снялся на фоне книжных полок, причем вид у него был такой, будто все эти книги он сам написал» (речь идет, очевидно, о Демьяне Бедном).

Фактура текста Улитина также необычна. Его произведения традиционно печатаются в авторской разбивке на страницы, так как каждая является законченным фрагментом целого. Страницы эти иногда сопровождаются загадочными пометами, некоторые из которых поддаются расшифровке, некоторые же пока остаются неразгаданными. Важна и графика – само расположение текста на листе (а некоторые книги представляют собой не столько тексты, сколько текстовые и иллюстративные коллажи).

Улитин виртуозно играет цитатами, составляет фразы из букв, которые есть в латинском алфавите, чтобы печатать их на машинке с латинским шрифтом. Комментировать у него можно каждую строчку – настолько текст спрессован, настолько в нем много реалий, подчас скрытых во вторых и третьих смыслах. С другой стороны, как заметили комментаторы книги «Разговор о рыбе» (М. Айзенберг, И. Ахметьев, Л. Улитина), проза Улитина «строго говоря, ни в каких специальных комментариях не нуждается» (Улитин П. «Разговор о рыбе». С. 189). В публикуемом тексте, по мере возможностей, мы постарались прояснить некоторые реалии, упоминаемые в книге. Что-то, увы, уже (или еще?) не поддается расшифровке. Мы отказались от полного комментирования скрытых цитат, поскольку в этом случае толкование оказалось бы в несколько раз больше самой книги (что, в принципе, нормально, но не для журнального формата). Некоторые примеры вольной цитации приведены в комментариях к первым страницам текста, в дальнейшем намеренное или случайное искажение цитируемого оригинала не оговаривается. Не отмечаются примеры цитирования, когда речь идет о произведениях школьной программы или об общеизвестных текстах.

Олег РОГОВ

Дайджест книги «Татарский бог и симфулятор» был напечатан в «Московском наблюдателе», № 1, 1991, с. 62–64.

Подготовка текста И. Ахметьева.

Комментарии И. Ахметьева, О. Рогова.

Переводы иноязычных фрагментов Т. Александровой, И. Ахметьева.

Публикуется с сохранением авторской орфографии и пунктуации.

ТАТАРСКИЙ БОГ И СИМФУЛЯТОР

144 стр

Ладно, пусть будет так. Пагинация с д.

4.12.75

Это как самому себе скорую помощь вызывать. Да еще и когда телефон испорчен и надо ползти на улицу. Был такой случай. Я прошел мимо. «Черная металлургия» теперь просто «Металлургия». Тяжелое промышленное повествование, его поднять не удалось даже А.Фадееву. А опытный был человек. Потенциального предателя назвал на всякий случай Стаховичем. На самом деле все было настолько не так, что сдохнуть от тоски. Этого анекдота я рассказывать не буду. У меня в запасе отметка на паспорте «Мозг продан». О человеке у предела, которому не век судья. Потешный репертуар. Будет рассказывать автор «Забытого фрагмента» ЕБЖ. Хотел сделать доброе дело. Не получилось. Надо заткнуть уши и под юного Ж.Сименона расстрелять двух неприятелей: одного читателя и двух электриков, водопроводчик тут не виноват. Толчок исправен. Вода течет. Света нет во всей квартире. «А мы что, рыжие что ли», рявкнул сосед, но остроумный человек, а?

2

Может быть, я тоже выйду на прогулку. Я отвечу «Добрый вечер, мисс». Если она мне тихо скажет «Добрый вечер!» А если не тихо, я тоже сквозь зубы: «Где же вы были раньше?» И ничто ее не бросит в дрожь. Ни Цыганка с погорелого корабля ни Турчанка, пляшущая на ножах. Два тома были. Два дома были на ножах, а теперь пол-Италии. И куда он собирается ехать? Разве туда можно ехать. «Пурга на асфальте». Ладно. Это для читателей А.Вознесенского. Кто первый сказал «И какой же русский не любит быстрой езды?» Видал я одного такого. Вот была мощная подталкивающая безымянная сила, которая и сработала. А на вопрос «Кто это они?» и до сих пор нет ответа. Ей придется ехать. Она, конечно, поедет. Трагично, чуть-чуть иронично, слегка саркастично, но в общем политично. А ее переименовали. Она теперь иначе называется. Телефонов таких номера, что пора ложиться и помирать. Сдохнуть от тоски с такими телефонами. Чего же он молчит, чудовище?

3

Мороз крепчал на крыльце, внезапно пролетел бомбардировщик, я испугался задним числом, увидя черные кресты, впервые так близко живую свастику. А он летел уже пустой, нахально низко. Декабрь начинался на деревенской улице, все еще было впереди. Станный медицинский случай, сказала докторица. Ты мне не можешь объяснить, как он его мог отморозить? Наивный вопрос со стороны опытного врача, но я махнул рукой и даже не улыбнулся. Мало ли что. Заснул на часах.

Командир полка привез мешок муки на дрожжах. Другая дивизия подбросила мороженую тушу. С скромный подарок от благодарных пациентов, а для них это великая удача – встретить опытного врача в сельской местности. Мороз давил.

Я пытался анализировать критически любимые стихотворения. «Самая бесполезная из наук – литературоведение», заметил инвалид на костылях и продолжал заниматься «Фаустом» Гете.

От того декабря ни одной строчки не сохранилось. Были такие карманные листочки, исписанные карандашом бисерным почерком. Я их, кажется, вставил в роман «Возвышенная организация», а потом уничтожил.

Она велела. Я долго не хотел.

Один раз машинки перекликнулись, а то ведь главным образом параллельно, пересекаясь в вечности-бесконечности, не больше. Тогда нужно взять образцы и склеить в одном месте, хотя бы так для разнообразия. У меня где-то была цитата из Кнута /Хамсуна/ Гамсуна по-русски. Напишите сами биографию, мир устал от биографий, их так много и все они похожи друг на друга, как четыре капли воды.

4

В соседней комнате долбили по черепу. Воспоминания о Маяковском у него интересные, а читать об этом неинтересно. Видали, а? У него в паспорте стояло «Мозг продан». А кто будет его изучать, препарировать? Проф. Фердыщенко, вот беда. Он тебе наизучает. От него жди. Это похоже на «допущенного к архивам» Бубнового короля. И рассказы о том, как бругой рвался к архивам. Агент первой степени. Первая ступень у той лестницы, которая кончилась выстрелом не в затылок. Несколько раз теория пародии смыкалась с рестораном ВТО: это когда Ю.Олеша и князь Мирский вели беседы на темы международного значения.

Условно считалось, что у них своя библия. Как 3 страницы из последней книги Джойса. В общем, если ты в ударе добрых чувств, то и четырехэтажная тавтология будет звучать карманно и лирично. Условно. Один ирландец о другом ирландце.

Just what I
told you!

Тоже описание звуков.

Вроде того как «разрывать и раздаривать». Нелепость жуткая. Такое себе позволить можно только один раз в 100 лет. Никто уже теперь не помнит продолжения «смотри чтоб он тебя не укусил».

Он теперь и есть «Крокодил». Устные варианты на тему: я Правда! Комсомольская! Ни Бог ни царь и не герой! Или опасный человек или минимум ксенофобства. В том случае, если рыбак рыбаку глаз не выключет.

Ничего нового не надо придумывать. Ляпать клеем и шить белыми нитками старым испытанным способом. Километрами заготавливать черновики и пудами писать прозу в жанре «в сумочке можно хранить».

5

And they are alike as 4 drops of poison.

Испытанные остряки декоративного овцеводства.

Теоретики животноводы. Звероферма – это в смысле чернобурок. Он мол изучает новым методом. Какой язык? Тот же самый? Сколько можно? Давно бы уж изучил японский хотя бы китайским методом. Это для папы с мамой.

– Но Вы сказали чэ-пэ!

– Я сказал «к Чэ-Бэ!»

Значит было иначе где-то в «Ихтиандр нашел потайную комнату». Кино-камера планировала панорамируя на меловые утесы правого берега реки. А я «А что осталось у Цыганки?» Это я видел. Ему цыганка пела и гадала, засматривая в глаза. Она умеет внимательно слушать. Она умеет играть и слушать. Когда вдруг «Тут все про меня!» Этого она никому не отдаст. Тут все про нее и для нее лично. Персональный подарок. «Вот ты выводы копишь полвека» /13-й абзац/. Из чего составлялись куски другой библии.

Первый укус яблока. Шопот на рассвете.

Бормотание молитвы. «Мы тут читаем твою библию».

Тоже в сумочке можно хранить.

Я забыл там главное было «Ираклий – он такой» и «Я не для того ушла от п.Лук., чтобы придти к п.Ев.» И еще что-то про «целая обойма» и полный джентльменский набор. Тогда это было искусство в кино в гостях в кафе «Ар.» С тех пор ее по книгам я встречал много раз. Далекие милые были. Я только фамилию режиссера не запомнил. Но имя им всем – Легион.

For a quicky. One of them even quoted «kiss me quick».

Like a fool I allowed myself to be drawn into some body else's sphere of influence. The price was heavy.

6

Famous but utterly unknown (except for three comrades from the secret security service) – the beginning, but the end is «and so on, und so weiter, et cetera, etc»

Контурсы машинописного текста с правой стороны, если избегать переноса, всегда по-новому неповторимы, но тогда их надо отмечать жирной чертой. Это наз. парафировать. Это когда две буквы Л и Б синим карандашом. Первое незабываемое впечатление в декабре. Но СЛОВА В ДЕКАБРЕ были другие.

НО ОН НЕ АРЕСТОВАН 24.11.75

ОНА ВРЕМЕННО КОЕ-КАК, НО СЕЕТ СЕМЕНА. А у Вас?

Собственно «Еврей Зюсс» – тоже Мармеладов.

А какие ты еще знаешь сладкие фамилии? Мсье Сюкрэ. Сарэ Кёр. Сакрэ Кёр. «Почасово» – это он так переводит «по-быстрому». Но первый вклад в такую лексику, еще в 1968 г. через «Искусство» и французское кино. Штукарь. Такая была шутка у Ивана Чайкина на уроке обществоведения в 6 классе. Вторая группа ШКМ – тогда называлось. Познакомьтесь с новой книгой: Ситников «Русская печь». Это когда? В понедельник 24 ноября диктор сказал. У КРУТОГО ЯРА художественный фильм. Для владеющих китайским языком.

Формат «сдохнуть от тоски».

Я тебя не в силах упрекнуть.

Тоже «Татарский бог»

7

НЕ ТА ВЕРА В КОСМОСЕ. ВРЕМЕННО.

Лексика Бержеера: километрами!

Пудами нависла скука. Пей, выдра, пей!

Мне бы в другую школу. Она умней.

Из тех завалов /«Старые заботы»/ можно устроить продолжение для читателя «Точки с запятой». Заказное для Гудкова. Нет такого. Где же этот гражданин? Он уехал в Тель-Авив. Его увезли. Утечка мозгов. Размягчение мозга. Почему у вас так много математиков? «А он им сделает кислородную бомбу». А они взорвут всю атмосферу. Теперь ведь нужно беспокоиться за всю Солнечную Систему. С точки зрения Венеры холодная война, с точки зрения Юпитера – горячая. А на Луне ни холодно ни жарко.

Смотри в оба: как бы тебя «Крокодил» не укусил. Они теперь знают твое слабое место. Все твои слабые места у них на учете. По улице прошла собака. У знаменитого юмориста детский почерк, сделала открытие остроумная женщина. Гнетущая тишина после ухода центробежных руководящих указаний. Ты с этими шуточками поосторожней. Они шуток не понимают. Я так и подумал. Возьму кусок Сименона с одной стороны и эту красную тонкую веревочку с другой стороны и добавлю туда Франца Кафки, а для равновесия «Мертвую зыбь». Это чтобы постоянное было напоминание. Это чтобы на видном месте было «в декабре снег до Дьявола чист». Удивляюсь почему он не расстрелянный чекист. Впрочем, у него еще есть надежда. Уже был такой намек.

Смерть на лоб наложит лапу.

Тихонов не виноват. Тихонов

вел себя корректно.

МНЕ НЕ ХВАТАЕТ КВАСА.

ВРЕМЕННО. САМОВАР ТОТ.

8

Температура в Араратской долине – это важно для Ноя, Сима, Хама и Яфета. Вообще-то говоря, это похоже больше всего на старика Моэма: и большой роман 20 лет тому назад и живет где-то на юге чужой страны. Но все остальное другое и вообще слишком вымышленное, даже натянутое. Впрочем, мы невольно судим с другой точки зрения. В плане одного стихотво-

рения /печатать или не печатать?/ похоже на правду, но опять же из других соображений. Совершенно невозможно себе представить: пришел человек к Тургеневу и спрашивает: «Это ваш роман или кто-то работает под Вас?» А он говорит: «Я уничтожил черновики». Так не бывает.

Вон на что это похоже: это похоже на переписку двух друзей в подворотне: «Еще раз напишешь, убью».

Мне нужно было вспомнить другую ситуацию. Скажем так. Я разлюбила читать монографии. Или прямо: «Я передала его лучшей подруге. А что я еще могла сделать?» Задумчиво и чудно, как чья-то песенка на короткой волне.

Больше всего там было такого, например. В перерыве после чтения повести Ойзермана, 5 человек стояло кружком, и сначала один сказал несмело, потом резко сказал другой, потом все помолчали. Тут же где-то «репутации создаются в университетах, а разрушаются на газетных страницах или в журнальном обозрении». Сразу же конкретный пример, чтобы читатель мгновенно мог бы возразить: «Нет, это скорее исключение, чем правило». «Улисса» переводит Хинкис, переводчик Апдайка, он «Кентавра» перевел. В добрый путь. Скатертью дорожка. С этого дело только начинается.

9

Он ушибся об мировую литературу. Потом – через 10 страниц – «тем и лечись» /по другому поводу/. Где-то в мае 65 г. одна страница с шариковой ручкой на ходу нахожу хи хи тут же в кафе под носом у той, которая сказала. Еще нелепей было портить переплет случайной стенограммой. Два раза «Литература в двух экземплярах» и – выходит – такой ритуал. ТОЖЕ НЕ МЕТОД. Методом веера – вон что. Вон почему похоже на «Пригласительный билет». А сегодня среда. А «Жестокий ребенок» – это нарочно другие слова. Это похоже на твое сидение на другом дне рождения. Было холодно и странно. Выходит, что я там тоже скучал и чувствовал себя лишним человеком. В лифте знакомство должно продолжиться, а тут лифт не работает. Что-такое «мон коржэ», нужно заглянуть в словарь. Все-таки посмотреть в словаре вынужденный падеж.

Феликс Круль теперь его лучший друг. Тут не поймешь, кто с кем познакомился. Был рассказ одного актера. Что ей написала Натали Саррот? А разве они знакомы? О том, что это старинная московская знакомая Марг. Али., мы узнали как-будто позже. Ах это называлось «Смерть велосипедиста» и было в Эстонии 1967? Страшная боль в суставах упомянута на другой странице. У трехтомника не было копии? Копии были, но они не были переплетены. Эта бумага появилась в мае и продолжалась до октября. Вот такие вещи, как «Глаза затравленного животного», нужны целиком или в другом контексте. Выходит нужно читать старые трехтомники. Может быть о велосипеде на большом формате там тоже. Какая она инферналка? Она просто беспорядочная женщина. Вы не согласны? Но понятно, зачем ты уходил и курил 20 минут.

10

Тут я не вижу продолжения в этом смысле. Разница была в ударе по клавишам на английской машинке. У меня на спине потом горело ощущение, как будто у нее было горячее домашнее платье. Нам помешала старуха. Мы сидели где-то в партере, когда к нам подошла Наташа и познакомилась с Ирой. От старого мира остался один разговор про красные колготки и танец исторической необходимости. Роман «Родион Щедрин» – он его может писать всю жизнь. 61-я стенограмма устарела. Там ничего, кроме адреса, почерка и двух писем. Но железный канат гипнотизировал по существу. Достаточно себе представить одну картину. Я помню озеро на рассвете. Я помню дорогу к главному озеру в жаркий день. Сазан у кустиков. Это как сверканье молнии в темноте или циркачка для зрителя в 15 лет. Фантастичность соображений не мешало чтению поэмы, но трудно теперь себе представить. Она обманет или не обманет? В конце концов иногда снилась чужая хата или пошлейший малограмотный чужой рассказ. Вот будет гребля. Ты приготовься, у трусов должна быть хорошая резинка. Я приготовился, но что меня ожидало? Просто фантастическое недоразумение: женщина: девушка с умом Бе-

линского, а от меня ожидался ум – кого? в тот самый момент, когда я бросал косые взгляды на ее ноги. Это я могу пережить, это как-нибудь. Тут не нужно искать цитаты из парходной жизни одной подпольщицы. Не такой уж он был лейб-гвардеец в городе Санкт-Петербурге, хотя впрочем может быть. Она его и не рисовала придворным офицером, не в этом было дело. О мельничном колесе в первый раз: оно казалось огромным, вода была черная, «коловерть» грозила засосать как щепку. Такой водоворот и сильное течение: может тут вообще нельзя плавать и тем, кто хорошо умеет?

11

Это слишком напряженно.

Тут даже узкий формат не поможет.

До сих пор не знаю ЧТО ИМЕННО.

Можно выходить и продолжать дальше.

Значит нужно иметь хотя бы один сон под барона Мюнхгаузена, чтобы церковь крутилась занесенная снегом, а мы вышли на дорогу в старом пиджаке. Вместо кремнистого пути блестел «Иллюзион», а звезда с звездой говорила на языке романа Апдайка или Джона О'Хара. Ну «Инструмент», по крайней мере. Чтобы она небрежно сказала: «Звонил Булат, напрашивался на день рождения, а я ему сказала: петь будет? Если с гитарой, то пусть приходит. Если без – ни в коем случае: у меня муж ревнивый.» Она его держала в черном теле. Это его слова. Вы бы сначала ее послушали.

И Ягода его не посадил, потому что либеральный был нарком. Кроме того, И.Бабель ему все объяснил: мол такая мини-Шутка.

ЖУТКО БЫЛО в узком промежутке неопытному человеку с таким направлением мысли. «Но я так думаю!»

И он действительно так думал. Он только не подумал, что мысли уходят и приходят и не он один так думает. Все начинали с этого, а кончали, конечно, по-разному. В том шамане двое инвалидов: вот был интересный разговор.

Потом последний разговор на Усачевке по дороге к трамвайной остановке, но шли почему-то мимо сберкасс.

12

Какая-то длинная фраза, которую написать терпения не хватит, вроде «Божественный Петроний, божественный Петроний, что вы мне говорите: божественный Петроний! Божественному Петронию жрать хочется, он голодный, как римская волчица.» Три раза повторяется. Как будто я хотел пива, а мне налили чашку кофе. Три раза с оглядкой на срочный долг. Кто кому должен? Кто это звонит? Кому это нужно? Обстоятельное сновидение с лестницами, ведущими вверх, с толпами, ползущими вниз. Как же мы там все так и оставили? Копаться будут. Но выход какой-то странный, нужно проползать на четвереньках. Погоди, посмотри, почему-то все побежали вверх: может там тоже есть выход? У киоска родные «Шпильки» продаются, хотя мы до сих пор не читаем по-польски, но там картинки и подписи. На развороте портрет Галины Ненашевой, и она не очень-то кому нужна, что поражает то, что она теперь уж Ненашева. И такая ностальгия, как острый нож, входит в сердце, что пора бы и проснуться. Но приходит зачем-то Наташка и говорит, что она голодная, но если предложить ей завтрак, она может отказаться. Но она не отказалась. Пришлось быстренько готовить три завтрака.

Об этом даже рассказать нельзя. Слишком «профетично». Тут сразу же «может пригодится» будет истолковано совсем в другом свете.

Вот главные СЛОВА В ОКТЯБРЕ.

А все остальное – это так. Антураж. Контекст. НО ЧИТАТЬ НУЖНО ВСЕ ВМЕСТЕ.

13

После этого он мне будет говорить «скушные истории вы рассказываете». Это деловой человек в кафе. Но он тут же, осененный вдохновением и может быть собеседницей, стал расска-

зывать действительно нескудную историю. «Жизнь начинается в 66 лет». Это не только про нее, это про каждого из нас, если мы доживем до ее возраста, ЕСЛИ. Но мы недоживем. Ормузд – конечно. И где-то было «настоящий перс» в «Дипломате» у Олдриджа: мы его читали в переплетной так внимательно, что можно сказать – изучали. Как «Оттепель» и «Русский лес».

А почему он это считает безнравственным, это нужно у него спросить. У критика Кардина, а спрашивать должен Евтушенко. Это про него. В Киеве живет один специалист. А рядом вопрос: «Но он называет имена, это по-вашему этично?» Но как он с таким характером отошел от поэзии и стал военным юристом, это не загадка. Он не отошел, он продолжает писать стихи. А юрист – это такая работа и военная специальность. А вы послушайте его друзей в «Новом мире» и увидите. Нельзя же сказать: был пулеметчиком, а стал финансистом. Нет. Иногда я помнил, что имелось в виду, иногда догадывался. Вот первое упоминание о романе «Испуг», это было в апреле 1966 года. В кафе «Лири», распространяясь по низкому потолку, прозвучала неожиданная фраза: «В отношении коммунизма ты прав, но в отношении проституции ты ошибаешься». Через год появится Зен д'Авестин. Или через месяц, а пока они еще соединяются у окошка кассира в день выплаты гонорара. 17 октября 1965 года вышел чудовищный номер «Нью-Йорк Таймс» – 946 страниц.

14

Телефонная трубка лежала на тарелке в знак того, что телефон выключен. У нас лента крутилась. Ты будь осторожна с ним, а то знаешь что получится. Суровый юнга хмурится тревожно. Но даже он стирает пот со лба. На эскизах Нолева-Соболева была работа на машинке в день рождения. Вы про нее расскажите, как она разговаривала по телефону. На «Забытую ленту» работал разговор. «Скорей уедешь». Видали? Чем скорей уедешь, тем скорей приедешь. «Я в ваши игры не играю». Еще не то было. «Я в твою игру не играю и следов не оставляю». На Пушкинской улице была какая-то другая машинка. А чья пьеса «Заговор императрицы»? Немного от каллиграфического почерка в Замоскворечье: «Дозвольте, Александр Николаевич, я перепису вашу пьесу». Что нужно сделать с машинкой, когда лента не крутится?

ЧТО НУЖНО СДЕЛАТЬ С МАШИНКОЙ, КОГДА ЛЕНТА НЕ КРУТИТСЯ? А по
какому телефону позвонить? 3.10.75

«Черный принц» оформлял эти «другие заботы», скорей фантазии, чем заботы. Что-то вроде сеанса психоанализа по другим рассказам и, в общем, по наслышке. Отец-исповедник в другом доме и мать Манефа о чужом монастыре. В этом улье старая штука не сработала. Шутка, я имел в виду. А потом она скажет: я не коллекционирую четвер. Или – я с ним не конкурирую. Или даже, может быть, «Вас еще тут не хватало».

«Но я не коллекционирую четвергазмы».

«Напрасно. В этом Ваша ошибка».

/Я имел в виду «Вы останетесь в истории только благодаря ЧЕТВЕРГАЗМАМ»./

15

Таким широким жестом делалось предупредительное письмо. Я прочитал внимательно 2 письма из Казахстана. Я просмотрел 8 с половиной страниц, написанных в мае 65 г. Вот самый старый текст на машинке. До сих пор не нашел копию «Одна» в театре Вахтангова. Чего хватало больше всего, так это выписок 52 года. Там было что-то связанное не только с «Русским лесом» и «Оттепелью». Как смотрит на вас новый мир? Косо. С некоторых пор ко-солапо. Теперь нарочито не замечая. Про 4-ю чашку чая случайно не у вас? У в.В.Паперного спросите. Кэтчер, друг шипучих вин, и еще тульский оруженосец, не считая актера из Тулы и пианиста из Минска. Кто вел счет на сотни. На килограммы, а потом на километры /«Я такие стихи могу километрами»/. Предупреждая ход мысли и упреждая один упрек, в этом смысле был смысл. Ударим по Сезанну Налбандяном. А он и тут не растерялся. Стал писать «Оборону Севастополя». Книга наз. «Творительным падежом». Старайтесь сохранить и в П остатки Б. Коллектор на Неглинке обещали сдать к ноябрю. Почему-то он не хочет, чтобы я его радовал. Станный человек. Обычно люди рады, когда их радуют. А моя радость почему-то не радуется, когда я его радую. И в таком виде хорошо звучит на лакейское письмо из жизни

Достоевского. Он был мальчик для поручений из книжной лавки Анны Григорьевны. Короче. Про последний день жизни даже актуально звучит: и благостно и страшно. Я сначала не обратил внимания на подборку Тамары Мотылевой. 12 лет для Томаса Манна закончились Южной Калифорнией. Там сказано за что они говорили спасибо Гитлеру. И Сартр и Эренбург работали одновременно, на английском звучат одинаково и неотличимо.

16

Разумеется, случайные слова. «Привидения на режиме» были в 54 г. Тебе отобьют охоту. Ходить в кино – не роскошь, а необходимость. Я не знаю как это насчет грамматики, но с падежами явный сдвиг в сторону малограмотности. Кто-то влияет в хрущевском смысле. А ты не обращай вниманиЕ. Это нарочно. Как будто три Формата. И три ответа на один привет. Она сидела и тихо радовалась. Она собрала всех, все довольны, она сидела и радовалась. Такое бывает один раз в 100 лет. Кому там чего нехватало? Кто был недоволен? Все были довольны. Ты за них не беспокойся, они свое получают. Ребенок был озадачен. РИТУАЛ был такой на лучшей бумаге большого формата: только способ припомнить и вообще чем бы дитя ни тешилось. Не от хорошей жизни. Я так и подумал. И такое было допущение. И что-то было от французского полицейского кинофильма с участием новейших фантастических средств: но какие фотографии, а? Отдав книгу в библиотеку, я тоже успокоился. Раздав пятаки на паперти, купец перекрестился. Идут картины, падает желтый лист, стучит машинка. Это еще хорошо, вот когда она замолкнет, это будет плохо. Если случайные слова. Потому что каждый Леня Губанов считает, что он Пушкин в своем кругу. Алена Черный Жук – мать смогизма. Старые истории. Сначала они играли в четыре руки, а потом в четыре ноги. А ему 77-й год и он беспомощный: ничего себе сварить не может. Лучшие театральные впечатления связаны с другим театром. Немного от Независимого театра, немного от писем Чехова. Там закрыли буфет на первом этаже, т.е. буфет не закрыли, но вход какой-то другой. 4 подпольных течения и случайность разговоров: это же не я сказал, а Гоголь.

17

Но такие шутки остаются в пределах английской группы или для преподавателей языка. Три страницы из Кинзли Эймиса. Кстати, где был его портрет. Кто из них похож на жениха из «Женитьбы Бальзаминова»? Один из них растрепанный и лохматый, это наверно Джон Уэйн, а другой подтянутый и даже франтоватый, это видимо Эймис. Старая фотография из жу. «Инос. лит.» ВОПЛИ были? Были. Конечно были. Кто у вас теперь читает «Роман» Ортеги-и-Гассета? «Настоящий еврейский муж», сказал Л.Робот. Ученица гипнотизера сидела рядом с доктором наук, и он ей что-то объяснял. Потом появилась тов.Лозинская с новым Хаджибеем, и я понял, что это демонстрация. Последняя баллада. Ни одной Татьяны я ни разу не встретил. Одно время я думал, что жу. «Сов. женщ.» или комитет ветеранов – но я ошибся, там работает другая.

4 ЛИСТА ШПИОНСКОЙ БУМАГИ.

Это было в «Детективной истории». Опять 30 дней недалеко от «Колокольного звона в зимний день». Мерные удары колокола доносились до речного вокзала. Один из них был московский Эжен Ионеско, а другой ленинградский резидент. Немец из кафе называл кафе «Ар.» – «моя резиденция», и это была точная справка. Если написать письмо на адрес «Известий», то ему всегда передадут.

Неузнающий голос как «по-байроновски собачонка меня встречала с лаем у ворот». Эти слова он сказал на Святой Елене. Про Париса ей не понравилось. Вот тот самый главный организатор и провел разговор. «Найдите другого /такого дурака/, сказал я. Тогда сделайте сами. У вас хорошо получается. По поводу бригантينو-флибустьеровской поэзии.

18

Андрей вдруг:

– Но это у тебя прямо мания преследования какая-то.

Ее преследует научный руководитель. И этот тоже. Но ты не знаешь, женщина всегда чувствует. И этот младший научный сотрудник тоже преследует ее своими разговорами о нашем общем друге. Отзовет ее в угол и говорит: ну давай посплетничаем о нашем общем друге.

Куда исчез портрет Кинзли Эймиса?

Главное, конечно, там было «не заманит шляться босиком». Это про горячую траву возле озера в жаркий день. Бродить без дела и без цели и ненароком, на лету набрести на свежую мечту. Слов моих сухие листья ли? И еще была забытая Фраза про сухие листья. Ловить, как прежде, шорох каждый. Я сегодня так грустно настроен, так устал от мучительных дум. Мать-отчизна, дойду до могилы. «Безотцовщина» – это мне потом объяснили, и я удивился. Никогда не чувствовал. Впрочем, когда один дразнил «Ага, у меня есть папа, а у тебя нет!» – пришлось заплакать, но было обидно по другим причинам. Потому что сестра заступилась, его старшая сестра. Было странное пробуждение. Я проснулся от готовности махнуть рукой и посмотреть сквозь пальцы. Разные подходы к Распятому человеку. Была и ревность: а чего он требует постоянного внимания к его личным заботам. Как будто он один такой. Слишком много саморекламы. Крест на Голгофу, это понимаю, но в мое время его несли молча, и если случайно сорвался с креста, так об этом ты привык молчать и даже 20 лет ни слова на эту тему.

Тут пошли личные счета насчет синяков и шишек.

19

Хожу смотреть я крашенные веки и слушать голос дублерши у картины, которую показывают в Москве. Зачем же такие слова? другие слова требуют других жестов. 14-й вариант. А дед с тоской глядит на колоколюню. Может пригодится. Сколько раз нужно посмотреть это слово в словаре, чтобы запомнить? Утрата. Утрачено. Ушла такая способность. Если не будет инфаркта, все кончится благополучно. Знаки другой системы. Неужели еще раз? Урок португальского языка – 3 страницы для чтения вслух. «Но мне нравится здесь» /Кинзли Эймис/. То же самое сказала Агата Кристи. Он путешествовал недурно. Рисунка пером не хватает. Знаю, что будет неудачным и нужно рисовать карандашом и все равно какая-то сила заставляет. Я проснулся от холода и зимней дороги в техникум физкультуры. Деревья стояли и стыли. Ты к чему готовился, ты что себе думал, ты хотел забыть и все начать сначала. Нужно было вставать, одеваться и делать вид. Там еще была книга «Голод и любовь». Халтурное произведение, но чем-то завораживает, может просто чужой лексикой. Опять тебе дадут японский текст и заставят объяснять одно мало знакомое слово. Я чем занимался? Я делал выписки. Потом читал что-то свое и, кажется, делал вывод: какой мощный ум работал, теперь уж я ничего не понимаю без напряжения, это все читать надо. Неугомонная старуха. Гуси-лебеди с другой стороны. Опять он гипотезирует своей проблемой: как нужно в жизни воспринимать крупного писателя. Это про Кинзли Эймиса. Еще немножко и западня кинематографистов. Они вам начнут объяснять, что такое писатель и как он пишет.

20

СУФРАЖИСТКА. Начинаящая Симона де Бовуар. Мы ее видели за работой в кинофильме «Великолепный». Она готовила курсовую работу. На ту же тему Кинзли Эймис написал «Досье Джеймса Бонда». Издатель славный назвал романом, рецензент рабочей газеты чем-то еще. Такая была веленевая бумага. Разве она бывает плотной? Эти письма с вензелями были на плотной бумаге. Да. Кусок дня рождения в другой комнате ушел куда-то. В сторону осенняя погода. В «Науке и жизни» – вот где было про мемуары Казановы. Как Феллини испортил редкое издание. Слова Стефана Цвейга – да. Сопоставление имени великого киношника с мировой литературой может быть началом новой статьи. Слишком много вопросов. А ответы в другом месте. Я видел рыжую кошку, она игралась с мышью на бревне в саду детской больницы.

Детским почерком цитата из Бердяева, это мы видели в «Зеркале» Тарковского. Ты мне прочти вслух «Писали б с позволения вашего». Он стоял в очереди на Дрезденку, и я сожалею, что у нас не было разговора. Но мы можем вести его мысленно. Мысленно покупаю «Историю инквизиции». Кто Вам теперь целует пальчики? Другие мальчики. Я повторял: эта «Европа» с французским языком не будет нам замораживать мозги. И сожалений нет. «Нет сожалений», еще раз повторяет Мандель, как бы уговаривая самого себя. Читать надо письма математика и публицистика физика. В этом смысле, конечно, опять ПОМЯНИ МЕНЯ В СВОИХ МОЛИТВАХ.

Не за столиком в Париже. Не монография по искусству. Не «вновь я полечу по улицам знакомым, усы плащом прикрыв, а брови шляпой». Не «как хороши, как свежи были розы», но что-то похожее на это.

21

Куски работы в движении.

Не такие КВАРКИ. И дата должна стоять где-то еще.

Расставаясь с миром, ты будешь тихо говорить другие слова. Ни в коем случае не «надпись на могиле». Ни в коем случае не «письмо одному человеку». Удивительная реакция: «А где продолжение?» Тут я верю этому читателю, ему действительно захотелось продолжения.

Эта девочка – русская по своему отцу /из военного романа Сартра/ – убегая из дома, сразу же решает: сойду с поезда в Париже и первым делом в «Кафе де ля Пэ», там всех найду. В каюте у капитана продолжение «Герострата». Он стал не тем, кем был тогда. Не мучил бы он вас, как это было раньше. Пойду опять на пристань. Какой сегодня день? Сегодня вторник. Я помирюсь с «Иллюзионом». Вот с букинистами будет трудно помириться. Может быть, он тоже будет в троллейбусе.

Он стоял около нее, а она сидела вроде как в кафе за столиком, если он вынесен на веранду. Яркий сноп света косо падал и освещал одну часть картины. Что-то было от капитанской каюты, но слов никаких не было. Был конец у предыдущих столкновений, и было недоумение потом. Я два раза ехал с вокзала, но только один раз на вокзал. Вот где нужны цитаты из Жоржа Сименона. Оказалось, мало конкретных напоминаний. Даже упреки звучали абстрактно, потому что во множественном числе. Я помню рассказ про 6 экземпляров. Чего он там собирал по всей Эстонии? Письма – да. Можно подумать, он был летописец у эстонского подполья. Как будто он собирался писать еще и тогда «Люди с чистой совестью».

2

22

22 рассказа – помню. Очень кстати оказался разговор про дом в Тарусе. Опять шансонье нажимает на слово «неРвы». От Рембо до императорских театров – четыре шага, это его жизнь в искусстве. Почему-то рисунок

В этих записях по существу ничего не было, но была атмосфера, ореол, аромат и напоминание. Вроде как увидел в кино и стало грустно. Почему я подумал, что это слова актера? Вот вранье-то. Зачем ему это понадобилось? Пусть врет, если ему это нужно.

Это про Феллини.

«Теперь пиши сам». А как писать? У меня и слов таких нет, я их никогда не писал. Почему она не сказала, что можно сначала черновик на другом листе бумаги? Крики с улицы в виде сновидения: «А вот ножи для убийц!» Карнавал кончен. Фиеста ни с места. Фигура умозрительная, как любовь к абстрактным рассуждениям. «Конспект романа» в высшей степени показателен. Да не было такой ситуации. Прыгать в воду на мелком месте – это было. Удариться животом при прыжке в воду вниз головой – это было. А нужно было задерживать дыхание. Но какой удар я видел на улице, это было в Зачатьевском переулке. Опытный человек, ничего не скажешь. Немножко похоже на «А ты смелый парень, хоть и еврей.» Почему-то на улице Луначарского. Кстати, он про нож ничего не говорил.

У валуна с надписью «Охраняется государством» я делал остановку на велосипеде. А змея попала мне на другой дорожке. Это было до урагана. «Друзья, прекрасен ваш союз». И ваш тоже. И фотографии тоже.

3

23

Он был как выпад на рапире. Собирался я еще раз входить в интересы автора предисловия. Как будто ты никогда не читал об Аполиннэре. Как будто не существует великой английской литературы. Один раз было хорошо. Вот для чего существует библиотека. Два мальчика в разных концах России сочиняли рассказы про тайные силы, кровь и ведьмацкий уклон, не считая мальчика из Пензы, про которого существует великое стихотворение. «Я думал: она умнее», сказал военный человек, но он и тут с военной точки зрения. Лучше сказала одна девочка с улицы Черняховского: «Для меня она как гений». Из этого окружения потом не доносились звуки. И тут слышнее стали звуки, не умолкавшие во мне. Кто посетил? Оратор римский. Кстати, что ответил Папа римский? И за что они на него напали? Что-то про Данию

весьма неопределенное. А на улице мальчик сопливый ковыряет молча в носу. 4 страницы у Сартра жутко забавные, где он одного своего парижского персонажа называет просто «пролетарий». Пролетарий прошел по улице, пролетарий сказала, а на это пролетарию ответили. Давно я не звонил в кв. № 686. Мы бы узнали из газеты. Японский диктофон до сих пор в ушах звенит. А какая дружба была. Кстати о «Дружбе». Замечательный был рассказ «Наглая операция». Пусть оно стынет. Красное вино должно быть подогретое. Чьи-то заботы о здоровье, и опять фигура из кафе «Отдых». Трижды чертыхнулся, один раз сказал «Осподи помилуй!» Артист Бомбардов на эту роль. Роман о Португалии «Но мне нравится здесь» написал Кинзли Эймис. «Вот какую книгу я бы с удовольствием зачитала», сказала остроумная женщина. А то они портят себе репутацию из-за всякой макулатуры.

4

24

5

Что-то с другой стороны заставило забыть накал эмоции вокруг условий осажденного города.

Что значит «не без Интернационала»? Было в «АНАпесте»/1961/. Меня заворожала догадка насчет коллективного коллекционирования в этом доме. Но для этого нужно было иметь Пушкина в издании «Академия» и представить себе его судьбу после 8 декабря. И он погиб, судьбу приема. Какие же это аллюзии, это просто одно сплошное цитирование стихов, без передышки, утомительное для читателя иногда до чрезвычайности. Я верю, что это по памяти, я знаю, что это наизусть. Черный четверг – это 27 октября. «Если революция меня сделает диктатором», начинал фразу Бернард Шоу. И даже «если когда-нибудь», то он сделает то-то и то-то. Это из предисловия к «Дому, где разбиваются сердца». Не забыть, что там было про обломки старых поколений.

Если бы там было хоть чуть, хоть какой-то намек на желание войти в чужие интересы. А то ведь там главным образом «разделите наши заботы». «Скорей уедешь». Видали? Какая дилемма была у пана Станислава Лемма, я не помню, но пан Мариан Эйле уехал в неизвестном направлении. Мне приснилась записная книжка колонизатора, и я проснулся в холодном поту. За все шуточки над хунвэйбинами придется отвечать по роману «Белый лотос». Ведь я же не против желтой власти, у меня же есть строчка «солнце, воздух, маоизм укрепляют организм».

Я даже для вавилонской ямы написал сегодня 5 страниц.

14.10.75

СЛОВА В ОКТЯБРЕ

Будем считать, что слов в октябре больше не будет.

5.

25

6

Но возмутительная постановка вопроса насчет БЕЗ НАДЕЖДЫ? Веребочки надо разматывать и читать давно написанное. Ему, видите ли, нужно еще раз. Это для чего? Порадовать двух бездельников на берегу Мертвого моря? Как будто у нас не хватает других забот, нет, Вы ему так прямо и скажите. Читать – мы все читаем, но чтобы отвечать на все вопросы – это уже слишком. Он забыл. 14.10.75

Это для нас редкая вещь – у нас тут читать нечего – вроде «Зеркала» Тарковского: такой Витязь за неимением лучшего. А у него там большой выбор. И все впереди, начиная с обморока в ПЕКИНЕ и кончая инфарктом. Чего он еще от Вас требует? Романа «Родион Щедрин»? А «Максим Шостакович» ему не нужен? Нет, Вы его спросите. Он дни и ночи читает «Из России с любовью», так ему еще нужно и «Кремлевское письмо». Мало того. Ему нужен и МОЗГ ЦЕНОЙ В МИЛЛИАРД ДОЛЛАРОВ. Мало того. Ему нужно и «Начинайте революцию без меня». Он имеет возможность читать «Вкус власти» и еще требует «Она выбросилась из окна». Пусть читает Джона Флэма. Это мы никогда не прочтем и не увидим, а его может только лень ограничить. Как они там друг друга подзуживают, это интересно, но не тогда, когда на наш счет. Как бы резвясь и играя: нет проблем! У них нет проблем. Они покончили со всеми вопросами.

6

Да, но выходит, что эти 6 страниц надо читать в японском порядке, а лучше вообще в единстве со всем остальным еще пока не выброшенным. Оттого-то шум и крики. И эскадра на реке.

26

«Почерком Евгения Шварца» я хочу заменить какое-то другое сокращенное расстояние. Чтоб не мучиться – от чего? От чего?

Будь осторожен, если ты куда поедешь.

«А в пятницу мы Вас ждем».

Это было сказано в субботу. 27.9.75

Ах она сказала Мы – да? Ах вон что. И что-то было насчет «ну не 3 года, но 2 года с лиш-ком». У меня зрительная память. Прекрасно. Но вызывать человека в кафе – это традиции 50-х годов! Ого. Ее еще не было на свете, и она весело хохочет. Нет, она все-таки была уже на свете. Но в каком тысячелетии Вы живете, уважаемый собеседник? Вы помните?

Это уже пьяный разговор. «Коньячные ритмы» когда-то были, но не на машинке. Последние упражнения на английской машинке похожи на КОНЬЯЧНЫЕ РИТМЫ. А почему бы нет? Важен факт сам по себе. Пусть она скажет небрежным голосом: звонил Такой-То, но у меня вечер был занят, и я ему сказала: приходите в пятницу». Ну почему Вы не даете возможности СЕБЕ ПОЛЬСТИТЬ МИНУТНЫМ ВНИМАНИЕМ? Но почему. Если открыть большой формат, то сразу же «Паэза Сэра».

Вот это я понимаю голос деловой женщины. Больше того. «Женщины, имя которой – МАТЬ» 45 минут прозвучало и вызвало многочисленные комментарии. А мне нужно двигаться. Меня ждет ВНЕ ВСЯКИХ ПОДОЗРЕНИЙ на Саввинской набережной.

27

Море удовольствий гулять в Чертановском лесу. Некогда резать бумагу.

Черный берет чертыхнулся по поводу новых погрешностей из тайной жизни балерины, которая еще не вышла на пенсию. Холод странный. Через 2 недели ответ. Значит все письма не пошли. А он не получил письмо на бумаге с дырочками. Чепуха жуткая. Что ты там увидела? Или что услышала? А ты что услышал? Или на дорогу погулять ты вышел. Другие Лыдевы, сменив, не заменили Вас. Кстати о Кинзли Эймисе.

Игра в карты по-научному, старуху играет Бетт Дэйвис. Но я тоже хочу пить по-научному. Что-то я не заметил иронии.

6.10.75

Нет других там. Плохое стихотворение «Сердце друга». Что же там еще? Пулеметная скорость. Под эту трескотню хорошо дремать после итальянского кинофильма. Но тут приходится смотреть и еще много такого, потому что удлиненный сеанс. Как Вы себе представляете продолжение «Братьев Карамазовых»? Какой контингент? Вот сдохнуть от тоски. Кто хочет читать, у того нет времени на чтение. А тут обожравшиеся пенсионеры требуют все новых и новых книг. Но как они там весело живут. Но посмотри, как они там режутся. Ты видишь, что один страдалец говорит другому страдальцу? И все это написано ровно за 24 часа до последнего поступка Лены Строевой.

28

Кто мог рассказывать про полемику Ильфа и Петрова с режиссером Александровым с новыми подробностями? Лев Коган рассказывал о Сергее Эйзенштейне и это было несколько позже. Одноногий студент танцевал с костью на Малой Пироговской. Осенняя погода стояла на Погодинке. Тут будет сидеть Лев Толстой из серого гранита. Внимание – только если день рождения. Старинные заботы и переживания: продал облигацию, а она выиграла. А не надо было записывать номер. Но интересно все-таки. На Пятницкой мне никто не показал Юрия Олешу, поэтому я его и не видел. Можно сказать, я 3 года мимо него проходил и не знал, что это Юрий Олеша. Там больше всего вокруг учебника литературы для 10 класса. Конечно. Про 7 июля 77 года придумано, хотя, возможно, и в пределах вероятного. Такие рассуждения отскакивают, как от стенки горох. Оказывается, я читал эту книгу. Единственное, что можно

сказать, – это что она читала эту книгу и прочитала до конца. А в конце тоже забавная страница про «сорри-сэр» сервис: тоже ничего нет, но тебе говорят «сорри, сэр» и тебе от этого легче.

Вот когда самому себе скажешь, читая про себя: «А где продолжение?» – вот тогда вдруг одно отличается от другого. Профессор из Будапешта в Париже мыл тарелки и собирался переводить свою диссертацию на французский язык. А она выбросилась из окна. А он что? Но я читал только рецензию. Я бы тоже хотел прочитать такой роман. У автора почему-то английская фамилия, впрочем, вероятно, псевдоним. Вот еще одна книга, которую мы всю жизнь собирались читать.

29

Шла 44-я пресс-конференция на тему:

– Меня до сих пор спрашивают, почему я отказался от такой суммы, как 365 000 шведских крон.

Это Ж.-П. Сартр еще раз напоминает о том, что он отказался от Нобелевской премии. Уже все забыли. Уже давно говорят о другом лауреате, а ему, конечно, обидно. Особенно обидно то, что не он первый вообще отказался. Первым был Бернард Шоу в 1925 году.

4 года ему нужно чтобы развернуться? Много что-то. И четырех месяцев достаточно. Ему надо торопиться. Иначе он не доживет до своей окончательной победы.

Напрасный труд. Запомнить невозможно. Я помню первые слова. Он сверкал безумными глазами, стараясь запомнить. Всуе. Правда, потом будет возможность вспомнить и импровизировать. Потом у него будет много вариантов на эту тему. Это такие бесконечные мотивы. Если, конечно, это понравится. Если. Вот был последний разговор на кухне.

– Лешка, почему он не ругается матом?

– Ты понимаешь, у него столько слов, что ему не нужно ругаться. Ты понимаешь, он как начнет говорить такие обыкновенные вроде слова, но они ядовитые, а ты ему не можешь ответить, потому что он не ругается. Но он тебя и без мата может уесть.

Это Алексей Пономарьков в Таганке.

Я не знаю, зачем мне это понадобилось. Там не хватает для полного счастья сокращенного расстояния при помощи карандашных отметок. Но правильно было сказано: читал невнимательно, ничего не понял и даже цитата есть у него.

30

На балконе 8-го этажа чувствовался запах гари. Где-то что-то горело. В доме на четверге пахло керосином. Был последний архиерейский съезд, и мы стояли в стороне и наблюдали, как прыгали бородатые мужики в трусах в воду с берега озера у тополей возле колодца Рябухиных. Ты пустил в мастерскую, теперь не жалуйся. Он заимел себе своего собственного ксенофоба. Сам виноват. Но ему это как раз и требовалось: чтобы все было как у людей. Ведь главная тревога ГМ и ЛР – это «но почему не как у всех: с протоколом и официально, зачем нужно было выкрадывать ключи от квартиры из курточки, которая висела на стуле в редакции?»

«Лярусс»? Вы уж извините, так было принято в ту эпоху, когда читателем Ленинки был Ленин. Но «Ларусс» – это по-моему как «Зола». В Черкизово шел 41 937-й год. С того четверга прошло 400 столетий. И опять на балконе 8-го этажа запахло керосином. Где-то что-то горело. На этом деле он крупно горит. Это Л.Робот сказал про Измайловский Зверинец. Мы подробностей не знали. Но эти важные детали до нас еще не долетали. В 10-м ряду сидит Солженицын, сказал Олег Ефремов. Все кинулись к дырочкам в занавесе рассматривать Солженицына.

31

С поэтами о стихах, с актерами о пародии как будто всю дорогу разговор о мировой литературе. Петюша у Достоевского тоже о России. Но там ораторское искусство главным образом. В этом смысле «Ни дня без строчки» тоже главным образом о русской литературе. Тихо уходили собеседники. Где впервые – в «Кирпиче», конечно. Если бы знать, из каких кусков вырос «Кирпич», можно было бы найти в черновиках. Размышлений о Джойсе больше всех. У читателя библиотеки иностранной литературы в Москве: интересно, но только для

других читателей. Там был Шверубович и опять про два титана. Продолжение «Театрального романа». У входа в атлантическую культуру стоит русский поэт, и ему предлагают заведовать рестораном. На самом деле продавать пирожки под «Негритянский квартал», но сожалений не было. Кому ты посоветовал? Странная женщина. Как будто вчера приехала из Новосибирска. А я не нашел «Сенсацию».

Источник как родник, с палочкой два гусара, одноглазый генерал – тонкая британская ирония. Вульгарные страницы про Сайгон – тоже солдатский роман. У магистра Коврина на Селигере нехватало дайджеста. Сначала нужно иметь список страниц, потом отметить карандашом. Устные рассказы мешали с одной стороны. 9 месяцев не прошло, но умиротворенность через «Плывать только не с кем».

1

Б; 3;

32

Эта любопытная комбинация из двух форматов позволяет приблизиться к чужим заботам.

Под «Черного монаха» написан «Герцог», под «Бесы» написана «Кончина мадам Петуховой», нет, «На даче» у Бунина и одна глава из «Жизни Арсеньева».

Цена 16 копеек.

Я себе иначе представлял такую работу – продолжение «Герострата».

«Чемоданы принимаются только от чемпионов».

Так и знал, что этим кончится. Я искал «Фотографию пулеметчика», а можно было открыть «Стилистику скрытого сюжета». Японские радости одного журналиста. Но Кирсанов уже умер. Как полный текст письма запорожцев турецкому султану. Известный исследователь Аполинэра помнит, у него спросите. На Песковатке у него был яблоневый сад, о котором мечтал усталый раб. За этот бред подай мне сад на старость лет. Это обращение к Господу Богу у Марины Цветаевой.

Этот старый дайджест по «Разговору о рыбе» странное впечатление производит. Его можно переписывать с добавлениями или размещать по-новому уже готовые абзацы, но зачем? Имело смысл еще раз «Неон особой чистоты» – да. Все это нужно выбросить, а «Мельничное колесо» законсервировать. Две недели в августе я хотел. Два переплета из Пушкино тоже. А что она сделала с остальными письмами? Неужели сожгла? Одно письмо хранилось как реликвия, но только одно. Это я помню. 3 дня и 4 ночи – это еще надо проверить. Но письма из Кирсанова – это Европа по сравнению. Такой переплет, но он и дорог нам такой.

2

С.д.Б

33

Симфония жуткая. От Свифта до Вольтера. Свист. Вот что непонятно. Впрочем, была потребность продлить удовольствие. Хабаровский житель в столовой – да. Это был наш последний неторопливый разговор. И такой формат. Где-то были позывные у этой цитаты. Я думаю, что это беллетристика. Впрочем, для рыболова достать мышьяк еще трудней, чем накопать червей. Нужны плоскогубцы-кусачки. Кусок проволоки и напильник. Впрочем, любая палка из алюминия или костыли могут быть превращены в пиратское оружие. Ихитандр не знал о существовании потайной комнаты. А рукописи профессора сгорели. Мне все хотелось найти переключку знакомых пейзаже на Песковатке с тем, о чем я читал в романе Нэнси Митфорд о Париже. Аккуратно переплетенный сценарий мне понравился. Вон чья работа. У Поля Гэликоу что-то с пальцами или от сидячего положения, он перешел на диктовку. С таким трудом, с такой неохотой я пойду в бассейн плавать, как будто к зубному врачу. С «Дорогой в Донской монастырь» сложнее. Крик «в пампасы» отсутствовал. Нэнси Митфорд исчерпала тему «без лампасов». Агата Кристи не доходит. «Раз разрешили, это уже советское искусство». Колин Уильямс об этом не сообщал. А сзади амбара в пыли я нашел заряженные патроны от винтовки: минувшего боя следы. Кусок свинцовой пластины я обменял на охотничий порох. Нечего

мне делать в этом доме. «Удалось написать про Лентулова». Приглашение остается в силе. Опять коридоры чужой власти, нет, лучше посох и сума. Я не запомнил настоящую фамилию Андрея Платонова. Может быть, «Бог железного батальона» – это тоже он. В кино у французов главным образом заботы тайной полиции. У вас иной напев.

3

34

Сухие листья с тополя падали на серый асфальт. Не очень холодно, но люди идут в пальто. Обещали мороз, но мороза на балконе не видно.

Малапага значит дурной округ, плохой район. «Разговаривая со мной, он разговаривает с кем-то еще, а с кем? Это я никак не пойму». Похоже. Похоже на открытое письмо. Обращаясь к одному, он еще пишет другому и имеет в виду кого-то еще, Вы сами знаете кого. Я получил ответ на «До нас все доходит». Но вот вопрос: когда захочется писать ответ?

У губернской хроники были другие телеграммы. Нет, ты лучше открой английскую машинку. Если тебе холодно, описывай жаркий день.

Я сидел на ученом совете, на трибуне стоял Яков Миндин, а ему кричали «Громче!» Он переждал паузу, потом заговорил опять негромким прежним спокойным голосом. Но стало тише. Это было в главной аудитории, там, где сидения амфитеатром. Мы будем читать «Волны» или «Я тьму бумаги перепачкаю». Ты меня очень огорчаешь своим отношением к библиотечным книгам.

О тетрадях с записями лекций. Надо вести так, чтобы конспекты лекций единство составляли а то одна лекция как будто вытесняет другую, и обе никакого отношения не имеют к третьей, на которую мы сейчас пойдем. Выходит, все сводилось к тайным замыслам, и у каждого были свои. Его главную мысль я понял: все друг на друга похожи и в общем взаимозаменяемы, иногда даже женщину не отличишь от мужчины. А каждый самому себе кричит «Я свободен!» и перед началом войны. Вдруг у него появляется просто «пролетарий» и тоже что-то говорит и действует. Это вторая часть военной тетралогии.

4

С д Б

35

Как будто шрифт машинки – это уж такая индивидуальность. Разница тут только в том, что она не осмеливается на машинке от себя, а он стесняется. Казалось бы, коллекционировать можно и открытки. Началось бы, и приклейки в один адрес достаточно. Или вот еще. Слова в жанре «для разрезки». Не прочитано и как бы не существует. Эмоций слишком много вокруг встречи. Мне опять в уши разговор в доме дружбы, где большой человек африканского государства говорил по-английски странные слова.

Там были турусы на колесах и информация про Ормузда, основателя древней религии и что-то записанное в кафе. Контур портрета. Прическа – да, тут пришел собеседник и рисунок кончился.

Петюша что ли, осень в Сокольниках. У нас нет «Дракона», а я хотел перечитать кусок. Жутко красиво в этом заброшенном саду. Разноцветный ковер из осенних листьев и скамейка есть где сидеть и вид на помещицью усадьбу, белые колонны. Ясень уже без листьев, старый ясень первый теряет листья. Это все можно увидеть из окна на рассвете, когда холодно и странно, а комната соседей стала общим достоянием. И то хорошо. Можно и не накачивать. 4 глотка горячего кофе и еще одна сигарета. Что там еще было с другой стороны?

5

36

Значит больше всего «Ираклий Андроников рассказывает» /в 17 часов/. Слишком много от нового накопления нейтральных слов.

Мне сказали, что там

неправильное построение из почтовых радостей. А кто с ним конкурирует! Это не вопрос, это восклицательное утверждение странной информации. Кошка музыканта в разговоре с

собакой скульптора, а разговор идет о работе хозяина. «Вы меня держите в курсе». Опять придется цитировать Поприщина. Я давно ждал такое письмо.

Тут можно не ставить дату. В том смысле, что он могло быть написано и 4 года назад.

ХТОНИЧЕСКИ рассуждая, явление другого звукоряда, понятное с точки зрения теории множеств, но не ясное для опорного пункта у.в.д. исполкома. Известный специалист по холоду: «У вас тоже продают настурции?» Исследователь Океана: «Что-то эхолотное от одного вида кашалота». Бесконечно малое приближение к чужой абстракции. Двояковогнутое зеркало, как черный ящик: странная игра, зачем ему это нужно? Он считает это остроумным? В списке он стоит последним, но его вызовут первого. У меня сын такой и две племянницы пишут, как Андрей Белый.

ЗАМКНУТАЯ СТРУКТУРА

Но был приятный разговор. Жалко только, что он повторялся. С одной стороны предмет наших постоянных интересов, с другой стороны занимательная психиатрия: интересно для начинающих врачей.

Они ведь небось до сих пор ни одного такого живого ТИПА не видали.

6

3;

37

И итальянские газеты за конец сентября. Меня смущали эти поиски. Я не нашел в своих за-
валах. Теперь пошлешь разыскивать как милость. Вот этого и не наго было делать. Тебя пред-
упреждали, что с этого как раз и начнется. «Огни» или «пожары» имел в виду Олдос Хаксли.
Потом одно старинное соображение насчет как много значила пара милых пустяков, которые
она подарила на прощанье. Нельзя к этому привыкать, будет трудно бросить. Это как новый
богдыханский чай. Человек, отведавший такого чая, уже не может возвратиться к старому
напитку. Сказки брата Похлебкина, вы ему не верьте. Это он все сам придумал. Ну хорошо.
Последний блин комом. Но тут пошла такая кулинария, которая непременно требует гостей и
знатоков. Жалоба генерала де Голля: как можно управлять таким народом, у которого одного
сыра 400 сортов. Как только захочется показать незаконченную картину, так считай: работа
над ней кончилась. Возврата не будет. Две реплики – и испорчен замысел. Не надо было по-
казывать. Еще хуже, когда вместо рисования идет бесконечная болтовня. А зачем? Ему и так
хорошо. Он добился такого состояния, когда все кажется легко выполнимым, так выполнять,
может, и не нужно. Тут же сообщается и несусветная уверенность, что уж такую-то простую
работу он всегда сможет выполнить. ЭРС еще раз из «Лиры» уводит к неведомым пределам.
У него будет инсульт, а не инфаркт. Но это мы знаем об этом и только теперь, а тогда все вы-
глядело по-другому. Может быть, вы его увидите в последний раз. Я буду рисовать по памяти.
Мне не требуется рисунок с натуры.

7

38

видимо, больше всего «войска Донского фронта закончили разгром Сталинградской группировки противника»

к сожалению, мы были лишены возможности

что-то вроде персонажа Ильфа и Петрова Витя Славкин из «Юности» и Миша Зинкин из «Искусства кино», и тут же наш великий Л.Робот, не считая этого «новомирца», с которым он сошелся в Коктебеле /он пишет о Щедрина, а в остальном неинтересный человек/

у всех на нее были одинаковые шарфы, и все мерзли у киоска в очереди за «Неделей», но это уже было в книге «Макаров чешет затылок» /1967/.

21.9.75

Так уж случилось, что Жюстина Севериновна сидела в кафе в тот день, когда мы ждали Олю и Асаркана, а пришел Леня Невлер и сказал: «Бороду я привез с Целины».

Это было осенью 1958 года.

«Труд без капитала» – просто небольшая шахматная композиция.

Потом пошла старая давно знакомая история. Я был обескуражен скоростью гланы г.о., тоже наивный человек. «Союз возвращенцев» – вот как это называлось. «Прощеный» из Испании. Такая арифметика. Один говорит – Нет, один человек – это пропаганда, два человека – это пропаганда и агитация, три человека – это организация. ШУТОЧКИ ТРИДЦАТЫХ ГОДОВ.

8

39

Эти полстраницы разговора в столовой на Петровских Линиях, я всех помню в лицо, но никого по фамилии. Это вторая страница «Фотографии». Сначала можно вместе со «Стилистикой скрытого сюжета», а потом в виде заметок на полях. Я тогда читал вслух страниц 120. «Зачем тебя вызывали в райком партии?»

Доцент Разгон: «Откуда у вас это? Кто на вас влияет?»

Но вклеить не удалось. Первый вариант «Хабаровского жителя» – 400 страниц – это и был 61 г.

А ВОТ мусоропровод, сработанный еще рабами Рима /и попал тоже не туда/. Где-то были огрызки, осколки, отрывки из первого «Поплавка». Но и «Кирпич» /50 стр. в 1960 г./ позабыт, позаброшен. Но кто будет читать эти тома «Литературного наследства». Для специалистов. А специалистов юмор не интересует. Они тоже шуток не понимают. Пан Славист увидел «под Фолкнера» и тоже не заметил длинную пародию.

Нужно было игнорировать. Эти куски тоже сокращать нужно, например, про деревню Глинки. Зачем это тут? Вон еще. «Конспект романа» был. Помню. он не пригодился. Лучший вариант «Мельничного колеса» /5 стр. в 75 г./ – как «Еще доходили открытки из Парижа».

Потом мы стали ходить по досчатому помосту, это почему-то считалось короче. Тут был пруд с коричневой мутной водой и пиявками. Мы купались. А в том пруду почему-то не купались, но там были лодки, а зимой можно кататься на коньках. Это против дворца Шереметьевых.

9

ССС АЛ

40

Сокращение как творческая процедура: это к писцам не относится. А чего тут творческого. Оставь надежду. Гони прямо как попало, лишь бы покороче. Меня поразило распределение абзацев у книги Сартра про войну и мир: как будто нарочно клочки бумаги, маленькие клочки, были в разных местах, а соединял не он, а машинистка. Подумаешь, ритуальное соображение, но оно и должно входить в ритуал.

В конце абзаца, как будто подводя итоги – это про фразу Моэма – у него чаще всего стоит афоризм, который в иных книгах обычно стоит с красной строки. Зачем все это нужно и стоит именно здесь, сказать трудно.

Астангов смотрел «Гамлета», как великий актер смотрит великого актера. Что-то серьезно говорил партнеру в фойе возле партера. Профессор Массальский пришел смотреть Аркадия Райкина, и тут кто-то громко крикнул на весь партер: «Павлик!» Массальский всполошился и стал оглядываться. Вроде «с кем был Балашов на концерте пианистки Юдиной». Мне не смешно. Будут схожи лица. Имена повторяются. «Досье Джеймса Бонда» – выходит, это роман у Кинзли Эймиса. Вот рецензия. Вспомнил наконец стихотворение, которое я прочитал в «Известиях» в 1934 году. Николай Сидоренко, но оно мне до сих пор нравится: и Казанского вокзала городская суета и книги и мимозы и наша комната в Москве. Вот чего не надо говорить другому поэту. Он сразу же скажет: плохой вкус. Но не читайте Маршаку вы эпиграмм на Маршака.

Он стоял у бильярдного стола и с важным видом натирал кий мелом, и мы почтительно его рассматривали с какой-то мыслью вроде «вот как коротают досуги великие мира сего». Никому и в голову не приходило, что можно подойти и заговорить хотя бы о стихах.

10

С д Б

41

Может ты моду создашь ходить с биноклями в музей на Волхонку.

– Как мне попасть в 6-й павильон? У меня был абонемент, я по привычке. Неужели на улицу выходить в таком виде?

– Не имеем права. Ничего. Добежите быстро. Никто и не увидит.

И он побежал в свой павильон.

Билет с датой 27 сентября 1975 года и часы проставлены.

Ты мне рассказываешь ИНТЕРЕСНЫЕ СЛУЧАИ ИЗ ЖИЗНИ ЧЕТВЕРТОГО ПАВИЛЬОНА.

Конечно мне не до них и ты можешь это понять. Я могу опоздать действительно. Но я могу действительно опоздать. На «Урок музыки» Эдуара Манэ. Парижский критик сказал: «Не надо путать урок живописи с уроком музыки». Ты это все сама увидишь. Такой торжественный день.

27.9.75

Тут важен дневник или бортовой журнал, как в настоящем детективе, чтобы все выяснить досконально. А что Вы делали в пятницу 23 февраля 1930 года? Он ответил. В высшей степени подозрительно: помнит все даты.

Усталый раб не открывал 7-й том Чехова. Другой усталый раб забыл открыть 7-й том Достоевского. А ВЕДЬ ТАМ КАК РАЗ ВСЕ ЕСТЬ. «Где у Гудзия сказано, что «Бесы» – это роман номер один?» Разговор через 22 года тоже. Когда он сказал? Это сказал не Гудзий, это сказал Павел Улитин, но из скромности в 1944 г. приписал это Гудзию.

11

Крик; п.ц.б.

42

Было нанизывание ерунды методом веера, показываются пять растопыренных пальцев. «А палец он показывал? Будет показывать». Это уже было в сценариях французского кино.

«Разговор, подслушанный в книжном магазине». Но его надо читать вслух.

Старинные милые шутки из учебника французского языка. Кстати, и нарком не гнушался цитировать Марго. Сколько тогда было сыну лет? Возможно, того же возраста. Репертуар Юрки Иващенко, вот у него и надо спросить. Рассказ начинался с утверждения. Мол его друг все помнит. Старик не писал мемуары. Ладно. «Разговоры со Сталиным» он тоже не читал. А Хайдеггера ему недопереслали. Он подробно пересказывал «Злоключения добродетели», но там никакого садизма не оказалось. «Убивать таких надо», это уже сказал читатель маркиза де Сада, сам писатель ничего такого не говорил. Мы остановились на «майн-ридовщине» в послесловии Набокова. «Персей и Андромеда» заканчивается, по-моему, описанием подарка и фразой хозяйки дома «Это я уберу». «Богато живут гады академики» «Члены СП приравниваются к кандидатам». Звук распространяется по низкому потолку. Если это – не указатель страниц, тогда я уж и не знаю что. Указатель и, возможно, даже к «Уклейке на учете».

12

АЛ с.с.с.

43

Переписанные с другой скоростью

абзацы – вот что получается. Продиктовать такие физически невозможно. Я себе не представляю такого урока, впрочем, с одним условием работал и кусок из Нормана Мэйлера один раз. Она жаловалась, я ее измучил. Мама приходила и выходила, по разговор был обычный, ну может чуточку оживленнее, чем всегда. Он ведь всегда как бы пьяный, а ей, конечно, это нравится, ну и пусть. Все равно, из этого ничего не выйдет. А для пользы дела /для карьеры дочери в Наркомвнешторге/ это даже хорошо. «Два сапога пара». Это была ее шутка, которую она повторяла с явным удовольствием. «А чего приходила Елена?» – пренебрежительным тоном спросил мальчик. Но он был в том возрасте, когда и мама ходила в дурах. Она ведь тоже ничего не понимает. В некоторых вопросах конечно.

По телефону она вела себя как веселая вакханка, а когда я пришел, она испугалась. «Самая красивая художница в Москве» – сказали ей в одной редакции, но и без того Юло Соостер еще на Таганской площади заметил, когда мы пришли вдвоем. У «Герострата» просто новый

вариант, его нужно переписать на большом формате через 2 интервала с учетом последующих добавлений. Три лица, как будто три разных человека, смущали с самого начала, хотя еще не было никаких оснований сравнивать ДО, ВО ВРЕМЯ и ПОСЛЕ. Таким светом окрашен «Пост-импрессионизм» или «Капричос» Гойи, когда все происходило весело и внезапно, без комплексов. Вот теперь об этой покойнице или хорошо или ни слова. Она умерла в Париже от тоски по родине. И она действительно умерла и действительно от тоски. Тут даже самые злейшие ее враги в жизни ничего не могут возразить. Ужасные вести. Жуткие новости. Последние извести известия: во всех газетах было, у них конечно.

13

44

Ах это оказывается тоже Шамфор. «Любовь – не более, как соприкосновение двух эпидерм». Значит Франсуаза Саган цитировала Шамфора. А мы думали, что это пан Мариан Эйле.

Несколько раз строго: «Но и выписки хранить не следует». Это про «Польшу». У кого их больше? У кого их больше, тому и нужно об этом сказать. Нет, это было до фотографий из коллекции актера Сладкого, но возможно, после цитат из Юлиана Тувима.

Дубы. Каштаны. Под липами улицы Горького был такой разговор. Где боролись два медведя. Ах это цитата из «Галантного века» в переводе критика Фриче. Мадам Фриде презрительно пожала плечиками. На нее эта страница из «Опасных связей» не произвела впечатления. Откуда такая информация? Не совсем «из головы лошади», но Вы видели ее дочку у театра «Ромэн». Кстати, зачем Вам понадобилось изучать афишу цыганского театра? Мы полчаса за Вами наблюдали.

Они снял голубые очки и спрятал их в карман. После одного неудачного разговора в троллейбусе я не решаюсь заговаривать с актерами. Я его с трудом, но узнал. Он вышел у Никитских Ворот. «Совесть» Будимира /Метальникова/ меня отвлекла, а про Каменщикова я уже забыл. Еще был Мыльников, тоже хороший человек. Конопаткин с Квашонкиным, помоему, не знаком. Инякин пронес арбуз в авоське. Махнов, наверно, умер. Это все для дома номер 10.

14

Б; 5-я н.

45

ЕСЛИ БЫ ПОНТИЙ ПИЛАТ ВЕЛ ДНЕВНИК

19.9.75 Мравинский в дек. 54 г. – вот по какому поводу

Такая тетрадь в клеточку, купленная в киоске холла гостиницы «Москва».

Тут такая история, при которой совершенно неважно когда она происходила – конец 50-х или середина 60-х или начало 70-х годов 20 века в России. Лучшие люди России на новом этапе – сначала это воспринималось «кум grano salis» /потому что слова т.н. ЛЖР в кафе/.

«Любовь мертвеца» – чьи это стихи? Нет, ты мне скажи, сколько было детей у Льва Толстого? 10 или 12? Зачем тебе это нужно и какая разница? Хочу все знать. Хотя важнее знать, что она все-таки 7 раз переписала своей рукой «Войну и мир». Не считая «Анну Каренину» и «Воскресенье». Не считая всего остального.

Линь – самая живучая рыба. Звонить ей? Зачем это же только ее обрадует: она всегда в курсе. Таак Таак Такая Элеонора Дузз. Такая Сарра Бернар. Такая Ермолова. Почти Комиссаржевская. Итоги – да. Опять будут СЛОВА В ОКТЯБРЕ. Хотя ЕЖЕГОДНИК «Писанина 1975 года» давно закончен. Нет повести печальнее на свете. Забыл рецензию на «Липовую аллею». Еще проф. Иваш. про этот роман. Потом еще что-то еще более важное и интересное. Что я внимательней всего прочитал – так это ПРЕЛЮДИЮ к появлению ЕЩЕ ОДНОГО МАЛЬ-чика в качестве эмиссара в кафе. Радости немецких халтурщиков «Если бы Достоевский вел дневник». «Если бы Лев Толстой вел дневник». ЕСЛИ БЫ! ОН ВЕЛ ДНЕВНИК, но им нужно написать свой – покороче и по-своему. Если бы Карл Маркс вел дневник. Вот нахалы. Если бы Иисус Христос вел дневник.

15

МА

46

«Но мне нравится здесь», Кинзли Эймис в 1958 г.

200 самолетов мадам Гризодубовой бомбили мой маршрут. Даже не чтение, а сокращенный пересказ анекдотов из чужого архива. /«Подготовьте мне Москву. Срочно.»/

Одно замечание НА ПОЛЯХ у.н.к. Там, где была плохая копия и что-то на двоих.

Только крупный скот молчит.

Два нумизмата, один из них шведский король.

Это по поводу фильма «Крест и маузер». У Л.Никулина про «читает в архивах Центра».

Как «Дом Анны Снегиной» в 1975 году. Туда подъехала ихняя «волга».

Прямо ведьма с Лысой горы. С таким парком на черта станешь похож. А что еще хуже, чернила замерзли, приходится карандашом писать. Дочь военного из дворянской семьи. Короче было в «Старике, которому не спится» /в декабре 57 г./

От него мы и слышали эту историю в 56 году. Созвездие Скорпиона. Уж не АнтАрес ли? Древние его называли Звездой Мира.

«Жаль жутко, сэр, но новый «Завет» мы еще не получали, а старье Вы, конечно, уже прочли?»

Просто ту интонацию, с которой надо прочитать два слова «имею честь». На самом деле, уход ехидный выпад и ядовитая европейская ирония, убить может одной интонацией и придраться невозможно. «Прошу!» а вид у него такой, как будто матюкается и сейчас в зубы даст.

в декабре 54 Мравинский торжественно руководил исполнением 10-й симфонии Шостаковича

«Вся Москва» /сказал Асаркан/

16

3; О;

47

Где были отдельные страницы,

с них начиналась ЛИТЕРАТУРА В ДВУХ ЭКЗ.

Два раза из одного письма пришлось процитировать «равнодушна к вещам». Они приковывают к месту.

Пожалуй, тот незаметный во всех остальных отношениях день, когда я видел Киру Иванову в фойе Художественного театра рядом с Рабиновичем. Ничего удивительного, они вместе учились, и она тоже поступала в ИФЛИ, но потом передумала и пошла в школу-студию МХАТА. То время, когда мы, приехавшие, смотрели на все широко открытыми глазами, прошло. Я это услышал от него уже через год.

Потом шла какая-то длинная художественная чисто качаловская пауза, две тетради и один огромный переплет, после чего даже шведский король вопрошает «уж не собираетесь Вы и меня сделать марксистом?» Девочка из клана Мэнсона. Как будто так уж всем понятно, что такое кольт. Я до сих пор не уверен. Например. У немца-«фольксдойче», поселившегося в доме, где квартировал первый секретарь райкома, был в кобуре кольт или ППШ? Бургомистр играл с тяжелым кольт. Он хотел произвести впечатление. Он произвел.

На том самом месте, где Ваня Миронов в сухом каюке своего деда показывал нам огромного голавля, я потом повторял только глупые слова вроде «один раз из-за Вас чуть не утопился». Я знал, кто смеется и плавает на мелком месте, где песок на пляжном месте у кустов, но мне и в голову не могло придти, что там купается мама моего сына, ха, довольно пошлый аргумент.

17

С д Б

48

м.б. ЗАЧЕМ ЛЮДИ ХОДЯТ В ТЕАТР

/для В.Шитовой и И.Н.Соловьевой/

еще раз под «Серебряную монету» в «Первой комнате»

это похоже на «историческую неточность во второй главе».

ВОТ КАКИЕ БЫЛИ АБЗАЦЫ В 1965 г.

Телефонная барышня голосом Бога Саваофа «Ваше время истекло, мадам».

Лучше было, когда мы слушали про тетушку князя Нехлюдова. То, что рождаются девочки, подтверждает теорию М.Гехойзе или Л.Лиходеева по поводу того, что талант передается от деда к внуку. Московская раса идет вперед. Но только этой безумной женщине пришло в голову, глядя на распашонки, что надо немедленно действовать. Это похлеще, чем «Нефть» Бабея.

«Если бы я знал, я бы побрился». Тут пошел Шпанов чистой воды. Никто не поверит. Никто. Она сидела на раме моего велосипеда, но я был занят тем, чтобы не свалиться на левую сторону. Кроме того, опять мальчишки у меня в кино украли насос. Она игриво отскочила и помахала ручкой. Я так и понял. Нужна теплая ласковая песня ухаживаний и внимания на 9 месяцев, по крайней мере. Нет. Хватит. Нет. Это не для меня. Так кончился этот маленький деревенский роман.

18

49

Видал, как получилось? Не лопнула жилка, а просто соскочила. Я исправил английскую машинку, ну хотя бы на один день.

Exactly the same. Something

Something like that. 19:9: 75

Веселый фабрикант и его лучший друг. Там еще папский нунций и что ему сказали от имени доктора Геббельса. О лирическом и тайно-личном начале образа Мефистофеля у раннего Гете: он мол преодолевал свои недостатки, в том числе и демонизм. В каком произведении и в каком томе истории западной литературы Вы нашли? Это такой текст, для понимания которого нужно изучить историю западной литературы по всем странам хотя бы в сжатом очерке, но не раньше Жан-Жака Руссо во Франции и не позже Брендена Бихэма в Ирландии. Про белых лошадей и 5 фунтов в месяц – любимый рассказ В.П.Гудкова. Но для этого нужно было сколько прочитать! 20 томов. Я не знаю, как он читал И.В.Гете, но «Фауста» он цитировал в садике для прогулок. Главного переплетчика звали Курнат, он уехал в каком году? В конце 52 или в начале 53 года.

У Махно осталась дочь на Арбате, вот у нее и прочтите. Она вам будет цитировать Короленко. Короленко, выходит, очень уважал ее отца. Удивлялся, по крайней мере, его влиянию на украинский народ. Был Дзюба, у него были усы Бэстера Киттона, но может я его спутал с другим Тарасом. В таганрогской гимназии уезд в Москву приравнивался к побегу в Америку или уходу в козачество. Раньше были запорожцы, а теперь юмористы.

19

ЖБ

50

Мне все кажется, что главный анекдот Пушкинской улицы до сих пор не повторился. Там было что сказано? Усвоенный Андрей Белый эпохи «Крещеного китайца», недочитан «Котик Летаев», точно так же как то, как он читал Пруста. На уровне поэмы К. Симонова «Павел Черный» /в 1938 г./, но не дотягивает до Саши Черного «Компромисс Парнаса с блудом». Маша Устангова правильно сказала: «104 страницы про любовь» у Е.Шварца не найдешь. «Ты вообще своего мужа читаешь или нет? Мы тут как-то дождливым вечером почитали вслух, ты

знаешь, много поучительного». На другой кухне был другой разговор.

Чему радовался Альфонс Додэ? Написал «Письма с мельницы» и уже думает, что все сказал и про войну и про мир. Пока он только все сказал о выпивке. Такой страдалец и все они там страдалцы, они пьют каждый день. Естественно, что жена недоумевает: какая же это тоска по родине? Давно разоблаченная морока. И вообще чего ему еще нехватает? Плавательного бассейна и чтобы плавать с Иисусом Христом, на меньшее он не согласен. Но он правильно заметил – «казнят навязчивых претеч». Вот вы после этого будете говорить «слабые технически стихи». Или как сказал московский модернист: «Ведь до сих пор он еще ничего такого не сказал». А он ждал такого и продолжает ждать. Ему важно козырнуть: «Был у Эрэнбурга, Оренбург сказал». Махорочные сигареты из Парижа, портрет Эрэнбурга работы Пабло Пикассо, там ты попадаешь на высоты. А тут что?

20

З Б

51

Но закрой ты свои бледные ноги. Потом что я еще хотел? А-а, попробовать новую копирку. Переписать одну отмеченную страницу из 2-й части. Сделать дайджест по «Переписке с друзьями». Отправить шпаргалку для разговора с веткой Р Палестины. Отдохнуть. Сдать книги в библиотеку. И еще что-то. Но звонить тому, кто помнит Звенигород? А то кому же еще. Больше никому. Потенциально.

Всякая ерунда в конце августа. Но не надо меня заставлять что я не хочу делать. Это похоже на «Тяни-Толкай». Хуже. А кроме того, не надо его баловать, он и так избалован. Он хочет все сразу. Через год подведем итоги, через месяц поговорим.

«Я буду вести паразитический образ жизни».

– До каких пор?

«Пока мне не надоест.»

Вот был откровенный ребенок уже в декабре 1954 в Москве.

Ладно. Вот как надо читать старые записи. Через 2 года после просматривания нужные слова вспомнятся, вот это и есть настоящий БОЛЬШОЙ ДАЙДЖЕСТ.

21

А т.у

52

Польский оттенок касался франкмасонов.

Слова, услышанные в Ростокинском проезде через 20 лет по поводу «Жизни дяди Джо в самом сжатом очерке». Вот их и надо читать и хранить. Как стихи на смерть поэта или 10 страниц из архива Анны Ахматовой. Меняются портреты. Городская сумасшедшая. Но как их замолчать заставить? Это про тупые свиноподобные рожи. Сны Гоголя. Ксенофоб, я видал твою мать. Мало того. Я слышал от твоей матери: «Он был грубый, мстительный и более примитивный». Денег на копирку нехватает. Но там все-таки хорошая копирка. Но уроки «Уклейки на учете» не пригодились.

Это все нужно выбрасывать. А для разнообразия уход в пятый угол. Там была пачка большого формата. Вот странная пара: ей 75 лет, а ему 15 или 25? Но об этом уже написано. Где-то вроде «за неимением лучшего» по-французски. И 65 стр. тоже. Еще что-то там. Из «Сенсации» И.Во тоже, а потом указания выбросить, потому что устарели.

22

Б

53

Такие возмутительные вещи, конечно, возмущали. В высшей степени не во время ставилась точка. Эти абзацы были от руки на карманном формате, но они разбросаны и это не к лицу. Это просто неудобно. Такой обычай: так не доставайся ты никому. Но военная муза ух-

дит от полковника к ефрейтору. Такая прожженная сука, продажная тварь – эта муза. Сам такой. Потому. Есть разница: один говорит, другой пишет. Еще одна: один думает, другой действует. Халтурщик вокруг «Пигмалиона». Один записывает, другой отыскивает разные гадости про КЖ. А что там было про «свои б. похождения с ученицами»? Напоминает заочное обучение в Ростокинском проезде и сказки Мейеровского тупика. Главным образом книгу про Улитина. Но для этого Улитин должен умереть. Он так и сказал Улитину. А Улитин ему опять «Не хочу чтобы ты умирал». А он ему: «А я хочу». Но это же было на четверге, как же ты не помнишь? Общество одноглазых весьма тайное, почти как «Черная рука» по-немецки, но с польским оттенком.

23

А СН

54

Ее еще нужно найти. Такой нелепый ритуал: найти, переписать. Не читать ничего нового. Разные варианты ПРО-СЕБЯ: на выброс. ТАКОЙ теперь РИТУАЛ. 28.8.75

/ было интересно когда-то вроде как попробовать новую бумагу
на машинке. ОДНА НОЧЬ НА ЧУЖОЙ МАШИНКЕ тоже. /

Тут нужно по-английски. Много ты там наговоришь в Италии. Чао. Чао бамбина, ариведэрчи Рома. Я по-японски знаю больше. «Как тот человек, так и этот – оба дураки». Был такая УГА. Удовольствие от русско-английского словаря было мимолетным. Быстро пропало желание. Но два варианта в «Герострате» могли пригодиться.

У музыкальной жизни в Кисельном тупике не было фона зубоврачебного кресла. Тогда на Трубной была срочная помощь. И возле Политехнического музея тоже была зубная неотложка. В «Детском мире» мне сказали. У планетария надо сойти. 106 стр. в кармане. Все понятно, но иногда нужен реальный комментарий. От чтения вслух иногда хуже. «Еще одна затоптанная страница» – по крайней мере знак и критерий.

Еще меньше было «вроде выписки из библиотечных книг». Но такой Апдайк все-таки пригодился. А завтра утром на рассвете заплачет вся моя родня. Вся твоя семья будет радоваться завтра чуть светочек. С поэтом в ресторане Нью-Йорка было в старых выписках. «Уклейка на учете» тоже. В старых тетрадях затерялись «Уроки удочки».

24

А

55

Где-то была одна страница, вклеенная забыл куда. Также была третья копия. Неважно.

А это просто для разгона.

Слова на выброс. Они остаются, но их читать необязательно. 10 синих тургеневских переплетов тоже. Нужен большой дайджест.

«Японский транзистор» мелькнул, поразив своей напряженностью. Теперь уж неважно. Хотя «Сердце Россини» надо найти вместе с первоначальным окружением. Это надо искать именно в этих синих переплетах. У вас другие заботы, я вас понимаю. Но он должен считаться с чужими нежеланиями тоже. Вот был текст.

26 августа было какой день? Вторник. Но даже мысли о таком разговоре отбивают охоту идти в библиотеку. А это уж дальше некуда. Я составил шпаргалку-список на всякий случай и отправился в библиотеку.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО – как остановка на английской машинке: 6 копий и ни одного читателя. Зачем это нужно?

– Зачем тебе третья машинка? Но раз тебе надо, я не возражаю.

В жанре неотправленного письма, начиная с открытки Пастернаку в 1957 г. Тут «Звонок и тополь» и еще что-то. И цитата из Путлица. Об англичанах в Кембридже, нет, в Оксфорде. Из-за черных лебедей на пруду пришлось удивляться. Почему никто не догадался просто раскрашивать увеличенную фотографию: тут вся палитра в чистом виде и даже Университет вдали на фоне золотых куполов на среднем плане. Т.е. наоборот, но под размышления живописца в 13 лет «масляные краски сами пишут».

25

56

«Форель» Шуберта на рисунке Курта Кламанна. 32 килограмма макулатуры. Макулатурщик принимает макулатуру и выдает талоны. Надо тоже. Мы сдадим макулатурщику макулатуру, он нам даст талончики, а потом на эти талончики мы возьмем в магазине новую макулатуру. День будет не без событий. У меня еще где-то есть старый «Божий мир». Тоже занятие.

Такой пустяк в театральной библиотеке. Что-то про невинное занятие, акварель, цитата из Диккенса, а как действует на суету сует в книжном магазине, где я простаивал по 8 часов в день. Вдруг жизнь становится другой, и ничего теперь не надо и никого теперь не жаль. «Прощеный» после Испании, дорого ему досталось, но интересней всего роман «Честь и слава Каталонии». Вот где картинки к выступлению И.Сельвинского в Колонном зале. Еще раньше я видел колеса у той телеги, которая видела убийство отца и его товарища из Ростова. Я притаился в низы тяжелую винтовку и недоумевал: как они делают обрезы из такой махины, а? Дамский браунинг – игрушка, впрочем, у Алексея Толстого в ранних рассказах он был любимый персонаж. Две сестры, одна художница и неперемный браунинг в сцене ревности. В рассказе он ее застрелил, в романе только погрозил, не выстрелил. За мной остался выстрел. /Это еще два слова про гаиенды и вентиляцию./ Удивительная способность каждый день в течение 4 часов писать всякую ерунду.

26

57

/А потом указания опустить. А потом найти новые цитаты в случайной книге из библиотеки. Это военный роман про Вьетнам, хуже «Тихого американца», но лучше «Тонкой красной линии». Нет, конечно, не лучше. О смерти героя не может быть и речи. Четверг 28 августа. 28.8.75/

Может «Тропинка и 100 дней» /1962/.

В левом ящике комода я устроил пожар, когда мама ушла на работу. Но самая большая тайна хранилась в кабинете. Там сложные комбинации с затворами обеспечили сохранность даже при ночном ограблении. Вот где. После этого они мне будут рассказывать «все очистили». Мы шли пешком 30 километров и ночью заночевали у лесничего в Чиганаках. Красивые места. Лес у озера. Домики в зелени, множество старых могучих деревьев и первобытная тишина-темнота. Николай Демин – вот мы с кем шли. Весна 1930 года – последний год для многих, в том числе и для Деминых-Бугуновых. Их выбивали постепенно. Суяровы уже кончились. Тихон Ефимович держался до 1938 года, но все-таки загудел.

Еще шли бесконечные рассказы про плен, про белых, про Перекоп, про «тигулевку», про последние убийства и расстрелы. Отец Ивана Павличенко случайно вышел во двор. Его окликнули. Мимо ехали. Он тут же и упал. Отец Васьки Ковалева был тоже свидетель. В правом ящике комода не хранились дедовские кресты и медали. Я думаю, мама их побросала в печку. Гуляю с вами. Найти надо. Он Шуберта наигрывал. Опять Шопен не ищет выгоды. Хорошо было Шостаковичу. Ему сам товарищ Жданов наигрывал на рояле. Вот это музыка.

27

58

Знакомство было в другом случае.

Я помню сверху чистую полосу бумаги и слева широкие поля. А разговор действительно о литературе. Его проблемы. Теоретически. То ли для реанимации, то ли для улицы Боборыкиной, он постоянно путает, зная, что прочтут в любом случае.

Мне нужно было заглотить и я заглотил. Из черной обложки другой разговор. С четвертой стороны главным образом про результаты 61-й стенограммы. Из «Большой четверки» про большого китайца. Письмо начиналось словами «Дорогой черный кабинет», а кончалось словами «уважаемая безопасность». Это нахальство со стороны Моше Герцога. У магистра Коврина не было конкретных планов. Он не писал ни К.Леонтьеву, ни В.В.Розанову, ни Победоносцеву. По смыслу слова для души. Такое моление о чашечке чая: Господи, мимо не проноси. И кофе тоже по-турецки, запивая холодной водой. Ситичко было у Остапа. У Тараса

был сын Андрей. Оба учились в бурсе. Хата Пахома. Золото Булата. Кольцо Потапа. Для тех, кто помнит Паралепу и ураган над Эстонией в 1967 году.

Кто там был в темноте как штык? Грузин-пилот на суде в Вильнюсе. Остроты бог знает какого гада повторялись из года в год в архиве Черчилля. Эту фразу про пулемет у ИФЛИ и надо было выписать. Вот способная ученица. Но зачем она ушла от Розовского? Что ей Цветной бульвар? Один бил сапогом, другой душил в разное время. Судья сочувствовал, несомненно. Про дырявые носки – вот главный анекдот на Усачевке.

28

3

59

В каком виде он пересказывается профессором, спросите у доктора наук. Еще был такой абзац, я его потерял, неужели у Фоменко? Фольклорный ансамбль играет эту роль.

Три раза наклонился. Еще раз поклонился сапогу, а не лаптю.

Такая напряженность даром не проходит.

Из каких-то других соображений цитировался Вольтер. У него 5 томов рукописей посвящено царю Петру. Один Пушкин их и читал. Императору некогда было.

И комната в Москве тоже и шипучий яд и «От меня скрывали существование Магомета». Легко определить по бумаге. Ссора с натурщицей была на другой бумаге.

– Хорошо бы уйти в люди и поговорить с Водопьяновым.

Пять в четыре.

– Хорошо бы походить по России.

Это видимо после Священной римской империи германской нации. Еще жил в Останкино, но уже договаривался насчет Усачевки.

– У тебя на рубашке пятно, ты не поднимай руку.

Но у мостика почему-то был третий, и я помню хорошо, что это был Спирин.

Дератани – вот чем нужно было заниматься в эти дни. Чем и занимался, например, А.Леонтьев. Но они еще не разъехались, значит это было до каникул.

29

АЛ

60

Это как с речью Антония на могиле Цезаря. Такой кусок Тэрбера, которого нет у самого Тэрбера. Или перевод детской считалки на другие языки, как в случае с «Лудильщиком». Резко не то. Через месяц мы получили новое письмо, но в нем ни слова про то, получил ли он хотя бы 2 последних письма. Или бред или шифр. Бред или сложная система зашифровки, поэтому открытку ты давно получил, хотя она написана позже. 12.9.75

Наконец-то тебя не будут упрекать. Мало того, что читает, но и делает те же самые выводы. К словам в мае я хотел прибавить куски 61-й стенограммы. К «Стилистике скрытого сюжета» я хотел прикрепить выдержки из страниц, написанных под «Пепел и алмаз». ЕЩЕ ОДИН РЫЦАРЬ тоже. Сон смешного человека с упоминанием Понтия Пилата. Для человека, который помнит почерк Пастернака. «Евгений Шварц умер!» – закричал Книжник диким голосом. Его возмутило больше не его нахальство, а ее доверчивость. Он схватил графинчик после другой реплики.

Зверский перекося. Просто другая конструкция, тут надо выждать и посмотреть другие письма по другим адресам. Что-то там другое по личному поводу. Опять ни слова про телефонный разговор. Хотя это было, конечно, позже. Трик-трак. Из области Шалтай-Болтая. Круть-верть – слова для игры в лото. Штучки-дрючки из другой книги. Тут Кривицкому оксфордский словарь не поможет. Тут должен главный стилист, старинный испытанный специалист отвечать на вопросы.

30.

пагинация 2.12.75

3

61

Все зависит от привычной работы. Узкий формат когда-то помогал. Выбросить.

«Шел высокий человек маленького роста». Что там еще было? Но по крайней мере, это подмечено и дан пример. С гвардейцем пехотного полка, я не заметил, конечно. Чьи-то стихи насчет староверских казачьих полков. Да, вспомнил. Из тех же самых соображений был разговор о стихах в доме Пастернака после смерти Пастернака. «Я знаете ли в стихах ни бум-бум», признался на прощанье хозяин дома. Чего же он молчал об этом весь вечер? А они старались. а они ему читали стихи.

Другими кусками монтаж сначала как будто глава, начинающаяся словами «Кусок урановой руды», а потом почему-то «Дневник Понтия Пилата». На конспект романа не похоже. На 65 страниц тоже. На упоминание ресторана «Термояд» и кафе «Мегатонка» тоже. Я не знал, что тут по улицам ходят мировые знаменитости. У Телескопной улицы я услышал разговор о Евтушенко, но у них какой-то свой Евтушенко.

– Со мной танцевал император! – весело сообщила Натали.

Пушкин почернел. А она, не заметив, продолжала: «И ты знаешь, я ему, кажется, понравилась». Пушкин промолчал. Только на следующий день пришли слова: «Было бы корыто, свинья всегда найдется». Нах-виц конечно, но в следующий раз он так и скажет.

Конечно, их обманули переводчики, но вместе с тем, они поняли ситуацию правильно. Они в общем правильно толкуют, но у Хемингуэя нет ничего про Лувр, это придумали переводчики. Значит, они не заглядывали в самого Хемингуэя.

Опять эта Зельда.

Она попала даже в журнал «Здоровье».

62

Выходит, что этим нужно пренебречь. Рассеянные заметы и есть вклад, а собрание их вместе есть главный труд, а кто будет собирать, это не твоё дело. Главное было сказано: не делайте ничего такого, чего бы Вам самому не нравилось. Не входите в чужие интересы, они меняются, вы войдете, а они уже изменились, уловите свои собственные интересы и все время их придерживаетесь, во всяком случае не забываете о них, иначе вам удачи не видать. Ведь ерунда же, а? Даже при таком подробном указании можно все понять по-другому. Важно понять по-своему. И если это будет по-своему в двух противоположных вариантах и иногда с полным поворотом кругом, тем лучше. Но зачем такие нежности при нашей бедности?

Еще раз придется сокращать невежливое письмо.

«Ее кто-то усиленно убеждал ЧТО» – конечно именно эту страницу и надо было отметить. Да. М-даа. Вот, братец Кролик, какие дела. Об этом должен знать Пятачок. Но как же мы будем скрывать от Винни-Пуха? А если об этом узнает Кристофер Робин? А.А.Милн догадается.

Вот у кого ушли все заботы. Женщина в Париже. Но он знает о том, что он ее видел в последний раз? Не надо ему об этом говорить.

НЕ НАДО ЕМУ ОБ ЭТОМ ГОВОРИТЬ

63

Она моя соперница. Ты ее больше любишь. У него две есть, так он хочет еще третью. На мои деньги он хочет расширить свой гарем. Обращение к пишущей машинке. Остроумная женщина острит с утра пораньше. Вот чего не надо было делать. Он ушибся об мировую литературу. Туда пришел Барабаш. Кто свирепствует в искусстве кино, я не в курсе. Еще есть возможность, но она, по-моему, дышит на ладан. Это про нее. Это про открытки из Парижа и письма из Праги. Видимо, 1923 год или немножко попозже. Я хотел увидеть газету «Беднота». Еще раз в пыльном углу амбара поискать чего-нибудь интересного. Граммофон стоял в большом амбаре, и это было до отъезда сестры. Туманные видения на Северном Кавказе глазами Дос Пасоса в 1919 году. Они прошли как тени. Мелькнули ее колени. Роксана голосом Мансуровой еще звучала на Арбате. Наше первое знакомство с Астанговым было в кино. Фильм «Аристократы», а речь шла об Уайлде по-русски. Может, его тетка до сих пор жива. Или тот его собеседник, заявивший: «Не мы к вам, а вы к нам придете». Вакансия поэта. Он был как выпад на рапире. Есть в опыте больших поэтов. Меня озадачили чужие знакомства. Можно было не стараться. На всякий случай я делал выписки из детективной истории. Тут больше всего

было препятствий для написания нового стихотворения. Ему это полезно. В таком случае он его должен приветствовать. И в этом случае будет триумф родительного падежа.

64

Видал, что получается с письмом в один адрес. Опять цитата из «Посоха брата Моисея». Палка Арона Долгополь. Т.Могилевская. Б.Рязанская. П.Тамбовская. А.Астраханская. Ж.Кубанская. А.И.Казанская – тоже Божья Матерь, не считая П.Юркина и всех остальных. Под чего это? Под ту страницу, где было «А он и на второй взгляд ничего». ОН ТОЛЬКО В ПРОМЕЖУТКЕ – жутко веселилась ю. женщина в шашлыках «Эльбруса» на Пушкинской площади. Это было в районе «Стилистики СС» и возможно «Фотографии с пулеметом» /май 1965/.

«I just opened my bloody legs and cut an arser». (p.26 A Handful of Dust).

«Tricky birds, the foxes.» (p.304 ib.)

«Do you know how much it costs just to live here? We should be quite rich if it wasn't for that.» (p.45 ibidum).

Пострадавших летчиков мы временно возьмем сюда. Давно бы.

Конечно, когда я лежал на этой кровати, а кровать стояла под деревом и я спал на открытом воздухе. А потом была сковорода с жареной картошкой, а потом уж первое знакомство. Он статистически измерил такую философскую позицию.

Никогда, в сущности, не было таких 10 дней, которые несли с собой столько неизведанных радостей и событий. Потом уж было все остальное.

65

Вон какие идут перехлесты, теперь я знаю.

Выходит, что и не нужно было цитировать. Пусть останется в пределах «Оттавы» /1967/. На самом деле «Отава-отрава», но остроумная женщина, еще она спешила на телевидение.

Салфетки вашей милости.

Можно было и с другой стороны.

КОЕ-КАК ОНА НЕ ВПЕТ. Just what I told you. ВРЕМЕННО. But what do I get out of it? САМО-ВАР НЕ АРЕСТОВАН. Thank you very much. As if I didn't know. No news for me. КОЕ-КАК, НО ОН СЕЕТ СЕМЕНА. And what I told you? But I told you the same 7 years ago. ВАС НЕ ХВАТАЕТ В КОСМОСЕ. I don't know what it means, but I didn't mean it. Silly old tart. КВАСА ХВАТАЕТ. А у Вас? 20.11.75

Если такие вещи тормозят и мешают, их надо игнорировать.

Если.

66

Когда-то я точно знал, на чем можно остановиться.

Там повторяется 40 раз, и главное – все хуже и хуже, просто нужно выбросить. Ошибка в пагинации.

По улице шел прохожий очень похожий на Аркадия Райкина. Больше нужно портить бумаги. Нужно писать разную ерунду. Вы сами не знаете, что будет хорошо звучать, а что нет, и никто этого не знает. Берегите вы плутовку. Вдруг поставят мышеловку. Голос снизу: «Вот поставим мышеловку, переловим всех зараз». В «Замше из свиной кожи» оказалось лишних 4 страницы.

Был салон как в троллейбусе. Это у них такой термин: проходите в салон, почувствуйте себя как дома. Это не салон, это проходной двор. Таких отметок не было. Я потом удивился. Этот приступ застенчивости: я не заметил, что выбросил более резкие страницы. Тут не было ошибки. Ошибка была в другом месте. Например. Повторения черновых вариантов на машинке. «7 дней творения», у нас была рецензия. «Липовые аллеи» тоже были где-то рядом

с утверждением: но у нас теория пародии не разработана. Примеры нужны, а не теория. Конкретные применения, а не классификация. А то получится «моделирование остроумия». Жили в Киеве два друга, оба были специалисты, узкая специальность ты и – одна книга доктора Фрейда про остроумие.

У «Содома» Пазолини есть еще одно название, Я так и знал. «Сальо»? «СалО»? А что он имел в виду?

67

«Спасибо, что Вы помните меня, всего доброго!» 20.11.75

Это был четверг!

Даже рисунки старика Пикассо вышли в тираж. Погашения, всегда имелось в виду. Из-за чего и сыр бор. Загорелся, имелось в виду. Не в ту степь, имелось в виду.

В таком виде была «Одна» в театре Вахт. И рядом сидела О.Хмуриц. И не было ни В.Ш. ни Е.Ш. Вот был интересный разго. Это все на тему «Будь счастлив, Дима!»

А его день Р. прошел.

Рисунки на бумаге с дырочками выдавали беспомощность и несерьезность, т.е. работу по чужой специальности.

Я ведь до сих пор не вставил куда надо: ни в «Стилистику СС» ни в «Колибри». Не говоря уж о трилогии «Знаки преткновения» (1965). Вот где место для фиесты.

68

Всего-на-всего только способ припомнить, не заглядывая в старые шпаргалки. ТОЖЕ НЕ МЕТОД. Лучше бы читать и делать выписки.

Скользит гладкая бумага. Ее не берет валик. Вон что получается с карандашом. На шероховатой бумаге было лучше. Потом я хотел добиться черного силуэта, это легко: залить черной тушью.

Значит были четверги, которые можно процитировать. Т.е. в пересказе ничего не теряет, как всякое важное сообщение. Например. «7 дней творения» по-английски в июне 75 г. Тут же рецензия на роман Джона Брэйна «Набожный агент». А вот «Мадам Помпадур» – это в сентябре 58 года. Давно это было. Второпях конечно. Скучно заглядывать, как в словарь. Там таких слов еще нет. Ты смотри, какие слова ты знаешь. Я именно такие слова и знаю.

John Braine's The Pious Agent. 18.6.75

P.P.Pasolini's last film «Salo, or the 120 days of Sodom».

13.11.75

Насколько раз и так было. Один раз было лучше. Но я поторопился и испортил. Опять ее упомянули. Нужно было наготовить цитат под урок португальского языка. Или заполнять пустые места вокруг «Так много шагов до смерти». Одно из них примыкает к «Куску Лондона». Другое продолжает «Он все равно там ничего не поймет». Он и на письмо не ответит. Ответит. Журнал «Антисемиты в Израиле». Это мы читали в Литературке и даже видели портрет. Кого она напоминает? Кого-то из знакомых. В салоне 31-го троллейбуса шел светский разговор. О Гоголе, об архитектуре, о памяти, о богах и героях. Был такой час.

69

«Олег копнул глубже Станиславского». Актриса как на приеме у врача. Это началось у Акимова: текст выпадает, не чувствую это место, не слышу партнера. Рисунки Пабло Пикассо по первым абзацам – да, вспомнил. Большого и не требуется.

Тут должна быть узкая колонка текста. Где-то была веленевая бумага. Фуги «Буги-вуги» Баха. 120 дней, которые потрясли итальянского марксиста. Несогласный писатель Максимов лишен гражданства. Почему его не пустили в Осло. У него детский почерк. Англичанка в Париже – мы оставались на самом интересном месте. «Союзглав гавприбор» тоже нога в ногу со всеми импортными конторами. Сигарета тухнет, вот это напор, 45 минут не успел докурить одну сигарету. Забыл, вот это вдохновение.

ПЕЙТЕ СУХОЙ МОРОЗНЫЙ ВОЗДУХ

По улице прошел прохожий, очень похожий на Аркадия Райкина.

Один раз в салоне оказался Кваша, но ему не разменяли пятерку, и он обиделся и выскочил. А кто ему придумал «государственный гений принимает парад»? Автор первого подстрочника. С чего все и началось. С двух главных сцен, а все остальное было сработано мадам. Но он и ее обманул. Но она тоже как Пушкин: и я обманываться рада. Ради такого – всегда готова.

70

Такие объяснительные беседы проходили 8 с половиной вечеров. Я удивлялся его энергии. Он думал, что ему зачтется. Однажды в один прекрасный вечер он пришел расстроенный, сказал два слова «5 лет» и потом рыдающим голосом «За что?» На этом беседы прекратились. На его место пришел врач-немец, который бойко научился говорить по-русски /«за пропаганду между врачами», сказал он/. Его привет я передал по назначению. Все почему-то оптимистично смотрели на мой уход. Тихо умер Илья Абрамович. И так приходили многие. Один из них сказал 2 слова: «Промышленная вентиляция». «Хорошо», сказал я. Я постараюсь. Я ответил на его важный вопрос. Какое письмо больше всего подходит под разговор о Хемингуэе. Они уже отошли от внезапного пробуждения. Тогда непонятен ответ, если его считать за ответ. А его из вежливости можно считать за ответ. Три письма, прочитанные вслух, вызывают улыбку: чего он страдает? Все они там страдалцы, каждый день напиваются. Это все от тоски. Вы ему не говорите, что мол грусть не утопить в вине. Он сам Есенина лучше вас знает. Из каких томов М.Пруста выходила музыкальная жизнь Франции. Еще раз. Вежливый собеседник повторяется из вежливости. Ему бы про джаз. Про конторку Флобера – это на Тверском бульваре впервые. Если ты впервые не расстрелян, когда прошло так много лет. Не знаю что посоветовать. У них у обоих бзик с двойниками, они только не договорились кто из них улучшенный двойник. Разумеется продолжение такими порциями, как РИТУАЛ и «Бессловесный 64-й год». А мне можно проверить это «как правильно заметил Сергей Сергеевич»? Как уже сказал Сергей Сергеевич. И еще раз.

12

71

Если это было в октябре. Конечно, это было в октябре. Такие слова должны быть в одном месте. Шоковое состояние, у меня тоже было. Летчик считал, что он дешево отделался. Это вон откуда. Валютный разговор по телефону: на скамейке парка опять крутятся коричневая лента. Кроме «девальвации личности», там ничего не было явного. Алексей Толстой как драматург жаловался на троцкистов. Разве это улица Качалова? Восточный властитель, удельный князь – у него такой вид и такая работа. Пикирующий бомбардировщик, если он меня заметил, ошибся на 200 метров или 2 секунды. Нажал бы раньше, и наше знакомство на этом бы кончилось. Нет, там было хорошо про «вы журналист, я писатель». Оба звучали одинаково в английском переводе. Вот чего они требовали от Жоржа Сименона: чтобы он вводил 144 персонажа на протяжении 24 страниц и говорил всякую ерунду. Автор «Зеленого берета» в Калифорнии, вы себе не представляете. 4 слова темноте. Вопросы тут, а ответы где-то еще. Еще раз человек на скамейке или банщик из Сандуновской бани: ему снится, что баба сбрасывает пачки из окошка государственного банка. У нее странное представление о четвергах. Я свалил тяжесть с плеч и увидел, что на спине у меня был мой спящий труп. Он повалился рядом постелью. Я поднял его с пола и уложил на кровать. Когда я его прикрыл чем-то, он уже исчез. Я перебирал цитаты, как будто это были выигравшие облигации. Опять «Заседание Реввоенсовета». И Акимов тоже.

13

72

На меня смотрели с разных сторон, поэтому я сделал это небрежно. Но труп свалился, и мне пришлось его поднимать с пола. Я подумал: не смогу без посторонней помощи, но он оказался не тяжелей пластмассовой куклы. Это вот по какому поводу.

Я СВАЛИЛ ТЯЖЕСТЬ С ПЛЕЧ И УВИДЕЛ, ЧТО У МЕНЯ НА СПИНЕ БЫЛ МОЙ СПЯЩИЙ ТРУП

Потом я подошел к знакомой кровати и стал готовить вещи к сегодняшнему дню. Некоторые цитаты на карточках были как выигравшие облигации, я их откладывал в сторону.

Они мне сегодня пригодятся. Крупный специалист по части «разделяй и властвуй» дорожил возможностями разделять и властвовать. Светка спрашивала: подтверждается ли анекдот? А я не был на ВДНХ и мне что-то не очень хочется. ЭТО ДЕЛО ГРАЖДАНИНА ВЫШЕ ВСЯКИХ ПРОДОЛЖЕНИЙ. Тут в кино некогда сходить. Я в бассейн хожу как на работу. Почему не отмечены удачные куски? Жизнь в «Национале»/1959/. Тогда их нужно отметить карандашом. Серьезный публицист еще раз себя процитировал, а то все уж давно забыли, что у него была такая интересная переписка. Источники аллюзий быстро забываются. Пародия живет короткий срок. Кроме того, она быстро надоедает, как всякое повторение давно известной шутки. А вот почему он считает, что пародия на Аксенова неудачна, это у него надо спросить. Просто имеется в виду, что у него – у рецензента – есть получше и то он молчит.

14

73

От затоптанной страницы осталось одно воспоминание. Помните у Ездры? Теперь никто не помнит эпиграф из Екклесиаста. Она сказала: понятно откуда, но даже по отношению к ней нельзя сказать с полной уверенностью, что она помнит. В лучшем случае, она помнит Арцы-башева по курсу Михальчи или как он называется? Ну еще с ним что-то случилась. Ага. Дератани. С Дератани в общежитии в Останкино. Они уехали, и у меня исчез Дератани и значок. У меня нет никаких основания и я не пишу обвинительное заключение. НЕ МОГУ МОЛЧАТЬ тоже не пишу. Не дело Дрейзера и не дело Аркадия Райкина петь лирические мелодии. Не в этом его сила.

7 ЛЕТ ДРУЖБЫ С ВЕЛОСИПЕДОМ. 10 страниц на прогулке – это как написанное на Селигере еще в прошлом году. до сих пор не берется на машинку. Ни к чему. Одну цитату я выписал и считаю это победой терпежа над американской литературой. Вот список страниц по Джойсу: а кто будет читать? Кому они нужны? Практический совет делового человека заканчивал веселую жизнь в кафе. Жизнь продолжалась, но уже где-то еще.

Это как с песнями Булата: вступил в члены и перестал петь. Хуже. Вообще перестал писать стихи. Хорошие стихи. Я этот фельетон прочту вслух, но тут у меня мощные конкуренты. Что у них заменяло Фейхтвангера в нашей жизни 1933 года? «Мастер и Маргарита». Записные книжки Ильфа – нет. Шкловский с вариантами – да. Вот что. Ну что ж, неплохо. А потом «Пыль» Андрея Соболя И ВООБЩЕ САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ ОТКРЫТИЯ.

74

Какие-то внезапные побочные соображения вроде «в Риме посмотрим» или «тоже не метод». Я искал слова в мае 65 г. Мне казалось, что там есть итоги или что-то вроде дайджеста по 61-й стенограмме. Может быть. Но сколько ни бросаешь первых взглядов, все получается что-то вроде. Тогда казалось остроумным или нужным повторять текущие остроты. Как нефть в Иране. Не могу найти «полуперса», но где-то мелькнула «персидская улыбка». ГДЕ ЖЕ ОНА БЫЛА РАНЬШЕ? Она была тут же, это мы усвоили. Вон из-за чего. 40 дней, нет, 30 дней на 43-м километре, а потом дайджест или «подводя итоги», но иначе получается опять. 2 страницы оттуда, 4 абзаца из другой книги, а потом опять новый ежегодник и чтение будет как РИТУАЛ. Точно перечесть, а ты все-таки читай.

Но это же ЧП. Это же бывает очень редко, а главное было не это. Главное было жизни в промежутке. Скажем так. Калитка не хлопнула, мама не услышала, я выбежал на улицу и впереди день нескончаемых удовольствий. Куда нам мчаться? Налево или направо? Направо конечно, там достаточно дойти до Липодаевых и начинается море удовольствий. И по пути тоже. Тут важно пробежать на высшей скорости до угла, а там можно перевести дыхание и успокоиться. У Полстанки уже новые мысли.

А все ли в порядке? Если день прошел безнаказанно, то уже величайшее достижение. У нас слова другие. Наш лексикон разработан только для преступлений и наказаний, а для всей остальной жизни слов нехватает. Да их и не нужно. Они не требуются. С чего тут начиналась жизнь? Скажем, с купания в Яме и просьбы: «Ты не можешь мне лифчик заменить на помочи, как у всех?» «Пожалста, сколько угодно. Мне даже легче».

Это чтобы раздеваться у озера без помощи Анисы и вообще чувствовать себя чел. как все.

3 «ПК»

75

Что-то я хотел другое, но чтение повлияло. Какая корова называлась «яловая»? Это как первый взгляд на афишу «Любовь Яровая». Озимая ненависть еще не перезимовала, но пар пора подымать. Можно цитаты из «Холстомера». Ласково «кабанок» про свиней для откорма. Это от Селигера. Там целый ряд таких кабин-сарайчиков, где работники столовой откармливают поросят. Сало в 4 пальца. Куда у меня делся абзац про сапоги и ботиночки?

Да, слишком много старых острот. И слишком часто они повторялись. Пока ничего больше в словах в мае я не увидел.

«Лепестки звезды», зубы дикой розы – вроде как обложка азиатского журнала, где З.А.Нудлер – главный секретарь. «Из какой жизни Вы пишете?» Из подсознательной.

Я помню, как меня в детстве учили. Все-таки надо было. Вот и Алексевна кутью раздала, сколько огорчений. Что я сделал с этим пятаком? Я его обнаружил на выходе, возвратился и положил на тарелочку, как мне было сказано. Это какой год? Это год такой парадной курточки с карманами и тихого шага по каменным плитам в церковной тишине. Свадьба с бубенцами была потом. И виноград на рынок у Матрены Васильевны тоже был потом.

Из объяснительных записок Б.Задонского, был такой публицист у секретаря Юркина. Он его внимательно читал.

3

76

Это про ПЕРСОНАЛЬНОЕ ДЕЛО директора школы.

Жутко неправильной была оценка. Не сама разбросанность в «Хоре мальчиков», а оценка писем в 4 адреса или сколько их там было. В других галактиках плывут другие груди. Таких грудей у женщин не найдешь, вот почему «Старшеклассникам»: такое общее посвящение.

Он ссекал калинку, а я внимательно слушал. Вот был интересный разговор. Опять прозевал клев, а он между делом вылавливал, не пропустил не одну.

Список страниц по «Улиссу»? Меня пока еще просили. Попросят, дам. Готов идти по выбитым следам. Другие по живому следу тоже изъявили готовность, но до «Монолог Пенелопы» так и не дошли.

10.9.75

Ты на рассвете добрый. Я добрый после двух английских страниц, если их кто прочтет. Мне на рассвете холодно и странно. И все мне кажется, что топчусь на месте и опять 25. Такая игра. Сообщите об этом агенству Рейтер. Эта одесская лексика усвоена не через Бабея, а через общих знакомых. Рассказ «Еврейка» я читал в «Лайф» только по-английски. Нет, не в «Лайфе», а в «Нью-Йоркер». Откуда у них такое? Может есть надежда, а? В том смысле, что не все сожгли и они сами не знают, что у них где сохранилось. Приятно об этом думать во всяком случае.

У яра на той стороне чуть повыше мельницы, т.е. переправы, которая у дуба с дорогой на Чиганаки. Тут и я поймал двух сазанов.

Б

77

Вот тут у нас другой промежуток.

Значит нужно искать в другом переплете. Это как цитаты на английской машинке. Их надо вставлять в середину.

Смешно было работать такими кусками. Там странный заголовок «Зачем люди ходят в театр». Но нет страниц про «Великан». Вместе с «Четырехэтажной тавтологией» производят странное впечатление. Дайджест не дайджест, итоги не итоги, новый формат, стихийный переход, а что значит?

Первым текстом был «Художник-мушкетер», он вошел в «Озеро в жаркий день».

А фейер-верк у Чармингтона утомляет, потому что на три четверти непонятно. Ты бы вставил ей «поцелуй меня ходит один раз» или что-нибудь, тогда бы она иначе посмотрела на рыцарскую любовь. «Как ты можешь улыбаться после всего того, что с тобой было? Как ты сумел сохранить эту способность? Вот такого я всегда тебя любила и люблю». Я посмотрел на лицо дочери, оглянулся и сказал: «Тише». Не надо так. Хозяин дома слышит. Старуха не то чтобы подслушивает, но все равно не надо.

Вот был комплимент под видом укоризны.

Теперь посмотрим на карту Африки.

Но для ее действительно подвиг силы беспримерной. Это же надо понять и посочувствовать. Я понимаю. Опять Анастас рассказывает анекдоты, чтобы не дать денег. «Глокой Куздре сочувствую, но помочь ни чем не могу». Это про нового министра. Или клоун или замминистра – такой у него вид на Трубной площади. Когда откроют движение по Неглинной, я вам расскажу.

К «Узбекистану» можно проехать, некоторые проезжают, но назад с другой стороны бульвара еще нет движения. Что-то оканчивают на повороте. Теперь я могу спокойно.

п.ц.б 3

78

Оставим пустые места для заполнения неизвестно чем.

Кто мне сказал «Личная знакомая не в счет». У Квашонкина был друг в ЦПП. Человек с тремя паспортами. Или с четырьмя. Вот он и входил в тройку. 120 человек участвовали в одном разговоре в переплетной, и я хранил в кармане халата список по номерам, чтобы не запутаться. Вдруг выяснилось, что я себя в список не записал, а номера кончились. Пришлось поставить «0» /ноль/. Вот когда Асаркан ликовал: автор – ноль.

Голос Гачечиладзе был на этом месте, это я помню, а сам голос не помню. Я его путаю с рассказами о том, как раскололся Берия. Из жизни дома номер 10.

Опять подарок. Чуть-чуть пригласительный билет, но конечно на похороны, а не на день рождения. Чуть-чуть от интонаций «Похоронного бдения поклонников Финнегана». Собаку Владимира Васильевича звали Фингал. «Совесть» Будимира Метальникова. Я сразу вспомнил Мыльников, а уж Квашонкина забывать – просто грех. Кто ж виноват, что у него фамилия Воздвиженский? Дешевая пародия. Сам-то он из каких? Про большую качаловскую паузу: «И тут стал начинаться Художественный театр». Оба учились у Смирнова-Сокольского. Она Петрова, но не Водкина пока. Но есть надежда, что под вашим опытным руководством она станет. Я тебя ждала. Это ее письмо. Кусок из того письма я нашел под деревом в Эстонии. Такие дубы. И даже клен попадаетеся. Но лучше всех звучит старый тополь у Рождественского бульвара. Его легко рисовать карандашом, такая живописная многоэтажная размашистая крона. Что я усвоил в детстве. Рисунок карандашом с натуры. Главным образом деревья.

3; А

79

Деревья стояли и стыли. Нет глубже и слаще покоя. Костер встревожил работника райкома. Сын ачура подъехал и отвлек. Мы рыбачили в Кожевне. Зимой тут на лыжах хорошо с Ваней Мироновым. Про боцмана, про «Волга матушка-река» был интересный разговор.

Таких 80 штук.

Тогда их можно поместить в конверт «манильской оберточной бумаги из Италии» и сказать голосом актера Астангова:

– А я плюну и убегу.

Или если вам недостаточно литературно:
/то читата из Баррингтона/

ШЕСТЬ ЭКЗИСТЕНЦИАЛИСТОВ

ЕЩЕ РАЗ

на этот раз с датой 5.7.74
12.9.75 в пятницу

Давно это было.

Резко менялся климат. Вокруг этой сотни человек до сих пор наворочено столько. Еще один «Портной», то же название, что у книги Б.Маламуда про дело Бэйлиса. Про киевских евреев интересно читать в Москве. Как на турецкой перестрелке. На всех горелках горит газ, идет стряпня, варенье варят. Валяются сами в рот галушки. Вином хоть пару поддавай. Опять он читает главы. Он все прочтет и никому не даст. Это сказано про другого.

80

Цитата из КРАСНОЙ РОЗЫ тоже через 25 ЛЕТ впервые была прочитана. Вот она была такая.

Кустарщина конечно. Она не может равнодушно слышать это слово. У нее так много неприятностей связано с отделением реанимации.

Свободный конспект. Такой диктант, когда диктующий голос скорее пробрасывает и не хотя комментирует, чем прилежно считывает слова старой стенограммы. Короче. Еще короче. Уроки 61-и стенограммы. Разумеется, слова на выброс, когда эти уроки усвоены. Это как «Частная жизнь господина Мопассана». Хорошо было когда единственным источником был Брокгауз и Ефрон. Ах оказывается, он и в этом фильме. «Последнее танго в Париже».

От многих можно было услышать: прелестно. В восторге. Это про картины из Америки на Волхонке.

Ходите с палочкой, Вы взволнованы. У Вас пульс ускорился и давление поднялось, нам пора уходить. Великий негритянский поэт Пушкин и знаменитый шотландский поэт Лермонтов. Айрис Мэрдок любит упоминать. Жутко неправильно. Очень не во-время. Из-за этих американских шедевров мы ударились в поиски членов творческих союзов. А он член? Все они в редакции члены. Ты когда-нибудь пробовал жевать резинку? У нее странное название «жизнь спасающая жевательная резинка». Когда у меня будут новые челюсти, я попробую. И сжимая в зубах недокуренную сигарету – не в зубах, а в губах. У меня заворот кишок от твоего пения. Выключи коробку. Вызови монтера, почини ящик. Я тебе устроил мышеловку.

Впрочем, мы и про Ларису Рейснер мало знаем.

81

Мы знаем только кое-что про военного моряка Вишневого.

Узость была на карманном формате, была узость. Самое время слушать балладу. Он никому не даст. Актер Ульянов на Арбате. Уже сообщили, что Ефремов ходил в дом пионеров не Хамовнического района. Вы могли с ним клеить самолеты. Его знакомство со старшим братом только начиналось, он вроде огорчен. Он принимает Блямбу за старшего брата, а Блямбе сам чорт не брат. То ль дело Киев. Там в архитектурном институте учился еще один. Их было много на челне. В военной студии хороши фотографии, если их смотреть на Смоленском бульваре. «И что ж ты, Мишка, наделал!» Кстати, актер Ульянов – тоже Михаил. Специалист по частушкам в новом мире. Но подлая память у покупателя велосипеда. Она погибла, а он ни слова, как будто какая-то простая деревенская знакомая. «За что?» с надрывом после ОСО. Больше он уже не вел объяснительных бесед. ВЕшенского юрта: чирики носят казАки. Так. Ну ладно. Но он хорошо читает. Мороженщица читала в своей будке. Я спросил что за книга, интересно? «Босяк, ты теперь понимаешь что такое любовь?»

Б

82

«Авгиевы конюшни» – вот на чем я остановился. Потом увидел «Ивана Сусанина» по телевидению и позавидовал тем, кто ехал. Как все красиво и соблазнительно.

The difference exactly. When it was, I don't remember. The book ALL MEN ARE ENEMIES, we read it in April 1969, I suppose. Еще один признак. Тогда писалась «Полоска цветной бумаги».

Гудков приезжал в Москву. How to forget and how to remember. I remember that I must forget. To die hating was the only freedom for him. But that was not the end yet.

Ему все можно.

На этот раз перепутаны даты. «Шесть экзистенциалистов» были год тому назад. Даже больше. Все. Я пошла. Вместе с Далилой я удалилась к ЧБ. /Поет Зара Долуха./ Звуки из коробки стихают. Способный ученик. Да. Есть данные. Когда они есть, то видно, что все остальные – тоже способные – были не совсем. Такой талант потеряла русская литература, но приобрела государственная безопасность. Знаешь, как это полезно – читать такие письма. После таких писем уже не будешь писать обыкновенный рапорт или даже протокол. Будешь тоже по-суворовски. Мы проехали Тимирязева. «А долги отдавать не надо?» Нет, я не испортил сцену прощания с тетушкой. Я ей низко поклонился и ничего не сказал. «А где вы сейчас работаете?» «Дома». В этом троллейбусе я и Злату Потапову видел один раз.

«У порога школы» стоял нищий с сумой, и взор являл живую муку. Обломок шпаги Сирано.

3

83

Там было хорошо насчет 4 колонок. В «Цикуте» были такие слова. В «Наводнении на Неглинной». Когда второй блин комом, а Сцилла спорит с Харибдой, простаки спрашивают про Бабель-Мандебский пролив. В Киеве смех у баб любил описывать Бабель. Две переводчицы Золя тоже. Но это серьезно и непривычно. Но он же знает, что это был последний нерешительный разговор с Айхенвальдом. Больше не будет. И грустить о том не надо.

Тамара Тарусина из Таирова. Помню. Сын поступает на физфак. Его я свято берегу. На другом берегу оказался старый утопический роман. Его объявили черным. Кто объявил? Сам он черный. Он был розовый. Хрустальный бзик. Хорошо для читателя 57 года. Когда каждый день проходил мимо хрусталя и живой рыбы. Я так и подумал. Обращение в высшую инстанцию. ХРОМАЙТЕ НА ЛЕВУЮ НОГУ, ВЫ ВЗВОЛНОВАНЫ.

«Пушкин сейчас называется Коган, но вы же этому не поверите, хотя бы потому что сам Коган. И тоже гениальный.» Нах-виц из аудитории, где Гудзий читал древнерусскую литературу. А кто говорил? Другой Коган. Лев. Вот чорт, оказывается, нельзя этого делать. Нужно самому. Тоже ведь, в сущности, баш на баш. Что про Некрасова? Сына не выпускают. Выпустят. Вот с сыном Яшина хуже. Или с дочкой Тарсиса. Жена Кузнецова взволнована. Еще бы. Сосулька упала не на ту голову. Что там было?

Теперь мы будем отличать. Марлон Брандо – это такой бравый полицмейстер, шериф, хорошо, когда у него каменное лицо. Когда он начинает говорить высокие слова с выражением, у него удивительно глупый вид. Не мог он ямба от хорея. Еще один Берт Ланкастер, которого я путаю с Ричардом Бэртоном.

АЛ

84

ПИСЬМО К ГЕНЕРАЛУ ИКС

11.2.70

Но он считает, что еще можно.

Твой друг, поэт рожден был хватом. Слуга Царю в голове, внук п.п.т., отец солдатки. Почему вы не любите мои стихи? И вдруг услышал в ответ: «/Дурак!/ Я же тебя обожаю!»

Лучше 10 раз фактически, чем один раз фиктивно. Но она считает, что еще не поздно и то и другое. Впрочем, ей прежде всего требуется что-то третье. А может и четвертое. Так с пятого на десятое я уж не помню какого числа: можешь деформировать, но сначала я должен тебя проинформировать.

Стык. Смыкание. Стыковка. Скрепление без единого гвоздя. Тогда Ремингтон поднялся на Дыбы и с тех пор работает только дыбом. Я подкладываю англо-немецкий словарь, но помогать мне помогает только Даниэль Джоунз. Запомни. Запомнил. Капитан Сэнт-Экс был славный франт, игрок, пилот.

Но только «Маленький Принц» и только в Африке – как кот, который гулял сам по себе. В пяти книгах о военных летчиках он ни слова о том, о чем писал в письме к генералу ИКС.

Б

85

До сих пор бросает в дрожь такое нахальство. А это по традиции детская, по ее мнению, выходка. А это происходит незаметно. Постепенно. Воли так можно, то можно и этак. Ну она не знала. В следующий раз она этого не будет. Еще 4-й план в виде Ю.Калифорнии и писем на имя председателя.

Фигурное катание у старухи в шортах получается. А в коридоре торчат лохматые парни с магнитофонами. В такси они ели одну конфетку: украдено у Симоны де Бовуар.

In my good British French and in your bad Japanese Italian; so much for this item. Италия и так далее. "This is a sort of English up with which I will never put." Шутка У.Черчилла.

86

Разговор с веткой Палестины по телефону был, по-моему, в конце августа.

Что такое пергамина, я не знаю, но 5 экземпляров можно. Правда, я не знаю: она все-таки жесткая, эта бумага. А кому? Все равно некому. Это как 7 копий из-под английской машинки. До сих пор лежат до востребования.

Нет, Лариса отложила с уважением. Удивительно, конечно, по-английски как будто англичанин писал: идиоматично и остроты на языке и явно без перевода с русского. Такая была «Остановка» в 1967 году из-за поломки русской машинки. С тех <пор> ее по книгам я не встречал нигде. Он на старости лет вспомнил, что Пушкин писал друзьям в знак благодарности. И пусть нам общим памятником будет пишущая машинка и листочки из кармана. Это и была великая русская литература. Один В.Гаевский это оценил с первого взгляда.

Тогда еще ходил трамвай. Трамвай и сейчас ходит, но все ездят на троллейбусе. Это в связи с убийствами в Лондоне и знатоками тайского языка из Международных отношений. Вы бы ее не узнали. А она жива? У меня пропал их адрес. Впрочем, они же переехали. И в этом переулке у Елисеева я не был. Ну тем более, конечно.

«Он тоже считает, что тебе пора в Италию к Бениной матери, ну и так далее в Голливуд». И чего ты торчишь там? – это китайский журналист.

Л; 3

87

Но 6 читателей в Москве у него могут исчезнуть. Он добьется.

И вообще самостоятельные открытия вокруг «Недели на морозе».

Наш разговор был без продолжения.

И не к чему перечень отмеченных страниц. они не читаются, не перечитываются, не найдены и вообще забыты. Про собаку хорошо. И про оглядку на постового милиционера. По крайней мере, напоминает Брамса и как мы читали Франсуазу Саган по-русски. «Ага, вон вы где встречаетесь!» С тех пор его по фильмам Алова и Наумова я не встречал нигде.

Этот крупный скот молчит. И про хряка нехорошо получилось. Полный список ошибок.

«Мы готовимся к большому переезду» – было заявлено по телефону. На тот свет главным образом. Но я, видимо, неправильно понял. Может они готовятся к Южной Калифорнии.

ЗАКЛЯТЫЕ ДРУЗЬЯ У.Малапагина в кармане на набережной у воды целый день действовали на открытые письма. Отвечать можно и так. Можно, но скучно. Надо взять эти 2 страницы и переписать. Кстати, что там было? «Здравствуй, милая» шрифтом газеты «Известия», но не было под рукой «и я СССР».

«Она скоро будет от него беременная». Это про Палестину. И как скоро, не прошло и 9 месяцев. Но его действительно ждет Ю. Калифорния и, может быть, Юл Бриннер.

3

88

Шутки капитана Лебядкина всегда имели хамский оттенок. А что такое хорошая копия, – об этом нас заставили забыть.

Такая Жемура и в этом смысле. Похоже на страницы «Без вранья» и «Юбилей» 1965 года. Илюша из Одессы: милый застенчивый мальчик, работал библиотекарем, теперь приехал завоевывать Москву, как приезжали в Париж герои Бальзака.

«Два ерика» в карманном исполнении авторучкой 1955 года наводят грусть и печаль. Отработанная руда. По ней уже написана «Мутная вода» /1958/, но за самом деле это и есть настоящая МУТНАЯ ВОДА, а все остальное – это только перепечатка на машинке и для читателей, газетных тонн глотателей. Актер Овацкий до сих пор оскорблен. У него в доме хранились такие вещи. Такие вещи. И он не знал. От него скрывали крупного писателя.

Жена актера, которую он заставил переменить фамилию, сказала: «А-а, наконец-то я ее увидела в настоящем свете. Тоже баба и ничего больше. А сначала мы думали.»

Где-то подвальчик в районе пл. Маяковского, вот там, возможно, ЦИКУТА и осталась. «Корни» про Японию. И рукопись публициста с упоминанием любимых стихов товарища Сталина «Кавказ подо мной».

Но это чужое ампула. Не отбивайте хлеб у личных знакомых АУЮР-а.

89

Уже. Я ближе к тебе, Господи.

Там была гибель «Титаника» и сцена из истории инквизиции. В 1881 году самым знаменитым живописцем был Семирадский. Вот его танец среди ножей. И кто хранит «Ниву» – тоже. Но у меня нет ее телефона. А такая книга может подождать. Собачьи радости сокращенных изложений. Связал ниточкой и до сих пор действует. Какие там были сомнения? Кто-то уже копался. Часы украли на обувной фабрике. Фисгармония в землянке-доте у итальянского полковника. Почему-то на бугре. Оттуда далеко видно. Эти кабинетные названия – дуга, излучина, ворота Кавказа – 100 раз повторялись, и каждый себя искал на карте. Пещеру легко завалить – это плохое убежище. Через колодец? А он сообщался с Доном? Это еще вопрос. Кроме того, тогда не было аквалангистов, а водолазный костюм – как подводная лодка: это как китайская башня у профессора Полякова. Зачем ему это нужно? Чай пить, мне сказали. А как же он сюда попадал? Тут была лестница, а то как же иначе. Я был поджигатель, а он был подстрекатель, но спички кончились, нам так и не удалось поджечь профессорскую башню. Это про Мишку Машенко в 1923 году.

«п.к»

90

Смысл был как в надписи зловещей: никто из них не разгадал. Мышиный хвост, настоящий на денатурате. Ханджа на ренглоде. Нечищенный окунь в картофельном пюре. Драматизирует старую любовь. Валю назвал Галей, никто не сможет догадаться, что она – жена летчика. С тобой и без тебя 30 лет спустя. Какой-то странный разговор. Как открытка Гудкову в июне 61 года. Как первое письмо из подвала в 54 году. Если подчеркнуть, будет неинтересно. Да, она, конечно, пойдет. И ее конечно встретят. «Сахаров ест». «Григоренко освобожден». «Литвинов вынужден уехать». Список пропущенных телеграмм. За одно число 962 страницы, это такой мировой рекорд, он никому не нужен и никогда не повторится. Андрей в Ватикане по веревочке бежит. В Вене, сказать откровенно, ему было еще лучше. Валютный спектакль. Для нумизматов сенсация. Но тут на набережной толпились марочники, а не нумизматы. Стершийся пятак я подарил автору русской сказки. А фотографировал родственник Юлиана Тувима. Теперь уж неинтересно про Теодора Аргежи. Все знают. Про теоретика она сказала: «Но он же там умнее их всех». Когда его ждали в АОН при ЦК КПСС, он с неудовольствием уходил из кафе. Опять Звенигород дает длинные звонки. Еще неизвестно, что лежит в ящике.

91

Знакомый текст, рыжий коленкор. У них вкусы не совпадают, чем и объясняется мирное содружество книжника и нумизмата. Опять о библиотеке Вольтера: не надо делать выписки из западных энциклопедий.

Значит с какой-то другой стороны.

Там было разодрано, одна страница где-то после «Наводнения».

Юмор Флобера. А что вы еще можете вспомнить из «Лексикона прописных истин»? Анунциата, где твой анунциатор? Это человек или прибор? Прибор у железнодорожников: приближение поезда сигнализирует. Физрук из другой школы. Мне потом вдруг приснилось «дворянское гнездо» на Малой Лубянке. Психи были аристократы и держались кучкой, даже если после Сербского опять шли под дело. Жутко. Я им мешал быстро гулять, но только до прогулочного дворика, а там они наверстывали. У мед-сестры был испуганный вид, но она доложила и это подействовало. Что было сначала и что было потом. Вот такие куски, которые вклеены в «домик у моря», нужны для «Арки на Варварке».

Я имени ее не знаю. Одна деловая дама из Гослитиздата. Кто читал, а кто нет – я уж не помню, не считая того, что мне было неприятно выяснять. Вот Бронислава Львовна и будет выяснять. Письмо Татьяны не сохранилось, хотя я его, тоже можно сказать, помню наизусть. В доме приезжих на станции Чертково я прожил 4 дня, а у кого был день рождения?

В разное время по разным причинам я вспоминал куски из ее писем. О Писареве, о клейких тополиных листочках, о шоколаде, о Ляруссе. Для этого нужно стирать отметки на полях. Пропеллер стоял в углу. У меня были две новеллы под «Галерею» Драйзера. Куда девалась вторая, не помню.

«п.ц.б.»

92

Однокашников по разной каше много было. Тоже

ОТРАБОТАННЫЙ ПАР. Если такая парapsихология ничего не понимала, то чего же ждать от других. Впрочем, доктор наук не будет требовать конкретного комментария, и за спасибо. Со-слепо, не надев очки, вклейка показалась вкладом. Мы бежали один раз на длинную дистанцию. Тайная информация не пригодилась. Я перечислил приблизительные пункты разговора на станции Кавказская, и мне не стало весело. Как плащ-палатка из крахмальных салфеток: было интересно один раз. Как РУЛОНЧИК. Да ну? Ну да? Да нуу! Мне показалось.

Петров-Бытов /«Каин и Артем»/ в переплетной: «Чтобы двухтомник и ничем не отличался от других книг». Чем не рисунок Пабло Пикассо? Мне не по дороге, а то бы я заходил в смысле польской кинематографии. Целая специальность. Это как «Новый мир» при Косолапове: штабель журналов и он все их читал, вот ужас. Майский? Он уже умер. А Юля – это его родственница или был еще какой-то Трояновский, а теперь г.о. его сын, помню, его принимали в комсомол. Лицом к деревне. Беднота. Речь т.Троцкого. Мировая революция в Германии. Смычка города с деревней. Синяя блуза: «Мы не сынки у маменьки в помещицьем доме». Опять с маузером. Круто послоненный кусок черного хлеба и глупое лицо. Но отзывается или нет? «Видал, как он стал писать, а?» Тов.Змагулия заявил.

Но он сам не помнит своих стихов. Известный исследователь Робеспьера и маркиза де Сада ни слова о термидоре. В сущности, одна цитата из краткого курса. На полях «когда?» и больше ничего, но эти отметки никто не читал. Там про Антея – да, помню.

93

Только «Рисунки Пикассо»

оправдали пометку «текст для разрезки». Т.е. Они были разрезаны и помещены – куда? В 732 стр. «Четырехэтажной тавтологии». Тихо летела птаха. Скромно кончался период. Пики и провалы не имели продолжения. Куда голос Гачечиладзе, туда и «Розовое и черное» /чорт с копытом/. А вот «Кусок Лондона» до сих пор в ушах звенит. А вот «Водопроводный кран» попал явно не туда.

But they don't know what they are talking about.

Once, uncoming, she had masturbated against his thigh squeezed between hers. Is this too awful for you? No, of course not, no. Youth must be served. Don't tease. I'm shy enough with you as it is. *The sperm spurted out to somewhere about her neck. From between her breasts which were hot and wet and slippery.*

«I'm not fastidious», she said.

«Blow me?»

«Do what? I don't know how».

94

If you can keep your head when everybody is losing theirs. Keep my arse, they enjoy themselves. Divide our trouble, they are shouting at the top of their voices.

Вот в том случае уже нечто похожее на замысел. В том случае, когда разрезка хотя бы в черновом переплете «Четырехэтажной тавтологии». Но только в этом случае. Во всех остальных – одна ерунда.

ритуал 22.6.69

22.8.75

Фамулюс – младший брат из братьев Роек – он впервые появился на антресолях рядом с трудом и театром. В отдыхе он ни разу не был. Все критики из «Литературного критика» не должны иметь имен: это ограничит возможности сказать о них все, что мы о них думаем. Но весь «Театр» в виде исключения: таков был театральный роман.

Орфик познакомился с Блямбой знаете где? Рафа Мильман там же познакомился с капитаном Рыбниковым. Она девочка соблазнительная, так что через 10 дней произошло то, что должно было произойти. И она исчезла после этого.

But she is like a duck in the muddy waters. They suffer elegantly and want you to join their company. Thank you. Rather not come and fill your little pot.

7 years With Bycille.

95

Just what I wanted, no way out. I was reading No Time to Spare. It would be more fun to stop on the way home from a movie, buy a bottle of wine, and take the consequences afterward. But she was afraid of something. Her cunt's petals were hot, but she didn't want to offend her other friend. Not that he was jealous but he was jealous in another way. Attention was to be undivided. – «And you got the wine!» he said reproachfully. But he didn't say «I will not drink». I suppose the matter was with the theatre. And telephone was constantly ringing. Systematically destroying the confidence. So much so. But it was very soon. He brought her hand to his penis but it slipped away. But she jerk as if caught by fire. Old men have nothing serious to think about.

96

Henry Miller in tattered Paris editions. Her bedside shelf. It killed me tonight, it really did. Why don't you want to fuck me? But it was not so simple. When I tried to hand in the sinstrument she shirked away. «You can't imagine just friendship, can you?» «Between you and me, no,» She smiled by her broad smile. Cynicism to be tolerable must have grace and wit. He had experienced this panic before. Antidotes existed. Picture the hot summer day on the lake. He tried to lull himself with bodies of women he knew. Her breasts were milk-proud. I got such a hard-on. Her thighs flared to take him more fully. He invaded her, it was temporary occupation. He dressed rapidly, to avoid the discussion and recapitulation he knew she desired. The grip of her vagina was liquid and slim.

97

Теперь про «Зеркало» Тарковского ничего, кроме хорошего, не хочется говорить. Но надо же сказать спасибо про напоминание о судьбе двух женщин.

Между прочим выглядит вполне презентабельно. Для Но спасибо за «Ломаный английский», а то ведь ни от кого больше не услышишь. Проф. Боянус, оказывается, был ленинградец. Вот почему мы о нем 30 лет не слышали.

Это даже хорошо, что сразу напоминает и Ахматову и Марину Цветаеву, а для поэта Тарковского это просто ТРИУМФ. Значит ему тоже достаточно состариться, и он получит должность в императорском театре.

ПУСТЬ ОНИ ПРОВАЛЯТСЯ

Главный гос. лирик первого ранга

пусть они провалятся

Тайный поэтический

СОВЕТНИК: еще как можно?

можно вон еще как.

ПУСТЬ ОНИ ПРОВАЛЯТСЯ

Жуткое разнообразие. Узость была когда-то. Когда-то была узость. В узком кругу широких измен были абзацы для узкого круга. Ты ее любил когда-то. Вы все конечно помните. О д н о г о – нет, но это придет с возрастом. «Навек НЕ присмирив» в смысле «работа на износ».

Значит сурово и цельно подходили с другой стороны. Штук 5 нумерованных страниц, где были абстрактные намеки на другую эпоху, когда от одной мысли становилось весело на душе и внезапно приходило решение. Надо повторить. Немного от поздних рисунков Пикассо, но еще больше от первых нетерпеливых ожиданий когда слово Женщина писалось с большой буквы.

3

98

пусть они все провалятся

ЭТО ДЕЛО ЧЕЛОВЕКА ВЫШЕ ВСЯКИХ ПОДОЗРЕНИЙ

Уже можно опять ехать на Саввинскую набережную. Тогда его недорезали, а теперь будет как «О счастливчик». Конечно. Толпа за столиком в изображении старшего Курепова. Толпа в Париже. Андрей Крюков приходил за «Историей испанской инквизиции». Только дневник день за днем с перечислением знаменитых фамилий – да, «Труд без капитала» – хорошая новелла.

Короче. Еще короче. Как то, что было рассказано на антресолях. Потом возникла мать братьев Куреповых и все стало сложно и ненужно. «ГИПНОЗ» играл эту роль. Ошибка молодости, историческая необходимость, чему быть, того не миновать, значит не судьба, а пошлите вы его в Италию и так далее.

Прибывший врач категорически запретил не только работать, но и вставать. Про Молотова в каком-то году: «Врачи ему запретили работать больше 4 часов в день». Это было до разговоров 39-го года. Лучше было бы открыть английскую машинку и взять прямо отмеченные карандашом страницы. Такая веселая страница, где «Ифлин Vox и Шэйм-Шойс».

А

99

Я бы упражнялся в падежах

Just what I told you. It makes me spew. Doesn't it make you spew? Bells. Bells. The same was at the very beginning. Something like that. Keep calm, pay the bill, run like hell. Because the same was at the very beginning. So much for this item. If you can keep your head. If you can trust yourself when all men doubt. My God, I swear. But the desire to shout the filthy words at the top of one's voice. What else?

Такой нахал: даже «от каждого по животу и каждому по черепу» вспомнил, а толку чуть. Чего же ты хочешь? Пятого питуха спрашиваю. Пятый петух, оказался, импрессионист! Бестолковая страница.

3

100

Смешно конечно.

Хотя бы по ситуации: человек говорит «не надо надрываться», а ему в ответ «ты же пишешь с легкостью физиологического отправления». Это что? Похвала под видом укоризны. Это такой комплимент. Ты пиши как он: с трудом, тогда он будет тебя уважать.

Впрочем, даже самые враждебные вылазки всегда сопровождалась «а что поделявает современный Бальзак?»

Ну ладно.

Пусть будет пухом земля над вами, я возложу цветы, ладно, я вспомню вас добрым словом и не помяну лихом. Но почему-то еще вчера, проезжая мимо Тимирязева, я кому-то сказал почти вслух: «А долги отдавать не надо, а?»

НИКТОЖЕ ИМАТЬ

/это от Иоанна?/

На что он потратил первые «большие деньги». Это мы читали у эстонца бывшего Серого Волка, где у нас было, журнал какой-то. Тут должна быть общая пагинация. Большой разговор дайджеста под музыкальную жизнь разговор о рыбе, будь он сделан для доктора наук, мог бы целиком присутствовать рядом с «Аркой на Варварке» и портретом Джеймса Джойса. Я так себе и представлял продолжение «Четырехэтажной тавтологии», иначе работа потеряла бы всякий смысл.

Нужно было перевести смаху, не раздумывая.

Нужно было сразу, а то я 10 лет хранил, давал варианты, устно пересказывал, пока не пропал интерес. Это насчет «но теория пародии у нас не разработана». Теории сколько угодно, примеров нет, конкретного применения не хватает. А у него все, конечно, иностранные примеры из чужих литератур.

Б А

101

Еще одна затоптанная страница. Раньше это называлось «Герман – немец: он расчетлив». Теперь это наз. НОТ. В нем русская бесшабашность. Откуда? Из Лефортова. На большом формате следы чужих машинок не соединены с другим, тоже неправильно. Вот ерунда. Был дайджест к «Разговору о рыбе». Был текст для разрезки, а потом неожиданно вывод: и так можно. Очень много слов в мае. Как-то иначе. Вот три страницы из Симоны де Бовуар. Если сказать, что это цитаты из Норы Джойс, получится нелепое продолжение «Арки на Варварке». Ты не заглядывал словарь, ты писал под диктовку, вот что из этого выходило.

Два колеса в Эстонии.

Это называется убрать машинку. Что там было? Шум, бестолковщина всегда такая. Это слишком много. «Конспект романа» – самое время вспомнить, а то когда же. Выходит надо ставить число. 17.9.75 Наговорил 40 бочек арестантов. Единственное, что я хотел вспомнить – вспомнить – забыл, но я хорошо помню, что и вспомни вспоминать не надо. А правда. Почему он не застывает? Ошибки имеются в виду. Торопится. Спешит.

Мельница из отеля А-вив. Это остроумно с точки зрения французского туриста.

«Пахал Федор», а я прочитал «нахал Федор» и очень обрадовался. Там пародия на Фета хорошая: и дайте мне банку зернистой икры – и больше мне ничего не нужно. Это Татьяна Львовна в детстве. Вокруг нас рать теоретиков пародии, а кое-кто и в эпиграмме знает толк. Теоретически. В смысле «покойник был остроумный автор».

102

Какая-то совсем другая работа – непривычная или, наоборот, надоевшая, как искать слово в словаре. Впервые такой литературный детектив, который еще и увлекательное чтение. Если сказать коротко, то получится афоризм для колонки братьев Роек. Моя жена – это такая «Илиада», читать которую интересно, как приключенческий роман, зная при этом, что она еще и шедевр мировой литературы. «Но мне нравится здесь», роман Кинзли Эймиса.

Вот с тоской по зимнему пейзажу, где матрос катался на коньках, на озере, где живет новый хозяин виллы-дачи, а у меня был хороший текст про пишущую машинку по ночам. По четвергам, надвинув ниже шляпу, собирались гранды. На повестке дня было 800 миллионов китайцев, которых нужно прокормить цитатами из председателя Мао. Когда ты созреешь для самостоятельной жизни? Суккуленты. Вольнолюбивые мечты. Он теперь переводит с аварского восточных поэтов. Две женщины пострадали от взрывчатых писем в Лондоне. Нас бережет черный кабинет или таможня, они принимают на себя удар и оставляют себе «Улисса» в награду за тревоги. Теперь я вижу, что даже простой пересказ будет занимательным куском из истории английской литературы. «Современные времена» – это так называется журнал, который редактирует Ж.-П. Сартр.

Слишком быстро мы подошли к теме. А в данном случае макабричное сновидение по-

является в конце, и это будет знак того, что пора заканчивать балладу. Куски ежегодников не всегда. Где-то была записка человека из Минска. Видали гада, а? Мы отнесем «Европу». Пусть читают специалисты.

3

103

Мне показалось это неважным. Я не смотрел в словаре. И так понятно. Потом вдруг меняется стих, ветер выдувает беспечальные мысли, и мы возвращаемся к красной ленте. Что такое 65 стр.? Хороший монолог без названия. Письма с мельницы. Мечта о пещере монаха-отшельника. А там все построено на «волхвы не боятся могучих владык». Их не волнует проблема «именем закона придется отворить». Ихтиандр волновался за отца и его неоконченные эксперименты. Когда дело жизни подошло к концу, а конец может длиться 200 лет, он был готов. Литератор с саквояжем по льду Финского залива. Бородатый старик с котомкой уходит из Ясной Поляны.

МОНТАЖ был. Буква Жэ

не прыгала 20 лет, теперь стала прыгать. В этом смысле тоже ПРЫГАЮЩИЙ ШРИФТ.

19.9.75

Красная лента отмечала эпоху 70-х годов. 71-я стенограмма – это и есть «Конспект романа». Очень важно для штатного работника в институте по изучению Улитина.

Знакомый переплет тонкого голубого коленкора, как у того медицинского детектива. Мы читали. Я имею в виду нас, читателей Лопухинки, которые 20 лет ходили на Петровские Линии, еще до Ульяновской улицы. В «Иллюзионе» идет «Мата Хари» и «Какой ты ее хочешь» в конце сентября. А черный ворон все отлично слышит. Одна страница, но у нее затерялась копия. Кажется, «Кончается железная бумага» из подборки «73 стр. в 73 г.» Вот какая нелепость. «Рыкающее и бухающее» из книги Шульгина. Теперь уж трудно сказать. Они освобождают полки для новых книг, видал я одного такого. По виду мебельный директор или главный турист или доктор ТЕР наук. Нельзя сказать остатки с барского стола, просто у него другие интересы.

3

104

Парень из Оксфорда тоже оказался читателем старой подшивки «Крокодила». Он, оказывается, читал ядовитую рецензию на «Половчанские сады» за подписью Валентин Петрович. Я удивился. Но для этого нужно было в 30-х годах читать каждый номер «Крокодила», по крайней мере. А сколько лет этому специалисту из Оксфорда? Он родился в 37 году. Удивительно не то. Удивительно, что у него ума хватило заметить: «Но я Леонову не понравился».

Есть подозрение, что на этом энтузиазм кончится. Это про ОШИБКУ ПЕРЕПЛЕТЧИКА. Есть железный закон. Из японских впечатлений. Одна фраза «молодая женщина, склонная к неожиданным поступкам». Была такая гражданка Советского Союза, родом из Тарусы в возрасте 4 с половиной годика. «Кому оставить книги?» – спрашивала дама из Ростовского переулка. На полке стоял Блэйер в кожаном переплете и все такое. Я говорил «Есть такие», а он повторял: не видал таких, не знает. Но он должен знать, что есть такие. Мне не жалко, какие стихи пропали из архива генерала Рыбалко.

Можно не повторять, ему можно, а вам нельзя. Сом был весом в 20 килограммов. Это было в июне 74 года. «Крючки в 1881 году» тоже.

Почему-то «маршал» в разговоре не звучит, а генерал звучит. Тульская губернаторша при Герцене или мадам Лембке из «Бесов». Мы видели в одном Французском фильме. У меня была фотография, рядом Макмиллан с охотничьим ружьем. Я себе представлял поместье леди Чэттерли как лесничество у Чиганацкого озера. Дом-башня был как китайская пагода на картинке. Значит не такая уж купеческая цивилизация была, всякого было много.

105

В тот мир, который важен для папы с мамой главным образом.

Странное было продолжение. Мы не узнали персонажа. Рядом стоял В.Славкин и у него был точно такой же шарф. И разговор о Коктебеле. И кто сидел рядом с Виктором Некрасовым. Из кафе приносились шпаргалки, похожие на указатель к прочитанным страницам.

Тоже ОНА УШЛА В АНТИМИР

В данном случае театр на Таганке. Это вчера тетя Шура: «Мне звонили из Коктебля». Блеск. А говорится как «бля». Все эти старинные шуточки уже не воспринимаются. Это такая пародия, которая теперь звучит как плохо написанная проза. Несмешно и неостроумно и зачем вам это нужно. Каждый в меру. Все понемногу, как в их доме работают на машинке. Там это считается работой. Там другое считается удовольствием: например, читать Камю с листа.

106

Афанасий Афанасиевич в пересказе дочки Льва Толстого. Теперь таких людей нет, сказал владелец «волги». Но он это говорил и про брата Михаила Чехова. У него просто другие знакомые, впрочем, он сам такой. Вдова Фалька, например.

Графиня Онслоу пострадала. По-английски ее фамилия звучит забавно «графиня вперед понемножку». Это у нее в руках взорвалась бандероль. Они там с ума посходили в Лондоне. Впрочем, это ирландцы. А подзуживают их сами-знаете-кто. Генерал экс-президент уехал в Бразилию. Теперь палестинцы захватили египетского посла, там не поймешь что. Жизнь спортсменов в опасности, тоже опасная работа.

О пятом состоянии вещества. Четвертое было плазма, а теперь придумали пятое. Вот о чем они говорили – длинный мальчик и старушка. Они живут где-то у Бутиковского переулка, но им удобнее проходными дворами так выходить на Остоженку. Рассказ про режиссера Петрова-Бытова – как про драматурга Зорина и актера Темерина-Залесского: интересно для Колдунова и Писарева. Я помню трех грандов: Морхат, Борбат и наш главный переплетчик – вот забыл, такая же фамилия*. «Поэт почти есенинской силы» испортил нам обрезальный пресс.

Законченность других построений даже мешала. Скажем, смерть одного старого человека. Шутки того времени. Остроты 52-го года. Намеки на «Русский лес» или «Оттепель». Забытые анекдоты, обнаруженные в архиве Черчилля.

*Курнат

107

It's up to you to decide. But what you get out of it, it is year own business. He took it out and put it in. So much for this item. And the subsequent proceeding interested *her* him no more. Just what I thought.

He put his hand inside her brassiere and pulled her breasts up and out. Ah, distinctly I remember, it was not in December. If you are tired of them, then you are an old man indeed. «She comes too quick. She comes so she can get on with the housework.» Your favourite jibe, I know. She pronounced these words with a stagy lassitude learned from the movies. Only with a person so eminently sensible could I have deceived my wife. I could not have wished for a more tactful mistress.

108

«Look at that!» (p.60) And it smells! Only the cunt-struck young puppy can be enthusiastic about it. Strictly from hunger. And it stinks! Do you call it beauty? And the smell of it! Disgusting. But now he was without a nose. To-morrow it will be wonderful but to-day you have to suffer. Exactly

the same.

Now I know, it's better to do something like that. But I enjoyed every minute at it. France gives me French, wife gives me hell, and the typewriter – trouble. What was the trouble? Too many trivial words. My private tragedy, which cannot, and indeed should not, be anybody's concern, is that I had to abandon my natural idiom, my untrammelled, rich, and infinitely docile Russian tongue for a second-rate brand of English. It was 16 years ago when it was interesting for the first time to read.

109

Такие встречи бывают один раз в 100 лет.

Но он здорово законспирировал: Митеньку назвал Витенькой, а Валю назвал Галей. Юридически не подкопаясь. Под «Колоколом в темноте» церковный камень и на нем неразборчивые славянские письмена. Могильный камень, конечно. И как полагалось в письме до царя Петра одно слово не отделялось от другого, а гласные пробрасывались или вместо них ставились знаки, одним словом, сейчас прочитать невозможно.

Это как церковь Никола Рожок на Селигере.

Акробатический этюд для того нужно сделать, чтобы написать «Миша и Маша» чуть ли не на потолке крупными буквами. Вот были альпинисты и скалолазы, от них остались имена. «Петя не бросай Машу» на этом фоне уже выглядит как афоризм. Лучшее место на кладбище занято крестом с датой 1974 год, значит тут просто захватывают чужие могилы и ставится новый памятник. Но калитка у этой твоей мимолетной знакомой деревенской жительницы мне понравилась. Она действительно выходит прямо на озеро, и рано утром на рассвете можно выходить прямо в трусах искупаться. Я говорю не про себя, а вообще.

110

In these days no man of genius need starve. The following story of my friend Bruce (says J.Galsworthy in 1923) may be taken as proof of this assertion.

So much for the beginning of «Acme».

С какой там стороны? Я забыл ее имя. Дело в том, что она упоминала сразу всех – и Алку и Элку, и Стеллку и Беллку, из них я твердо знаю только одну.

111

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА? ВРЕМЕННО.

Выбора нет, я знаю, что они обманывают. Но никакой возможности проверить.

Просто невозможно на первый взгляд определить. Да, они могут подсунуть. На этот раз новая копирка. Вставляю ленту и на этом успокоюсь. Какая-то подозрительно тонкая лента. Ладно. Сменил. Ничем больше.

Удалять все это нужно. Выдержав паузу, еще раз заглянуть в самый далекий угол. А такие вещи он знает и без такого разговора.

БЕЛЬМОНДО МОЖЕШЬ ТЫ НЕ БЫТЬ НО ВОТ ВОЛЬТЕРОМ БЫТЬ ОБЯЗАН.

Ах назад нельзя, вот как теперь, а я забываю.

Такой хохлацкий Экклезиаст: того ж тэбэ так и до черт е, что тэбэ ни який чорт не пье. Увы. But the same trouble was at the very beginning.

now that I turned the key p.450

«Of course it was easy to find satisfaction» p.441

Now I see, it was like the table of contents. The most important pages to read aloud from the forgotten books. Just a work for me. All my life the same exercises. Very expensive habits and no means of gratifying them. «A good phallic narcissist like you doesn't do enough for me».

«Does she really comprehend what she babbles, eh?»

Something like that. One page from Ngaio Marsh «The Artists in Crime». Плюс «Она читала письма Лоуренса, а он рассказал ей о реквизиции картин Лоуренса».

112

Это он так о съезде? Вот гад. (Капитан Лебядкин как выпьет, не стесняется.

Когда угаснет энтузиазм? А он уж теперь не угаснет. Впрочем, уже был такой момент. Но это все проходит, а постоянный интерес и «следы ЛС не ПУ» – это на всю жизнь.

Если Пресня так, то что же требовать от других? Откуда же больше и ждать? И что значит «часть четвергов»?

Где-то был секстет сексотов. Это в районе клуба, где подвизался В.Уланов. В том районе трое инвалидов, нет, двое, потому что она была третья, а они на-троих. Крепко закручено. «Свинья не съест». Видали? Это он про какой съезд? Про очередной, какой будет. Он что, под столом сидел на заседании политбюро? Актеры такие, они любят фразы под Феликса Круля. «Журналисты есть?» Он не любит журналистов. Нет? Тогда он будет читать.

В другом контексте было «Сан Исаич гневаются».

Три раза было повторено для внушения и закрепления, как лексика на уроке. Я с трудом поспевал за француженкой. Я не привык. Но как у нее здорово получается, у Нины Нестурх, она только поблелдела больше обычного, и все записывает. Я чуть не махнул рукой. Я должен проверить каждое слово по словарю: как оно пишется? Вот где таилась гибель твоя. С конспектом по новейшей истории. Для этого существует «до востребования». А для чего «каракули Иринки»? Доктор Радов из Вены. Побежали.

В кафе Ван-Гог про «Кафе» цитировался без кавычек. «А в четверг я может и умней ЕГО». Или вообще весь разговор на мосту с Ф.К.

«А мы готовимся к большому переезду». Прозвучало как памяти СГГ или голос в доме баронессы фон Мекк. Кстати о МДП*. Вот уж забыл, что там было, а ведь было что-то очень важное и более значительное, чем книга Поля де Крюи.

* у Зощенко. Где теперь?

113

Устное слово, живые эти речи были вначале.

Конец «Кафе» был несколько раз. Мы изменим эту подборку, сменил ленту, забыв, что когда-то была красная полоса у двухцветной ленты. Слишком много туманных мыслей и неопределенных предложений. Где искать «которому не век судья»? В однотомике «Волны». Вот что нужно. «Анна Снегина» должна быть полностью. «Реквием для снайперши» – тоже смерть героя, только с другим концом. Видимо, «На берегу» как-то иначе называлось, может быть «Разрушенный город». Не так уж много читателей было у этой книги. Слишком много «ха-ха-ха». Фетюк. Фетюк. Первооткрывателем от первой кровати ты будешь опять нарочно хихикать. Пусть мол за тебя это сделает кто-то другой. Пусть у него будет репутация знатока Баркова: «ребята, его бить не надо, он знает «Луку М.» наизусть». Так он избавлялся от побоев. Диктант с примесью посторонних разговоров. Звуки из ящика сопровождали иногда случайно. Удивительная картина на бульваре. Объективно лазутчик в стане врагов. А ты, выходит, их лазутчик в этом стане. Но для них ты все равно тоже СССР. Кто чей агент? Ты его или он твой? Профессор Хиггинс выполняет задание Элизы Дулиттл. Каркала ворона. Ты острила, едва проснувшись. Через 10 дней будет 20 лет. Там нет сокращенного текста. А сокращенный текст производит впечатление неизвестно откуда сделанной выписки. Не обращать внимания на свои страдания. Выходит, что я хотел найти другой портрет.
СЛОВА В ОКТЯБРЕ.

114

«Скутаревский» у Ивана Сергеича выполнял эту роль. Вот кто произвел впечатление. Я даже рисовал по памяти. Потом пытался словесно передать «породу и греческий нос». Изящный словесник и тут надул. Воспользовался и примолчался. Потом дочь упрекнула: «Но Вы же ЖСММ». Откуда такая информация? На лексикон мировой литературы не похоже. Во всех сумасшедших домах Южной Калифорнии такой разговор: «Когда я буду президентом Штатов, то директором ЦРУ назначу ТЕБЯ». Потом продолжение старого разговора у Голды Меир, оставшейся без своего государства. Вот еще одна претензия. Почему он не сообщает о здоровье председателя? Ни слова о наших привычных персонажах: «Ее прорепрессировали при помощи осмотра сумочки, и она вышла довольная и раскрасневшаяся, а следовательно и красивая»*. Почему нет ни слова о Бен Гурионе? А как насчет Бени Гудмана? Почему ни слова о Бенини матери в Италии? ЕМУ ЖЕ П О К А ВСЕ МОЖНО. Это нам нельзя. А ему все можно. ПОКА. Мы это видели в «Падении династии Романовых». Там только Распутин не показали, но это вина коллектива последующих авторов, а вовсе не Эсфири Щуб. У нее все было. «У тебя, Гришенька, только фамилия подкачала, а вообще ты как протопоп Аввакум и

даже немножечко граф Калиостро, тебе только протопопицы нехватает».

Я не пойму другой параллели. Мне требовалось открыть «Бесы».

**Но он её все-таки обманул. Но может он сам не завернул? Нет, но он обещал (и другой).*

115

Вот был кусок – почти продолжение «Центрального телеграфа». «Ты представляешь, он нас будет описывать». Значит БЫЛО что описывать.

7

Как она себе представляла такое описание? «Рука Распутина лежала на рыжей шерсти императрицы, и она сказала: «Милый, ты меня любишь? А как? Расскажи мне, как ты меня любишь». Тут полностью рассказ театрального художника про двух хористок из заслуженного ансамбля. «И ты знаешь, он работал часа полтора. Ну может, мне показалось. Нет, но ты не представляешь».

Где-то в районе «Арагви» и отдыха, после ТРУДА без капитала и ТЕАТРА пока без Дорошевича, существовала старая стенограмма из кафе, где почти все записано. Часть ее вошла в «Домик у моря. КАНТАТА НА СМЕРТЬ ЮЛО СООСТЕРА.» /19

Знаменитый поэт с важным видом стоял у бильярда и натирал кий мелом. Он с тобой и говорить не будет. Как удостоиться такого внимания? Ни стихов ни «удара дуплетом». Вот как коротают досуги великие мира сего. Видали мы. Тоже о расказе о второй комнате 8-го корпуса студенческого городка в Останкино в 1936 году. «Первые 4 месяца в Москве у студента ИФЛИ, приехавшего из провинции». Но жутко настораживает когда речь шла об эсэсовских виллах на Балтийском море. Как это у них делалось. Ведь никто не спрашивал членского билета высшей касты. Само собой разумелось: раз живет в «Уолдорф-Астории», значит миллионер или парагвайский президент. А может и московский резидент. А она кто? Или герцогиня из Гонконга или Съюзи Уонг или просто богатая японка, личная знакомая Моше Герцога.

116

Что это за формат? Формат тетрадного листа, что ли. И этот австралийский поэт тоже, но он работал в длину.

Рассказа о лодке, которую чуть не затянула баржа на Москве-реке /или это Канал?/ у Серебряного Бора, не получилось. По 20 раз повторял фразу милиционера из той эпохи: «Но Берия – бесстрашный человек: глissер с авиамотором летит, а он стоит на носу и не боится.» Как выбирать невесту на пляже. Кинофильм в 2 сериях «Закручивание гаек». Вторая серия называется «Гаечный ключ». «Вот это и будет сюжет моей первой повести», сказал Асаркан на первом отделении, выслушав первую часть романа «Секретная миссия». После этого я ему ничего не рассказывал. Т.е. я возмутился и оборвал рассказ на самом интересном месте. Больше всего было импровизаций на тему «а немцы знаешь какие», а я ему рассказал только «Первое знакомство с высшей расой», т.е. один день из жизни оккупированной территории. В данном случае речь идет о Бержераке.

Она посмотрела внимательным взглядом, будто ее собеседником был Васья Голод, а за ней скромно шла мать двух дочерей и не обращала внимания. У тополя стояла санитарная машина, и выяснилось, что это звонила патронажная сестра. А на кухню ее проводили вымыть руки.

Когда я прочитал 5 страниц, оказалось, что там ничего нет, кроме одной черкизовской шутки про «укрепляет организм». И 6-я страница не ахти какая как предмет для вариаций. Все вместе в любом порядке, но все вместе надо читать.

117

Рокфор и яичница «да конечно».

И даже не ДЫМ, а только тень, идущая от дыма. Классики не стеснялись. Тут Татьяна Львовна вступила в беседу. Она главным образом про лучшего друга и единственного собеседника Льва Толстого, которому отец сшил новые ботиночки. Эти штиблеты стоят

под стеклянным колпаком в особняке на Пречистенке, в музее на Кропоткинской. Отзыв Фета: «А я их и не носил, такая святыня, сделанная нерукотворно нашим гением, потом они, по-моему, жмут».

Узкий формат уводит в «Она ушла в антимир». Как тебе выразить кратко и подробно, что-бы это было выразительно и ты бы сделала практические выводы, обходя щенячий балкон? Он воспитанный щенок и делает это дело в отведенном ему месте, но иногда промазывает или у него переполнено, и по стене идут потеки, образуя на асфальте лужу.

Короче. Как «Теркин в аду» где-то на улице Горького в магазине, где продают пластинки. «Мне все можно» – вывод из «Жизнь начинается в 66 лет». Она встретила маму внука Литвинова и поблагодарила ее. За что? За такого сына. Вот вы не знаете, что такое «домофон», а у них особое строительство и особые дома, и там есть такой «домофон».

ЧЕЙ-ТО ГОЛОС

все время врывается и мешал.

Физики шутят. Шутка математика. Ты покажи толстой Маргарите, она порадует длинного Германа на старости лет. Забавно было на 5 минут. Это как выпуски академического словаря, если бы он попался у букинистов. Мы бы рассматривали каждую цитату, как филателист рассматривает новую марку /украдено у из. Пушкина в передаче из. Кафки/. Как будто писалось длинное письмо, и кто-то вклинивался с чрезвычайными полномочиями.

118

Из трех форматов, считая и почтовые открытки, получилась комбинация из трех пальцев. Острота 1907 года. Она мне досталась по наследству через любительниц модных песенок в 1921 году. И в 1922 году тоже Калиста Попова не успела уехать в большой город. Она вышла замуж за троцкиста, об этом мы узнали несколько позже. До того партийный деятель из большого города был большевистский агитатор и пропагандист по вечерам, когда у старого купеческого амбара собирались жители, задавали каверзные вопросы, и бабы охали в немую полутьму.

Переплетный пресс читал рукопись с такой скоростью.

А кому он продал «грюндиг» за тысячу рублей? Дочке Рыкова или внучке Бухарина. Уж ей-то он мог бы и подарить. У старшей сестры я видел альбом с каллиграфическим почерком. Четвертое приключение кончилось прогулкой в лесу. Нет, это не лес, а дикий заброшенный огород на берегу тихой речки, которая называется Песковатка. Там, где не побывали немцы. Хотя войска стояли на той стороне и линия фронта была в 30 километрах от эвакуированного обкома партии.

«Крючки в 1881 году» было правильное название. Про родственников Льва Толстого и поэта Есенина я не нашел. Где-то было после «Укрощения строптивой». О молодом месяце рядом с созвездием Южный Крест, это опять про Австралию. Кстати, «На берегу» тоже про Австралию.

119

КУСКИ УРАНОВОЙ РУДЫ БЫЛИ ПОХОЖИ НА ХАЛВУ ИЛИ НА РОКФОР. Но я знал, что это женьшень и валюта. Ты у меня теперь заблестишь, сказала она. Это и был мескалин в упаковке пеклеванного хлеба. «Ба! Херсонский помещик!» – вскричал Фердыщенко голосом Феликса Круля.

Но я заснул эти картины. Хуже того. Когда я проснулся во второй раз, мне уже не захотелось идти и действовать. Мало того. Когда я проснулся в третий раз, мне уже не было радостно вспоминать и думать. Странно было видеть «Азов – турецкий город», шумит «Арагви» пред тобою. Мне грустно и легко. Но я не помню точного разговора в «Астории». А он был про «Мощи» Малинникова в 1924 году. Роман Калининкова «Рощи». Это ведь тоже Виктор Ардов, вы ему скажите об этом. На самом деле это редакция газеты «Гудок»: коллективный фольклор. Ветер налетает порывами, сухие желтые листья кружатся падая в переулке. Все это выдуманно и натянуто. А вот где был абзац про «она налетела на него, как вихрь, и чуть не сбила с ног» – так и не смог вспомнить. Цыганщина. Я был невольный свидетель. Я пришел за книгой, я даже помню, как она называлась. Дочка Сумбатова-Южина подарила мне ситечко. Речь идет о клубе на Саввинской набережной. А как это пишется? Назовите по буквам. А это

не фамилия и никогда не пишется, я его никогда не видел написанным, кроме как на заборе. А на заборе какая орфография? Случайная. Ученическая. Не надо так про покойника. Она тоже все помнит.

120

61-я стенограмма научила. Из 420 страниц первого варианта много всякого выходила, но потом все равно возвращение. Не подводя итоги, такие выписки, как отмеченные страницы старой книги Олдоса Хаксли. И так можно. И тут в общем все есть. Она приняла на свой счет «После фейерверка». Вот и хорошо. Кто у них самый крупный специалист-стилист теперь? Ваш же ученик, бывший авангардист-абстракционист. Тоже ваша школа. Протокол под дырокол – да. Но я считывал с большого листа в четыре колонки, окончательного текста не было и требовался переплетный эквивалент. Да, ты себе устроила Селигер. Да. А теперь мы заедем к антисемитам, они в соседней комнате. Это скорее коридоры лит. власти на Цветном бульваре. И кого вы встретили в лифте. Селигер – ком а ля гэр. Уже никто не помнит Маргариту Алигер. У нас теперь новые требования, пришел мальчик, прочитал 5 страниц и сказал: «А где дальше?» Это он шариковой ручкой на полях библиотечной книге подчеркивал слова? А кто такая Майя? Она тоже на два фронта. На четыре, не считая ч.к.

61-я стенограмма медленно по кругу, циклами по кругу медленно идет, повторяя свадьбы, юность повторяя, ошибки и их исправления. Полковник Паш в жизни Роберта Оппенгеймера играл эту роль. У Шевалье не спросили. Мы его письма из Парижа не читали. Опять в журнале «Лайф» кратко, но подробно все варианты легенды. Уолтер Митти – это такой актер. Ладно. Асаркан – это псевдоним Улитина. Герцен кончился, теперь главный – Огарев. По ком звонит «Колокол» в Лондоне. 21-й голодный год. 47-е лето в Малаховке. Ее последнее письмо у калитки на Тургеневской улице. Но тогда ничего не стоило провести ночь на вокзале.

121

Я не заметил, как это произошло. 2 страницы на машинке всегда подводили итоги утренних размышлений, независимо от величины новой стенограммы. 5 страниц вполне достаточно. Мало того. Есть две категории – это как 2 адреса, их нельзя перепутать. А новых начинать не надо. Что-то случилось с английской машинкой. Я не могу определить.

ПИСЬМА ИЗ КИРСАНОВА

К Р Ю Ч К И В 1 8 8 1 году.

И чей-нибудь уж близок час.

6.9.75

А вот цитаты из ю. поэмы необъяснимы. Кстати, куски из парижского романа тоже странно действовали в известном направлении. Уныло напевая «Заклятые друзья», еще раз чертыхнулся. Но это уже по поводу двух ЧК. Роман «Родион Нахапетов», а не «Родион Щедрин». Это в связи с продолжением «Герострата» по-английски.

Если записать на магнитофон твои бормотания и мурлыканье, то получится музыкальный опус под «Юность Жана Кристофа» с Валеи Никулиным. Вот у него есть кому фиксировать, потому он и композитор. А ты не фиксируешь, ты не композитор. «Я Володя Блок, меня все знают. Оставь 2 рубля на Пушечной, я зайду». Так начиналась «Пыль» Андрея Соболя в «Русской мысли».

е. концепция б. теоретиков з. института – это легче всего. Это так пишет Тарс. У него фраза из газеты «Правда», но он к каждому слову прибавляет эпитет на букву «бэ». Это бандитское стихотворение этого бандитского поэта довели народ до того.

Потом вдруг «на полях», и жанр уничтожается.

– И что еще сказал Марциал?

В очереди за стипендией.

1

122

Напишу сам себе письмо.

Сам напишу «Двадцать добрых слов» и отправлю по своему адресу. Кстати, где было про интернационалиста? Нужна точная формулировка. Жест был оправдан в отношении ю. поэмы. Сообщите ему свои догадки. Резко менялась лексика. У «Герострата» было новое продолжение. Она себя пишет так. Вот ее телефон. Жестокий ребенок был неправ. Цитаты опущены,

комментарии остались, но к сожалению цитат уже никто не помнит. И на кого пародия, непонятно. Это Зощенко писал «Возвращенную молодость» и исследовал борьбу с безумием за 30 лет до Поля де Крюи. Критик Чирва у Алексея Толстого играл эту роль. Аркадий Белинков исследовал «Зависть» обстоятельно и благодушно, но портрет Ю.Олеши получился злой. Что там было про турецкую перестрелку? А Левант – это древнее название у французских историков. Аунциатор у железнодорожников – такой прибор, который оповещает о приближении поезда. А Людоед пошел в ломбард клакладывать машинку. Горе от Юма /пачкает/. А что ты будешь с этим делать? Вот он мне вчера задал вопрос. Он привык вещать. Его раздражает, когда еще кто-то говорит. Он застыл. Или я поумнела или он поглупел, не знаю. Но мы об этом ни слова. Пусть сначала получит наследство. Песенка мадам Яго про Сант-Яго. Недаром они называют этот день – «свидание со свободой». Я с ним давно не виделся.

2

123

Ящик, уныло напевая «венцеремос» или «заклятые друзья» или «рандэ-ву авек либертэ», Мама скромно пожелала «Пусть он станет американским гражданином». Но я ее тоже давно не видел. Практический совет делового человека – не видел такой потребности. Звуки из ящика, дождусь ли радостного дня? Кстати о Мертвом море. Кстати о палеографии. Там я увижу Кима Филби и вообще всех старых знакомых. Конечно пойду. Глиняными периодами, кругами, циклами человек топтался на месте, но именно в этом была его жизнь. Я вспомнил. Выписки без замечаний, цитаты в одном месте, комментарии в другом, но это – как в архиве Черчилля. Нужен читатель-артист. Для этого не нужно знать Демьяна Бедного, достаточно увидеть фотографию в газете. Какие итоги я еще подводил? Что-то вычислял и получилось 16 лет. Главная цитата из Набокова. Я с ней поехал в Архангельское. Потом через 10 лет мы читали русский перевод «Лолиты», потом пошли другие события. Но оказалось, что главные слова были сказаны именно там.

А вот почерк дамы, которая перевела «Евгения Онегина» на французский. Она читала выдержки из «Мастера и Маргариты». Я так и понял. Она себя пишет через «йя». И вот ее телефон. С дамой из Гослитиздата меня не познакомили. Абрамовна уже умерла. Он тоже умер. Кто там коллекционирует кассеты юмора из ГДР, я не в курсе. Я и адрес Леонова подарил кому-то еще просто в знак почерка и автографа. Тут же мне рассказали про пожар и «он сам устроил».

«Малапагин злится». Эти слова цейлонской принцессы. Вам придется ехать за 101 километр, чтобы узнать подробности.

3

124

На одну секунду встретился – и такая заразная вещь.

«Пан не умер, но я молчу».

«А на улице Горького я встретила льва!»

«Кого?»

«Льва Смирнова».

«Левку?»

Знакомство с этим пиратом кончилось. У нее вздрогнули морщинки под глазами, она узнала. Меня смешила их измена. Я широко улыбнулся. На троллейбусной остановке З.Паперный читал синюю книгу. Только что вышла Цветаева. Откуда же больше и ждать? Но я привык к почерку. Мало того. Я привык к чужим словам по поводу любого почерка. Это похоже на «если она захочет прочесть». Если она захочет простить, так она простит. Кроме того, уже давно устами младенцев было сказано «один из Ваших почерков». Как ты все помнишь? А откуда ты знаешь? Но ты неправильно рассказываешь. Вот опять перескочил и я не поняла, это было в начале его зры или в конце.

Тут Митяшка Доманов поймал чебака. Тут я у деда Глобы вываживал чебака. Тут Григорий Семенович ловил стерлядь. Тут у меня сазан оборвал леску. Тут Федор Павличенко поймал сома в 4 пуда. Тут я поймал налима. А первый линь у тех кустиков на той стороне в конце озера. Тут мы с Жоркой Миловановым сплавляли на голавля. Тут я наловил пол-мешка воблы и чехони. Это бывает один раз в 100 лет.

4

125

Потом я усвоил закономерность и с ней примирился. Важнее писать новое, чем перечитывать старое. Легче написать, чем найти. Поэтому монтаж под «Ни дня без строчки» – великая сила. А диктовать кому-то – это чья-то еще радость. Зеленый виноград тут заключается в том, что у меня нет денег на стенографистку. Но я пробовал, это скучно и неинтересно. Кроме того, за ней еще надо исправлять ошибки.

Это тоже не метод.

Я так себе и представил. «Черный принц» Айрис Мэрдок на сцене Большого театра, музыка Родиона Щедрина. Баронесса фон Мекк будет только способствовать. Черный лебедь на зеленой воде с красным клювом, потом белый лебедь, золотые купола – какие краски! Почему никто не догадался раскрашивать увеличенную фотографию Ново-Девичьего монастыря. Я видел живописца. Если бы он был первый. «Цикута» опять. Домик у моря. Две циркачки на одной улице. Как в Ростове-на-Дону: как увижу эту улицу, так душа идет ко дну. Вот там и было трогательное прощание. Трудно себе представить такую работу – выписывать слова из черновики и все время иметь в виду последние страницы «Похоронного бдения». Гораздо проще забыть и начать сначала.

Потом я тоже насчитал 6 000 страниц большого формата, подумал и махнул рукой. Такой Шамфор. Но я ему правильно сказал «Нужен институт по изучению» и штатная работа, на одном энтузиазме далеко не уедешь. Пока у нее терпения хватает. Пока.

5

126

Пройдет 9 месяцев и мы увидим.

Узкий формат был нужен для чего? Чтобы резать и клеить. На узком формате я всегда прощался. Уже ушли на запад поезда, уже он простился навсегда. Я прошел другой дорогой и мне не понравилось. У дуба не остановился. «Об один день» – это было каждый день. Такая процедура. Ритуал заключался именно в этом. Свистит латинка. Я не поговорил с латинисткой. Я и с главным человеком не поговорил. Не сказал ему спасибо. Мы встретимся на том свете, все там будем. Там я его поблагодарю.

6

127

Отодвигалось все это в сторону из-за других событий. Два соображения. Два военных романа. Две книги из библиотеки. Что будет в сентябре? «Мата Хари» и еще что-то, надо списать названия.

Приблизительно так. Куда можно один раз – это из крупных слов «Пора портить импрессионистов». Два четверостишия я вспомнил без ошибки. Еще один формат был на ту же тему «ЗАКЛЯТЫЕ ДРУЗЬЯ. Закрытая книга.» /1966/

В общем, «удаль молодецкая», хотя такие слова не употреблялись. «Раскрасавец-барин снился мне всю ночь». Я подарил ему волейбольный мяч. Соседка на Петровке угощала коныяком. Потом на Садово-Кудринской я имел конец у этого маленького романа. Жуткое направление.

Тут возле узбекского ресторана всегда очередь. У нас тоже узбеки в соседнем переулке. Удара можно не ждать. Оказывается, это был «Улисс». Я об этом узнал через год. Если взять такую вещь, то получится вот что.

Жуткая нелепость без Оруженосца, но с оруженосцем из Ленинграда было еще хуже. Меценат уехал, больше он по 100 рублей присылать не будет. А какой том Марселя Пруста он раздаривал? «Удивительной речи не было». Значит, все это уже было в 1974 году. А вот так чтобы коротко, этого там нету. У магистра Коврина маниакальность главным образом по отношению к Магомету и христианству. Даже в «Цикуте» две-три страницы, которые все-таки нельзя восстановить. Голос Качалова иметь необязательно».

128

Эти странные взаимоотношения конечно для бесконечных разговоров и устных юмористических рассказов. Откуда такая информация? От флейты-позвоночника. Из первоисточника.

Вроде как 45 минут про ИФЛИ в столовой на Петровских Линиях в 1948 году. В этот год умер Качалов. Там было хорошо про русского поэта, которому поручили продавать пирожки, а он отказался. Впрочем, он сказал: директором ресторана?

– Прокомментируйте последнюю фразу.

– Ишь ты какой хитрый.

А речь шла об открытом письме Дорошевича «Пан не умер, но я молчу».

Но Лева Смирнов не силен в разговорном английском и вообще ему чудятся матерные интонации, когда он не понимает слов. После бурной личной жизни для равновесия они сидели и тихо радовались. Плохие стихи Антонио Мачадо. «Тихо плещет река Тахо» /и оскорбил он доброго монаха/. Птица прилетела неживая. И ее скромное «во имя». Как прятка из Эстонии. «Одинокый танк» – не ахти какое достижение, если не перечитать всего остального. Почему 2 ветряка? Один я помню, а где был другой?

Список затоптанных страниц всем требуется.

Умчалась с тревожной фразой «учебник, в котором я ничего не понимаю». Это было в понедельник 1 сентября 1975 года.

А мне поручено спешить на Волхонку.

А я поеду на Цветной бульвар.

А такая машинка редко бывает.

А дайджест затерялся.

129

Но я самого Ильфа-и-Петрова не читаю. Я не успеваю читать книги из библиотеки.

He wrote, «This is a sort of English up with which I will never put». Эта шутка Черчилля.

ОНА НЕ АРЕСТОВАНА ? ВРЕМЕННО.

Мини-шутка не нужна, пусть они сами.

I suppose it was different somehow. Couldn't imagine anything more subtle and convenient. But it was a mistake.

He выбросил икону с полки. Вон лежат, а надо бы. Конечно, им и Байрон не икона. «Он у них ходит в гениях». Одной фразой отсекает, мутит воду в источнике. Потом противно: ни посмотреться ни напиться. 25.8.75

«Он у них ходит в гениях». «Так им и нужно». Just what I tell you. And will thou weep, my sweet, if I am low. The difference in 40 years. But the same trouble was with women at the very beginning? Will you come? Won't you deceive me? Shall I not be disappointed this time ? Опять слишком много намеков и неопределенного содержания.

130

«Sure», she said. «Sure I want to go to bed with you, honey».

He took her hand, moving it higher on the inside of his thigh. «I got something special for you there, baby.»

They were all the same. As if what they have between their legs was something exceptional. As if woman thinks nothing but spread her legs for them to mount. Funny conceited creatures – men – the loudmouth chawbacons, impotent as far as every time you try them. Only in words they fuck you into all the places imaginable. But if put to a real white-hot test, this one would wind up incapable and whimpering like others. One, two and finish! – there he lays snoring like a hog he is.

131

Еще был «старый переплетчик с лицом из красного сафьяна». А почему у Вас нет ни одного переплета «от доски до доски», обтянутого кожей? И чтобы с металлическим замком. У букиниста сам переплет ничего не стоит. Отдать «Европу» и купить очередную проходную маку-

литера-туру. Чтоб у тебя не было больше других забот!
Ему нужна цитата, где его фамилия.

Ты осторожней двигай эту бандуру. А то получится «бэйбимикс» и пипифакс. Кстати о музее на Волхонке. Князь Волконский давно уехал в Париж, конечно. Прыгающий шрифт из Ленинграда в кафе против Вахтангова читался таким образом. Она сказала: «Но для этого надо сначала написать». Совершенно справедливо. /Тут место для фразы под Тэр-бера из «Динозавра»./

Член Государственной Думы и министр Временного правительства. Набоков никогда не был членом Временного правительства. Но какая разница? Это интересно и важно для историка. Вот где метонимия и аллегория и метафора не пользуются успехом. Выражай-тесь точнее. «Пионер не курит и не пьет» в первом издании «Законов и обычаев юных пионеров», это мы учили в 24 году. И 23-й год в этом доме. Корборунд? Референдум? Бэйби-микс? Пипифакс? Он мучительно старает- припомнить. Что еще он забыл купить? И как это называется.

Бестолковый разговор длился долго. Добчинские со всей России. И Андрей тоже.

Когда он ее процитирует, тогда понадобится ранний Зен д'Авестин /с Пушкинской улицы/.

132

для № 13

60 страниц – последний шиток – начинается Вольно-философской ассоциацией в 1922 г., а кончается смертью Бахтина. Красной нитью проходит симпатичная фигура Николая Ивановича: у них общее – Лютер и чтение его на языках. Указатель для дайджеста по переписке почему-то полностью игнорирует письма к жене: а это про семейную жизнь, а это неинтересно. «Офицеры и джентльмены» – второй том военной трилогии «Люди при оружии». Один очень жаркий день в Индо-Китае читать было интересно, хотя «Тонкая красная линия» лучше. Станные отношения с библиотекой начались где-то после 3-го научного зала. Отдел редкой книги – вот где последний раз. Но «Как мы пишем» мне пришлось читать в другом месте.

Стриптиз у неандертальцев – «Миллион лет до нашей эры»: это я собираюсь посмотреть с 66-го года, а может и раньше. Там коротко было про актера Переверзева и «Метонимию на улице Горького».

Понедельник, 1 сентября. 1.9.75

Самое время пойти в музей на Волхонке. Все заняты началом учебного года. Так при-близительно было с «Ураганом над Эстонией» /1967/. В 68 г. я, можно сказать, ничего не привез из Эстонии в смысле летних заметок. Может не надо брать с этой стороны «я не знаю эту злую собаку!» Теоретик футбола из Франкфурта прислал Марселя Пруста. Кстати, о Каф-ке. Указатель хороший, теперь надо сделать дайджест, а потом сделать вид и забыть. Через месяц доедет, через год будут «Избранные места». Он иначе упражняется в падежах, это про библиотечку «Крокодила». Обе читательницы согласились: пишет как Ильф и Петров.

С.д.Б

133

Есть ли у меня полный текст этой стилистики? Да, забавные отношения.

Я забыл о том. Можно было «Пионеры собирают утиль-сырье». Так называли тогда макула-туру. Впрочем, в утиль входил и чугун и всякое железо. Какой-то мальчик входит в сказку. Выработывая почерк, пишет то вкось, то вкривь. У него действуют мертвецы и ведьмы, и он запросто убивает и вешает кверху ногами. Когда их было мало, тогда все было ясно. Ни слова про сновидения. Вот был же там переход к родственникам Льва Толстого. Был. Но я его не нашел. Карточки – да. Но это будет новое сочинение. На большом формате случайно «Зачем люди ходят в театр». Еще «Кусок Лондона» имел какой-то смысл. Я забыл о том, что вчера на-писал 5 страниц. Но какие слова обжигали при напоминании, это надо подчеркнуть. По идее «Неон» был для разрезки: тоже на полях уже написанной книги. Такой возглас трудно от-делить от эпохи. Если там остановился, надо продолжать. Но вот я нашел «Сенсацию» и даже

больше, а дальше что? Для заклинания не подходит. С успехом одна страница из Уэллса. Короче говоря, надо открыть английскую машинку или вообще закрыть лавочку. На большом формате я возьму страницы с добавлениями. Одна цитата из «Все люди – враги» прозвучала загадочно. Он писал так напыщенно, но как еще выразить такие чувства. Можно попроще, но уничтожится эмоциональный накал, а это уже неинтересно.

134

Just what I told the boy. Exactly the same was at the very beginning. I didn't see anything new.

Какие-то сверхзадачи все время на каждом шагу. Его жизнь в искусстве. Его декоративные знакомые. Еще не заскучал в разлуке знаток Заходера. А вот знаток Сирано де Бержерака примолчался. Кислое вино один раз было интересно.

Один раз было хорошо «пишу мои вирши, живется легко». То-то был поэт. Эту машинку придется закрыть. Значит влияла неожиданная сторона в тот год как всякая осенняя погода. Сухие листья шуршали под ногами.

Валютная собака, достояние республики исчезла с горизонта. Юморист изменил свои маршруты. Что-то забавное было про фрегат «Паллада». Забытые милые были, как «горечь первых земных утрат». Бомба попала ему в дом, и он погиб. Так мне рассказывали. Другой учитель о нем ни слова. Тут рассказ про Куинджи. Забыл спросить про Забицеля. Может быть, это его сын, но инициалы не совпадают. Это про дальневосточного капитана. Чтения во второй раз не будет. Хватит. «Мой Эдипов комплекс» – вот что нужно найти.

It was like putting a new ribbon in his typewriter to the accompaniment of a ringing telephone, a waiting taxi and a full bladder. (p.145)

I Like It Here

135

Одинокий танк в морозную ночь промчался по пустынным улицам притихшей казачьей станицы. Пулеметная очередь в ночной тишине оповещала разбомбленных жителей о приходе освободителей. Все попрятались.

Но и тут я попал в узкий промежуток. Я возвращался из гостей, и тут посреди снежной дороги, услышав пулеметную очередь, упал на всякий случай прямо в снег. Костыли положил рядом. Человек в шубе перемахнул через забор и пугливо оглянулся. И от этого можно ждать выстрела. Это же беглец со двора дома, где жил начальник НКВД. В тяжелом тулупе, озираясь, он перебежками направился в сторону переправы на Новочеркасск.

Еще был один кусок под «фиолетовые флоксы и палевые петунии» с упоминанием Ставки и Верховного. А вот мусоропровод для ваших манускриптов. Опус № 55, нет оп.58 – такая Ф У Г А. И соната тоже. Узкие полоски текста уводили нас в «Она ушла в антимир».

Третья часть начиналась неопределенно, с каким-то тайным напряжением вокруг чужого хода мысли то ли под «Японский транзистор», то ли под «Милость победителя». Он тоже все помнит. Кто протащил Ворошилова в политбюро?

136

Это краткий пересказ, который ничего не дает. «Конец кафе». А где кстати начало? Для Оли начало было у Олдоса Хаксли в повести «После фейерверка». Для Вадика разговор в автобусе, когда его СЫН обиделся, что его приняли за девочку. Дмитрий он и родился он на другой день после смерти Юло Соостера. Вот тут нужна цитата из Л.Лиходеева эпохи «А за это время». Он все писал хорошо в шестидесятом году /в жанре читать не отходя от автора/.

Все погибло, прошло, отошло.

Кстати про весло. Весла у лодки были такие тяжелые, что я мог дотащить самостоятельно рано утром на рассвете только одно тяжелое весло. Это про лодку на Селигере. Она уехала и после нее осталась какая-то неопределенная угроза, как у мусульман со всех сторон. Не говорите, что это плод. Не говорите про ревнивую жену. Он имел одно виденье и тоже непостижное уму. И не швырял он в «Пекине» сотни, это показалось Андрею Крюкову. В кармане у него была справка, поэтому его и отправили в ЦПП.

«Конспект романа» – вот что требует продолжения.

КОНСПЕКТ РОМАНА – ВОТ ЧТО ТРЕБУЕТ ПРОДОЛЖЕНИЯ

137

Где был удачный рисунок? «Французы за обедом: тут они крупные специалисты. «Не пишите о нем, за это я Вам дам бритву» /Ночь в «Национале» в ноябре 1959 года/.

А «Две недели в августе» устарели из-за чего-то еще. ГДЕ ЖЕ ТУТ ВЫИГРАВШАЯ ОБЛИГАЦИЯ ? 27.9.75

Еще меньше было в цитате из «Назад к Мафусаилу». Вот был интересный разговор. Но это клевета, что русский язык для «зеленых беретов». Он читает курс эстетики и в основном марксистской. Не будь его, не было бы ни Моцарта ни Бетховена. С такой формулой играть можно без конца. Не будь его, не было бы ни Олеши ни Зощенко. Чуковский про вечер юмористов у Михаила Кольцова – это номер 1 из его любимых рассказов, а номер 2 – это как он закапывал «Чукоккалу» в лесу в Переделкино.

Почерк Евгения Шварца – помню, была такая тетрадь. Кстати, там тоже золото в день эвакуации искал дед с лопатой. На японской бумаге удивительное нагромождение нейтральных слов. Как раз под тот разговор, когда всякая ерунда говорится со значением». Это когда через 15 минут монолога у хозяйки дома отсутствующее выражение вдруг. Что-то вроде «мы Вашего мужа знаем с хорошей стороны» /и сказано это у метро/. Ты пиши чего я тебе диктую, а там сама увидишь. Видал, как он с ней? Как она с ним. Но ей это быстро надоело. Нет, нельзя сказать. Некоторые страницы она сама переписывала с удовольствием. Я б другой сложил напев. Во сколько раз увеличен портрет? В 5 раз.

138

Что-то про «русского Рокфеллера». Оба сидели на конгрессе. Еще один – Норман Мэйлер заслужил внимания А.Фадеева. Они вместе боролись за мир. У Сартра была репутация: «тоже марксист» и хочет соединить М с экзистенциализмом, а у Эренбурга: «Будет писать ПАДЕНИЕ ЛОНДОНА». «Союз возвращенцев» в Париже называли «чекистами», а какие у них были основания?

12 Старик:

– был студент филос. инстит.; на философа учили, не абы кто!

Амбивалентная интонация: но она ласково «чорт страшный». Это шутя. Это милая шуточки называется. Они могут. Им можно. Вот и А.И. тоже хорошо пошутил в «Науке и жизни». Какой-то «фани феллоу» – это про Томаса Манна. «Беглец из Германии» был лектор у Б.Маламуда и готовил лекцию по-английски при помощи американского учителя. Приготовил. Прочитал. Все было хорошо. Только вот конец все-таки плохой. Кажется, он повесился.

20 % на перевод – это для издателя, а если он сам будет искать переводчика, то ему и 80 % не хватит. Повторение жестов на одинаковой бумаге. С одной стороны было удивительное продолжение. Еще один актер: «Встретимся у окошка». Два люмпен-интеллектуала встретились у кассы Детгиза. Один получал за рисунок, другой за внутреннюю рецензию. Вопросы и ответы: «Так с какими намерениями Вы хотели матросом до Новой Зеландии?»

11 Два санитаря, один старик, другой слышал легенду-анекдот, потому и ухмыльнулся.

139

Выдержка 5 лет – так и написано?

Нет, мне надо другую выдержку.

Какая у меня сохранилась больше всех? Вот «турчанка, пляшущая на ножах», если это 1953 г., то выдержка 22 года.

Она задумалась: новый гимн с 43 года? Но она во время остановилась. Она чуть не сказала: я тоже с 43 года. На самом деле она еще моложе. Мы на кухне цитировали молодого Маркса, не забыли также и Ф.Энгельса. Один раз собеседник улыбнулся, когда речь шла об извилистых тропах. На одной вершине площадка, к ней вело множество извилистых тропинок, и каждый шел по своей, как вдруг обнаружилось: опять все вместе. На 5 минут соедини-

лись альпинисты, подумав о военной широкой дороге, которая опять-таки не вела к сияющим вершинам, а потом опять разошлись и занялись каждый привычным делом: карабкаться по извилистым тропам. Опять же не страшась трудов, как об этом говорил молодой Маркс.

Но для него будет удивительным открытием. Что говорить, я сам удивился, когда увидел карандашные пометки в своей книге. Я не делал. Но мои пометки. НО Я НЕ ДЕЛАЛ. Но правильные пометки, как будто их делал я. Но когда дошел до ПУРГИ НА АСФАЛЬТЕ, все стало ясно. 24.11.75

Ничего из этого не выйдет. 22-е дыхание необходимо и трезвость. Отвык я от английской машинки. И от переплета отвык. Отчего мне еще осталось отвыкнуть? От русской машинки. Отвыкнув от русской машинки, можно не волноваться. Доведен до кондиции. Здоров, выписать. По всем статьям довели. Через одну дорогу можно печатать в «Новом мире». С двумя датами в скобках, как полагается.

м.а.

140

Несколько раз повторялось странное совпадение. Когда 4 текста на одного читателя производят впечатление «Монеты для нумизмата». Вроде слов про платину. Про дачу в Тарусе. Про полтинники и старую передачу. Как называлась страницы? Кажется, «Знак от дурного глаза».

Вошла девочка в желтой кофточке. Но она сразу же сделала решительный жест. А потом мы взяли такси и поехали к Милому другу. На букву Гэ.

Человек с фамилией на букву Жэ? Я такого не знаю. Но для французов и Джеймс Джойс на букву Ша. Они говорят «Шэм Шойс». И не стесняются. «Шэртяка» – это «чертяка»: им трудно выговорит слово «чорт». Но эта талантливая девочка говорит как пишет вернее пишет как говорит. Ни за что не догадаешься, что она из Дижона.

Уходили, расставались, покидали милый край. Три гада основали «Союз возвращенцев». Вот от таких всегда и жди неожиданных поступков. Они будут себе зарабатывать право и репутацию любыми средствами и способами, вплоть до кухонного топорика. Автор «Бабьего Яра» это понимает. А автор этого заявления пока нет. «Конюшня ядра» – это же интересно на уroke языка, рядом с другими английскими словами.

– И до сих пор ходите по Москве?

С ехидным подтекстом «Как Вам это удается?» Они на чужой счет прозорливы и даже – как это у них называется? – перцептивны? профетичны? орфичны? интерцептичны? Анту-ражно фам-фатально демонично для домашнего употребления.

Infinite patience is required. Poor substitute for natural ability. I quote you, if you quote me. Scratch my back and I will scratch yours.

141

А ты мне не суй под руку провокационные слова. Я тебе сколько раз говорил.

Они извратили понятие социалистов и революционеров. Какие они социалисты, они собственники. Какие они революционеры, они лицемеры. Те хоть не лицемерят. Это разговор про роман Горького «Мать». Я так и понял: для батальонного Энг. было великое открытие.

Несколько раз «вещь дома» /можно спокойно спать/.

КРИК С УТРА ПОРАНЫШЕ раньше не мешал, а теперь настраивает на другую волну. У нас было другое распределение абзацев. Я работал на служебной машинке. В 1949 году это было интересно. Кстати, и «а по-английски это светский разговор» – что попало на глаза пану слависту, а он и не поморщился – единственное, что оправдалось.

У этой страницы только абзацы неправильно распределены. Не то вначале. Конец тоже не тот. Кстати, безнадежно испорчен текст решительным местом. Оказалось, зачеркнутое было более интересным, чем все остальное.

КОЕ-КАК САМОВАР СЕЕТ СЕМЕНА.

ВРЕМЕННО

Just what I told you 125 times, but you forget. But you know better. 4.12.75

So much for The Old Joke.

My typewriter sometimes wiser than me.

Уже этого можно было не повторять. Похоже на «Пятого петуха покупаю, пятый петух – п.»

Рассказ про Усачевский рынок.

142

ТАТАРСКИЙ БОГ И СИМФУЛЯТОР
ПРАВИЛЬНОЕ было название.

Где-то был гордый вывод. Ничего не осталось от него. С этого и приходится начинать наш конец. «У него разлитие желчи». Он стал желтый. Я воспринял слова метафорически. Кстати, сегодня и есть тот самый четверг. 4.12.75

Потом я подумал о необходимости.

Даже этого было вполне достаточно.

Человек придумывал себе. Он сам знает это лучше всех, но ничего с собой поделывать не может.

ТРИ ГРАЦИИ были в эмиграции. Одна грация уже посетила Елисейские Поля.

«Три нимфы» был возглас на 4-м этаже.

Кстати, нужно проверить этажи. Я тут как-то стал считать старые этажи и запутался. Но хорошо было сказано насчет того, что все уже написано для новеллы «Пора перевоспитывать себя». 7 страниц для описания человека, который кусочком мыла, отвернувшись от «глазка», у себя на халате решает дифференциальные уравнения, уповая на то, что квадратный миллиметр при капитализме тоже остается квадратным миллиметром. «На сантиметры считают портные», сделал замечание начальник в Кривоколенном переулке. Но для французских остроумцев нужны сантиметры.

Пусть так и останется. Это красивая опечатка. Как раз тот самый случай, когда пишущая машинка вдруг остроумней автора. А перевод иногда красивей подлинника. Это бывает один раз в 100 лет, но бывает. Такие случаи и нужно перечислять. Они на вес золота. А главное – кто же может это сделать? Только один человек. Не будем показывать пальцем. Не надо называть имен. Он жив хотя бы потому что мы аккуратно читаем «Вечернюю Москву».

ОДНА НАДЕЖДА – НА НЕГО

143

Я для этого ходил когда-то в столовую МГУ на Моховой. Я тешил себя мыслью, что увижу себя прежнего, себя, которым был. Увы.

Не так это все происходит.

Все равно. Жадно глядишь на дорогу. Кого она ждет, Вы не можете сказать? Победоносцев идет, а вдруг придет, правда. Чижи поехали в Кики. Там это и случилось. Она перестала улыбаться. Чего-нибудь такое только опытный читатель, о чем-то догадавшись пост-фактум. В этом смысле четверг был без таких намеков.

Заклятый друг написал ему лучшее письмо. Но самым интересным был пересказ. А по телефону вообще получается одна профанация почтовой прозы.

Несколько раз туманный поворот нас заводил в другой тупик. Деревья качались и гнулись, был сильный ветер на рассвете, почти буря, она даже завывала на кухне. Теплый Стан с одной стороны холодный, с другой стороны горячий. Выбирают теперь. Не торопятся. Старая Конюшня ремонтирует душ. Про эти дома, про эти переулки у нас хватает своих рассказов. Рассказчик замкнулся. О ней я ничего не знаю, кроме того, что она мать В.Аксенова. Рассказы были другие. Тревоги были прежние. Заботы тоже. Воинственно стоять за мир, со страшной силой бороться за мир, воинствующий миротворец, вокруг нас множество миротворцев. Один миротворец с двумя боеголовками страшнее всех. Ему только чемоданов не хватает. Незримый хранитель могучему дан.

Волхвы не боятся могучих владык. Летят перелетные певчие птицы.

Это как 100 персонажей на эскалаторе в метро.

Это как стоят толпы, и ты ждешь – вот выбежит бегун на длинную дистанцию. Он НЕ СОЙДЕТ С ДОРОЖКИ. Он будет делать свои собственные ошибки. Он может быть напишет «Павел Улитин как зеркало европейской революции».

м.а.м.б.

Тут не жалко и поставить дату. 4.12.75
144.

А тебе-то зачем переводчица? Для представительства, даже две нужны, но лучше три. С меня хватит работы по созданию нового черновика: очередные 120 страниц мне даются все туже и туже. Я думал уж о форме плана. Зара Тустра в новом издании наз. Эль Брус, Вы ее знаете, она стала циркачкой в разговорном жанре. По машинке как по проволоке идет. Про нее у Леонова есть роман, где она все-таки разбилась. Другая по живому следу забросила машинку или верней перестала давать читать. А ей всегда хотелось.

ТАТАРСКИЙ БОГ И СИМФУЛЯТОР – правильное было название.

Первым был в этом смысле Юло Соостер. О его смерти страшно подумать. Чортов дурак /по-английски/, неужели он не смог увидеть, что у нас остался только один долг. А я что говорил? 4 декабря – тоже м.б.п. четверг. Это плохо, что он не арестован. Шрифтом к.А. АСАРКАН НЕ АРЕСТОВАН. Как раз тот самый случай. Его бы там подлечили от печени по крайней мере. Но я имел в виду продолжение цитаты: «на том стоять и продолжать» и делать вид и нанести последний удар по свинству в этом берклеянском смысле: вокруг нас рать железных насекомых, ты слышишь тихий грохот их копыт, их много, их тьма тьмущая, будь осторожен, они задавят в щенячьей свалке за кровь, идею или честь. А что, плохо процитировал, да?

Под копытами идущих ползущих грядущих множеств ты потеряешь лицо, ОНИ ПРОЙДУТ ПО ЛИЦУ. Как будто вы не знаете. Как будто. Как будто БОГ затеял обновление своей вселенной в каждое мгновение и каждые 33 года надо распинать Распятого человека.

Комментарии

(сгруппированы в соответствии с пагинацией страниц в тексте П.Улитина)

С.1:

«О человеке у предела, которому не век судья» – Б. Пастернак, «Волны».

«Будет рассказывать автор “Забытого фрагмента”» – в прозе П.Улитина «Кусок Лондона» упоминается «Забытый фрагмент» С.Войтинского: http://www.rvb.ru/ulitin/kusok_londona

С.2:

«Я отвечу “Добрый вечер, мисс”» – С.Есенин, «Ты меня не любишь, не жалеешь...».

С.3:

«Я их, кажется, вставил в роман “Возвышенная организация”, а потом уничтожил» – См. об этом: Айзенберг М. «Учитель без ученика». Знамя. 2003. № 2 («...Например: “Возвышенная организация. Эпопея в семи частях с эпилогом”. Или: “Я не люблю Москву”. Кое-что из перечисленного это один листок, но со стороны может показаться, что уничтожено капитальное собрание сочинений. Эпопея! Бальзак!.. И вот я думаю иногда: кто же их читал, эти книги, кроме тех читателей? Кроме них прочли человек шесть-семь. Положительных оценок мы, правда, не дождались. Только жена Паустовского что-то сказала. И еще спросила: а почему “Возвышенная организация”? Так это же из “Бесов”, разговор Степана Трофимовича со Ставрогиной». Цит. по: <http://magazines.russ.ru/znania/2003/2/aiz.html>).

С.4:

«бругой» – возможно, опечатка и следует читать «другой».

«В общем, если ты в ударе добрых чувств, то и четырехэтажная тавтология» – «Четырехэтажная тавтология» – проза П.Улитина, опубликована в «Митиним журнале» (2002, № 60).

«Just what I told you!» – А что я тебе говорил!

«Никто уже теперь не помнит продолжения “смотри чтоб он тебя не укусил”» – ср. у В.Дорошевича: «Бежит по улице собака, / Идет Буренин, тих и мил, / Смотри, городской, однако, / Чтоб он ее не укусил».

С.5:

«And they are alike as 4 drops of poison» – И они похожи, как 4 капли яда.

«Вот ты выводы копишь полвека» – ср.: «Ты выводы копишь полвека...» (Б.Пастернак, «Хлеб»).

«...в кафе “Ар.”» – кафе «Артистическое». См. воспоминания З.Зиника «На пути к “Артистическому”» // Театр. 1993. № 6 («Инакомыслящая Москва для меня в ту эпоху делилась на две антагонистические

группировки. Это, во-первых, собеседники на кухне московской квартиры, скажем – преподавателя русской литературы, поэта и переводчика Юрия Айхенвальда, и собеседники за столиком кафе «Артистическое» преподавателя иностранных языков, переводчика и прозаика Павла Улитина». Цит. по: <http://www.stengazeta.net/article.html?article=2390>)

«С тех пор ее по книгам я встречал много раз» – ср. в песне А. Левинтона «Стою я раз на стреме...»: «С тех пор его по тюрьмам / Я не встречал нигде».

«Далекие милые были» – С. Есенин, «Анна Снегина».

«Я не для того ушла от п.Лук., чтобы придти к п.Ев.» – п. – поэт; имеются в виду Луконин и Евтушенко.

«For a quicky. One of them even quoted "kiss me quick"». – По-быстрому. Один из них даже процитировал «Чмокни меня».

«Like a fool I allowed myself to be drawn into some body else's sphere of influence. The price was heavy». – Как дурак, я позволил втянуть себя в сферу влияния постороннего человека. Я заплатил за это сполна.

С.6:

«Famous but utterly unknown (except for three comrades from the secret security service) – the beginning, but the end is "and so on, und so weiter, et cetera, etc"» – Знаменитый, но абсолютно неизвестный (за исключением трёх товарищей из секретной службы безопасности) – начало, но конец это «и т.д». (англ., нем., лат.).

«НО ОН НЕ АРЕСТОВАН 24.11.75. ОНА ВРЕМЕННО КОЕ-КАК, НО СЕЕТ СЕМЕНА. А у Вас?» – этот текст напечатан машинкой с латинским шрифтом, П.Улитин часто использовал этот прием.

«ШКМ» – школа крестьянской молодежи.

«Русская печь» – повесть В.А.Ситникова (М.: Дет. лит., 1975).

«У Крутого Яра» – короткометражный фильм Киры Муратовой (1961) по рассказу Г.Тропольского.

«Я тебя не в силах упрекнуть» – А.Блок, «Перед судом».

С. 7:

«Пей, выдра, пей» – С. Есенин, «Сыпь, гармоника. Скука. Скука...».

«...красную тонкую веревочку» – «Тонкая красная линия», роман Д.Джонса.

«Мертвая зыбь» – роман Льва Никулина (1965).

«Смерть на лоб наложит лапу» – из лагерной лирики Юрия Айхенвальда.

«Тихонов не виноват. Тихонов вел себя корректно» – имеется в виду работник КГБ, на допросе у которого у Ю.Айхенвальда случился инфаркт.

С.8:

Ойзерман Т.И. (1914) – советский философ. Закончил ИФЛИ в 1938 г., руководил там литературным кружком.

С.9:

«...мон коржэ» – Жан Алексис Монкорже – настоящее имя Жана Габена.

«Смерть велосипедиста» – фильм Х.А.Бардема (1955).

С. 11:

«Инструмент» – роман Джона О'Хара.

«В том шалмане двое инвалидов: вот был интересный разговор» – в «Татарском боге...» и другой прозе П.Улитина неоднократно упоминаются «потаенные стихи О.Берггольц («На собрание целый день сидела...»): В той шарашке двое инвалидов / (в сорок третьем брали Красный Бор) / рассказали о своих обидах, – / вот – был интересный разговор!

С.12:

«Шпильки» – польский сатирический журнал.

С.13:

Кардин Эмиль Владимирович, литературное имя В.Кардин (1921–2008) – критик, прозаик.

«Зен д'Авестин» – З.Зиник, входил в ближний круг знакомых П.Улитина. Неоднократно писал о своих встречах с П.Улитиним и о его прозе (см., например: «Приветствую ваш неуспех» // Улитин П. «Разговор о рыбе»; «Кочующий четверг» // Улитин П. «Путешествие без Надежды»).

С. 14:

«Суровый юнга хмурится тревожно. Но даже он стирает пот со лба» – Н.Матвеева, «Братья капитаны».

«На эскизах Нолева-Соболева» – Ю.А.Нолев-Соболев (1928–2002), художник-нонконформист, способствовал коллегам публиковать графику в журнале «Знание – сила» в качестве иллюстраций к научно-фантастическим произведениям.

«Забытая лента» – возможно, текст П.Улитина 1962 г.

«Заговор императрицы» – пьеса А.Н.Толстого и П.Е.Щеголева (1925).

«Черный принц» – роман А.Мердок (1973).

С. 15:

«Как смотрит на вас новый мир? Косо. С некоторых пор косолапо» – обыгрывается фамилия главного редактора «Нового мира» В.А.Косолапова (1910–1982).

«У в.В.Паперного спросите» – у вашего В.Паперного спросите.

«Кэтчер, друг шипучих вин» – из эпиграммы И.С.Тургенева на переводчика Шекспира Н.Х.Кэтчера (1809–1886).

«...тульский оруженосец» – Лев Смирнов.

«...сохранить и в П остатки Б.» – сохранить и в Подлости остатки Благородства

«...из книжной лавки Анны Григорьевны» – А.Г.Достоевская (1846–1918), жена писателя, его «литературный агент», активно интересовалась книгоизданием.

«...не обратил внимания на подборку Тамары Мотылевой» – Т.Л.Мотылева (1910–1992), филолог, специалист по немецкой литературе.

С. 16:

«Леня Губанов» – Л.Г.Губанов (1946 – 1983), поэт, основатель СМОГа.

«Алена Черный Жук – мать смогизма» – Е.Н. Басилова, поэт, правозащитник, жена Л.Г. Губанова.

С. 17:

«Л.Робот» – Л.Невлер.

«Детективная история» – текст П.Улитина (ок. 1960 г.).

«...по-байроновски собачонка меня встречала с лаем у ворот» – у С. Есенина: «По-байроновски наша собачонка» («Возвращение на родину»).

С. 18:

«...не заманит шляться босиком» – С. Есенин, «Не жалею, не зову, не плачу...».

«Бродить без дела и без цели и ненароком, на лету набрести на свежую мечту» – у Ф.Тютчева: «Набрести на свежий дух синели / Или на светлую мечту» («Нет моего к тебе пристрастья...»).

«Слов моих сухие листья ли?» – «Слов моих сухие листья ли / заставят остановиться, жадно дыша?» В.Маяковский, «Лиличка! Вместо письма».

«Ловить, как прежде, шорох каждый» – у В.Брюсова: «Ловлю, как прежде, шорох каждый / Вечерних листьев, дум своих...» («Не также ль годы, годы прежде...»).

«Я сегодня так грустно настроен, так устал от мучительных дум» – Н.Некрасов, «Я сегодня так грустно настроен...».

«Мать-отчизна, дойду до могилы» – у Н.Некрасова: «Мать-отчизна! дойду до могилы...» («Что ни год – уменьшаются силы...»).

С. 19:

«А дед с тоской глядит на колокольню» – С. Есенин, «Возвращение на родину».

«Деревья стояли и стыли» – ср. «А Дарья стояла и стыла / В своем заколдованном сне...» (Н.Некрасов, «Мороз, Красный Нос»).

«Там еще была книга "Голод и любовь"» – роман Лайонеля Бриттона (1887–1971) "Hunger and Love" (1931), издан по-русски (М.: Художественная литература, 1936) после посещения писателем СССР в 1935 г.

С. 20:

«...в кинофильме "Великолепный"» – комедийный боевик Ф.де Брокка с Ж.-П.Бельмондо, шел в советском прокате.

«В «Науке и жизни» – вот где было про мемуары Казановы» – см. Бэлза С. За пушкинской строкой. // Наука и жизнь, 1974, № 9.

«Как Феллини испортил редкое издание. Слова Стефана Цвейга» – возможно, имеются в виду фильм «Казанова Феллини» и книга Стефана Цвейга «Три певца своей жизни (Казанова, Стендаль, Толстой)».

«Писали б с позволения вашего» – Б.Пастернак, «Зарево» («Писали б, с позволения вашего, / И мы, как Хемингуэй и Пристли»).

«Мысленно покупаю "Историю инквизиции"» – исследование Х.А.Льоренте «Критическая история испанской инквизиции» (1817), было издано в СССР в 1936 г.

С. 21:

«Не мучил бы он вас, как это было раньше» – С. Есенин, «Письмо к женщине».

«Как будто он собирался писать еще и тогда "Люди с чистой совестью"» – роман П.Вершигоры (1946).

С.22:

«Опять шансонье нажимает на слово "неРвы"» – возможно, имеется в виду В.Высоцкий.

С. 23:

«Он был как выпад на рапире» – Б.Пастернак, «Высокая болезнь».

«И тут слышнее стали звуки, не умолкавшие во мне» – у Ф.Тютчева: «И вот – слышнее стали звуки (Я встретил вас – и все былое...)».

«Кто посетил? Оратор римский» – отсылка к Ф.Тютчеву («Цицерон»).

«А на улице мальчик сопливый ковыряет молча в носу» – у С. Есенина: «А на улице мальчик сопливый. / Воздух поджарен и сух. / Мальчик такой счастливый / И ковыряет в носу» («Грубым дается радость»).

С. 24:

«И он погиб, судьбу приемля» – И. Уткин, «Комсомольская песня».

«Черный четверг – это 27 октября» – «Черный четверг» (из тех, что приходится на октябрь) – начало краха Нью-Йоркской фондовой биржи в 1929 году (приходится, впрочем, на 24 октября).

«Мариан Эйле» – Мариан Эйле (1910–1984), писатель-юморист, использовавший несколько псевдонимов, в т.ч. «братья Роек», главный редактор польского юмористического журнала «Пшекруй».

С. 25:

«Из России с любовью» – роман Й.Флеминга из серии бондианы; «Кремлевское письмо» – шпионский роман Н.Бена; «Мозг ценой миллиард долларов» – шпионский роман Л.Дейтона из серии про агента Палмера, все они экранизированы.

«Начинайте революцию без меня» – фильм Б.Йоркина (1969)

«Вкус власти» – роман словацкого писателя Ладислава Мнячко, в конце 1960-х ходил в самиздате.

«Пусть читает Джона Флэма» – возможно, имеется в виду Йен Флеминг.

«Оттого-то шум и крики. И эскадра на реке» – ср. у А.Пушкина: «Отчего пальба и клики. / И эскадра на реке?» («Пир Петра Первого»).

С.26:

«Пазза Сэра» – итальянская газета.

С.27:

«Игра в карты по-научному» – фильм Луиджи Коменчини (1972), шел в советском прокате.

Строева Елена Васильевна (1930–1975) – знакомая П.Улитина, в 1972 эмигрировала, покончила с собой в Париже.

С.29:

«Это Алексей Пономарьков в Таганке» – возможно, имеется в виду слесарь ремонтных мастерских Алексей Пономарьков (р.1903), осужденный по политическим мотивам.

С. 31:

«Там был Шверубович» – В.В.Шверубович (1901–1981) – театральный деятель, один из основателей театра «Современник».

«Негритянский квартал» – роман Ж. Сименона.

С.32:

«Фотография пулеметчика» – текст П.Улитина (1965, опубликован М.Айзенбергом в «Вестнике новой литературы». 1993, № 5. С. 185–202).

«Разговор о рыбе» – текст П.Улитина (1967, опубликован М.: ОГИ, 2002)

С.33:

«читал в романе Нэнси Митфорд о Париже» – Нэнси Митфорд (1904–1973), автор популярных романов из жизни высшего общества

«У Поля Гэликоу что-то с пальцами» – Пол Гэлликот (1897–1976), американский писатель. Его произведения переводила Н.Трауберг.

С.34:

«...„Волны“ или „Я тьму бумаги перепачкаю“» – «Волны» и «Зарево», стихи Б.Пастернака.

«...на трибуне стоял Яков Миндин» – Я.Миндин, сотрудник ИФЛИ, погиб осенью 1941 г. в боях под Москвой.

«Ираклий Андроников рассказывает» – цикл передач по советскому телевидению.

С.36:

«...у.в.д.» – управление внутренних дел.

С.38:

«...Витя Славкин из „Юности“» – драматург Виктор Славкин с 1967 по 1984 работал редактором отдела сатиры и юмора в журнале «Юность».

«Макаров чешет затылок» – текст П.Улитина (1967), опубликован в 2004 г. (М.: Новое издательство).

«Жюстина Севериновна» – Ж.С.Покровская, преподаватель древних языков в МГУ.

«...ждали Олю и Асаркана, а пришел Леня Невлер» – О.Карпова, Л.Нерлер, А.Асаркан – друзья П.Улитина. А.Асаркан был сокамерником П.Улитина в 1950-е годы в Ленинградской тюремно-психиатрической больнице, в 1980 г. эмигрировал.

«Союз возвращенцев» – в 1930-е организация лояльных к СССР эмигрантов-французов.

С.39:

«Хабаровский житель...» – очевидно, имеется в виду текст П.Улитина «Хабаровский резидент».

«Поплавок» – текст П.Улитина (1960), опубликован: «Знамя» № 11, 1996.

«ССС» – «Стилистика скрытого сюжета», характеристика П.Улитиним своей прозы. «Его произведения с трудом поддаются жанровому определению. Улитин создал собственный метод, который он называл «стилистика скрытого сюжета». И действительно, в любом, самом герметичном и по виду спонтанном тексте этот «скрытый сюжет» присутствует. Обнаружить его непросто». («Разговор о рыбе». С.189)

С.40

Николай Сидоренко (1905–1980), советский поэт, работал в Литературном институте.

«С д Б» – Симона де Бовуар.

С.44:

«Ах это цитата из „Галантного века“ в переводе критика Фриче» – «Галантный век» – название второго тома «Иллюстрированной истории нравов» Эдуарда Фукса (М.: Современные проблемы, 1913, пер. В.М.Фриче).

«Мадам Фриде презрительно пожала плечиками» – Е.С.Фриде – хозяйка московского «салона» (Борисоглебский пер., дом 8, кв. 10; упоминался в доносительской справке МГК ВЛКСМ 1961 г.), в котором с конца 1950-х гг по пятницам собирались независимые поэты и художники.

«„Совесть“ Будимира Метальникова меня отвлекла» – Б.А.Метальников (1925–2001), киносценарист, кинорежиссер. Фильм «Совесть» снят в 1965 году по роману Доры Павловой.

С.45:

«кум grano салис» – язвительно (лат., букв. «с крупинкой соли»).

«ЛЖР» – Лучшая Женщина России.

С.46:

«Это по поводу фильма "Крест и маузер"» – фильм Владимира Гардина по сценарию Льва Никулина (1925).

С.47:

«...видел Киру Иванову в фойе Художественного театра рядом с Рабиновичем» – К.Н.Головко (р. 1919), внучатая племянница поэта Вячеслава Иванова, актриса театра и кино, сначала училась в ИФЛИ; И.М.Рабинович (1894–1961), театральный художник.

С.48:

«Главного переплетчика звали Курнат» – очевидно, речь идет о Ленинградской тюремно-психиатрической больнице (ЛТПБ).

С.49:

«Exactly the same. Something» – В точности то же самое. Что-то.

«Something like that» – Что-то наподобие этого.

С. 50:

«104 страницы про любовь» – пьеса Э.Радзинского (1964), была поставлена в Ленкоме А.Эфросом, экранизирована Георгием Натансоном в 1968 году («Еще раз про любовь»).

С.52:

«Слова, услышанные в Ростокинском проезде» – дом №13а: Московский государственный лингвистический университет им. Мориса Тореза (бывший ин-яз), факультет заочного обучения. Раньше там располагался ИФЛИ.

С. 54:

«...завтра утром на рассвете заплачет вся моя родня. Вся твоя семья будет радоваться завтра чуть светочек» – ср. в народном варианте песни П.Гребенки: «Последний нонешний денёчек / Гуляю с вами я, друзья. / А завтра рано, чуть светочек, / Заплачет вся моя семья».

С.55:

«Цитата из Путлица» – имеется в виду книга В.-Г. Путлица «По пути в Германию (воспоминания бывшего дипломата)», вышедшая по-русски в издательстве иностранной литературы (М., 1957).

С.56:

«...на рисунке Курта Кламанна» – К.Кламанн (1907–1984) – восточно-германский карикатурист. Его проза о детстве печаталась в 1970-х гг. в журнале «Вокруг света».

«Честь и слава Каталонии» – скорее всего, имеется в виду роман Д.Оруэлла «Памяти Каталонии» ("Homage to Catalonia", 1940).

С. 57:

«...хуже "Тихого американца", но лучше "Тонкой красной линии"» – соответственно, романы Г.Грина и Д.Джонса.

С.58:

Паралепе – пригородное местечко под Хаапсалу в Эстонии, где Улитины отдыхали летом 1967 года.

С.60:

«...кусочек Тэрбера» – Дж.Тэрбер (1894–1961), американский прозаик-юморист. П.Улитин перевел его рассказ «Тайная жизнь Уолтера Митти», кот. был опубликован в сборнике напечатанных в «Неделе» в 1960–61 гг. «Зарубежных новелл» (М.: Известия, 1962 [Переводчики не указаны!]). Автор назван Дж.Тэрбером.

«30. пагинация 2.12.75» – страницы с 31 по 60 имеют дополнительную пагинацию внизу листа горизонтальными (повернутыми на 90 градусов) цифрами, 30 с точкой означает конец этого раздела.

С.63:

«Туда пришел Барабаш» – Ю.Я.Барабаш (р. 1931), советский литературовед.

«Он был как выпад на рапире. Есть в опыте больших поэтов» – цитируются стихи Б.Пастернака.

С.64:

«Палка Арона Долгополь» – возможно, имеется в виду лингвист Арон Долгопольский (р. 1930), эмигрировавший в 1976 г.

«I just opened my bloody legs and cut an arser". (p.26 A Handful of Dust)». – Я плюхнулся на задницу, задрал кверху ноги (с. 26 «Пригоршни праха»), цитаты из романа Ивлино Во.

«"Tricky birds, the foxes." (p.304 ib.)» – Ну и хитрюги эти лисы (там же, с. 304).

«"Do you know how much it costs just to live here? We should be quite rich if it wasn't for that." (p.45 ibidum)». – Ты знаешь, во сколько нам встало проживание здесь? Если бы не это, мы были бы вполне состоятельными (там же, с. 45).

С. 65:

«Оттава» – текст П.Улитина (1967).

«Just what I told you» – А я тебе что говорил!

«But what do I get out of it?» – А что я буду с этого иметь?

«Thank you very much. As if I didn't know. No news for me». – Большое спасибо. Как будто я не знал. Никаких новостей для меня.

«And what I told you? But I told you the same 7 years ago». – А что я тебе говорил? Я говорил тебе то же самое 7 лет назад.

«I don't know what it means, but I didn't mean it. Silly old tart». – Я не знаю, что это значит, но я не имел это в виду. Глупая шлюшка.

Текст прописными буквами в этом отрывке напечатан на машинке с латинским шрифтом.

С.66:

«Берегите вы плутровку. Вдруг поставят мышеловку. Голос снизу: "Вот поставим мышеловку, переловим всех зараз"» – стихи из русской народной игры «Мышеловка» («Ах, как мыши надоели...»).

«У "Содома" Пазолини есть еще одно название, Я так и знал. "Сальо"? "Сало"? А что он имел в виду?» – речь идет о фильме П.Пазолини «Сало или 120 дней Содома» (1975), экранизации романа де Сада «120 дней Содома». «Сало» – отсылка к Салической республике или Республике Сало маршала Бадольо на севере Италии в 1943–1945 гг.

С.68:

«John Braine's The Pious Agent» – «Набожный агент» Джона Брейна.

«Липовые аллеи» – сборник литературных пародий (Л.Лазарев, С.Рассадин и Б.Сарнов. М., 1966).

«P.P.Pasolini's last film "Salo, or the 120 days of Sodom"». – Последний фильм П.П. Пазолини «Сало, или 120 дней Содома».

С.69:

«Кусок Лондона» – текст П.Улитина.

С.72:

«ЭТО ДЕЛО ГРАЖДАНИНА ВЫШЕ ВСЯКИХ ПРОДОЛЖЕНИЙ» – фильм Э.Петри «Следствие по делу гражданина вне всяких подозрений» (1970), был в советском прокате.

С.76:

«Мне на рассвете холодно и странно» – ср. «В час рассвета холодно и странно» (Блок, «Шаги командора»).

С.77:

«Узбекистан» – ресторан на ул. Неглинной.

С.79:

«Еще один "Портной", то же название, что у книги Б.Маламуда про дело Бэйлиса» – роман Б.Маламуда «The Fixer» (1966).

С.81:

«ОСО» – особое совещание, орган внесудебной расправы.

«Босья, ты теперь понимаешь что такое любовь?» – искаженная цитата из рассказа И.Бабея «Ди Грассо».

С.82:

«The difference exactly. When it was, I don't remember. The book ALL MEN ARE ENEMIES, we read it in April 1969, I suppose». – Точно разница. Когда это было, я не помню. Книга ВСЕ ЛЮДИ ВРАГИ. Мы читали её в апреле 1969, я полагаю. (Упоминается роман Р. Олдингтона. – ред.).

«How to forget and how to remember. I remember that I must forget. To die hating was the only freedom for him. But that was not the end yet». – Как забыть и как вспомнить. Я помню, что я должен забыть. Умереть ненавистью было единственной свободой для него. Но это был ещё не конец. (Цитируется роман Д. Оруэлл «1984» – ред.).

«Злату Потапову видел один раз» – З.М.Потапова (1918–1994) – литературовед, критик, переводчик. В 1952–1984 работала в Институте мировой литературы.

С.85:

«In my good British French and in your bad Japanese Italian; so much for this item.» – На моём хорошем британском французском и на вашем плохом японском итальянском; слишком много для этого.

«"This is a sort of English up with which I will never put."» – Это такой английский, мириться который я никогда не буду (искаж. англ.).

С. 86:

«Один В.Гаевский это оценил с первого взгляда» – В.М. Гаевский (р. 1928), историк балета, искусствовед и критик.

С.88:

«Актёр Овацкий до сих пор оскорблен» – В.И.Новацкий, театальный критик, драматург, режиссер, искусствовед, исследователь театра кукол, фотограф.

С.89:

«ЗАКЛЯТЫЕ ДРУЗЬЯ У.Малапагина» – Устен Малапагин – псевдоним П.Улитина. восходящий к фильму Р. Клемана «У стен Малапаги» (1947).

С.90:

«Смысл был как в надписи зловещей: никто из них не разгадал» – неточно цитируются строки из «Видения Вальтасара» Дж. Байрона в переводе О.Чюминой («Но смысл надписи зловещей / Никто из них не разгадал»).

«Ханджа на ренглоде» – ханжа на ренклоде (сорт сливы), видимо, самогон.

С. 92:

«Петров-Бытов /"Каин и Артем"/ в переплетной» – П.П.Петров-Бытов (1895–1960), советский кинорежиссер, фильм «Каин и Артем» по рассказу М.Горького, снят в 1929 г.

«Мы не сынки у маменьки в помещицьем дому» – неточно цитируется «Марш Буденного» Н.Асеева.

С.93:

«But they don't know what they are talking about...» –

Но они не знают, о чём говорят.

Однажды она мастурбировала, зажав у себя в промежности его бедро. Это слишком ужасно для тебя? Нет, конечно, нет, нет. Молодежь нужно обслуживать. Не дразнись. Ты меня смущаешь. Сперма была струей куда-то в область шеи. Из области между её грудями, которые были горячие и влажные, и скользкие.

– Я не безразлична, – сказала она.

– Ударить меня?

– Сделать что? Я не знаю как.

(Цитируется роман Д.Алпайка «Супружеские пары» – ред.)

С. 94:

«If you can keep your head when everybody is losing theirs. Keep my arse, they enjoy themselves. Divide our trouble, they are shouting at the top of their voices». – Сумей держаться в час, когда кругом теряют головы, тебя вина во всем. (Редьярд Киплинг, «Если» пер. К. Фёдорова – ред.). Поддержи мою задницу, они развлекаются. Раздели нашу беду, они кричат во весь голос.

«But she is like a duck in the muddy waters. They suffer elegantly and want you to join their company. Thank you. Rather not come and fill your little pot. 7 years With Bycille». – Она похожа на утку в грязном пруду. Они элегантно страдают и хотят, чтобы ты присоединился к их компании. Спасибо. Мне не хочется приходить и быть лишним. 7 лет С Велосипедом.

С.95:

«Just what I wanted, no way out...» – Как раз то, что я хотел, выхода нет. Я читал «Нет свободного времени». Было бы забавнее остановиться по дороге домой из кино, купить бутылочку вина, а потом отвечать за последствия. Но она чего-то боялась. Её половые губы были горячие, но она не хотела причинять боль другому своему другу. Не то, чтобы он ревновал, но он ревновал по-другому. Внимание нельзя разделять. – А у тебя вино, – сказал он с упреком. Но он не сказал «Я не буду пить». Полагаю, это случилось из-за театра. И телефон без конца звонил. Систематически разрушая уверенность. Настолько сильно. Но очень скоро это случилось. Он поднёс её руку к своему пенису, но она соскользнула. Но она рванулась, будто охваченная огнём. Старикам ни о чём серьёзном не думают.

С.96:

«Henry Miller in tattered Paris editions...» – Генри Миллер в потрёпанных парижских изданиях. Её полка

у кровати. Сегодня вечером она убила меня, на самом деле. Почему ты не хочешь трахнуть меня? Но это было не так просто. Когда я попытался всунуть инструмент, она отстранилась. «Ты не можешь представить просто дружбу, а?» «Между мной и тобой, нет», Она улыбнулась своей неподражаемой сияющей улыбкой. Чтобы быть терпимым к цинизму, последний должен обладать изяществом и остроумием. Он и раньше испытывал эту панику. Существовали антидоты. Представьте жаркий летний день на озере. Он попытался ублажать себя телами женщин, которых знал. Её груди были упругие, как у кормящей матери. Мой член напрягся. Её промежность вспыхнула, чтобы глубже принять его. Он захватил её, она какое-то время находилась в его власти. Он быстро оделся, чтобы избежать разговора и рекапитуляции, которой, он знал это наверняка, она жаждала. Тиски её вагины стали влажными и ослабевшими.

С.97:

«Проф. Боянус, оказывается, был ленинградец» – вероятно, Боянус Семен Карлович (1872–1952) – профессор кельтской и английской филологии, шекспировед.

С.98:

«О счастливчик» – фильм Л.Андерсона (1973), был в советском прокате.

С. 99:

«Just what I told you...» – А я что тебе говорил. Меня тошнит от этого. А тебя разве не тошнит? Колокола, колокола. То же самое было в самом начале. Что-то наподобие этого. Сохраняй спокойствие, оплачивай счета, бегай, как угорелый. Потому что то же самое было в самом начале. Достаточно для этого. Сумей держаться. Поверь в себя! Сумей назло судьбе простить неверящим сомнение в тебе (здесь снова цитируется стихотворение Кипплинга «Если» – ред.). Господи, клянусь. Но желание закричать бранные слова во весь голос. Что ещё?

С.100:

«Это мы читали у эстонца бывшего Серого Волка, где у нас было, журнал какой-то» – имеется в виду автобиографический роман Ахто Леви «Записки серого волка» (1967), опубликованный в журнале «Москва».

С.101:

«Теперь это наз. НОТ» – научная организация труда

«...цитаты из Норы Джойс» – контаминация имен Джеймса Джойса и его жены Норы Барнаклъ.

«Это Татьяна Львовна в детстве» – Т.Л. Сухотина-Толстая, «Воспоминания».

С.106:

Залесский-Темерин И.А. (1884–1967), артист ЦТСА, диктор, режиссер Всесоюзного радиокомитета.

С. 107:

«It's up to you to decide...» – Тебе решать. Но что ты с этого будешь иметь, твоё личное дело. Он его достал и вставил. Достаточно для этого. А то, что за этим последует, больше её его не интересовало. Как раз то, о чём я подумал. Он засунул руку в её лифчик и нежно погладил грудь. А, совершенно отчётливо я припоминаю, что это было не в декабре (искаженная цитата из «Ворона» Э.По – ред.). Если ты от них устал, то ты и вправду уже старик. «Она приходит слишком быстро. Она приходит, чтобы успеть выполнить работу по дому». Твоя любимая шутка, я знаю. Она произнесла эти слова с наигранной усталостью – трюк, который она усвоила из фильмов. Только с таким исключительно чувствительным, благоразумным человеком мог я обмануть свою жену. Я не мог даже и мечтать о такой тактичной любовнице.

С. 108:

«"Look at that!" (p.60)...» – «Только посмотрите на это!» (с. 60) И это пахнет! Только пизданутый щенок может испытывать энтузиазм по этому поводу. Исключительно из чувства голода. И это воняет! Вы действительно все думаете, что это красиво? А запах! Отвратительный. Но сейчас он был без носа. Завтра это будет удивительно, но сегодня тебе придётся пострадать. В точности то же самое.

«Now I know, it's better to do something like that...» – Теперь я знаю, лучше сделать что-то подобное. Но я наслаждался каждой минутой. Франция дала мне французский, жена дала мне ад, а машинистка – беду. Какую беду? Слишком много тривиальных слов. Моя личная трагедия, которая не может и не должна, в самом деле, никого волновать, заключается в том, что мне пришлось променять свой образный, безграничный, богатый, крайне податливый русский язык на второсортный английский (Это предложение – цитата из «Лолиты» В.Набокова – ред.). Впервые было интересно читать 16 лет назад.

С. 110:

«In these days no man of genius need starve...» – В наши дни ни одному гению не нужно голодать. Следующая история моего друга Брюса (говорит Дж. Голсуорси в 1923 году) может служить доказательством этому утверждению. Достаточно для начала «Кульминации».

С.111:

«...следы ЛС не ПУ» – ЛС – Лариса Столярова, жена П.Улитина; ПУ – Павел Улитин.

«But the same trouble was at the very beginning». – Но та же беда была в самом начале.

«...now that I turned the key p.450» – теперь, когда я повернул ключ (с. 450)

«"Of course it was easy to find satisfaction" p.441» – «Конечно, легко было найти удовлетворение» с. 441.

«Now I see, it was like the table of contents...» – Теперь я вижу, что это было, как оглавление. Самые важные страницы для чтения вслух из забытых книг. Как раз работа для меня. Всю жизнь одни и те же упражнения. Очень дорогие привычки, и никаких средств на их удовлетворение. «Хороший фаллический нарциссист, как ты, не достаточно делает для меня» (цитата из «Саморекламы» Норманна Мейлера – ред.) «Разве она в самом деле не понимает, что она болтает, а?» Что-то наподобие этого. Одна страница из Найо Марш «Маэстро, вы – убийца!».

С. 112:

«...чем книга Поля де Крюи» – Поль де Крюи (1890–1971), американский микробиолог и писатель, имеется в виду переводившаяся на русский язык его книга «Борьба с безумием» (М., 1960).

«МДП» – маниакально-депрессивный психоз

С. 113:

«На берегу» – роман Нэвилла Шюта (1957).

С. 115:

Сьюзи Уонг – героиня романа Ричарда Мэзона «Мир Сьюзи Вонг» (1957), книга была в библиотеке П. Улитина.

С. 129:

«I suppose it was different somehow...» – Не мог представить себе что-то более утончённое и удобное. Но это была ошибка.

«Just what I tell you...» – Как раз то, что я тебе говорю. Так ты заплачешь, милая, если мне будет плохо? (используется первая строчка из стихотворения Д.Г. Байрона "And wilt thou weep when I am low?.." – "Так ты оплачешь боль мою?.." перевод В. Иванова – Ред.). Разница в 40 лет. Но такие же проблемы с женщинами были и в самом начале. Ты придёшь? Ты меня не обманешь? Я не разочаруюсь на этот раз?

С. 130:

«"Sure", she said...» – «Конечно, – сказала она. – Конечно, я хочу переспать с тобой, милый». Он провёл её рукой у себя между ног по направлению к заветному месту. «У меня для тебя здесь есть что-то особенное, детка». Они все одинаковые. Как будто штука, которая болтается у них между ног, это нечто исключительное. Как будто женщина только и думает о том, как расставить перед ними ноги. Забавные, высокомерные существа эти мужчины, крикливые мужлань, не способные проявить себя в деле по-настоящему. Только на словах они трахают тебя во все возможные места. Но если устроить вот этому экземпляру настоящий экзамен по полной, он, в конце концов, начнёт сматывать удочки, так и не доведя дело до конца, хныкая, как и все остальные. Раз, два и финиш! Вот он растянулся, как бревно, и храпит.

С.132:

«Как мы пишем» – Имеется в виду коллективный сборник статей писателей (Ленинград, 1930).

С. 134:

«Just what I told the boy...» – Как раз то, что я говорил мальчику. То же самое было в самом начале. Я не увидел ничего нового.

«It was like putting a new ribbon in his typewriter to the accompaniment of a ringing telephone, a waiting taxi and a full bladder. (p.145)» I Like It Here – Как будто вы вставляете новую ленту в свою пишущую машинку под аккомпанемент звонящего телефона, ожидающего такси и переполненного мочевого пузыря (с. 145) (цитата из Кингсли Эмиса – ред.). Мне здесь нравится.

С.138:

«Для Вадика разговор в автобусе, когда его СЫН обиделся, что его приняли за девочку. Дмитрий он и родился он на другой день после смерти Юло Соостера» – имеются в виду В.З.Паперный и его сын Д.В.Паперный, родившийся 27 октября 1970 г. Юло Соостер умер 25 октября 1970.

С.140:

«Infinite patience is required...» – Требуется бесконечное терпение. Жалкая замена естественной способности. Я процитирую тебя, если ты процитируешь меня. Почеши мне спинку, а я почешу тебе.

С. 141:

«Just what I told you 125 times, but you forget...» – Как раз то, что я тебе говорил 125 раз, но ты забываешь. Тебе лучше знать... Достаточно для Старой Шутки. Моя машинка порой мудрее, чем я.

Сергей БОРОВИКОВ

В НОВОМ ЖАНРЕ

Евгений Попов. Арбайт. Широкое полотно: интернет-роман. – М.: Астрель, 2012. – 568 с.

Что такое «Арбайт» я, правда, толком и не знаю. Ну, компания что ли компьютерная... Авторский же прикол в том, что путем эпиграфа сопрягается это чудо XXI века с чудовищем XX века.

«Металлическая табличка с надписью „Arbeit macht frei“ („Труд делает свободным“) была украдена с главных ворот музея „Аушвиц-Биркенау“ в Освенциме неизвестными злоумышленниками. Надпись находилась над главными воротами при входе в концлагерь, в котором нацисты умертвили до полутора миллионов человек».

Другой эпиграф из Кафки: «Из этой местности нет пути к жизни, хотя от жизни сюда должен бы быть путь. Вот как мы заблудились».

Построение интернет-романа просто и доходчиво, как школьный учебник.

«ОТ АВТОРА: Предлагаемый Вашему вниманию интернет-роман состоит из сорока четырех глав. Начиная с 1 января 2010 года каждую из этих глав автор примерно раз в неделю выставлял в своем Живом Журнале, сопровождая виртуальную публикацию вопросами к читателям и получая в ответ изрядное количество комментариев».

Вот почему книга делится на две части.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ. АРБАЙТ – собственно текст.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ. ШИРОКОЕ ПОЛОТНО – неторопливый российский разговор обо всем на свете.

Замечу без ложной скромности, что ноу-хау этой моей затеи заключается в том, что автор и те его первые читатели, которых в интернет-пространстве именуют юзерами, впервые в истории литературы получают возможность вести диалог непосредственно на страницах текста, создаваемого ЗДЕСЬ,

СЕЙЧАС И СЕГОДНЯ.

На вопрос «О ЧЕМ ЭТА КНИГА», который никто из юзеров пока что не задал, ответ тоже имеется. Эта книга о том, что жизнь, как солнце, на наших глазах уходит вечером за горизонт, но каждое утро, вопреки логике человеческого бытия, возвращается обратно».

Здесь, собственно, продолжение всегдашнего тезиса писателя Попова о «Прекрасности жизни». Так называлась его книга, изданная в 1990 году, но написанная много раньше. Обращаясь к читателям того «романа с газетой», Евгений Анатольевич писал: «Основной пафос предлагаемого читателям сочинения заключается в том, что жизнь прекрасна, потому что она есть, а вот если ее уже нет, то она уже не прекрасна».

«Прекрасность жизни» устроена следующим образом: каждая глава включает в себя: 1. Текст, ориентировочная дата написания которого совпадает с нумерацией главы. 2. Газетную цитацию за этот год. 3. Текст, условно датируемый первой половиной 80-х годов XX века».

Как видим, преемственность жанров налицо.

Роль цитат из советской прессы в романе с газетой в интернет-романе играют отклики юзеров ЖЖ. Там было «Сочинение для индивидуального голоса и симфонического оркестра СССР» – цитирую дарственную надпись на «Прекрасности жизни». Здесь же – индивидуальный голос автора и индивидуальные голоса граждан новой страны. Перелистывая пожелтевшие страницы бедно изданного «Московским рабочим» романа с газетой, я непроизвольно вздохнул: как давно написана моим другом та книга, с черно-белой обложки которой молодой человек в окладистой бороде и широкополой шляпе иронически глядит в брехливые страницы газеты «Правда»... а с роскошной обложки интернет-романа глядит на читателя утомленный мудрец в седой бороде и в модных круглых очках, на стеклах которых расположились две «собаки» – @.

Но грустить все же надо в меру. Хотя бы потому, что на смену слаженному симфони-

ческому оркестру СССР пришли голоса свободных людей.

Они не звучат в унисон, хотя по преимуществу солидарны с автором. Вот как это выглядит на деле.

Во всех главах 1-й части главным действующим лицом является уже знакомый читателям Евг. Попова писатель Гдов, в котором, по словам Василия Аксёнова, «проницательный читатель может распознать своего рода alter ego автора с его самоироническим прищуром» (предисловие к книге Евгения Попова «Опера нищих», Москва, 2006).

Вот, скажем, в главе XIV писатель Гдов вспомнил о «Всесоюзном совещании молодых советских писателей еще аж в 1974, что ли, году!». Я тоже участвовал в том совещании, когда мы весело жили в комсомольской гостинице «Юность», много говорили, а еще больше выпивали под круглосуточным приглядом четких ребят с комсомольскими значками и определенными полномочиями. И тоже слушал «учёного лектора, “товарища из ЦК”, который уверял молодых людей, что им доверено красное знамя отцов. Дескать, под этим знаменем отцы выиграли все революции, войны, а теперь настала очередь детей. Потому что враг не дремлет и западные заправилы опять бряцают оружием, как Гитлер. А также заполняют эфир пропагандистским ядом радиостанций “Свобода”, “Голос Америки”, “Би-би-си”, “Немецкая волна” и других, которые помельче, вроде клеветнического радио Албании. Отчего советская власть просто *вынуждена* ставить по всей стране так называемые глушилки, оберегая души своих подданных от идеологического насилия и прямого вранья таких мерзавцев, как печально знаменитые Солженицын с Сахаровым.

– А известно ли вам, ребята, что для глушения радиосигнала требуется мощность, в три раза превышающая мощность указанных клеветнических радиоволн? – вопрошал лектор. – Но мы *вынуждены идти на эти гигантские расходы*, которые мы *вынуждены* нести как крест, просто *вынуждены* тратить на это огромные суммы, – жаловался он молодежи. – А ведь эти деньги ой-о-ой как пригодились бы нам для дальнейшего повышения благосостояния советских лю-

дей. Ведь не секрет, что многие из нынешних советских людей живут еще очень трудно после последствий Великой Отечественной войны. Что ж, не стану скрывать от вас, молодых бойцов идеологического фронта, – этим тоже вовсю пользуются наши враги.

И он отер пот с усталого лба. А Гдову, как и тогда, когда он слушал всю эту муйню, снова стало стыдно и противно, как тогда, когда он слушал и молчал вместе со всеми, даже не косясь по сторонам, потому что боялся встретиться взглядом с кем-либо из тех, с кем был вместе.

– Ё...т...м... – громко сказал Гдов, который так разволновался, что больше работать и в этот день не мог уже». (Последней фразой завершаются все главы из жизни писателя Гдова.)

Далее следуют «Вопросы к главе XIV:

1. Должны ли нынешние начальники страны учиться у прежних? Способные ли они ученики?

2. Всегда ли наша необъятная родина СССР состояла из пятнадцати республик? Правоммерно ли именовать их “дружными”, а страны нынешнего ближнего зарубежья “гордыми и независимыми”? Действительно ли делами там раньше заправляли исключительно коммунисты и гэбэшники?

3. Нашел ли себя в нашей новой жизни ученый лектор “товарищ из ЦК”, который так хорошо разбирался в глушилках? Что бы он сейчас ответил, если его спросить: “Был ли хоть какой мало-мальский эффект от глушения западных радиопередач?”

4. Помнит ли кто-нибудь плакатное советское художественное изделие под названием «Вместе со всеми», на котором изможденный мальчуган, сын рабочего, тайком от бегущего к нему полицейского пишет на серой капиталистической стене слово из трёх букв? Какое это слово?

5. Возможна ли окончательная победа Зла над Добром или жизнь это “качели – вверх, качели – вниз”, как писал в одном из своих ранних, латентно эротических стихотворений красноярский поэт Н. Ерёмин? Возможно ли глушить Интернет, как радиоголоса? В частности, может ли неведомая сила извне безвозвратно уничтожить текст, который вы сейчас читаете?»

А в соответствующей главе второй части

разворачивается вольное обсуждение поставленных вопросов – от первого ответа «Нынешние начальники страны учатся – а ж свист стоит. Главное открытие, сделанное ими, – что работягу можно ставить раком не только под портретом Ленина, а даже вовсе без такого портрета», через старый анекдот о недолго существовавшей 16-й Карело-Финской ССР, где комиссия ЦК обнаружила лишь двух финнов – фининспектора и Финкельштейна, причём при перепроверке выяснилось, что финн в республике только один, так как Финкельштейн и работал фининспектором, и далее ко многим живым – на то и журнал! – ответам, спорам, и воспоминаниям. Было и мне чего рассказать, когда один юзер вспомнил об «умельцах», которые дополняли советские радиоприемники, где короткие волны начинались с недоступных для вражьих голосов 25 метров, запретными 13, 16 и 19 метрами. Дело в том, что в Саратове таким умельцем был мой старший брат Стасик, и у нас на кухне его верстак был завален «спидолами» (справка для молодых: так назывался главный транзисторный советский приемник рижского производства).

.....
С почином Вас, Евгений Анатольевич, с новым жанром!

Андрей ПЕРМЯКОВ

ШАГ НА ДОЛГОМ ПУТИ

Ганна Шевченко. Домохозяйкин блюз. – М.: Издательство Р. Элинина, 2012. – 79 с. – Поэтическая серия клуба «Классики XXI века».

Стихи Ганны Шевченко появились в литературных журналах несколько лет назад – почти одновременно с ее же короткой прозой. И, надо сказать, на первых порах лаконичные, умные рассказы, по дыханию и ритму близкие к поэзии, показались значительно более интересными. Нет, стихи совсем не были слабыми или тем более графоманскими: в них присутствовали и ясность высказывания, и весьма необычный ракурс,

однако обязательность их вызывала сомнения. Впечатление было примерно таким: да, автор наделен талантом, знает цену поэтическому слову, однако посыл его не слишком ясен. В общем, первые из стихотворных опытов Ганны Шевченко, представленных на читательский суд, вызвали разве что любопытство и надежду.

А потом, кажется, и чуда особого не случилось, но с каждым выступлением на московских и региональных площадках, с каждой журнальной публикацией и даже почти с каждым появлением текстов автора в ее интернет-блоге стихи становились всё интереснее. Поэтому издание книги стало действием ожидаемым и вполне логичным: некоторый путь пройден, надо бы на него посмотреть и определить возможности последующего движения. Отмечу сразу: книга состоялась. Впрочем, прежде чем говорить о вещах действительно существенных, придется отметить два относительно серьезных недостатка.

Во-первых, на мой взгляд, неудачно выбран заголовок. «Домохозяйкин блюз» – название не самого показательного стихотворения.

Во-вторых, расстраивает отсутствие структуры. Все-таки почти 80 стихотворений без подразделения на главы – это многовато. Нет, упорядочивание текстов – не в меньшей степени авторская прерогатива, нежели собственно их написание и отбор к публикации, но некоторые силовые линии, помогающие оказаться в мире поэта, вполне очевидны. Например, в один блок с «бытовыми» текстами могли бы войти стихи о детстве:

*Мне в детстве было многое дано:
тетрадь, фломастер, твердая подушка,
большая спальня, низкое окно,
донецкий воздух, угольная стружка.*

*Когда на подоконнике сидишь,
то терриконы сказочней и ближе.
Мне нравилась базальтовая тишь
и мертвый флюгер на соседней крыше.*

*А за полночь, сквозь шорох ковыля,
сквозь марево компрессорного воя,
подслушивать, как вертится Земля,
вращая шестеренками забоя.*

Первая строка, настраивающая, вроде бы, на метафизический лад, замечательно обманывает читателя, стихотворение переходит в описательную плоскость, а финал возвращает изначальную тональность, но не в виде банальной закольцовки, а гораздо более интересным и сложным методом.

Отдельной главой могла бы стать городская лирика – возможно, вместе со стихами «о чудиках» и людях, не очень вписавшихся в жизнь:

*У Филипповны сумка с дырой,
прохудившийся шарф и калоши,
кардигана немодный покрой,
аметиисты на старенькой броши.*

<...>

*Потому что пришли холода,
одиночество, осень, простуда,
потому что уже никогда,
никого, ничего, ниоткуда.*

Мог бы, к примеру, получиться интересный раздел стихов о литературе и текстах, скажем так, философских. Хотя тут есть очень важная тонкость. Уже из приведённых выше цитат очевидно постоянное обращение автора к темам, пограничным по отношению к миру, воспринимаемому нами чувственно, и миру другому. Собственно, эту грань и интереснее всего разглядывать, говоря о стихах, представленных в книге «Домохозяйкин блюз».

Есть такое общее место, во многом спасительное для рецензентов: «автор обладает собственным взглядом». Это вполне естественно, без этого нет поэта, но в чём состоит особость взгляда, иногда сформулировать бывает весьма непросто. А вот в случае Ганны Шевченко эта особость легко определима.

Когда-то мифология, а вслед за ней и поэзия, начались с одушевления человеком окружающего мира. Живым было всё – облака, вода, камни, умершие друзья. Такой способ принятия весьма распространен, и конкретные примеры будут излишними – в силу их изобилия. Несколько реже встречается иной взгляд: очевидно живые объекты в стихах предстают в механизированном облике. Например, у Александра Еременко:

*Электрический ветер завязан
пустыми узлами,
и на красной земле, если срезать по
верхностный слой,
корабельные сосны привинчены
снизу болтами
с покосившейся шляпкой и забившейся
глиной резьбой.*

В случае Ганны Шевченко живое и неживое существуют не параллельно, а совместно. Вот холодильник пытается говорить с хозяйкой, причем не иначе, как на равных, ошибаясь совсем по-людски:

*Это невыносимо,
неопытен, годовал,
мой холодильник Дима
Катей меня назвал.*

Или вот огородное чучело защищает свое право быть неживым. Ему так лучше:

*– Глаза мои – два ореха,
руки – сухие ветки,
шапка набита сеном,
рот обтекаем, как камень под водопадом.
Я пугало, пугало огородное.
Стою себе посреди огорода, ни с кем не
знаюсь.*

*И на детишек, которые бегают рядом,
плевать мне, и все такое...
И вообще, не мешай мне, иди отсюда,
отойди от меня, не заслоняй мне солнце.*

Зато природа за окном кажется пластиковой:

*Холодный день, окраина Подольска,
в окне стоит природа, как живая...*

А сама лирическая героиня легко отражается то в мертвой кошке, то в живой пока еще рыбе:

*Я надела блузу чистого льна,
светлые джинсы
и пошла на пруд.
Села на траву,
закинула удочку
и вытащила рыбу.
На ней была блуза чистого льна*

*и светлые джинсы,
испачканные травой.
Она задыхалась.*

*<...>
перетекающая
впитывающая
ускользающая*

Вообще, рыб в стихах «Домохозяйкина блюза» множество. Здесь вполне можно написать об очевидной христианской и иной символике в текстах автора, но этого я делать сознательно не стану: все-таки цель поэзии – поэзия, и в данном случае символы ценны не сами по себе и не как иллюстрации неких идей, но именно в контексте стихов. И в подавляющем большинстве случаев символы у Ганны Шевченко оказываются уместными.

Хотя об одном образе все-таки сказать придется. Слишком он важен и в авторской интерпретации, и в плане включения в культурный контекст. Речь о стихии воды. Традиционно вода соотносится, во-первых, с женской половиной мира, во-вторых, с образом всеединства и, в-третьих, с пластичностью, вечной изменчивостью.

Именно такой предстает она в одном из ключевых стихотворений книги:

В-о-д-а

*переполняющая
сочающаяся
утоляющая
тёплая
мягкая
вытесняющая себя из себя
<...>
фильтрованная
обездвиженная
в прозрачном кувшине
ожидающая чаепития
наполняющая электрический чайник
<...>
растворяющая
в половине стакана
20 капель корвалола
трясущаяся
в ветхой руке старухи
текущая
в горло в желудок
всасывающаяся слабой кровью
сосудами капиллярами носимая
испуганное сердце успокаивающая*

«Только когда вы поймете, что вода выпила меня так же, как я ее, вы поймете дзэн», – говорил один из учителей буддизма для западных масс Д. Судзуки. Нет, в стихах Ганны Шевченко вода совсем иная. Она здесь – чистое содержание. И дар речи получает, лишь будучи облеченной в форму. Образ воды как всеобщей души, конечно, тоже не нов, однако в рецензируемой книге он предстает в довольно необычном аспекте: одновременное единство и вместе с тем – отчетливая граница между лирическим героем и миром. Причем эта граница оказывается даже важнее того, живы ли автор и мир с обыденной точки зрения.

А еще – «темна вода в облаках». В предисловии Мария Галина называет стихи Ганны «тёмными». Темнота тоже образ многозначный, и стихи эти, если и темны, то лишь в том смысле, что пытаются прояснить вещи, о которых ранее никто еще ясно не говорил. Хотя один действительно пугающий образ повторяется неоднократно. Это «сестра» – мертвый и убивающий двойник, лишенный, очевидно, той субстанции, которую символизирует вода, или еще ею не наделенный: «Она брови хмурит, не двигается, глядит на мальки неба». И в другом тексте: «Усмехнулась, перчатки надела, а потом задушила меня».

В остальных случаях тьма – лишь фон. Так на картинах Караваджо из почти абсолютной темноты выступают светлые фигуры, не столько демонстрируя себя, сколько отражая источник света.

А источник этот есть, просто он скрыт за толщею мира, подобно тому, как скрыт пин-код под защитным слоем краски, как скрыт истинный город под личиной города явленного:

*В банке сказали: возьмете монету
сильно не трите, водите легко,
там под полоскою серого цвета
вы обнаружите новый пин-код.
Вышла из банка. На детских качелях
мальчик качался, скрипели болты,
рядом в «Харчевне» чиновники ели,*

*терли салфетками жирные рты.
Птицы летели, собаки бежали,
дворники метлами землю скребли.
Вписаны эти мгновенья в скрижали,
или же в ливневый сток утекли?
Город как город. Сроднился с планетой.
Город-инфекция. Город-налет.
Если стереть его крупной монетой,
взгляду откроется новый пин-код.*

Однако прямое обращение к источнику света оказывается малоудачным. Практически все стихи, где есть попытка поговорить с Богом непосредственно, грешат вкусовыми сбоями. Где-то это излишняя сентиментальность: «беззащитный ребёнок /с потерянными глазами... чем я могу помочь тебе/ что я могу сделать для тебя /Бог»; где-то странноватая фамильярность: «*Мы с тобой похожи Бог – я одна, и ты один*», где-то редкая вообще-то у этого автора вторичность: «*Здравствуй, Бог. Я, похоже, мертва*».

Это ж не нами сказано: «Чем ближе к небу, тем холоднее». А вот способ исследования мира, выбранный поэтом, кажется, вполне продуктивен. Наверное, о таком вот сложном ощущении всеобщего единства при осознании своей личности и необходимости соотношения себя с миром именно ради самопознания писал сто лет назад автор, от Ганны Шевченко крайне далекий во всех отношениях – Райнер Мария Рильке: «Собственную душу следует трактовать, как прежде – внешнее окружение». Тем более, душа ничуть не меньше окружения. И трактовать ее можно бесконечно, в том числе – и через это самое окружение. Впрочем, автор книги «Домохозяинки блюз» вполне, кажется, об этом знает.

Сергей ТРУНЕВ

О ВЕЧНЫХ ВОПРОСАХ ВЕЧНОГО НАРОДА

Стив Левин. С еврейской точки зрения... Избранные статьи и очерки. – Иерусалим: «Филобиблон», 2010. – 484 с.

Книга, изданная в Иерусалиме, имеющая название «С еврейской точки зрения»

и предназначенная для русскоязычного читателя, не может не вызывать определенный интерес. Во избежание возможных провокаций сразу оговорюсь: несмотря на то, что содержание данного издания центрировано на «еврейском вопросе», сам подход Стива Левина к материалу в достаточной мере академичен, чтобы не вызвать ничего, помимо утробной зевоты у представителей радикально настроенных слоев любого из известных мне обществ.

Книга состоит из ряда объединенных общей проблематикой статей, материал которых отчасти пересекается, отчасти представляет собой нечто вполне самостоятельное. Исходя из доминирующей проблематики, статьи (большая часть которых опубликована в разное время и в разных изданиях) сгруппированы в блоки, примерное содержание которых я и постараюсь более или менее отчетливо репрезентировать.

Первый блок статей посвящен феномену И. Бабеля. Не творчеству Бабеля, а именно Бабелю как фигуре, личности, человеку. По существу, Стивом Левином проведена здесь качественная герменевтическая работа, позволяющая при посредстве воспоминаний и художественных текстов оживить фигуру писателя. Привлекает авторитетность использованных источников, неоспоримость фактов, корректность интерпретаций и т.п.

Материал второго блока отражает позиции русских и зарубежных (в лице Гейне) литераторов по отношению к евреям. Если я правильно понял авторскую логику, то основной вопрос заключается даже не в отношении к евреям, но в том: «Как нам, евреям, относиться к таким противоречивым фигурам, как Достоевский, Лесков, Чехов? Отдавать на откуп красно-коричневой, юдофобствующей русской “образованщине” или обывателям, которые произведения высокой литературы не читают, а о Достоевском только и знают из прокламаций со свастикой, что он ненавидел евреев?» (143). Отвечая на этот вопрос, Стив Левин анализирует тексты, исходя из любопытной предпосылки: поскольку гений и антисемитизм несовместимы, отношение литературных гениев к евреям не может быть однозначным. Иногда его рассуждения опираются на другую, более радикальную максиму: «Отношение к евреям

– лакмусовая бумажка настоящей интеллигентности» (333). Честно говоря, когда мне с разных сторон подсовывают часто взаимоисключающие одна другую лакмусовые бумажки, мне менее всего хочется причислить себя к «настоящей» российской интеллигенции.

Однако столетиями издерганные нервы нельзя упрекать в том, что они чересчур чувствительны. И надо отдать должное Стиву Левину, под пристальным взглядом которого антисемитизм Ф. Достоевского перестает быть плоской, банальной и малообразованной ненавистью (каковой на поверку оказывается большинство социально-политических фобий), он обретает черты вполне осмысленной, даже в чем-то возвышенной позиции. То же с Н. Лесковым, воззрения которого также оказываются двойственными: «С одной стороны, он выставляет на “суд” “жидовскую неправду”, с другой – стремится уяснить особенности еврейского национального характера и исторического бытования евреев в России для того, чтобы найти пути решения еврейского вопроса» (184). То же

с А.Чеховым. В конечном итоге: «Писатель отнюдь не стал “присяжным юдофилом”, но его суждения о евреях и еврейском вопросе приобрели нравственную определенность и художественную полноту» (242). Не буду перечислять всех авторов, мыслительная деятельность (по-другому не скажешь, поскольку в рассматриваемой теме слово практически равняется делу) которых подверглась анализу и оценке.

Третий блок более широк тематически и включает в себя серию статей, посвященных жизни евреев в Саратове. Открывает блок дело об убийстве двух мальчиков, в котором евреи оказываются основными фигурантами; далее следует несколько статей, сквозной темой которых является жизнь саратовской еврейской общины, поданная через призму биографий ее наиболее ярких и активных личностей. И везде, почти что в каждом фрагменте этой местечковой истории – смерть, несправедливость, гонения, искореженные бесконечными испытаниями на прочность судьбы. И вечные вопросы: за что? почему? когда же, наконец, все это закончится?

Иван КОЗЛОВ

ВЛАСТЬ, КИНО И ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ

«Борис Годунов»

Владимир Мирзоев экранизировал «Бориса Годунова» очень вовремя. Вопрос о легитимности власти и ответственности правителя перед народом снова становится актуальным, и фильм смотрится очень современно. Сохранив пушкинский текст почти целиком, режиссер перевел время действия в наши дни – бояре ходят в костюмах от Бриони, а Годунов пьет виски. Дьяк вещает с экрана телевизора, донося до населения последние новости о перестановках во властных структурах. Играет его Леонид Парфенов, и благодаря этому зрелище становится особенно правдивым.

Впрочем, в фильме есть не только современный антураж. Фильм начинается с убийства царевича, и визуальный ряд этого фрагмента решен в стиле начала XX века: книга стихов Гиппиус, гимназисты, дворники, сюртуки и кринолины. Приход к власти Годунова – уже совсем другая эпоха, хай-тек и власть СМИ. Режиссер как бы уравнивает «Россию, которую мы потеряли» и догодуновскую эпоху как время относительного покоя и стабильности – по сравнению, конечно, со Смутным временем.

Очень удачно работает Мирзоев с монологами. Тирада про шапку Мономаха произносится Годуновым, когда он в подпитии обращается к призрак царевича. А народ в начале и в конце фильма заменен на телезрителей, которые смотрят по ящику новостные передачи. Телевизор давно уже стал главным посредником при общении власти с народом, так что знаменитая ремарка «Народ безмолвствует» органично заменяется в фильме нажатием кнопки «выкл.» на пульте дистанционного управления.

«Артист»

Мишель Хазанавичус решил провести эксперимент и снять немой фильм. В некоторых артхаусных картинах речь бывает сведена к минимуму, у Гая Мэджина, например, большая часть фильма может быть снята в «немом» формате. Но полнометражный немой фильм – это серьезная заявка, особенно в эру 3D технологий.

История успешного голливудского актера, который перестал быть востребованным, когда появилось звуковое кино, новизной, мягко говоря, не блещет. Сюжетные ходы вполне предсказуемы, мелодрама чередуется с комедией. Фильм легкий, как птичий пух, и без особых претензий. Любопытно, что режиссер выбирает для своих экзерсисов метауровень (кино про кино), стихия игры становится главной в фильме. От нас не требуется ни сочувствия, ни веры в то, что происходит на экране. И мы благодарны за это – нас честно развлекают.

Действительно, снять серьезное немое кино уже почти невозможно. Пусть архаика завораживает, пусть старые фильмы кажутся шедеврами, но второй раз в ту же реку войти уже не получится. Только если «понарошку».

«Мальчик с велосипедом»

Фильм братьев Дарденн – новая вариация на главную тему этих бельгийских кинематографистов: нравственный выбор в непростой жизненной ситуации. Трудный подросток, от которого, фактически, отказывается отец, с трудом находит общий язык с женщиной, которая решает его усыновить. Ей придется расстаться с любимым человеком и ежечасно испытывать на крепость свои нервы. Подросток не верит, что он не нужен отцу, и всеми правдами и неправдами стремится увидеться с ним и заслужить его внимание. Он даже влипнет в криминальную историю, чтобы хоть чем-то быть полезным отцу. Всё закончится хорошо, с неизбежным и мощным катарсисом, фирменным приемом Дарденнов.

Банальный, в общем-то, сюжет, но фильм смотрится безотрывно не только благодаря актерской игре. На протяжении всей ленты между собой сражаются два цвета – синий и красный. Синий – знак несвободы, принуждения, регламента (стены в интернате, дверь медицинского центра, куртка похитителя велосипеда и многое, многое другое). Даже объявление о продаже велосипеда написано синим. Красный – цвет надежды, прорыва. Эти цвета могут присутствовать в кадре одновременно, иногда даже в одежде одного человека, таким образом его характеризую. Этот цветовой дуэт действует на зрителя неявно, но очень мощно, причем в первые минуты ты даже не понимаешь, чем ты загипнотизирован.

Редколлегия журнала:

Анна Сафронова
Алексей Александров
Алексей Голицын
Алексей Слаповский
Олег Рогов

Подписано в печать 20 июня 2012 г.
Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

Цена свободная

Рукописи принимаются по адресу:
E-mail: safronova-volga21@yandex.ru

Электронная версия журнала:
<http://magazines.russ.ru/volga/>

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.